

АГНЕТ КАМАНОВ

ТРОКУ И УРАХЦЫ
В ТАИНСКОЙ ЦИРКЛИ

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ
КАЗАХСТАН

Университет «Туран»

А.К. КАМАЛОВ

ТЮРКИ И ИРАНЦЫ в Танской империи

Алматы, 2017

УДК 94 (5)
ББК 63.3 (0) 4
К 18

Ответственный редактор:
академик НАН РК, д.и.н., профессор Б.Е. Кумеков

Рецензенты:
д.и.н., профессор К.Ш. Хафизова
д.и.н., профессор А.Ш. Кадырбаев
д.и.н., профессор Р.У. Каримова

Монография рекомендована к печати Ученым Советом Университета
«Туран» протокол №2 от 26.10.2017

К 18 Камалов А.К. Тюрки и иранцы в Танской империи /Алматы:
ИД «МИР», 2017. – 384 с.

ISBN 978-601-80714-8-5

Монография раскрывает роль и место тюркоязычных и ираноязычных народов в истории Танской империи (618-907 гг.) на основе анализа письменных, преимущественно китайских, источников. История Танской империи рассматривается автором как история не только ханьцев, но и всех этнических групп, живших в Срединном государстве и внесших вклад в его военно-политическое могущество и культурное развитие. При этом объектом исследования являются только тюрки и ираноязычные народы, населявшие территорию метрополии, то есть собственно Китая, но не западной периферии Танской империи (Сиюй), где ее власть носила номинальный и кратковременный характер. Роль тюрков и ираноязычных народов в военной, политической, экономической и культурной жизни Танской империи прослеживается на всех этапах ее трехсотлетней истории.

Книга рассчитана на историков, востоковедов, культурологов и всех, кто интересуется историей древних тюрков, иранцев и Китая.

УДК 94 (5)
ББК 63.3 (0) 4

ISBN 978-601-80714-8-5

© Камалов А.К., 2017
© Издательский дом «МИР», 2017

*Посвящается светлой памяти моих родителей
Каюма Камалова и Рабиям Абитовой*

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 1980-е годы, изучая танские источники по истории Уйгурского каганата, я познакомился с большим числом биографий известных деятелей Танской империи, имевших тюркское или иранское происхождение. Тогда я решил, что следующей темой моего исследования будет изучение роли выходцев из Центральной Азии в политической, экономической и культурной жизни танского Китая (618-907 гг.). Мои учителя по тюркологии и китаеведению в Ленинградском отделении Института востоковедения (ЛО ИВ) АН СССР (ныне Институт восточных рукописей РАН, Санкт-Петербург) Сергей Григорьевич Кляшторный, Лев Николаевич Меньшиков и Евгений Иванович Кычанов поддержали эту идею. Образцом для будущего исследования виделась книга казахстанского историка А.Ш. Кадырбаева о тюрках и иранцах в Китае и Центральной Азии в XIII–XIV вв. [Кадырбаев 1990]. С того времени я стал заниматься поиском, переводом и анализом жизнеописаний и биографических сведений о тюрках и представителях ираноязычных народов, служивших танским императорам и оставивших след в китайских исторических сочинениях. Эта работа спустя много лет вылилась в докторскую диссертацию, которая и легла в основу предлагаемой читателям книги.

Впервые отдельные сведения танских источников о тюрках и ираноязычных народах в Китае были переведены мною под руководством профессора Льва Николаевича Меньшикова во время обучения в аспирантуре ЛО ИВ АН СССР. Занятия по древнекитайскому языку у Льва Николаевича Меньшикова и Сергея Евгеньевича Яхонтова давали не только знание китайского языка танской эпохи, но и знакомили с особенностями социальной и культурной жизни Поднебесной империи, а также погружали в сложные перипетии дворцовых интриг императорского двора.

Вернувшись из Ленинграда в Алма-Ату, я продолжил свои исследования по танской истории. Вопросы, связанные с историей тюрков и согдийцев в танском Китае, я неоднократно обсуждал с Сергеем Григорьевичем Кляшторным во время его приездов в Алматы. Много полезной информации для своей работы я почерпнул из трудов российского специалиста по танской истории И.Ф. Поповой, директора Института восточных рукописей РАН. Тепло вспоминаю, как Ирина Федоровна выступала научным оппонентом на защите моей кандидатской диссертации в ЛО ИВ АН СССР. Хочу выразить признательность за поддержку и советы всем моим учителям и коллегам из Санкт-Петербурга, ныне здравствующим и уже ушедшим в мир иной.

В 1998 г. в Ванкувере мне удалось встретиться и беседовать с известным канадским китаеведом Эдвином Пуллиблэнком, чья монография о восстании Ань Лушаня в течение многих лет была для меня настольной книгой. В 2000-е годы мне посчастливилось познакомиться с другим ученым, чьи труды повлияли на мои научные интересы – австралийским китаеведом Колином Макеррасом. С ним мы встречались в Будапеште и Брисбэне на научных конференциях и семинарах и до сих пор поддерживаем отношения. В период моей научной стажировки в *Доме наук о человеке* в Париже большую помощь мне оказал французский специалист по истории согдийцев Этьен де ла Вессьер. Во время других зарубежных поездок в сборе научной информации мне оказывали содействие Ильза Сиртаутас, Гарднер Бовингтон, Гульниса Назарова, Джеймс Милворд, Бирталан Агнеш, Джошуа Фриман, Набиджан Турсун, Михай Добрович, Майкл Броузи, Марианна Кэмп, Лора Ньюби, Тураж Атабаки, Сергей Нарылков, Мехмед Олмез и Дрю Глэдни. Всем им хочу выразить свою искреннюю признательность.

Данное исследование было выполнено в Институте востоковедения им. Р.Б. Сулейменова Министерства образования и науки Республики Казахстан. Хочу поблагодарить за неизменную поддержку всех сотрудников Института во главе с его прежним директором М.К. Абусейтовой и нынешним руководителем А.Б. Дербисали. Моя особая благодарность адресована сотрудникам Центра уйгуроведения, которым руководил К.Т. Талипов и который с 2007 г. возглавляет Р.У. Каримова. Считаю своим приятным долгом выразить слова благодар-

ности моему коллеге иранисту Сафару Абдулло, который опубликовал в журнале «Иран-наме» многие исторические сюжеты, вошедшие в данную монографию.

Подготовка исследования к изданию осуществлялась в стенах Университета «Туран». Выражаю признательность за поддержку и создание условий для моей работы ректору университета Р.А. Алшанову, проректорам К.А. Тазабекову, С.К. Исламгуловой, а также всему коллективу кафедры «Регионоведение и международные отношения» во главе с ее заведующей С.К. Калпетходжаевой.

Особую благодарность хочу выразить ответственному редактору книги академику НАН РК Б.Е. Кумекову и моим рецензентам – востоковедам К.Ш. Хафизовой, Р.У. Каримовой и А.Ш. Кадырбаеву.

И, наконец, исследование было бы невозможно провести без поддержки со стороны моей семьи: моей покойной матери Рабиям Абитовой (1927-2007 гг.), моей супруги Асии, дочери Азизы и сына Алмаса.

ВВЕДЕНИЕ

Танская империя (618-907 гг.) занимает особое место в истории Китая как период военно-политического могущества и расцвета китайской культуры. Вместе с тем время существования Танской империи оказалось знаменательным и для тюрков: оно совпало с древнетюркской эпохой в Центральной Азии, начавшейся с создания Тюркского каганата в 552 г. и установления его господства на обширных просторах Евразии – от Маньчжурии на востоке до Волги на западе, от Забайкалья на севере до Мавараннахра на юге. Эпоха тюркских каганатов была апогеем военно-политического могущества тюрков и ознаменовала собой начало их письменной культуры. Она также стала важнейшим этапом в длительном процессе формирования современных тюркских этносов.

Завоевательные походы и расширение подвластных тюркским каганатам территорий способствовали усилению контактов древних тюрков с соседними народами. Тюркские племена проникали на Кавказ, в Иран, Малую Азию и Европу, вступая во взаимодействие с иранской, греческой, славянской и другими культурами. На востоке они были вовлечены в орбиту китайских государств, взаимоотношения с которыми играли зачастую решающую роль в их исторических судьбах. Одним из таких государств, с которым тюрки находились в тесных политических и экономических отношениях, и была Танская империя.

Успехи танского государства и блестящие достижения танской культуры были бы невозможны без взаимодействия ханьцев с другими народами, представителями иных культур и цивилизаций, в том числе тюрков. Значение тюрков для истории танского Китая определяется не только их соседством со Средним государством, но и той ролью, которую тюрки сыграли во внутренней жизни Китая. Говоря о танско-тюркских взаимоотношениях, исследователи вспоминают о наличии генеалогических связей с тюрками правящего клана Ли, который принял династийное имя «Тан». Один из отдаленных предков основателя танской династии имел тюркское происхождение. Однако наличие тюркской крови в генеалогии танского клана ни коим обра-

зом не влияло ни на танскую политику в отношении тюрков, ни на их положение в империи.

Тюркское доминирование в Евразии способствовало проникновению в Китай других народов Центральной Азии, в том числе ираноязычных согдийцев. Согдийские колонии появились сначала в степной зоне Внутренней Азии, откуда согдийцы переселялись в западные и северные приграничные области Танской империи. Конечно, в Китае селились представители разных ираноязычных народов, например, хотанцы из Восточного Туркестана, но согдийцы были самой многочисленной группой, место и роль которых во внутренней жизни Поднебесной империи едва ли сопоставимы с таковыми других родственных им групп. В нашем исследовании термин «иранцы» употреблен в значении «ираноязычные народы»: выходцев же из самого Ирана в Китае было очень мало, и их следы обнаруживаются в более позднюю, сунскую эпоху, в основном в южных портовых городах страны, куда персы вместе с арабами попадали морскими путями.

Данное исследование посвящено изучению роли и места тюрков и ираноязычных народов в танском Китае. При этом рассматривается история только тех из них, которые жили на территории собственно Китая с центром в междуречье Янцзы и Хуанхэ. Положение тюрков и ираноязычного населения оазисов Восточного Туркестана, именуемого в китайской историографии «Западным краем» (кит. *Сиюй*), не затрагивается в исследовании, поскольку они жили на своих землях, на которые танская власть лишь номинально распространялась в течение немногим более ста лет (640-755 гг.).

Тюрки и ираноязычные народы относились в Китае к категории *иноземцев*, к которым причислялись все жители неханьского происхождения. Большая численность «внутренних» иноземцев делала Танскую империю конгломератом разных этносов, каждый из которых внес свой вклад в могущество и расцвет танского государства и культуры. История Танской империи является, таким образом, историей всех населявших ее территорию этнических групп, среди которых удельный вес тюрков и ираноязычных народов Центральной Азии был весьма значительным.

Основные этапы формирования тюркских и согдийских общин в Китае были связаны с политическими коллизиями в степи, которые

приводили к миграциям в Среднее государство тюркских племен и живших среди них согдийцев.

Положение тюрков и согдийцев в Танской империи было различным на разных этапах ее истории. В период правления первых трех императоров – Гао-цзу (618-626 гг.), Тай-цзуна (627-649 гг.) и Гао-цзуна (650-683 гг.), когда танская власть осуществляла экспансию, расширяя границы империи, тюркские конницы привлекались к военным походам танской армии на западе, севере и северо-востоке страны. Трудно представить успехи танской армии без участия тюркских воинов, обладавших отличными боевыми качествами. Подчинившиеся Китаю тюркские племена использовались для защиты приграничных областей от нападения внешних врагов. Именно в это время вожди иноземцев стали активно привлекаться на военную и административную службу и назначаться на высокие должности, в результате чего они стали занимать ключевые позиции в приграничных областях страны. Последнее постепенно привело к конфликту между центральной властью и инородческой периферией и в конечном счете к внутренним войнам в Китае в середине VIII века. В 755 г. один из танских военных губернаторов приграничной области Ань Лушань, имевший смешанное согдийско-тюркское происхождение, поднял восстание против танской власти. Танская династия смогла подавить его только благодаря военной помощи Уйгурского каганата (744-840 гг.). Восстание, которое подняли «четыре согдийца», как были названы учеными Ань Лушань и его преемники, стало крупнейшим событием, вызванным танской политикой в отношении «внутренних» иноземцев. Оно поставило правящую династию на грань гибели, став «началом конца» (выражение де Ротура) Танской империи, и имело серьезные последствия для положения иноземцев в Китае.

После подавления восстания Ань Лушаня танский двор перестал допускать иноземцев к высоким военным и административным должностям. Тем не менее в позднетанский период, несмотря на царившую в Китае ксенофобию в отношении иноземцев, тюрки продолжали активно участвовать в военной и политической жизни северо-восточных приграничных областей. Большую роль в это время стали играть тюрки-шато и уйгуры. Численность последних увеличилась после миграции в Северный Китай большого числа уйгурских племен в ре-

зультате падения Уйгурского каганата (840 г.). Тюрки-шато и уйгуры сумели создать свои династии в северо-восточных губернаторствах. *Шато* были активно вовлечены в междоусобные войны в последние десятилетия существования Танской империи: они оказали содействие танскому двору в подавлении восстания Хуан Чао (873-884 гг.), а после крушения Танской империи создали свои династии, правившие в эпоху «Пяти династий и десяти царств» (907-960 гг.). Что касается согдийцев, в позднетанский период они были полностью инкорпорированы в состав тюрков-шато и уйгуров и перестали появляться на страницах китайских хроник как самостоятельная этническая группа.

ГЛАВА I

ТЮРКИ И ИРАНЦЫ В ТАНСКОЙ ИМПЕРИИ: ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ, ИСТОЧНИКИ И КОНЦЕПЦИИ

Тюрки и иранцы в Танской империи: историография вопроса

При изучении истории Центральной Азии едва ли можно переоценить значение китайских сведений, появление которых было обусловлено соседством народов и государств региона с Китаем. Китайские государства с древних времен устремляли свои взоры на Центральную Азию, пытаясь подчинить обитавшие в этом регионе племена и народы. Активная внешняя политика Китая неизбежно вовлекала их в сферу политических и экономических интересов Срединного государства, а также приводила к миграциям иноземцев на его территорию.

Взаимосвязь и взаимозависимость народов были составляющими естественного хода исторического развития. Кочевые народы, жившие по соседству с Китаем, были тесно связаны с его оседло-земледельческими областями, обменивая продукты животноводства на таковые земледельческого общества [Barfield 1996, с. 1-5].

Это в полной мере относилось и к древнетюркской эпохе, когда тюрки установили господство на огромной территории Евразии, вступив в противоборство с ведущими державами того времени, в число которых входил и Китай. Эпоха существования первых тюркских империй – каганатов, хронологически относится ко времени правления в Поднебесной империи династии Северная Чжоу (557-581 гг.), империй Суй (581-618 гг.) и Тан (618-907 гг.). История последней из этих империй примечательна не только тем, что она просуществовала почти три столетия, в течение которых Китай вступал в отношения войны и мира с тюрками и другими народами Центральной Азии, но и тем, что ознаменовала собой наивысший этап в развитии китайского государства и культуры.

Именно в танский период Китай не только восстановил границы Ханьской империи (III в. до н.э. – III в. н.э.), но значительно расширил их за счет новых завоеваний [Восточный Туркестан 1988, с. 250-264]. Захватив и подчинив обширные земли, заселенные неханьскими народами, включив их, хотя и номинально, в свою территориально-административную систему, танский Китай превратился в настоящий конгломерат народов во главе с ханьцами. В связи с этим история Танской империи является историей не только ханьцев, но и других этнических групп, которые жили на ее территории и были акторами событий, связанных с ее внутренней и внешней политикой.

Могущество Танской империи, одной из крупнейших держав, влиявших на ход событий на обширной территории Азии, обеспечивалось инкорпорацией в состав китайского государства земель, заселенных неханьским населением, а также использованием инородцев для установления танской власти и осуществления контроля над отдаленными областями империи. Как и любая империя, танский Китай был полиэтничным и поликонфессиональным государством, в котором политическая, социально-экономическая и культурная жизнь определялась тесным взаимодействием ханьского населения с иными этническими группами. Включение в сферу политического господства Китая отдаленных земель, населенных «инородцами», и создание единого пространства, подчиненного танской власти, создавало благоприятные условия для внутренних миграций и усиления роли неханьского этнического компонента в жизни государства. Активная внешняя политика и успешные завоевательные походы неизбежно вовлекали в орбиту влияния Китая соседние народы, населявшие земли к северу и западу от него. Среди народов, с которыми китайцы вступали в контакт, многие были тюрко- и ираноязычными. История этих народов получила отражение в китайских исторических сочинениях. В связи с тем, что именно китайские сочинения являются важным источником наших знаний о соседствовавших с Китаем тюрках и ираноязычных народах, сведения о взаимоотношениях этих народов с Китаем, об их положении в империи и роли во внутренней жизни страны давно стали привлекать внимание исследователей.

Начало изучения проблем взаимоотношения танского Китая с тюркоязычными и ираноязычными народами восходит к самым ран-

ним публикациям переводов китайских текстов о древних народах Центральной и Внутренней Азии. В числе первых переводов текстов о гуннах и тюрках были работы французских синологов Ж. Дегиня [Deguines 1756] и К. де Висделу [Visdelou 1799], обратившихся к этой тематике еще в XVIII веке. Публикации этих и других авторов носили общий характер, и китайские тексты давались зачастую в пересказе, а не переводе. Другой особенностью ранних публикаций была неясность этнической принадлежности древних народов. В связи с тем, что последними из кочевников, потрясшими Евразию, были монголы, ранние исследователи идентифицировали с ними все древние народы Центральной Азии – гуннов, тюрков-*туцзюэ*, уйгуров и др. Споры относительно того, были ли они «турецким» народом или монголами длились в европейской науке довольно долго. Достаточно сказать, что известный русский китаевед Н.Я. Бичурин (Иакинф) был сторонником монгольского происхождения гуннов, тюрков и уйгуров. По сравнению с историческими воззрениями Н.Я. Бичурина, более ценным был его вклад в изучение китайских текстов о народах, живших по соседству с Китаем в древности и средневековье. Крупным событием для своего времени стал выход в свет его книги «Собрание сведений о народах, обитавших в древности в Средней Азии» (1851 г.) [Бичурин 1950-1953]. Впервые в этой книге китайские известия об иноземцах предстали не в виде пересказа, а в переводе, в чем уже заключалась большая заслуга китаеведа. Н.Я. Бичурин поместил в своей книге переводы китайских сведений о древних народах, извлеченных из раздела «жизнеописания» сочинения Сыма Цяня «Ши цзи» (Исторические записки) и династийных историй, в том числе соответствующие разделы танских сочинений о кочевых и оседлых народах и странах Центральной Азии. По словам А.Н. Бернштама, непреходящая ценность труда Бичурина состояла «в том, что он дал исследователям тексты во всей полноте и многообразии» [Бернштам 1950, с. XXVI].

Переводы Н.Я. Бичурина сыграли большую роль в изучении истории Центральной Азии. На них опирались в своих изысканиях известные русские и советские востоковеды. Они и сейчас продолжают служить источником информации для многих ученых [Думан 1977, с. 13-14]. В связи с этим необходимо обратить внимание на то, что эти переводы имеют не только достоинства, но и недостатки, которые

были обусловлены уровнем развития исторической науки во времена Н.Я. Бичурина. Некоторые из них отмечались еще современниками ученого, указывавшими, например, на излишне доверительное отношение автора к сведениям китайских историографов.

Кроме Н.Я. Бичурина в середине и во второй половине XIX в. публикацией китайских текстов о древних народах Центральной Азии занимались французский синолог С. Жюльен и врач российского посольства в Пекине Э.В. Бретшнейдер. С. Жюльен опубликовал ряд текстов по истории тюрков [Julien 1864] и уйгуров [Julien 1847]. Основу исследований Э.В. Бретшнейдера составили источники юаньской эпохи, повествование о которой автор предварил кратким изложением истории уйгуров танской эпохи [Bretschneider 1876, с. 115-119; Bretschneider 1920, с. 236-263].

Самостоятельную историю имеет изучение сведений танских источников о кочевых уйгурах в силу достаточно большого объема материала о них. Сведения основных танских повествований об уйгурах были включены во все вышеназванные сочинения французских и русских сиологов. Накопленный к концу XIX в. материал об уйгурах эпохи Тан был обобщен и систематизирован в трудах русских ученых В.В. Радлова [Радлов 1893] и Д. Позднеева [Позднеев 1899]. В переводах Д. Позднеева были многочисленные ошибки, связанные с использованием известий китайской энциклопедии позднего происхождения. Многие из этих ошибок в последующем перекочевали в труды других ученых, занимавшихся уйгурской тематикой [Грум-Гржимайло 1926; Тихонов 1966; Худяков 1987].

Китайские тексты о тюркских племенах неоднократно пересматривались учеными и издавались в более точных и надежных переводах. Из них большой интерес представляют публикации Э. Шаванна танских текстов о западных тюрках и племенах теле [16, с. 87-99], Лю Маоцяо о восточных тюрках [Liu Mau-tsai 1958]. В 1961 г. Н.В. Кюнер опубликовал дополнения к переводам Н.Я. Бичурина [Кюнер 1961]. К настоящему времени многие китайские материалы заново переведены В.С. Таскиным [Таскин 1968; Материалы 1984], А.Г. Малявкиным [Малявкин 1974], К. Макеррасом [Mackerras 1969], М. Дромппом [Drompp 2005] и др.

Открытие в конце XIX в. ключа к древнетюркской рунической

письменности дало исследователям новый круг источников по истории древних тюрков. После публикации текстов основных тюркских камнеписных памятников В. Томсеном и В.В. Радловым, многие западные и российские тюркологи внесли свой вклад в уточнение их чтения и интерпретации. Среди них были П.М. Мелиоранский [Мелиоранский 1899], В.В. Бартольд [Бартольд 1963; 1968б], Э. Шаванн [Chavannes 1903; 1904], Ф. Хирт [Hirth 1899], В. Банг, А. фон Габен [Bang-Gabain 1929], Г. Рамстедт [Ramstedt 1930], С.Е. Малов [Малов 1951; 1959], Х. Оркун [Orkun 1986], В.В. Радлов [Радлов 1893], С.Г. Кляшторный [Кляшторный 1964] и др.

Для военно-политической истории тюрков особое значение имеют крупные эпиграфические памятники, относящиеся ко времени Второго Восточно-тюркского (730-е гг.) и Уйгурского (750-760-е гг., 821-821 гг.) каганатов. Информация этих памятников анализировалась и использовалась практически во всех исследованиях по истории тюрков и их взаимоотношений с танским Китаем. В этих работах, так или иначе, затрагивались эпизоды, являющиеся важными для нашей темы. В частности, в надписях Второго Восточно-тюркского каганата получили отражение взаимоотношения тюрков с Китаем накануне краха их государства, подчинение части тюркских племен Китаю и их пребывание в Ордосе в 630-679 гг., роль известного тюркского сановника Тоньюкука в анти-танском восстании 679 г., история согдийцев в каганате, военные действия тюрков против Тан и пр.

В течение XX в. продолжалось открытие новых тюркских надписей, самой важной из которых была единственная надпись Первого Тюркского каганата – согдийский текст из Бугута [Кляшторный-Лившиц 1971а]. Несколько других надписей, открытых в 1970-1980-х гг., являются памятниками уйгурского времени – Терхинская [Кляшторный 1980а], Тэсинская надписи [Кляшторный 1987], Сэврэйская билингва [Кляшторный-Лившиц 1971б], или относятся к уйгурам (Чойрэнская надпись) [Кляшторный 1980б] и др.

Говоря об источниковедческом анализе памятников древнетюркской руники, прежде всего, нужно отметить монографию С.Г. Кляшторного «Древнетюркские памятники как источник по истории Средней Азии», в которой впервые тюркские рунические памятники были в полной мере использованы как исторический источник

[Кляшторный 1964]. В книге на основе сопоставительного анализа источников были пересмотрены многие ключевые вопросы истории тюрков и их взаимоотношений с Китаем и другими соседями, в том числе роль согдийцев в Тюркском каганате и Северном Китае.

Вопрос о согдийцах, живших среди тюрков и переселявшихся в Танскую империю, поднимался еще раньше канадским синологом Э. Пуллиблэнком в статье «Согдийская колония в Монголии» [Pulleblank 1952]. Его анализ, в свою очередь, опирался на аналогичное исследование японского ученого Хидеми Оногава [Оногава 1942]. Если работы о согдийцах Э. Пуллиблэнка и Х. Оногава были в основном основаны на китайских сведениях, то С.Г. Кляшторный сумел извлечь ценную информацию о согдийцах из тюркских рунических текстов. Анализ рунических текстов подтвердил правильность предположения Э. Пуллиблэнка и Х. Оногава о том, что в Южном Ордосе (Северной Шэньси) существовала область, которая была заселена согдийцами в 679-786 гг. и называлась в китайских источниках *лю ху чжоу* (шесть округов ху). Шесть округов ху (согдийцев), учрежденные в 679 г., состояли из Лучжоу, Личжоу, Ханьчжоу, Сайчжоу, Ичжоу и Цичжоу. С.Г. Кляшторный показал, что этому китайскому административному термину в древнетюркских памятниках соответствовало выражение *алты чуб согдақ* (согдийцы шести чжоу) [Кляшторный 1964, с. 78-94]. Именно согдийцы этой области упоминаются в памятниках Кюль-тегина, Тоньюкука и Бильге-кагана в связи с военными действиями тюрков против согдийцев в 701-702 гг., а не население Согда, как это предполагалось ранее [Малов 1951, с. 40, стк. 31]. В исследованиях С.Г. Кляшторного хорошо освещена роль согдийцев в Тюркской империи, а в Китае – в той мере, в которой это касалось истории древних тюрков до падения Второго Восточно-тюркского каганата в 742-744 гг. [Кляшторный 1964, с. 114-119]. С.Г. Кляшторный неоднократно возвращался к проблеме роли согдийцев в степной империи тюрков в последующих своих работах, посвященных как публикации источников, так и анализу их сведений [Кляшторный 2006, с. 172-174].

Большой вклад в изучение истории иноземцев в Танской империи внес Э. Пуллиблэнк. Кроме согдийской колонии в Ордосе он изучил историю самого главного согдийца танского Китая – Ань Лушаня. Его

монография «Предпосылки восстания Ань Лушаня» была задумана как первая часть двухтомного исследования, вторая часть которого так и не была написана [Pulleyblank 1955]. В этой книге автор рассмотрел не сам ход восстания, а его экономические, политические и военные предпосылки. Своеобразным продолжением книги стала статья автора «Восстание Ань Лушаня и истоки хронического милитаризма в позднем танском Китае» [Pulleyblank 1976]. В ней он рассмотрел соотношение гражданского (кит. *вэнь*) и военного (кит. *у*) элементов в танской политике, в которой военный аспект был достаточно значительным. Развитие танского милитаризма было прослежено автором на примере положения в северо-восточном Китае (Хэбэе) в период после восстания Ань Лушаня.

Э. Пуллиблэнк сделал очень много в изучении танских источников. Знание и умение анализировать первоисточники были продемонстрированы им в специальных работах по источниковедению и историографии танской эпохи. К ним относятся «Цзычжи тунцзянь каои» как источник для изучения периода 730-763 гг.» [Pulleyblank 1950] и статья, посвященная анализу исторических трудов Лю Чжици и Сыма Гуана [Pulleyblank 1961]. Э. Пуллиблэнк в своих исследованиях поднимал и проблемы истории тюркских и ираноязычных народов Центральной Азии на основе китайских источников. Ему принадлежат работы о языке гуннов [Пуллиблэнк 1986], о ранних тюркоязычных племенах *гаочэ* (или *гаоцзюй*; досл. «высокие телеги») [Pulleyblank 1990], о составе токуз-огузского племенного союза [Pulleyblank 1956].

Восстание Ань Лушаня было столь значительным событием в истории Танской империи, что даже монографическое исследование Э. Пуллиблэнка не исчерпало этой темы. Интерес к личности Ань Лушаня не ослабевал в научных кругах. Его биография в 1960 г. была опубликована на английском языке Х. Леви [Levy 1960], а в 1962 г. – на французском Р. де Ротуром [Rotours 1962], но даже после этих изданий остается очень много неизученного в истории иноземцев в танском Китае.

Говоря о тюрках и иранцах в Танской империи, едва ли можно обойти вниманием исследование американского ученого Э. Шефера «Золотые персики Самарканда». Оно вышло в свет на английском

языке в 1963 г., а в русском переводе – в 1981 году. «Книга о чужеземных диковинках в империи Тан», как ее назвал сам автор, повествовала о необычных вещах, которые привозились в Танскую империю из разных стран [Шефер 1981]. Название книги отсылает читателя к Самарканду, который символизировал экзотические страны Запада и ассоциировался с мифами о чужеземных диковинах, в первую очередь, с золотыми персиками: в VII в. Самаркандское царство в дар китайскому императору дважды присылало диковинные желтые персики, подобные золотым.

Э. Шефер по крупицам собрал всевозможные сведения об экзотических вещах, привозившихся в Танскую империю послами и торговцами из разных стран, в первую очередь, из Центральной Азии. Книгу американского ученого отличает скрупулезность, точность, детальность, полнота информации. Для нашей темы наибольший интерес представляют две ее главы – «Прославленная империя Тан» и «Люди» [Шефер 1981, с. 20-86], хотя и в других частях книги можно найти интересные детали, касающиеся торговых и культурных отношений между Китаем и Центральной Азией.

Исследование Э. Шефера дополняют работы В.А. Вельгуса, посвященные внешним связям Китая в эпоху династии Сун (960-1279 гг.). В его книге «Известия о странах и народах Африки и морские связи в бассейнах Тихого и Индийского океанов (китайские источники ранее XI в.)» изучены сведения о морских связях Китая с дальними странами. Результаты исследований В.А. Вельгуса показали, что китайские мореплаватели достигали на своих судах лишь близлежащие области, в то время как океанские плавания совершали в основном малайские мореходы [Вельгус 1987, с. 29]. Сведения о морских контактах Китая, приводимые и анализируемые в исследованиях В.А. Вельгуса, относятся к сунскому периоду, в то время как более ранних периодов автор коснулся лишь вскользь.

Роль народов северных степей в распространении буддизма и театрального искусства из Центральной Азии в Китай в первом тысячелетии новой эры попытался осветить в своей работе Ж.-М. Деом [Деом 1999].

Отдельные проблемы истории тюрков и согдийцев в Танской импе-

рии освещались в трудах А.Г. Малявкина. Тематику исследований этого ученого можно условно разделить на три направления: публикация источников, историческая география Центральной Азии и проблемы взаимоотношений Танской империи с соседями (тюрьками, уйгурами и тибетцами). В истории уйгуров он исследовал вопрос, хорошо отраженный в танской историографии, а именно расселение уйгурских племен после падения каганата в 840 г. [Малявкин 1972а; Малявкин 1972б]. Серьезным вкладом ученого в составление корпуса переводов китайских источников о народах Центральной Азии, выполненных в соответствии с требованиями современной исторической науки, стали «Материалы по истории уйгуров в IX-XI вв.» (1972 г.) [Малявкин 1974]. Анализ опубликованных им китайских известий об уйгурах стал основой его источниковедческого исследования «Уйгурские государства в IX-XI вв.» (1983 г.), многие положения и выводы которого не получили поддержки в исторической науке [Малявкин 1983].

Более плодотворными оказались исследования А.Г. Малявкина в области исторической географии. Результатом его кропотливой работы по сбору и анализу сведений из географических разделов танских источников, относящихся к Центральной Азии, стали две крупные монографии – «Историческая география Центральной Азии» [Малявкин 1981] и «Танские хроники о государствах Центральной Азии» [Малявкин 1989]. В них автор проанализировал географические разделы танских династийных историй об учреждении административных единиц в местах обитания иноземцев, подчинявшихся власти Тан, снабдив сведения подробными комментариями, а также затронул отдельные аспекты взаимоотношений Китая с тюрками и согдийцами.

Проблемы танско-тюркских взаимоотношений рассмотрены А.Г. Малявкиным в таких работах, как «Тактика танского государства в борьбе за гегемонию в восточной части Центральной Азии» [Малявкин 1980], «Марионетки из рода Ашина» [63], «Борьба Тибета с танским государством за Кашгарию» [Малявкин 1984а]. В своих трудах А.Г. Малявкин также высказывался относительно роли согдийцев в обществах тюрков и уйгуров. Так, он пытался реанимировать устаревшее представление о том, что в тюркских текстах о согдийцах шести *чжоу* (тюрк. *алты чуб согдақ*) речь идет о китайском понятии

чжао-у, применявшемся в отношении городов Согда, а не о согдийской колонии в Ордосе [Малявкин 1988, с. 54].

История Тибетской империи в свете борьбы за господство между тибетцами, тюрками, арабами и китайцами изучена американским ученым К. Беквитом [Beckwith 1987].

Для изучения истории появления иноземцев в Танской империи большой интерес представляет миграция уйгурских племен в Китай после падения Уйгурского каганата в 840-848 годах. Эта тема затрагивалась А.Г. Малявкиным, которого больше интересовала та группа уйгуров, которая бежала в Восточный Туркестан и в последующем создала там Уйгурское Турфанское княжество [Малявкин 1962]. Сведения об уйгурах, бежавших в пределы Китая, длительное время рассматривались учеными вскользь, хотя попытки перевода китайских текстов об этих событиях предпринимались многими авторами, в том числе Дж. Гамильтоном [Hamilton 1955], Э. Пинкс [Pinks 1968], Цзай Вэньшэнем [Tsai 1967], А.Г. Малявкиным [Малявкин 1975б]. Очень важным источником для этого периода являются письма танского министра Ли Дэюя (787-850 гг.), который занимался так называемым «уйгурским кризисом», вызванным появлением на границе Танской империи большого числа кочевников. Отдельные письма министра, касающиеся кыргызов, были опубликованы в свое время Г.П. Супруненко [Супруненко 1963; Супруненко 1975]. В полной мере этот источник был изучен М. Дромппом в книге «Танский Китай и крушение Уйгурской империи (документальная история)» [Drompp 2005]. Книга М. Дромппа предлагает анализ писем Ли Дэюя, написанных в связи с появлением уйгурских беженцев в Китае после 840 года. Письма министра впервые были использованы как основной источник для воссоздания хода событий в пограничной области в связи с прибытием беженцев и мер танской администрации по ликвидации возможной угрозы с их стороны. Исследование ценно тем, что оно показывает на примере уйгуров, как Танская империя относилась к иноземцам, появившимся в пределах страны, и как искусно превращала их в своих «внутренних подданных». М. Дромпп анализирует не только содержание писем, но и прослеживает как эта ситуация характеризовалась в терминах традиционной конфуцианской идеологии и представлений о «варварах» [Drompp 2005, с. 159-195].

Монография М. Дромппа стала обобщением его ранних работ, посвященных истории взаимоотношений Китая с уйгурами и кыргызами после крушения Уйгурского каганата. Одна из них была посвящена анализу китайских сведений о кыргызах, на основе которого он опровергает утвердившееся в науке представление о «кыргызском великодержавии» [Drompp 1999].

Для понимания танской политики в отношении иноземцев большое значение имеют концептуальные разработки А.С. Мартынова и Ю.Л. Кроля о представлениях китайцев о мироздании, об имперской идеологии, принципах взаимоотношений китайцев с «варварами» [Кроль 1989]. Им также принадлежит заслуга в изучении доктрины «мироустроительной монархии», которая А.С. Мартыновым была рассмотрена на материале взаимоотношений Китая с Тибетом более позднего периода [Мартынов 1978, с. 6-46]. А.С. Мартынов проанализировал положения политики Китая, основанные на представлениях об универсальных и мироустроительных функциях императора – Сына Неба [Мартынов 1981]. Значение приезда иноземных послов в Китай, которые согласно этим представлениям, преподносились как *даннические*, раскрыто в трудах А.С. Мартынова [Мартынов 1979], А.Г. Малявкина [Малявкин 1975а], Л. Мозеса [Moses 1976].

Политическая жизнь Китая в период правления первых танских императоров исследована в трудах И.Ф. Поповой. В книге «Политическая практика и идеология раннетанского Китая» ею проанализированы принципы политической жизни и особенности официальной идеологии периода формирования и расцвета государства Тан [Попова 1999]. На основе анализа китайских исторических документов, императорских указов и докладов И.Ф. Попова исследовала проблемы, связанные с функционированием верховной власти, социальной структурой, государственным строительством, взаимоотношениями центра и периферии, военной и внешней политикой императора Тай-цзуна (627-647 гг.). С точки зрения имперской идеологии в книге рассматриваются взаимоотношения Китая с тюрками и другими «северными варварами». И.Ф. Попова показала, как внешнеполитические победы ранней Тан и завоевания обширных территорий в период правления Тай-цзуна «были достигнуты во многом благодаря военно-политической доктрине и военно-социальной организации,

в наибольшей степени отвечающим потребностям набирающей силу империи» [Попова 1994, с. 245]. Ценным является анализ сведений о создании танских административно-территориальных структур *цзими* на территориях подчинившихся Китаю «варваров» [Попова 1999, с. 187-191].

Из работ, в которых успешно применяется концепция мироустроительной монархии в анализе межгосударственных отношений в истории Китая, можно назвать труды О.В. Зотова об отношениях минского Китая с Восточным Туркестаном [Зотов 1991]. Приспособление доктрины *мироустроительной монархии* к противоречившим ей внешнеполитическим реалиям в отношениях между династиями Цзинь и Южная Сун в XII в. было продемонстрировано в книге С.Н. Гончарова [Гончаров 1986].

Танская империя рассматривается в национальной историографии КНР как «золотой век», поэтому пристальное внимание современных китайских историков к истории танского периода вполне объяснимо [Smith 1997, с. 36-59]. Среди большого числа трудов по танской истории, публикующихся в КНР, для нашей темы представляют интерес исследования, которые касаются либо истории народов Центральной Азии, живших по соседству с Китаем, либо жизни иноземцев в Китае. Можно отметить две особенности китайских исторических работ, которые могут определять отношение к ним. Первая из них относится к концептуальным основам китайской историографии, интерпретации истории Китая, ханьцев и неханьских народов. Исторические исследования в Китае основываются на идее о существовании единой китайской нации (кит. *чжунхуа миньцзу*), в которую входят все национальности, живущие на территории КНР и имеющие якобы единое происхождение. В соответствии с этой идеей, Китай являлся единым с древних времен, и главной тенденцией его исторического развития была постоянная борьба за объединение страны, которая достигалась в периоды существования таких крупных империй, как Танская [Решетов 1991, с. 218].

Согласно этой концепции, все народы, обитавшие на территории, подвластной китайскому императору, составляли единую китайскую нацию. Соответственно, и тюрки, и народы Западного края, в том числе согдийцы, являлись частью китайской нации, поэтому взаимодей-

ствие ханьцев с этими народами рассматривается как неотъемлемая часть истории Китая, при этом роль ханьцев оценивается как цивилизующая. Несомненно, рассмотрение истории тюрков и ираноязычных народов Центральной Азии как части истории Китая приводит к искажению исторической действительности и необоснованным заключениям [Bovington 2004, с. 355].

Учитывая существование идеологических ограничений современной китайской историографии, вместе с тем следует признать, что китайские ученые внесли большой вклад в изучение и систематизацию китайских исторических текстов о народах Центральной Азии. Знание текстов дает возможность китайским ученым составлять подробные своды исторических материалов по истории региона. Примерами такого вклада являются труды Цэнь Чжунмяня «Туцзюэ цзиши» (Материалы по истории тюрков) [Цэнь 1958а] и «Си туцзюэ шиляо. Буцзюэ цзи каожэн» (Материалы по истории западных тюрков. Дополнения и исправления) [Цэнь 1958б]. Сочинения Цэнь Чжунмяня до сих пор представляют большую источниковедческую ценность не только как своды китайских текстов по истории восточных и западных тюрков, но и как сочинения, содержащие их критический анализ. Хронологически сочинения этого автора ограничиваются периодом возникновения и падения Тюркского каганата (552-744 гг.) и не включают последующие периоды истории. Здесь следует также отметить другое серьезное для своего времени сочинение Цэнь Чжунмяня «Суй Тан ши» (История династий Суй и Тан), посвященное основным этапам политической истории суйского и танского Китая [Цэнь 1957].

Большой интерес представляют труды Сян Да, посвященные культуре Западного края в танскую эпоху, в особенности работа «Гандай Чанъань юй Сиюй вэньмин» (Чанъань и культура Западного края в танскую эпоху), впервые опубликованная в 1933 г. и переизданная в 1957 г. [Сян 1957].

История древних уйгуров, отношения с которыми для Тан становятся актуальными после 744 г., не перестает привлекать внимание исследователей. Отдельным ее аспектам посвящены труды А. фон Габен [Gabain 1973], К. Макерраса [Mackerras 1968; Mackerras 1972; Mackerras 1990], Д. Сайнора [Sinor 1998], Т. Хаяши [Hayashi 2002], С. Каржаубая [Каржаубай 2002], Т. Мориясу [Moriyasu 1980; 1981], П.

Циме [Zieme 1973] М. Дромппа [Drompp 2002], А. Камалова [Камалов 2000; Камалов 2001]. Вопросы торговых отношений Тан с тюрками и уйгурами рассматривали И. Эчеди [Ecsedy 1968], К. Макеррас [MacKertras 1969], К. Беквит [Bekwith 1991], С. Джагшид [Jagchid 1977], Цзин Лунчэнь [Ching 1981].

История Уйгурского каганата является важной для современной китайской историографии. Это обусловлено ее политической значимостью, связанной с основным населением Синьцзян-Уйгурского Автономного Района (СУАР) КНР – *уйгурами*. История древних уйгуров эксплуатируется официальной идеологией КНР в политических целях. Для китайского государства и обслуживающей его интересы историографии важно обосновать, что современные уйгуры не являются автохтонным населением Синьцзяна, что их предки освоили земли, на которых они живут, намного позже, чем ханьцы. Этому благоприятствует идентификация современных и древних уйгуров, поселившихся на территории нынешнего Синьцзяна (Восточного Туркестана) в 840 году [Geng 1983]. Не случайно, разгром уйгуров енисейскими кыргызами и последующая судьба уйгурских племен стали привлекательными темами для китайской историографии еще с 1930-х годов. Самой ранней работой на эту тему является статья Ван Живэя «Танхоу хуэйху као» (Изучение истории уйгуров после династии Тан), изданная в 1936 г. [Ван 1936]. Ему принадлежит также первая попытка систематизации сведений о переселении уйгуров из междуречья Селенги и Толы в районы Ганьчжоу, Таримского бассейна, Дуньхуана и на запад от Памира [Ван 1935]. Вопросы переселения уйгуров на новые земли находили отражение во всех работах по истории уйгуров, начиная с коллективной монографии Фэн Цзяшэна, Чэн Суло и Ма Гуанвэня [Фэн и др. 1956; Фэн и др. 1981], заканчивая обобщающими трудами по истории уйгуров и Синьцзяна, написанными в последние десятилетия [Лин-Гао 2000].

Что касается содержания современных китайских публикаций по истории кочевых уйгуров, большая часть их носит компилятивный характер. К таким работам относится книга Цзин Хуншэна «Тандай цзюсинху юй туцзюэ вэньхуа» «Ху девяти фамилий танской эпохи и тюркская культура» [Цзин 1998]. Первая глава книги посвящена со- гдийцам Чжао-у и рассматривает информацию китайских источников

о городах-государствах согдийцев и их взаимоотношениях с Китаем, последующие же главы посвящены согдийско-тюркскому культурному взаимовлиянию. В нашем исследовании такие публикации учитывались, но мы обращались лишь к тем из них, которые содержали сколько-нибудь новую информацию и научно-обоснованную интерпретацию событий. Такими являются статьи Ма Цзюньмина о торговле между Тан и уйгурами [Ма 1984], Ян Фусюэ о дуньхуанских уйгурах [Yang 1994].

Несмотря на идеологическую окрашенность медиевистских исследований в КНР, некоторые из них заслуживают серьезного внимания. Так, в КНР издается достаточно много материалов, основанных на археологических открытиях. Эти публикации становятся важным источником, проливающим свет на некоторые аспекты истории иноземцев в танскую эпоху. Благодаря последним археологическим открытиям китайские ученые заняли ведущее место в изучении истории согдийских общин в Китае. Результаты новейших исследований о согдийцах Китая изложены в сборнике статей «Согдийцы в Китае. Новые исследования по истории, археологии и языку» [Сутэжэнь 2005]. В сборнике опубликованы исследования китайских, японских, западноевропейских ученых, размещенные по трем рубрикам: «Согдийские вожди и торговля», «Согдийские общины и местное общество» и «Религия и искусство согдийцев Китая». В сборник также включены тексты на китайском и согдийском языках на надгробных плитах из погребения знатного согдийца Ши (из Ташкента) в Сиане (бывш. Чанъань), найденного в 2003 году. Китайский текст проанализировал Сунь Фусюэ, а согдийский текст на плите был прочитан и интерпретирован японским ученым Ютака Йошида [Йошида 2005, с. 18-42]. Находки свидетельствуют о большой роли согдийцев в Китае еще в дотанское время: согдиец, выходец из Ташкента, скончался в 579 г., в период правления династии Северная Чжоу. Другим интересным исследованием о роли согдийцев в Китае является книга Гэ Чэньюна «Танская рифма и мелодия ху в контексте иноземной цивилизации» [Гэ 2006].

Большой интерес представляет открытая недавно надгробная надпись уйгурского принца Кара-чора из рода Яглакар, умершего и погребенного в Чанъани в 795 году. Уйгурская руническая надпись

китайско-уйгурской билингвы прочитана турецким тюркологом Мехметом Олмезом [Ölmez 2015].

В 2002 г. вышла в свет книга французского исследователя Э. де ла Вэсьера «История согдийских торговцев», перевод которой на английский язык издан в 2005 г. [Vaissière 2004]. Основываясь на собственных полевых исследованиях в Узбекистане, данные мусульманских источников и доступные на западных языках публикации о согдийцах, автор освещает основные этапы истории согдийцев Средней Азии. Небольшая часть исследования посвящена согдийцам Китая и Восточного Туркестана.

Специальное издание «Acta Asiatica», научного бюллетеня японского Института восточной культуры (Тохо гаккай), вышедшего в свет в 2008 г., целиком посвящено истории доисламской Центральной Азии [Acta 2008]. В составлении номера, озаглавленного «Японские исследования по истории доисламской Центральной Азии», приняли участие ведущие японские эксперты по истории и культуре древних тюрков и ираноязычных народов. Издание осуществлено под редакцией известного тюрколога Т. Мориясу. Авторы сборника особо отмечают необходимость изучения истории Центральной Азии с позиции, отличной от евро- и китаецентрического взглядов на мировую историю. Роль региона в мировой истории была связана с тем, что он являлся родиной кочевников и местом прохождения международных торговых трасс, известных как «Шелковый путь» (термин, введенный немецким ученым Ф. фон Рихтгофеном в XIX в.). В Японии изучение истории и культуры Азии, в том числе Внутренней, стало особо развиваться с эры Мэйдзи, а с 1930-х г. японские ученые обратились к изучению не только Шелкового пути, проходившего по оседло-земледельческим оазисам, но и Степного пути, пересекавшего всю Центральную Евразию. Именно в этой области лежат большие достижения японских ученых, положивших начало изучению торгового обмена между кочевыми обществами древних гуннов (сюнну), тюрков и уйгуров с Китаем, когда предметами торгового обмена были лошади и шелк.

В упомянутом выше журнале Т. Мориясу поместил статью «Японские исследования по истории согдийцев вдоль Шелкового пути, от Согдианы до Китая» [Moriyasu 2008]. Первенство в изучении согдий-

цев принадлежало французскому ученому П. Пелью, который еще в 1911 г. в лекции в Коллеж де Франс выдвинул тезис о том, что торговля вдоль Шелкового пути контролировалась согдийцами, а согдийский язык был *лингва франка* [Pelliot 1916]. Т. Мориясу отмечает вклад японских ученых, которые независимо от выводов П. Пелью начали изучение роли согдийцев. Еще до перевода его лекции на японский язык, в 1913 г. японские ученые К. Ширатори и Ш. Отани писали о согдийцах. В последующем, особенно с 1926 г., японские ученые предпринимали активные попытки следовать в ногу с европейцами в изучении согдийцев. Заметным явлением в согдиологии последнего времени стали труды Ю. Йошиды [Yoshida 1988; Yoshida 2008].

В начале XXI в. согдиологические исследования получили дальнейшее развитие благодаря открытиям согдийских погребений и эпитафийных текстов в Китае. Японские ученые Х. Акира, Ю. Йошида и А. Масахару смогли установить значение китайских терминов «сабао» и «синху», встречающихся в китайских текстах о согдийцах. На основе изучения уйгурской версии главы «Авалокитешвара» сутры Лотоса Ю. Йошида смог найти эквивалент китайского *сабао*, которым был согдийский «сартпау» (глава каравана, глава) [Sogudogo 1989]. Этот термин отражал роль согдийцев в торговом обмене вдоль Шелкового пути. Другой термин «синху» был связан с продвижением Танской империи на Запад и новым статусом согдийских торговцев в Китае. Дело в том, что формально танская власть распространилась на Согд во время правления императора Гао-цзуна, и согдийцы, прибывавшие в Китай с торговой миссией, получили право вступать на территорию Поднебесной на регулярной основе, приравненные к обычным жителям страны (кит. *байсин*).

И. Кийохиро в статье «Согдийцы в Китае в танский период» обращается к анализу новых источников о согдийцах, введенных в научный оборот китайскими учеными [Kiyohiro 2008, с. 50-57]. Ученый развивает выдвинутую японскими исследователями концепцию *согдиец-тюрк*, касающуюся идентификации населения, учрежденных в 679 г. в Ордосе шести округов *ху* (согдийцев). Новые находки эпитафий показали, что согдийская колония существовала в Северном Китае и после падения танской династии. И. Кийохиро делает вывод о том, что согдийцы входили в состав *тюрков-шато*. Он выдвинул

предположение о том, что согдийцы, поддерживавшие восстание Ань Лушаня, направились в северный Шаньси, где присоединились к Чжуе и другим вождям *шато*, став их частью. По его мнению, название *шато* применялось к: 1) собственно племени *шато*; 2) группе, состоявшей из *шато* и *Чжуе*; 3) группе, состоявшей из *шато* и *Чжуе*, согдийцев-тюрков и других племен [Kiyohiro 2008, с. 59-61].

Из других японских исследований о согдийцах большой интерес представляет работа А. Масахуру «Согдийцы и царская семья Цюй в государстве Гаочан», в которой рассматривается взаимодействие согдийцев и китайской общины в государстве Гаочан в Восточном Туркестане [Masaharu 2008].

С историей согдийцев в Танской империи связано и распространение манихейства в Китае, которое получило освещение в трудах Э. Шаванна и П. Пельо [Chavannes-Pelliot 1911], Дж. Асмуссена [Asmusen 1965], Цинь Вэйсиня [Цинь 1987] и др.

В изучение взаимосвязей Китая с народами Центральной Азии свой вклад вносят и казахстанские востоковеды. Прежде всего, здесь нужно назвать исследования Ю.А. Зуева о древних тюрках [Зуев 2002] и тамгах лошадей из вассальных княжеств [Зуев 1960]. Изучению роли и места тюрков и иранцев в юаньском Китае в XIII-XIV вв. посвящены труды А.Ш. Кадырбаева, ныне работающего в Институте востоковедения РАН в Москве [Кадырбаев 1990]. Роль отдельных средневековых этнических групп тюркского и монгольского происхождения рассматривается в другой его работе «Очерки истории средневековых уйгуров, джалаириров, найманов и киреитов» [Кадырбаев 1993], а вопросы ирано-китайского взаимодействия освещены в отдельной статье [Кадырбаев 2007].

Взаимоотношениям Цинской империи с народами Центральной Азии, прежде всего, казахами, посвящены труды известного китаеведа К.Ш. Хафизовой. В монографии «Китайская дипломатия в Центральной Азии (XIV-XIX вв.)» она исследовала этнополитическую характеристику иноземцев в Цинской империи, проанализировала дипломатические институты заложничества, титулования, «дань-подарки» и др. [Хафизова 1995]. Отражение кочевого мира в танской поэзии рассмотрено К.Ш. Хафизовой в контексте исследования диалога цивилизаций Восточной и Центральной Азии [Хафизова 2015, с. 133-

160]. Исследования А.Ш. Кадырбаева и К.Ш. Хафизовой открывают возможность для сопоставительного изучения положения иноземцев в Китае в разные эпохи, а именно в танскую и цинскую, выйдя на новые уровни обобщений. В этой связи нужно отметить еще на одну работу, посвященную роли уйгуров в юаньском Китае – монографию американского синоведа М. Броузи «Подданные и властители: уйгуры в Монгольской империи» [Brose 2007].

Танская эпоха нашла отражение и в многотомном собрании китайских материалов по истории Казахстана, подготовленном Институтом востоковедения им. Р.Б. Сулейменова МОН РК в котором наряду с погребальными текстами согдийских погребений помещены иллюстрации изображений из саркофагов, ожидающие своих исследователей [Казахстан 2006].

Наконец, необходимо отметить, что история внутренних «варваров» в Танской империи получила отражение в обобщающих трудах по истории Китая, среди которых первостепенное значение имеют «Кембриджские истории» Китая [Cambridge 1979] и Внутренней Азии [Cambridge 1990]. Особо следует отметить новейшее исследование М. Абрамсона об этнической идентичности в Танской империи [Abramson 2008].

Таким образом, изучение роли тюрков и иранцев в Танской империи было во многом связано с введением в научный оборот китайских источников, в которых отразилась история взаимоотношений Поднебесной империи с иноземцами. Несмотря на то, что отдельные вопросы, связанные с положением иноземцев в танском Китае в той или иной форме ставились исследователями, тем не менее до сих пор не проводилось системного изучения роли и места тюрков и ираноязычных народов в политической, экономической и культурной жизни танского государства. Такая цель ставится в настоящем исследовании.

Китайские источники по истории тюрков и иранцев Танской империи

Танская эпоха известна в истории не только как период военно-политического могущества китайского государства и расцвета китайской культуры, но и как период, для истории которого мы располага-

ем чрезвычайно широким и разнообразным кругом источников [Sung 1978]. В отличие от предшествовавшего времени, в объединенной империи Суй и в последующую танскую эпоху существовали наиболее благоприятные условия для создания многочисленных историографических трудов. В них получила отражение богатая событиями история Танской империи.

Династийные истории занимают центральное место среди источников по истории танского Китая и его взаимоотношений с соседями. Существует две версии официальной истории Тан, получившие статус «образцовых историй» (кит. *чжэньшу*) – «Цзю Тан шу» (Старая история династии Тан) и «Синь Тан шу» (Новая история династии Тан).

«Цзю Тан шу» составлялась комиссией историографов во главе с Лю Сюнем в 941-945 гг. в эпоху «Пяти династий» (У дай, 907-959 гг.) и была издана в 1000-1002 гг. [Флуг 1959, с. 227]. Она состояла из трех разделов, которые назывались «Основные записи» (кит. *бэньцзи*), «Трактаты» (кит. *чжи*) и «Жизнеописания» (кит. *лечжуань*). Время создания «Цзю Тан шу», характеризовавшееся раздробленностью страны и постоянными войнами, наложило отпечаток на сочинение: в нем были обнаружены многочисленные недостатки, связанные с плохой обработкой первичного материала, такие как неполнота содержания, неоправданные пропуски информации, недостаточно систематизированное распределение материала, а также слишком простой стиль изложения. Эти недочеты были признаны историками в начале XI в., в период объединения Китая в централизованное государство Сун, и сунская династия приняла решение о составлении новой редакции истории. Работу над ней начала комиссия историографов во главе с Сун Ци в 1045 г., а в 1054 г. сунский император Жэнь-цзун приказал закончить ревизию сочинения. В 1060 г. переработанный вариант истории под названием «Синь Тан шу» был представлен трону, и после утверждения императором приобрел статус официальной истории танской династии, надолго заменив «Цзю Тан шу». По мнению авторов «Сунской библиографии», основные записи (анналы) и таблицы в новой редакции танской истории были составлены Оуян Сю, а все жизнеописания – Сун Ци [Sung 1978, с. 61]. Впрочем, Р. де Ротур подверг сомнению реальное участие Оуян Сю в составлении «Синь Тан шу» [Rotours 1947, с. 58-63].

Отмеченные недостатки старой истории были исправлены составителями «Синь Тан шу», которая отличается полнотой информации: в нее включены отсутствовавшие в первом варианте истории раздел «Таблицы» (кит. *бяо*) и главы об армии, экзаменах и др. Существует мнение, что в «Синь Тан шу» более подробно и надежно излагаются сведения о последних 80 годах существования танской династии, поскольку авторы старой версии истории, жившие в эпоху Пяти династий, не располагали многими документами, ставшими доступными позже составителям «Синь Тан шу» [Levy 1960, с. 31].

Исправляя недостатки старой истории, авторы «Синь Тан шу» сами не смогли избежать погрешностей в своей версии сочинения. Дополняя текст истории, они в то же время сократили анналы царствований в разделе «Основные записи». Из анналов и жизнеописаний были изъяты тексты указов и докладов, опущены некоторые темы, например, буддизм. Добиваясь более четкого стиля изложения материала, историографы также опускали отдельные сведения, даты многих описываемых событий, что создавало возможность неоднозначной трактовки текста и делало описание событий размытым. Учитывая эти особенности новой истории, знаток сунской исторической литературы К. Флуг писал: «за исключением таблиц и трактатов текст «Цзю Тан шу» имеет большие достоинства перед текстом новой истории» [Флуг 1959, с. 229].

Источниковедческая ценность «Цзю Тан шу», имевшей свои преимущества перед «Синь Тан шу», всегда признавалась китайскими историографами, которые нередко в своих трудах предпочитали опираться на старый вариант танской истории. Так, на старую версию опирается в изложении событий сунская хроника «Цзычжи тунцзянь». После создания «Синь Тан шу» появилось немало трудов, посвященных анализу ее текста. Автор одного из таких сочинений обнаружил в ней около 400 ошибок [Флуг 1959, с. 230]. В связи с этим, в XVIII в. «Цзю Тан шу» был возвращен статус официальной истории танской династии [Wang 1973, с. 54-55]. Сводный текст обеих версий танской династийной истории, состоящий из 200 глав, был издан в XIX в. под названием «Синьцзю Таншу хэчао».

При сопоставлении сведений двух танских династийных историй обращает на себя внимание сравнительная беспристрастность пове-

ствования «Цзю Тан шу», которая выразилась не только в подборе конкретных фактов и подаче материала, но и в комментариях историографов. По мнению Ван Гунью, тот факт, что первоначальный вариант танской истории не потерял значения даже после создания «Синь Тан шу», свидетельствует о том, что танская историография находилась на переходном этапе от эпохи Южных и Северных династий, когда династийные истории имели принципиальное значение в условиях скудости нарративных источников, к эпохе, когда они перестали быть единственным источником информации. Различие между исторической мыслью середины X в., когда составлялась «Цзю Тан шу», и XI в., когда была создана «Синь Тан шу», Ван Гунью иллюстрирует на примере комментариев, которые отразили восприятие историографами тех или иных событий. Он заметил, что комментарии «Цзю Тан шу» являются более конкретными, хотя они могут быть несовершенными с точки зрения стиля изложения, в то время, как комментарии «Синь Тан шу» носят более отвлеченный характер и несут большую идеологическую нагрузку. Так, авторы старой танской истории, давая оценку правлению жестокой императрицы У-хоу (У Цзэ-тянь), отметили причины для ее осуждения, но вместе с тем признали за ней способности политического деятеля. В новой редакции истории комментарии в этой части сводятся к пространным рассуждениям о политической этике и историческом осуждении, и выводу о значении возмездия, хотя императрица и осталась ненаказанной [Wang 1973, с. 57].

Тем самым, обе версии танской династийной истории имеют свои достоинства и недостатки. Они дополняют друг друга, и их сопоставительный анализ дает возможность глубже исследовать исторические проблемы.

В танских династийных историях иноземным народам, окружавшим Китай, посвящены отдельные главы в разделе «Жизнеописания». Помимо этого, сведения об иноземцах встречаются и в других частях сочинения, таких как «Основные записи» или «Трактаты» [Gardiner 1973, с. 47]. Точно также информация об иноземцах, живших на территории Китая, разбросана по всем частям сочинения и встречается по мере упоминания событий, в которые они были вовлечены. Кроме того, в том же разделе «Жизнеописания» можно найти биографии

отдельных выдающихся представителей иноземного происхождения, оставивших заметный след в истории Китая. Среди них есть представители тюрков, уйгуров, согдийцев, корейцев, киданей и многих других неханьских народов.

Другим важным источником информации об иноземцах, обитавших как в Танской империи, так и на соседних территориях, является сочинение «Тан хуэйяо» (Свод важнейших событий династии Тан). Это сочинение относится к группе *хуэйяо*, которая по определению В.А. Вельгуса, представляет собой «особый тип исторической компилятивной работы, которая построена по тематическому признаку. В ней в основных чертах отражено все, что относится к государственной системе управления, аппарату управления, государственным институтам» [Вельгус 1987, с. 239]. *Хуэйяо* составлялись специальным отделом *хуэйяосо* при Департаменте императорской библиотеки (кит. *мишушэн*). Круг первоисточников «Сводов» включал почти те же материалы, которые использовались при составлении танских историй, однако, намного превосходил их по объему: лишь определенная часть материалов «Сводов» попадала в династийную историю.

«Тан хуэйяо» был составлен в 961 г. историком Ван Пу, который, впрочем, не был единственным автором сочинения: он лишь довел до конца правления Тан повествования двух более ранних сочинений – «Тан хуэйяо», написанного Су Мяннем в 804 г. и посвященного периоду с начала Тан до правления императора Дэ-цзуна (780-805 гг.), и «Сюй Тан хуэйяо» («Продолжение Тан хуэйяо»), составленного группой авторов во главе с Ян Чжаофу в 852 г. и охватывавшего повествованием последующий период истории до падения танской династии.

Из ста глав «Тан хуэйяо» последние семь посвящены описанию чужеземных народов. Размещение информации о тюрках и иранцах в этом сочинении аналогично танским династийным историям: кроме отдельного рассказа о тюркских племенах и населении оседлых районов Центральной Азии, сведения о них разбросаны по всем разделам сочинения. В «Тан хуэйяо» содержится немало сведений, которые не встречаются в других источниках. К ним относятся, в частности, сведения о тамгах (знаках собственности) лошадей, поставлявшихся в Китай иноземцами [ЦФЮГ, гл. 72, с. 1305-1308], сведения о генеалогии тюркских и уйгурских правителей. Большую ценность представ-

ляет имеющийся в «Тан хуэйяо» список токуз-огузских племен, который, как показали исследования Т. Ханеда и Э. Пуллиблэнка, является достоверным в отличие от списка танских династийных историй [Pulleyblank 1956, с. 36-38]. Вместе с тем в повествованиях об иноземных народах в «Тан хуэйяо», также как и в «Цзю Тан шу», имеется немало неточностей в изложении событий, происходивших в IX веке.

Важным источником по истории иноземных народов в танское время является хроника известного сунского историка Сыма Гуана «Цзычжи тунцзянь» (Всеобщее зеркало, помогающее управлению). Это сочинение, по китайской классификации, относится к анналам (кит. *бяньнянь*). В нем в строгой хронологической последовательности излагается история Китая с древности до сунской эпохи (XI в.). В 1064 г. Сыма Гуан преподнес императору составленную им таблицу исторических событий в пяти главах под названием «Ли нянь ту» (Изображение последовательных годов). Через два года им была завершена хроника периода Воюющих царств (Чжаньго, V-III вв. до н.э.), названная «Тун чжи», которая легла в основу восьми глав сочинения. Вслед за тем Сыма Гуан получил повеление императора составить подобные хроники и для последующих периодов истории Китая, для исполнения которых ему были даны два помощника. Первоначально Сыма Гуану помогали историографы Лю Шу и Чжао Цзюньси. Последнего позже последовательно заменяли Лю Бинь и Фу Цзуюй, который принимал активное участие в составлении хроники эпохи Тан [Флуг 1959, с. 232].

Составление «Цзычжи тунцзянь» осуществлялось независимо от работы Комиссии историографов. Ускорению работы над сочинением способствовал вынужденный отказ Сыма Гуана от государственной деятельности. В результате усиления позиций его политического противника, реформатора Ван Аньши, в 1070 г. он был выслан из столицы и в ссылке занимался преимущественно историографической работой. Хроника Сыма Гуана была завершена и представлена императору в 1084 г. [Pulleyblank 1961, с. 153-157].

Характер сведений «Цзычжи тунцзянь» об иноземцах в Китае обусловлен особенностями самого сочинения. Прежде всего, следует сказать, что эти сведения даются не в тематических разделах и не в виде биографий, а в общей канве исторических событий, происходив-

ших в Китае, что позволяет оценивать их с большей объективностью. Еще одним достоинством сведений «Цзычжи тунцзянь» является их хорошая датированность. Чрезвычайно широкий круг первоисточников, использованных при составлении сочинения, обусловил наличие в нем оригинальных сведений, не встречающихся в других сочинениях. Работа над сведениями «Цзычжи тунцзянь» во многом облегчается благодаря комментариям, составленным к ним в XIII в. Ху Саньсином.

Одновременно с «Цзычжи тунцзянь» Сыма Гуаном были составлены два других сочинения, одно из которых «Цзычжи тунцзянь каои» рассматривает разночтения, имеющиеся в источниках, на примерах конкретных событий, а другое, «Цзычжи тунцзянь мулу», представляет собой сокращенный вариант хроники в таблицах. Данные «Цзычжи тунцзянь каои» имеют большую ценность в плане выявления источника информации и определения ее движения из одного источника в другой [Pulleyblank 1950].

Создание «Цзычжи тунцзянь» вызвало в последующем появление большого числа сочинений, в которых развивался и комментировался содержащийся в нем материал. К таким сочинениям относится «Цзычжи тунцзянь ганму», написанное Чжу Си в 1190 году. В этом сочинении текст «Цзычжи тунцзянь» разбит по абзацам, в заголовки абзацев вынесены отдельные события (кит. *ган*), под которыми мелко набранным шрифтом помещены тексты, раскрывающие содержание заголовков (кит. *му*) [Флуг 1959, с. 236]. В связи с хроникой Сыма Гуана следует сказать несколько слов о сочинении «Цзычжи тунцзянь бэньмо», составленном Юань Чу в 1174 году. Оно положило начало целой группе исторических сочинений, именуемых *цзиши бэньмо* («записки от начала до конца»). В отличие от использованного в «Цзычжи тунцзянь» принципа анналов, в них применялся принцип изложения, согласно которому отдельные исторические периоды и проблемы получали относительно полное освещение «от начала до конца».

В течение длительного времени после появления «Исторических записок» Сыма Цяня доминирующим жанром китайского историописания были династийные истории. Только в начале эпохи Тан стали создаваться сочинения, претендовавшие, вслед за трудом Сыма Цяня, на всеобщую историю, и не ограничивавшиеся историей одной или

нескольких династий. Одним из них было «Тун дянь» (Всеобщее обозрение), составленное Ду Ю в 801 году. Ду Ю посвятил это сочинение изучению политических институтов и их организации со времен легендарных правителей Китая до середины VIII века. Материал, включенный в сочинение, организован по тематическому принципу. «Тун дянь» состоит из девяти разделов, в которых раскрываются такие темы, как экономика, экзамены, военное устройство, законы, административная география, пограничная политика и др. Хотя основная часть сведений о танской эпохе относится к периоду до 755 г., в «Тун дянь» нашли отражение некоторые события, происходившие в 755-801 гг. и позже.

«Тун дянь» представляет собой ценный источник для начального периода истории Тан. Его сведения о расселении тюркских племен являются наиболее ранними и к ним восходят показания многих других танских сочинений.

Написанное по образцу одного из разделов труда Сыма Цяня, а именно трактатов (кит. *шу*), «Тун дянь», в свою очередь, само послужило образцом для китайских энциклопедий *лэйшу*. По определению Л.Н. Меньшикова, «китайский термин *лэйшу* («классифицированные книги») означает собрание подлинных текстов источников, классифицированных по темам, причем классификация может быть разная, в зависимости от специализации *лэйшу*» [Меньшиков 1988, с. 220]. Жанр энциклопедии получил развитие в сунскую эпоху. Из сунских энциклопедий для исследователей истории иноземцев в Танской империи наибольший интерес представляет знаменитая «Цэфу юаньгуй» (Сокровищница древней мудрости). Она была составлена в 1013 г. группой историографов во главе с Ван Циньжо и Ян И. Включенный в нее материал относится к истории Китая с древности до Сун, причем достаточно подробно освещается в ней история Танской империи. Исходя из предназначения энциклопедии, заключавшегося в том, чтобы «дать пример для будущих поколений и облегчить изыскания учащихся», авторы «Цэфу юаньгуй» поместили в ней только «тот материал, который составляют династийные истории и избранные сочинения» [Флуг 1959, с. 151].

Хотя основная часть сведений, содержащихся в «Цэфу юаньгуй», известна по другим, более ранним, источникам, однако, в ней содер-

жится немало оригинальных сведений. Чаще всего такие сведения можно обнаружить в текстах различных указов, докладов. Кроме того, записи «Цэфу юаньгуй» опираются на надежную документальную основу и достаточно хорошо датированы, что позволяет уточнять по ним сведения других параллельных источников.

Сведения о тюрках и других народах Центральной Азии, имеющиеся в сочинениях «Тайпин хуань юйцзи» (Описание Вселенной в годы Тайпин) Юэ Ши и «Тун чжи» Чжэн Цяо, составленных соответственно в X и XII вв., во многом зависят от сведений упоминавшихся ранее сочинений. Так, в повествованиях «Тайпин хуаньюй цзи» ощущается влияние «Ган хуэйяо» и «Тун дьянь».

Помимо официальных китайских сочинений, сведения о тюрках и иранцах в Танской империи содержатся в произведениях, созданных частными лицами. Ху Хуан приводит список из 20 китайских погребальных надписей, составленных в честь знатных тюрков и уйгуров в 647-766 гг. [Ху Хун 2013, с. 490-492]. В этот список не вошли эпитафия вождя огузского племени пугу *И-ту-шо-е* из Шороон бумбагар (678 г.) [Очир 2013; Бураев 2016], тюрко-китайская двуязычная надпись в честь уйгурского принца Кара-чор тегина (795 г.) [Лю Синь 2013; Ху Хун 2013] и эпитафия в честь предводителя согдийской общины Кан А-и Кюль-таркана. В последней получили отражение события, связанные с переселением тюрков и согдийцев в Китай в период крушения Второго Восточно-тюркского каганата. Она была написана Янь Цжэньцином и сохранилась в сборнике его сочинений «Янь Лугун взньцзи» (Собрание сочинений Янь, гуна области Лу) [ЯЛГВЦ, л. 7а-10а]. Текст эпитафии условно можно разделить на несколько частей, в каждой из которой излагается информация определенного характера. Первая часть, следующая сразу за традиционным хвалебным введением, посвящена жизни Кан А-и Кюль-таркана в Тюркском каганате и включает важную информацию о его происхождении и заслугах перед тюркскими правителями. Повествование в этой части доведено до 742 г., когда в результате междоусобных войн в каганате и восстания подвластных тюркам племен, Кан А-и Кюль-таркан с семьей бежал в пределы Танской империи. Вторая часть текста охватывает период его жизни со времени прибытия в Китай и службы в составе приграничной армии генерала Ань Лушаня, с 742 г. до начала

восстания Ань Лушаня в 755 году. Третий блок информации описывает события из его жизни в период восстания (755-763 гг.). Особо выделяются части, посвященные его родственникам – двум сыновьям и жене. Финальная часть эпитафии содержит хвалебную речь о заслугах Кан А-и Кюль-таркана, завершающуюся стихотворным текстом [Цэнь 1958а, с. 853-854]. Кроме эпитафии Кан А-и Кюль-таркана до нас дошли надгробные надписи, посвященные другим вождям тюркских и огузских племен. Некоторые из них приводятся в книге Цэнь Чжун-мяня [Цэнь 1958а, с. 801-809, 825-827].

Существует немало сочинений частных лиц VIII-IX вв., не дошедшие до нас полностью, а известные лишь во фрагментах. Некоторые из них отражают проблемы, связанные с иноземцами в Китае. Из таких можно упомянуть семейные хроники танского министра Ли Би «Ехоу цзячжуань» и военачальника Го Цзыи «Фэньян цзя чжуань» (или «Гогун цзячжуань»), сочинение Лин Чжуня «Бинь чжи», посвященное армии приграничной северной провинции Шофан [Maskettas 1972, с. 203-205].

К категории неофициальных исторических источников могут быть отнесены документы, созданные разными чиновниками, но не включенные в перечисленные выше произведения официальной историографии. К таким источникам относятся письма и доклады, написанные танскими министрами, губернаторами, военными генералами и другими чиновниками высокого ранга. Интерес для нашей темы исследования представляют официальные письма и доклады, написанные танским министром Ли Дэюем (787-850 гг.) [Drompp 2005; Супруненко 1963]. Ли Дэюй был одним из известных государственных деятелей поздней Тан, который был известен в свое время как дворцовый чиновник и литератор, но меньше его знали как лидера одной из политических группировок при дворе. Известность министра во многом способствовала сохранению его произведений, которые, среди прочих, включали несколько поэм (кит. *ши*) и прозаических сочинений (кит. *фу*). Однако большую часть его произведений составляют документы, написанные им в бытность его главным министром при дворе императора У-цзуна (840-846 гг.). Сборники его произведений, включающие более 230 документов, известны под названием «Ли Вэньжао вэньцзи» (Собрание сочинений Ли Вэньжао) и «Ли Вэйгун

хуэйчан ипин цзи» (Собрание сочинений Ли, герцога Вэй, первого ранга, в период правления Хуэйчан) [Tsai 1967, с. X]. Ли Дэюй стал главным министром в год, когда Уйгурская империя пала в результате внутренних распрей, стихийных бедствий и внешней агрессии, и тысячи уйгуров устремились к Великой китайской стене, создав серьезные проблемы для танской администрации. Значимость факта появления уйгуров на границах империи отражает количество документов, посвященных разрешению «уйгурского кризиса»: из 230 с лишним документов 80 документов описывают ситуацию с уйгурами [Drompp 2005, с. 3]. Учитывая важность данного события, Ли Дэюй просил императора приказать одному из ученых академии Ханьлинь заниматься составлением документов, однако император возложил такие обязанности на самого Ли Дэюя. Значение литературных произведений Ли Дэюя было оценено его современниками. Сборник написанных им произведений был составлен очень быстро. Предисловия к ним были написаны современниками Чжэнь Я (820-846 гг.) и Ли Шаньинь (813-858 гг.). Биография второго сохранилась в танских династийных историях.

Записи Ли Дэюя об уйгурах являются уникальными как по объему содержащейся в них информации, так и по деталям описываемых событий. Они представляют интерес для изучения взаимоотношений танского двора с провинциями, положения иноземных народов в северных областях, взаимодействия уйгурских групп и их лидеров, вовлеченности кыргызов в события на границе, а также танской дипломатической практики и риторики.

К письмам Ли Дэюя близок другой малоизвестный источник, связанный с появлением уйгуров на границе империи. Это – сочинение Ли Ци под названием «Записки Цай Си», сохранившееся в сборнике «Цюань Тан вэнь» (Сборник сочинений Тан) [Drompp 1988, с. 1-13]. «Записки» представляют собой небольшой текст, повествующий о заслугах танского разведчика Цай Си, направленного в лагерь уйгуров во время правления императора У-цзуна. Он был написан молодым ученым Ли Ци, который для его составления предпринял поездку в Тайюань в Северном Китае в 850-851 годах.

Проблемы отношений Танской империи с кочевниками нашли отражение в произведениях некоторых танских поэтов. Так, в сочинении

ях Бо Цзюйи (772-846 гг.) сохранился ряд составленных им от имени императора документов, которые имеют отношение к дипломатическим и торговым контактам танской династии с Уйгурским каганатом. Особый интерес представляет составленное им «Письмо уйгурскому кагану» (начало IX в.). Интересными для понимания событий в Танской империи в период восстания Ань Лушаня являются произведения другого великого танского поэта Ду Фу, бывшего свидетелем бурных событий в Китае того времени [Таң 1984, с. 48-82]. Наконец, отдельные сведения, имеющие отношение к истории тюрков и согдийцев, содержатся в рукописях на разных языках из Дуньхуана. Примерами могут быть послесловие буддийской сутры *дхарани* (заклинания) из Дуньхуана, хранящееся в китайском фонде П. Пельо под № 3918 [Мориясу 1973, с. 77-80], а также путевые записки буддийского монаха Укуна, путешествовавшего из Китая в Индию в середине VIII в. [Levi-Chavannes 1895].

Наши знания о жизни известных людей в танском Китае строятся на информации разных источников, объем и характер которой зависит от значимости того или иного деятеля. По объему и насыщенности деталями информации о жизни и деятельности государственных деятелей главенствующее положение занимают члены царствующего дома во главе с императором. Биографии известных деятелей, будь то государственные сановники разного ранга или главы местных административных единиц, военачальники или чиновники, особо выделены в раздел «Жизнеописания» династийных историй. Именно эти жизнеописания послужили основным источником для изучения роли танских деятелей иноземного происхождения.

Для иллюстрации того, в каких источниках и как описывается жизнь и деятельность известных танских деятелей, обратимся к информации о генерале Ань Лушане (703-757 гг.). Его биографии имеются в обеих танских династийных историях [ЦТШ, гл. 200А; СТШ, гл. 225А]. Соответствующие сведения о нем содержатся также в анналах правления императоров и биографиях современников, но жизнеописание излагают события более детально. Самые ранние из известных нам сведений о жизни генерала содержатся в сочинении «Ань Лушань шици» (Записи о событиях, касающихся Ань Лушаня) [Levy 1960, с. 8-9]. Подробные сведения о нем имеются и в других исторических

сочинениях, например, «Цзычжи тунцзянь» Сыма Гуана. Некоторая информация о нем может быть почерпнута из танской поэзии и прозаических сочинений. Другим важным сочинением, которое дает возможность проанализировать разночтения и различия в информации о жизни Ань Лушаня является «Цзычжи тунцзянь каои» [Pulleyblank 1950, с. 448-449]. Это сочинение ценно наличием цитат из других трудов, которые не дошли до нас. Говоря об отношении к Ань Лушаню в танских имперских анналах, следует заметить, что сведения о нем в «Синь Тан шу» очень сокращены и представляют только третью часть информации, которая имеется в «Цзю Тан шу». Однако в ней есть детали, которые не встречаются в последней.

Повествования об Ань Лушане в двух танских династийных историях различаются не по содержанию, а по подходу. В «Цзю Тан шу» анналы больше обращают внимание на роль отдельных повстанческих руководителей: каждый из них выполнял какую-то определенную задачу и имел свое место в стратегии восстания, общее руководство которым осуществлялось предводителем. В новой версии танской истории, наоборот, роль подчиненных лидеров игнорируется, а их действия всецело приписываются военачальникам. Например, Цай Сидэ был повстанческим генералом, который захватил Чанъань, но «Синь Тан шу» приписывает это событие исключительно Ань Лушаню [Levy 1960, с. 7].

В основу повествований о жизни Ань Лушаня легли записи «Ань Лушань шицзи», представляющие собой самую раннюю коллекцию материалов о восстании. В записях рассматриваются данные, противоречащие друг другу, что повышает их историческую ценность. В них цитируются имперские указы, сомнительные анекдоты, поэмы, без каких-либо попыток выяснения их достоверности. Повествования о других предводителях восстания – Ань Цинсюе, Ши Сымине и Ши Чаои, даются проще, в сравнении с биографией Ань Лушаня, что отражает их менее значимую роль.

В данном исследовании использованы тексты биографий иноземцев тюркского и иранского происхождения, жизнь и деятельность которых описаны в танских источниках. Биографии деятелей совершенно разные по объему – от развернутого жизнеописания до краткого текста, состоящего из нескольких строк. Самыми крупными яв-

ляются жизнеописания Ань Лушаня и его преемников – Ань Цинсюя, Ши Сымина и Ши Чаои. К таким же крупным биографиям относится жизнеописание танского генерала Пугу Хуайэня, роль которого была положительно оценена китайскими историографами, несмотря на его бунт против Тан [Камалов 1989]. Некоторые жизнеописания известных людей включают краткие сведения об их потомках, если те занимали какое-то положение в обществе. Например, в конце жизнеописания Пугу Хуайэня помещаются краткие сведения о его племяннике Пугу Минчэне [ЦТШ, гл. 121, 8а].

О происхождении интересующих нас личностей сообщается в первых же строках жизнеописаний, которые указывают либо на этническое происхождение человека, либо на место, откуда он родом. Этническое происхождение достаточно четко проговаривается в отношении представителей кочевых народов, например, *тюрк*, *уйгур*, *кидань*, *мохэ*. Происхождение представителей ираноязычных народов обычно обозначалось терминами, вызывающими неоднозначное толкование. Так, в отношении согдийцев использовалось слово *ху* (варвар) [Pulleyblank 1955, с. 10, 104-105]. Выяснение значения этого термина в исторической науке заняло достаточно длительное время. Первоначально ученые не видели в нем этнического значения и потому могли приписывать человеку, если он был родом *ху*, любое этническое происхождение. Так, О. Франк в своем фундаментальном труде по истории Танской империи говорил об Ань Лушане как о тюрке, исходя из того, что он был родом из смешанных *ху* [Franke 1936, с. 452].

По мере развития востоковедных и китаеведческих исследований было установлено, что в танское время термин *ху* применялся исключительно к ираноязычным народам. Широкое значение этого слова создает трудности при определении происхождения представителей ираноязычных народов. Чаще всего этот вопрос решается, исходя из указаний о месте происхождения человека. Установлено, что в Китае в качестве фамилий иноземцев часто использовались наименования рода или местности, из которой они происходили. Названия родов иногда входили в имена тюрков. Например, все представители рода Ашина в китайских источниках имеют название рода в своем имени: Ашина Хэлу, Ашина Бучжэнь и др. В именах людей иранского проис-

хождения в качестве фамильного знака часто использовалось название местности или страны, из которой они происходили.

Поиск биографий тюрков и иранцев в нашей работе производился с учетом указанных выше особенностей китайских текстов. Биографии некоторых иноземцев уже были известны науке в переводах Н.Я. Бичурина, Лю Маоцая и др. [Liu Mau-tsai 1958, с. 263-268], однако биографии большинства из них все еще оставались неизвестными. Не останавливаясь на историографическом аспекте этой темы, хотелось бы обратить внимание на особенности жизнеописаний как исторического источника. Сразу отметим, что иноземцы, биографии которых включены в династийные истории, сыграли в жизни Танской империи неодинаковую роль. В зависимости от той роли, которую сыграл человек, его биография помещалась в тот или иной раздел сочинений, например, «Верные чиновники», «Бунтари», «Злодеи» и т.д.

Среди тюрков-*туцзюэ*, оставивших след в истории танского Китая, выделяются представители правящих родов *Ашина* и *Ашидэ*. В те периоды, когда тюрки вовлекались в орбиту танской политики, на страницах исторических трудов появлялись сведения о тех или иных тюркских вождях. Многие из представителей Ашина упоминаются вскользь, а сведения о них носят фрагментарный характер. В мозаике быстротечных событий в правление первых танских императоров, связанных с борьбой Танской империи с восточными и западными тюрками, нашло свое место большое число тюркских вождей, либо воевавших за интересы танской династии, либо выступавших против нее. Однако только особо отличившиеся перед династией были удостоены самостоятельных жизнеописаний в танских историях. Так, несмотря на то, что в источниках достаточно много упоминаний о тюркских вождях из родов *Ашина* и *Ашидэ*, в династийных историях мы находим всего несколько жизнеописаний знатных тюрков.

В качестве примера жизнеописаний иноземцев можно сослаться на главу «Синь Тан шу» под названием «Военачальники [из числа] разных варваров» (*чжуи фаньцзян*) [СТШ, гл. 110, с. 4111-4130]. Она содержит разные по объему повествования о военачальниках иноземного происхождения, служивших китайским императорам в основном в период экспансии танского государства. Глава начинается с краткой биографии западного тюрка принца Ши Даная, который подчинился суйской

династии вместе с Чуло-каганом и служил императору Ян-ди (605-617 гг.). Ши Данай участвовал в походах суйских войск против Кореи и с соплеменниками подчинился основателю Танской империи Гао-цзу в северном округе Тайюань. За верность основателю новой династии он был пожалован фамилией *Ши*, которую, кстати, часто носили согдийцы, выходцы из Ташкента. Он умер в начале правления императора Тай-цзуна (627-649 гг.). Другими тюрками, чьи биографии включены в эту главу, были Ашина Суниши, перешедший на танскую сторону со своим народом во время крушения Первого Восточно-тюркского каганата в 630 г., его сын Ашина Чжун, отличившийся тем, что пленил и передал танским властям тюркского Сели-кагана, а также подчинившиеся Китаю Ашина Шэр (635 г.), токуз-огуз Циби Хэли (632 г.) и его сын Циби Мин. В главе содержатся также повествования о предводителях других «варварских» народов, верно служивших Поднебесной империи – корейцев, мохэ, тибетцев, сяньбийцев и др.

Сведения о тюркских вождях, которые были вовлечены в отношения с Китаем, но не проявили себя службой императору, разбросаны в разных главах династийных историй и упоминаются в связи с конкретными военно-политическими событиями. Например, в источниках имеются отрывочные сведения об Ашидэ Юаньчжэне, тюркском вожде, которого ученые идентифицируют с известным тюркским сановником Тоньюкуком [Кляшторный 1964, с. 29-31]. Анализ разрозненных сведений о человеке иногда позволяет раскрыть его роль в обществе намного лучше, чем роль деятеля, удостоенного краткой биографии, если последняя состоит из сплошного перечисления его почетных титулов и должностей.

Несомненно, биографические сведения вообще и конкретные жизнеописания в частности раскрывают роль тюрков и ираноязычных народов в разные периоды истории Танской империи. Однако они не дают представления о численности тюркского или ираноязычного населения в империи на разных этапах ее истории. Для этого важно иметь данные о численности населения, которая может быть размещена в разделах о географии и административной системе Срединного государства. Такие данные, к сожалению, носят отрывочный и бессистемный характер и имеются только для отдельных периодов, когда

тюрки и согдийцы переселялись в Китай, и чиновники регистрировали их численность лишь в отдельных округах и областях [Малявкин 1980, с. 115-116].

Сведения танских источников о внутренних «варварах» относятся чаще всего к их военной и административной карьере, участию в походах и битвах, иным заслугам перед династией. Перечисление должностей, титулов, пожалований и заслуг обычно занимает значительную часть текстов биографий. Сведений, представляющих этнографический интерес, в биографиях довольно мало. В жизнеописаниях тюрков обычно указывается на особенности кочевого образа жизни и связанные с ним характеристики человека, такие, как воинственность, ловкость, мужественность, умение ездить верхом на лошади, стрелять из лука. Одним из редких сведений об обычаях является, к примеру, сообщение о том, что после смерти токуз-огуза (уйгура) Пугу Хуайэня его тело было сожжено, что свидетельствует о существовании традиции трупосожжения у некоторых огузских племен [ЦТШ, гл. 121, с. 8а].

Тюркские, согдийские, арабские и персидские источники по истории тюрков и иранцев Танской империи

Тюркские рунические надписи для нашего исследования представляют определенный интерес, несмотря на то, что мы рассматриваем в основном проблемы внутренней жизни Китая. Политические коллизии в степи неоднократно приводили к миграции тюркских племен, а вместе с ним и согдийцев, в Китай, в связи с чем отношения тюрков с Поднебесной империей выступали на передний план, получая отражение и в тюркских надписях.

Тюркские рунические надписи интересны тем, что они рассказывают о тех событиях, которые были важны для тюркского общества, а не для Китая, представляя свою, отличную от китайской, интерпретацию. С.Г. Кляшторный отмечал политическую тенденциозность их повествований, которая, однако, «не только не снижает но, напротив, значительно повышает ценность источника, так как сопоставление программных деклараций и дискуссионных суждений относительно тех или иных событий позволяет лучше увидеть социальные конфлик-

ты и политические противоречия внутри каганата, чем это возможно при знакомстве с протокольным описанием «исторических происшествий» в китайских анналах» [Кляшторный 1964, с. 55].

Памятники Тюркского каганата, сведения которых представляют интерес для нашего исследования, включают царские надписи в честь Кюль-тегина, Бильге-кагана, Тоньюкука и Онгинскую надпись. Памятник Кюль-тегину был частью погребального комплекса, сооруженного после смерти этого влиятельного тюркского принца при помощи присланных императором Сюань-цзуном китайских мастеров в 732-733 гг., и содержит тюркский и китайский тексты. Надпись Бильге-кагана, старшего брата Кюль-тегина, была составлена после его смерти в 735 г. и также имеет китайскую часть, которая была написана историографом Ли Жуном [Кляшторный 1964, с. 60]. Значение памятника в честь Тоньюкука обусловлено тем, что этот мудрый советник тюркских каганов прожил много лет в Китае в период, когда тюрки подчинились танскому императору и были поселены в северных приграничных областях страны. Уже в первой строке надписи сообщается, что он получил воспитание в Китае, когда тюрки находились «в подчинении у китайского государства» [Малов 1951, с. 64]. В научной литературе стала общепринятой идентификация Тоньюкука с Ашидэ Юаньчжэнем, отрывочные сведения о котором имеются в китайских источниках [Кляшторный 1964, с. 27-31]. Этот знатный тюрк содержался и воспитывался при танском дворе и во время мятежа тюрков был направлен в их лагерь, чтобы увещевать их и погасить бунт. Направленный к тюркам для переговоров, Ашидэ Юаньчжэнь (Тоньюкук) сам примкнул к восставшим и сыграл большую роль в том, что восстание стало успешным, и тюрки смогли накопить силы, чтобы вернуться в степь и восстановить свое государство. Надпись Тоньюкука была установлена при жизни героя и в последующем стала частью погребального комплекса; она датируется примерно 716 годом.

К царским тюркским памятникам близка по содержанию Онгинская надпись, являющаяся эпитафией Алп Элетмиша, одного из полководцев Капагана и Бильге-кагана (731 г.) [Войтов 1989]. Другие тюркские памятники не содержат сколько-нибудь важных сведений,

которые можно было использовать для характеристики положения тюрков в Китае.

Камнеписные памятники уйгурской эпохи имеют значение при анализе уйгуро-танских взаимоотношений, особенно активизировавшихся во время восстания Ань Лушаня и его преемников. Эти памятники представлены надписями из Могойн Шине Усу (Селенгинский камень, 759-760 гг.) [Рамстедт 1914; Камалов 2003], Терхинской надписью (753 г.) [Klyashtornyi 1983], Тэсинской надписью (762 г.) [Klyashtornyi 1985], Сэврэйской билингвой (763 г.) [Klyashtornyi-Livšic 1972a] и Карабалгасунской трилингвой (820-821 гг.) [Васильев 1897]. В последние годы многие из этих надписей перечитаны заново японскими учеными [Moriyasu 1999; Katayama 1999; Osawa 1999] и российским тюркологом С.Г. Кляшторным [Кляшторный 2010, с. 38-44, 55-67, 86-89, 94].

Согдийские камнеписные тексты тюркской и уйгурской эпох содержат некоторые косвенные сведения, касающиеся согдийцев Танской империи и их роли в тюрко(уйгуро)-китайских отношениях. К ним относятся Бугутская надпись Первого Тюркского каганата, и согдийские надписи уйгурской эпохи – Сэврэйская билингва и Карабалгасунская трилингва. Последняя содержала тексты на трех языках – уйгурском, китайском и согдийском. Основная часть Карабалгасунской надписи была открыта экспедицией Н.М. Ядринцева в 1889 г., отдельные фрагменты согдийской версии – А. Гейкелем в 1890 г. и В.В. Радловым. Из трех частей надписи больше всего от эрозии пострадала уйгурская. Согдийская версия надписи первоначально была принята учеными за уйгурскую, и только в 1909 г. Ф.В.К. Мюллер определил ее язык как согдийский. Первый полный перевод согдийского текста принадлежит О. Хансену [Hansen 1930]. По мнению С.Г. Кляшторного и В.А. Лившица, «от согдийской версии Карабалгасунской надписи сохранились фрагменты, составляющие в общей сложности, по-видимому, ¼ первоначального ее текста. Согдийская версия надписи отличалась некоторыми существенными деталями от китайской версии. Так, в частности, только в согдийской версии содержится точное обозначение религии Мани, принятой в 763 г. в качестве официальной религии в Уйгурском царстве» [Кляшторный-Лившиц 1979, с. 49-50]. Карабалгасунская надпись также рассказывает о том, как уйгурский каган во время похода в Китай познакомился с религией Света и забрал с собой

в степь четырех манихеев, в отношении этнического происхождения которых нельзя сомневаться – они были согдийцами [Камалов 2001, с. 194-197]. Влияние согдийцев на уйгуров проявилось не только в распространении религии Мани, но и создании уйгурского письма на основе согдийского алфавита [Ščerbak 1983].

Надпись из Сэврэя также содержит тексты на уйгурском и согдийском языках. Камень был установлен в начале 763 г. на пути возвращения войска Бёгю-кагана из Китая в степь. Плохо сохранившиеся лапидарные тексты не донесли до нас сколько-нибудь важной информации, но само наличие согдийской надписи на камне имеет большое значение: оно показывает усиление роли согдийцев в Уйгурском каганате после уйгурских походов в Китай [Кляшторный-Лившиц 1971б, с. 111]. В связи с восстанием Ань Лушаня заслуживает внимания открытый Т. Мориясу небольшой фрагмент уйгурского текста из Турфанской коллекции Берлина, упоминающий военную помощь уйгуров танскому императору [Moriyasu 2003, с. 50-51].

Положение согдийцев в Танской империи отразилось в согдийских рукописях из Восточного Туркестана и Дуньхуана. Большая часть их представляет собой религиозную литературу буддийского, манихейского и христианского содержания, что очень важно для изучения религиозной жизни согдийских колоний в этих районах [Восточный Туркестан 1992, с. 277-297; Чугуевский 1971].

Значительный интерес представляют найденные в последнее время китайскими археологами китайско-согдийские двуязычные тексты на надгробных плитах, которые содержат сведения о согдийцах в Китае более раннего времени [Сутэжэнь 2005].

К немногим арабским источникам, отразившим события в Китае в танскую эпоху, относятся тексты, посвященные арабо-китайским торговым и морским связям. Самым ранним арабским повествованием, упоминающим восстание Хуан Чао (873-884 гг.), можно считать текст, составленный после 866 г. Абу Зайдой из Сирафа [Levy 1961, с. 109]. Его повествование является продолжением какого-то анонимного сочинения, созданного в 851 году. Оба сочинения, содержащие пассажи о восстании Хуан Чао, были переведены впервые французским аббатом Юзеб Ренодо в 1718 г., а затем переиздавались. В них имеются разные сведения о Китае и Индии. Как отмечает Х. Леви, информация Абу Зайда была основана на сведениях ибн Ваххаба, путешество-

вавшего в Китай и бывшего на аудиенции императора в Чанъане. В источниках нет прямых указаний на то, когда он посетил Китай, но П. Пелльо полагал, что текст о Китае был составлен за несколько лет до 915 г. [Levy 1961, с. 18-19].

Другим арабским сочинением, содержащим информацию о восстании Хуан Чао, является «Мурадж ад-дахаб» (Золотые лужайки) арабского историка и географа Мас'уди, составленное в 943 г. [Levy 1961, с. 109]. Это сочинение впервые было переведено на французский язык Куртелье в 1861-1877 годах. Исследователи полагают, что Мас'уди приводит крупные пассажи из сочинения Абу Зайда.

Одной из дискуссионных проблем в арабских текстах о Китае является название города «Ханфу/Ханку». Абу Зайд сообщает, что Хуан Чао атаковал и захватил Ханфу в 264 г. хиджры (13 сентября 877 – 2 сентября 878). Существуют две идентификации этого города: 1) Гуанчжоу в провинции Гуандун и 2) Ханчжоу в провинции Чжэцзянь. Вот что пишет В.А. Вельгус по этому поводу: «Что касается разрушения мусульманских поселений, разграбления купеческих судов, убийства более двенадцати тысяч мусульман, христиан, иудеев и исповедовавших другие религии иноземцев, – все это связано с восстанием Хуан Чао и взятием города Гуанчжоу в 879 г. Но следует иметь в виду, что в научной литературе можно встретить разноречивые данные относительно этой катастрофы, постигшей иноземцев в Китае: в одних случаях называют 879 год, в других 878 год, в третьих указывают – около 800 г.; некоторые сообщают, что это произошло в Ханчжоу, другие называют г. Гуанчжоу. Фан Хао, например, даже считает, что это избиение иноземцев имеет отношение к Пан Сюню, а не Хуан Чао. Подобная разноречивость вызвана расхождением на этот счет данных в самих китайских источниках» [Вельгус 1987, с. 128, к. 27].

Кроме трудов Абу Зайда и Мас'уди существует еще две записи на арабском языке, упоминающие восстание Хуан Чао. К ним относятся краткие сведения Ибн ал-Асира (1160-1234 гг.) [Кумекон 1987, с. 19], в которых говорится о захвате Ханку. Любопытно сообщение об истреблении большого числа мусульман, христиан, иудеев и зороастрийцев, живших в городе. Также заслуживает внимания сообщение о большом сражении, произошедшем между китайским царем и повстанцами на подступах к столице. В сочинении Ибн ал-Асира утверждается, что китайский царь получил военную помощь от пра-

вителя Индии, в то время как в записях Абу Зайда и Мас'уди говорится о тюркском правителе [Levy 1961, с. 112]. Буквально несколько строк о восстании в городе Ханку в 264 г. хиджры и истреблении иноземцев в нем помещает в своем труде Абу'л Фида (умер в 1331 г.).

Если события, происходившие в южных приморских городах Китая, нашли, хотя и слабое, отражение в арабских источниках, то события в остальной части Китая в них практически не описаны. Существуют попытки на основе сопоставительного анализа арабских и персидских сведений определить в них «отзвуки» событий в Китае. К таким сведениям относится, например, информация персидского историка Гардизи в сочинении «Зайн-ал-ахбар» (Украшение известий, 1049-1058 гг.) [Бартольд 1978, с. 23-62]. Как установил К. Цегледи, некоторые сведения этого сочинения могут быть отнесены к тюркам, поселявшимся на территории Китая [Czeglédy 1973].

Обобщая характеристику источниковой базы данного исследования, отметим, что основными источниками для изучения истории тюрков и иранцев в Танской империи являются китайские сочинения, в то время как параллельные источники на других языках лишь дополняют и уточняют их. Китайские известия позволяют охарактеризовать взаимоотношения тюрков и иранцев с китайцами и с другими народами, определить их роль во внутренней жизни страны. Конечно, китайские повествования представляют китаецентрическую картину жизни иноземцев в Срединном государстве. Тем не менее, анализ их сведений позволяет выйти за те рамки, которые очерчены китайскими историографами, и составить более полное представление о жизни тюрков и ираноязычных народов в танском Китае.

Иноземцы сквозь призму имперской идеологии

История тюрков и иранцев в Танской империи относится к обширной теме взаимодействия ханьцев с народами, населявшими соседние территории или прибывавшими в Китай из далеких стран. Взаимоотношения ханьцев с иноземцами могут быть рассмотрены с точки зрения теоретических подходов, существующих в социальных науках. Взаимодействие это, в основе которого лежит оппозиция «мы – они», имеет большое значение для изучения самоидентификации

вступавших в контакт народов, в данном случае самих ханьцев, с одной стороны, и тюрков и иранцев, с другой [Крюков 1987, с. 263-267]. История взаимодействия ханьцев с соседними народами началась задолго до танского периода, применительно к которому мы можем говорить уже о сформировавшейся ханьской этнической идентичности, отраженной в восприятии Китая как Срединного государства (кит. *Чжунго*), его центральном месте в мироздании и цивилизующей роли ханьцев во взаимоотношениях с другими «варварскими» народами. Знание этих представлений, сложившихся в рамках китайской имперской идеологии и доживших до наших дней в модифицированном виде, имеет большое значение по двум взаимосвязанным причинам. Во-первых, знание традиционных представлений ханьцев о том, как устроен мир, и какое в нем занимают место ханьцы, имеет значение для понимания тех или иных исторических событий, в которые были вовлечены иноземцы и научной интерпретации политических мер, предпринимавшихся китайскими правителями в отношении иноземцев, как соседей, так и тех, кто оказывался на территории Китая. Иными словами, знание китаеццентрической модели мира важно для выявления исторических фактов и их интерпретации китайскими историографами, которые описывали события в словах и выражениях, свойственных имперской идеологии.

Представления китайцев о мироздании и взаимоотношениях Срединного государства с другими народами и странами достаточно подробно изучены российскими и западными учеными и могут быть применены для исследования истории иноземцев в Танской империи. Эти представления лежали в основе китайской имперской идеологии, сохранявшейся до падения императорской власти в 1912 году. Впрочем, традиционная китаеццентрическая модель мироздания является источником вдохновения и для идеологии современного китайского государства.

Традиционные имперские представления о мироустроении, которые определяли место в мироздании ханьцев и иноземцев и которыми руководствовались китайские правители и чиновники, начали формироваться уже в обществе *хуася* (китайцев), обитавших в междуречье Хуанхэ и Янцзы в первой половине I тысячелетия до н.э. Модель мира, сложившаяся у предков ханьцев в период Шан-Инь (XVI-XI вв.

до н.э.), была, как и у других оседло-земледельческих народов, эгоцентричной и в своей основе имела противопоставление *хуася* окружавшим им народам. Последние представлялись как «жадные», «воинственные» дикие варвары, не соблюдающие моральных норм и наделенные больше чертами животных, чем человеческими [Гончаров 1986, с. 8]. Представления о превосходстве ханьцев над «варварами» получили развитие в последующем в период могущественной Ханьской империи, когда они сформировались в четкую концепцию о месте и роли Срединного государства во всеобщем мироздании. Богатая событиями внутренней жизни и отношениями с окружавшим миром ханьская династия и в меньшей мере ее непосредственные преемники внесли свой вклад в развитие имперской идеологии Китая, которая в период танской династии существовала уже в виде стройной мировоззренческой системы.

В основе государственной идеологии Китая, как это установлено синологами, лежали две доктрины, которые проявлялись в сфере внешних отношений. Первая из них была подробно изучена российским китаеведом А.С. Мартыновым, который назвал ее доктриной «мироустроительной монархии». На примере взаимоотношений Китая с Тибетом в XVII-XVIII вв. А.С. Мартынов раскрыл основные её положения [Мартынов 1978, с. 6-46]. В основе доктрины лежало деление мира на две неравнозначные части: Китай, находившийся в центре мироздания, и потому определявшийся как «Срединное» государство, и остальной мир, занимавший его периферии и населенный «варварами». Управление миром и поддержание порядка возлагались на верховного правителя Срединного государства – китайского императора, имевшего небесное происхождение: его сакральный статус подчеркивался в представлении о нем, как о Сыне Неба (кит. *тяньцзы*), рожденном Небом и получившим «мандат Неба» (кит. *тяньмин*) на управление всеми, кто населяет землю. Власть императора, таким образом, была божественной и мыслилась как универсальная, всеобъемлющая и распространяющаяся не только на жителей Срединного государства, но и на всех «варваров четырех сторон света», то есть на всю остальную часть мира. Таким образом власть Сына Неба распространялась в равной мере как на жителей Поднебесной империи, так и на всех, кто жил за ее пределами [Мартынов 1978, с. 37-44].

«Варвары» воспринимались китайцами как полулюди, имевшие только человеческую внешность, но внутренне близкие к животным. В соответствии с теорией «мироустроительной монархии», император обладал благой силой *дэ*, с помощью которой оказывал на «варваров» преобразующее влияние. Всеобщий порядок во Вселенной обеспечивался правильным правлением императора. Когда этот порядок соблюдался, отношения Китая и «варваров» должны были носить форму «даннических связей». «Варвары» являлись «подданными» Сына Неба и обязаны были регулярно являться ко двору с подношением «дани», получая взамен титулы и почетные должности. Однако на деле иноземцы не всегда выражали покорность китайскому правителю. В этом случае они объявлялись бунтовщиками, выступившими против воли Неба и находившимися в заблуждении, не желая приобщиться к преобразующему влиянию Сына Неба. Чтобы привести в мир в порядок, император карал своей мощью и приводил в умиротворение своих взбунтовавших подданных, после чего вновь мир приходил в гармонию. Эта теория, утверждавшая превосходство китайцев над остальным миром, не допускала равноправия в отношениях китайцев с иноземцами и не предполагала заключения равноправных договоров между Китаем и иноземцами [Мартынов 1981, с. 5; Moses 1976]. Однако практика не всегда соответствовала теории, и Китай зачастую оказывался слабее иноземцев и был вынужден заключать с ними равноправные договоры. Такая ситуация оценивается А.С. Мартыновым как «искажение», «деформация» имперской идеологии, которая, тем не менее, продолжала рассматривать ее в терминах мироустроительной концепции [Мартынов 1981, с. 10-11].

Существование, наряду с концепцией «мироустроительной монархии», другой концепции было обосновано М.В. Крюковым. Изучив историю договорных отношений Китая с соседями, он пришел к выводу о существовании иной модели взаимоотношений между Китаем и «варварами», предполагавшей возможность равноправных отношений Китая с суверенными государствами-партнерами [Крюков 1980, с. 7].

В соответствии с этими двумя концепциями рассматриваются обычно отношения традиционного императорского Китая с соседними на-

родами и государствами в историческом прошлом. Однако применяются они по-разному: некоторые ученые полностью поддерживают одну концепцию, отвергая вторую, другие же полагают, что обе концепции применялись в практике дипломатических отношений Китая: в периоды могущества Китая его отношения со слабыми соседями выражались в терминах «перманентного сюзеренитета» и «даннических отношений», в то время, как в отношениях с равными по силе государствами китайцы обращались к традиции «стратегической дипломатии», предполагавшей равноправие во взаимоотношениях [Гончаров 1986, с. 5-6].

С.Н. Гончаров в своем исследовании, посвященном отношениям между империями Цзинь и Сун (1127-1142 гг.), отметил «земледельческую» основу доктрины «мироустроения» [Гончаров 1986, с. 8]. По его мнению, идеология «мироустроительной монархии» по своему происхождению была связана, прежде всего, с внутренней политикой древних государств на территории Китая и отражала потребности земледельческого общества, в котором создание нормальных условий для земледельческого производства было важнейшей задачей государства. «Гармонизация» Вселенной означала такую ситуацию, когда «времена года под влиянием *дэ* в положенные сроки сменяли друг друга, небесные светила двигались определенным для них порядком, реки текли по своим руслам, горы стояли на своих местах и не рушились. Люди под воздействием благого влияния *дэ* преобразовывались душою, покорялись правителю и несли предназначенные для них обязанности» [Гончаров 1986, с. 7]. При этом, как полагает С.Н. Гончаров, отношения с внешним миром и «варварами» были лишь одним из элементов доктрины «мироустроения», которая подчинялась внутренней цели общества, а именно созданию благоприятных условий для земледельческого труда [Гончаров 1986, с. 8]. Вместе с тем, внутренними потребностями была вызвана также и практика заключения равноправных договоров.

Обе эти традиции «мироустроения» и «равноправия» стали формироваться уже в период династии Чжоу (XII-III вв. до н.э.) в практике взаимоотношений между княжествами, созданными китайцами (кит. *хуася*). Уже в VIII в до н.э. известно широкое применение в отношениях между княжествами и уделами «династийных браков», которые

в последующем стали использоваться как важное средство достижения мира в отношениях Китая с «варварами» [Кроль 1989, с. 66]. Тем самым концепции «мироустройства» и «равноправия» первоначально применялись для регулирования отношений внутри китайского государства и только позже легли в основу внешнеполитических доктрин, на основе которых выстраивались отношения с «варварами».

Важным этапом в становлении внешнеполитических доктрин Поднебесной империи стал период существования объединенных империй Цинь (221-207 гг. до н.э.) и Хань (206 г. до н.э. – 220 г. н.э.), когда политика экспансии сделала неизбежными контакты ханьцев с иноземцами. В это время на северных рубежах Китая возникла могущественная империя кочевников *сюнну*, которая стала угрожать северным рубежам империи и вступила в противоборство с Ханьской империей за господство над оазисами Восточного Туркестана, расположенными на Великом Шелковом пути [Восточный Туркестан 1988, с. 250-264].

Следует сказать, что *сюнну* не были первым иноземным народом, с которым столкнулись ханьцы на севере. Самые ранние упоминания населения Центральной Азии в китайских источниках относятся к VII-VI вв. до н.э. Китайцы использовали разные термины для обозначения «варваров», живших по «четырем сторонам света». К северным и восточным соседям, которыми были кочевые народы Центральной Азии, применялись названия *жун* и *ди*, а несколько позже они также стали называться *ху*. Описания *жунов* и *дунху* (восточных *ху*) в китайских сочинениях характеризуют их общество как родоплеменное, «не знающее глубокого социального расслоения и насильственного авторитета» [Кляшторный-Савинов 2005, с. 17-18]. Войны с некоторыми из них описаны в ранних надписях на сосудах, к которым относится упоминание военных столкновений с племенами Страны демонов, примыкавшей к излучине Хуанхэ (Ордос). Эти жуны описываются как «варвары с сердцами шакалов и волков», которые «ходят с распущенными волосами» и «одеваются в шкуры», а также «не употребляют в пищу хлебных злаков» [Бичурин 1950-1953, т. 1, с. 39-45].

Разные подходы к «варварам» в рамках доктрины «мироустройства» впервые проявились только в отношениях с *сюнну*, которые впервые как противники китайцев появляются в IV в. до н.э. История

противостояния китайцев с *сюнну* стала знаменательной по многим причинам. Прежде всего, возникшие почти одновременно государства Хань и *сюнну* были первыми объединенными могущественными империями как в истории Китая, так и в истории кочевых народов Евразии. Отношения с *сюнну* были важны для китайских историографов не только с политической точки зрения, но, что намного важнее, для характеристики модели отношений с иноземцами вообще. Сюнну стали для китайцев классическим образцом «варваров», отличавшихся от китайцев во всем: представления о *сюнну*, запечатленные в исторических трудах, еще долго служили для китайских политиков, историков и идеологов классической характеристикой варваров.

Конфликт между Ханьской империей и государством *сюнну* стал первой крупной конфронтацией китайцев и кочевников. Основанная в 206 г. до н.э. ханьская династия наследовала имперскую организацию, созданную Циньской империей. К тому времени, когда основоположник ханьской династии Лю Бан пришел к власти, в степи усилился предводитель сюнну Маодунь [Кляшторный 1986а, с. 314]. Лю Бан (император Гао-ди) решил обезопасить северные границы, которым стали угрожать *сюнну*. Первый поход китайцев в 200 г. до н.э. против *сюнну* закончился провалом. Продвинувшись вглубь территории противника и оторвавшись от основных армейских частей, возглавляемые ханьским императором войска попали в окружение. Тогда император был вынужден заявить о готовности заключить с *сюнну* союз, основанный на родстве, пообещав выдать принцессу из ханьского дома за их предводителя. Этот союз был заключен только после нескольких набегов *сюнну*, заставивших Ханьскую империю пойти на мир с ними [Кляшторный-Султанов 1992, с. 59].

Ханьская империя была вынуждена платить дань *сюнну*. Заинтересованные в большем объеме продуктов оседлого хозяйства *сюнну* пытались установить торговые отношения с Китаем, которые, однако, были невыгодны для китайцев. Ханьской стороной торговля признавалась как форма даннических отношений («нет дани [от варваров] – нет и торговли с ними, есть дань – есть и вознаграждение (т.е. торговля)»). Сюнну продолжали совершать набеги на северные границы и опустошать приграничные районы, и только после серии таких набе-

гов в 152 г до н.э. император Сяо-цзин снова заключил мир с *сюнну* и «открыл рынки на пограничных пропускных пунктах» [Таскин 1968, с. 49].

Новый цикл войн ханьцев с *сюнну* открылся в 133 г. до н.э. Усилившийся император У-ди (140-87 гг. до н.э.) решил вернуть захваченные ранее кочевниками пастбища к югу от Гоби и уничтожить противника [Таскин 1968, с. 50-52]. Поход 127 г. до н.э. оказался успешным: *сюнну* бежали, покинув захваченные пастбища, которые перешли к ханьцам, начавшим немедленное освоение этих земель [Кляшторный-Султанов 1992, с. 65]. Через несколько лет воодушевленные успехом ханьцы продолжили войну на территории *сюнну*. Война шла с переменным успехом. В 119 г. до н.э. китайская армия захватила северную ставку *шаньюя* и перебила около 90 тысяч его соплеменников. Противоборство перекинулось на территорию Восточного Туркестана, которая находилась до этого под властью *сюнну*. Агрессивная наступательная политика У-ди не имела успеха, и одним из серьезных поражений ханьской политики в отношении *сюнну* стал захват в плен в 99 г. до н.э. ханьского генерала Ли Лина (ум. в 74 г. до н.э.) [Drompp 2005, с. 16].

Взаимоотношения между двумя державами изменились значительно в середине I в. до н.э., когда государство *сюнну* вступило в полосу внутренних неурядиц. В 58-57 г до н.э. ханьский двор узнал о том, что в ставке правителя *сюнну* началась борьба за власть и на престол шаньюя претендовали несколько человек. После нескольких лет междоусобной борьбы остались только два претендента на верховную власть: Хуханье и его старший брат Чжичжи гудухоу, больше известный в источниках как Чжичжи [Кляшторный-Султанов 1992, с. 65]. Не будучи в состоянии нанести поражение своему противнику, Хуханье стал искать защиту в Китае. Чтобы заручиться поддержкой могущественного соседа в 53 г. до н.э. он объявил себя вассалом ханьского императора. Он послал своего сына на «службу» к китайскому двору, иными словами, отправил его туда в качестве заложника [Yang Lien-sheng 1952, с. 509-510]. Чжичжи также послал сына к ханьскому двору, вероятно, чтобы помешать союзу своего соперника с китайцами.

Зимой 52-51 г. до н.э. Хуханье предложил свое формальное подчинение ханьской династии и попросил разрешения проследовать в

столицу. Получив согласие, в начале 51 г до н.э. он прибыл в Чанъань, где к нему проявили большое уважение и пожаловали разные дары. Император Сюань-ди (73-49 до н.э.) оказал помощь ему зерном и войском, хотя, вполне вероятно, что последнее было направлено в качестве эскорта возвращавшегося в степь Хуханье [Drompp 2005, с. 16].

В 50 г. до н.э. и Хуханье, и Чжичжи послали посланников к ханьскому двору с представлением дани, и император использовал этот случай, чтобы продемонстрировать свою поддержку Хуханье. На следующий год Хуханье совершил еще одну поездку к китайскому двору. Опасаясь объединения сил Хуханье и Ханьской империи, Чжичжи бежал сначала к кыргызам, потом в государство Канцзюй, расположенное в долине реки Чу, Таласа и среднего течения реки Сыр-Дарьи. После неудачной попытки улучшить отношения с ханьским двором, Чжичжи вступил в союз с правителем Канцзюя, женившись на дочери правителя этого государства и выдав дочь ему в жены. Чжичжи погиб в 36 г. до н.э. во время сражения с китайцами. Между тем Хуханье продолжал поддерживать дружественные отношения с Китаем [Таскин 1968, с. 53-54].

Отношения Китая с *сюнну* часто обсуждались китайскими историками. История взаимоотношений династий Цинь и Хань с *сюнну* дает примеры двух разных отношений с «варварами», направленных на их усмирение и установление гармонии в Поднебесной. Циньский император У-ди показал пример применения агрессивного воинственного подхода к усмирению «варваров» и ликвидации угрозы набегов с их стороны. Несмотря на то, что император У-ди восхищал силой и решительностью, все же многие историки рассматривали его походы как безуспешную и бессмысленную трату сил. На самом деле, сам император в последние годы своей жизни ставил под сомнение правильность избранной им тактики и принятых мер в отношении *сюнну*. Таким образом, действия У-ди рассматривались как неэффективная модель обращения с иноземцами, создающими угрозу интересам Срединного государства [Drompp 2005, с. 17-18].

Совершенно по-иному оценивалась модель отношений с *сюнну*, продемонстрированная ханьским Сюань-ди. Подчинение Хуханье рассматривается в китайских анналах как экстраординарное событие и результат правильной политики императора, который сумел поко-

ритель противника без военных действий, хотя совершенно ясно, что успех этот носил случайный характер и был результатом внутренней борьбы в обществе *сюнну*. Результаты политики в отношении *сюнну* при императоре Сюань-ди оказались противоположными попытке разрешить «сюннский вопрос» вооруженным способом при Цинь и ханском У-ди. Китайские ученые воспринимали подчинение Хуханье как «едва ли не единственное событие в истории иностранных отношений ханьского периода» [Drompp 2005, с. 17] и очень часто восхваляли Сюань-ди, несмотря на то, что он лично не играл никакой роли в ослаблении *сюнну*, а лишь воспользовался случайными и непредвиденными последствиями внутренних войн среди них, в то время как ханьский У-ди имел дело с *сюнну* в период их могущества и столкнулся с сильным и объединенным государством кочевников. Тем не менее, вряд ли можно считать, что мир, наступивший на границах Китая с подчинением Хуханье, был просто удачей для Китая. На самом деле, вокруг Сюань-ди было немало советников, уговаривавших его применить в отношении *сюнну* агрессивную наступательную политику.

В официальной дискуссии о тактике в отношении *сюнну* высказывались совершенные разные точки зрения, но императором было поддержано мнение секретаря Сяо Ванчжи, который, опираясь на исторические примеры, обосновывал необходимость уважительного отношения к Хуханье. Именно он убедил императора в необходимости обращаться к *шаньюю*, когда он прибыл к китайскому двору, как к главе самостоятельного государства, поставив его выше обычных князей (кит. *ван*) и маркизов (кит. *бо*) [Drompp 2005, с. 18].

Политика в отношении иноземцев, обоснованная Ван Сянчжи, стала известна как политика *цзими*. Этот термин переводится учеными по-разному: «постоянно держать в узде» (А. Мартынов), «непрерывно держать на привязи» (В. Таскин), «политика «ненатянутой узды» без разрыва отношений» (Ю. Кроль), «держать в ослабленной узде, не прерывая сношений» (С. Гончаров) [Кроль 1987, с. 77; Попова 1999, с. 188]. Буквально *цзи* означает «недоуздок, за который ведут коня», *ми* – «повод, за который ведут быка». Соответственно слово *цзими* означает «связывать, привязывать», «обуздывать (контролировать) варваров четырех сторон, как коней и быков, на которых надели недоуздок

и повод», «вести как коня за недоуздок и как быка в поводу» [Кроль 1987, с. 77-78]. Этот принцип управления при помощи «недоуздка» и «поводка» применялся ханьской династией в отношении к *сюнну* в 51-3 гг. до н.э.

По мнению Ю.Л. Кроля, моноцентрический мир в представлениях китайцев состоял из «внутренних» земель, где живут китайцы, и «внешних» земель, населенных варварами четырех сторон света [Кроль 1987, с. 78]. Последние выражают покорность (кит. *хуанфу*) Сыну Неба, но, находясь в самой отдаленной от центра зоне, являются ко двору с выражением покорности не постоянно, но время от времени. Отсюда, этот принцип оставляет свободу для иноземцев: от них не требуется являться с данью, и они не будут караться как мятежные подданные. Поскольку «варвары» населяют очень далекие земли, отделенные от центра природными преградами, то влияние китайского императора не доходит до них, поэтому они отличаются от китайцев своим характером: они свирепы, алчны, лживы, имеют звериные сердца, не руководствуются ритуалом и не следуют чувству долга; «их звериные сердца исполнены алчности, и трудно вести их при помощи обрядов». Ссылаясь на то, что варвары находятся вне сферы мироустроения, Ван Сянчжи считал, что к *шаньюю* нужно относиться как правителю равного государства. Принцип *цзими* в обосновании Ван Сянчжи включал положения, противоречащие основам концепции мироустроительной власти императора – Сына Неба.

Тем самым, идея «слабого руководства» была мирной формой императорской идеологии, в основе которой лежало китаецентрическое представление о мироздании. В политику «слабого руководства» входили непрерывные дипломатические отношения Китая с «варварами», хотя и нерегулярные: подношения даров, отправка в Китай сыновей-заложников, заключение договоров по мере необходимости. Эта политика проводилась Ханьской империей также в отношении южных «варваров» (кит. *мань*) и государств Западного края. Ю.Л. Кроль полагает, что отношения *цзими* были не только между Китаем и *сюнну*, но и между *сюнну* и другими народами (усунь, Канцзюй и др.) [Кроль 1987, с. 84; см. также Кроль 1978, с. 52, 56-57].

Таким образом, циньские и ханьские отношения с *сюнну* и наличие двух разных подходов к решению проблем с соседними кочевниками

– агрессивного экспансионизма и благожелательного патернализма, стали историческими примерами, на которые часто ссылались китайские ученые и чиновники при рассмотрении аналогичных случаев, возникавших в практике взаимоотношений Китая с другими народами в последующие периоды. Признавая динамичность наступательной завоевательной политики императора У-ди, его часто осуждали как чрезмерно амбициозного правителя, желавшего завоевать мир любой ценой, расточая ресурсы страны. Сюань-ди, наоборот, ставился в пример как умеренный правитель, мудрость политики которого заключалась в достижении мира, следуя принципу *хуайжюу*: доброта и мягкость, лежавшие в основе этого принципа, могли оказать на иноземцев преобразующее влияние и привести к установлению мира и порядка на границах Поднебесной империи.

Китайские историки выделяли две разные модели поведения и самих *сюнну*. *Шаньюй* Хуханье стал образцом «хорошего и смиренного варвара», который показывал эффективность политики *хуайжюу*, приведшей к подчинению мудрого иноземного вождя добродетельной и гуманной силе китайского императора. Чжичжи стал, напротив, воплощением «плохого и противоборствующего варвара», отвергшего благое влияние цивилизующей силы Срединного государства и доказавшего свою несостоятельность.

Китайские исторические записи о *сюнну* стали в последующем образцом для описания других кочевников, с которыми сталкивался Китай. Описание Сыма Цянем кочевых *сюнну* как народа, «передвигающегося с места на место в поисках воды и пастбищ», «не имеющего обнесенных стенами городов и постоянных жилищ» и не занимающегося земледелием, стало неким клише, которое воспроизводили последующие историки при описании кочевников [Бичурин 1950-1953, т. 1, с. 142-143]. Кроме того, в последующем термин *сюнну* часто стал использоваться историографами в качестве обобщающего слова в отношении кочевников, а методы разрешения проблем в отношениях с *сюнну* стали широко обсуждаться и применяться в аналогичных ситуациях.

Ссылки на *сюнну* были частыми и в китайской исторической литературе танской эпохи. Американский ученый М. Дромпп показал, что аналогичная с *сюнну* ситуация возникла после падения Уйгурского

каганата, когда в Северном Китае появилось большое число кочевников. Он обратил внимание на то, что в некоторых источниках, например, в «Сообщениях Цай Си», уйгурский правитель называется не *каганом*, а *шаньюем*, а уйгуры именуются «сюнну». Такие замены делались авторами текстов намеренно с тем, чтобы сравнить ситуацию с усмирением *сюнну* и подчинением *шаньюя* в ханьскую эпоху [Drompp 1988, с. 3].

Одновременно с политикой *цзими* в отношении к иноземцам Китай проводил политику *хэцинь* – мира, основанного на брачном союзе. Ю.Л. Кроль видит типологическое сходство отношений *цзими* и *хэцинь* [Кроль 1987, с. 83]. Выражение *хэцинь* (согласие и близость) могло характеризовать отношения как между кланами и независимыми китайскими владениями, так и между Китаем и «варварскими» государствами. Самый ранний случай заключения *хэцинь* относится к 200 г. до н.э., когда Хань заключил союз с *сюнну*, выдав за *шаньюя* принцессу из императорского дома. По договору, *сюнну* отказывались от набегов на Китай, который, в свою очередь, обязался посылать *шаньюю* ежегодные дары. Договор также устанавливал границы между Китаем и державой *сюнну*. Союз *хэцинь* вместе с тем не предполагал теоретически равных отношений, даже, несмотря на подношения со стороны китайцев: *сюнну* имели статус «внешнего подданного» или «внешнего подданного-гостя» [Кроль 1987, с. 71].

Династийные браки были важным институтом китайской дипломатии в Центральной Азии с древних времен. Заключение союза через родство с правящими домами иноземцев служило интересам Китая и являлось важным способом регулирования военно-политических отношений с соседями. Идеологическое обоснование брачных союзов с «варварами» не противоречило имперской политике и представлениям о мироустроительных функциях императора, несмотря на то, что заключение любого союза предполагало установление равновесия и баланса между договаривающимися сторонами. На деле, брачный союз заключался только в случаях усиления того или иного государства, когда Китай должен был считаться с его силой и нуждался в союзе с ним для обеспечения своей безопасности или в случае военно-политической необходимости союза против третьей стороны. Несмотря на то, что объявлялся брачный союз между китайской ди-

настией и правителем другой стороны, на практике он оформлялся таким образом, чтобы «сохранить лицо» китайского правящего дома. Это было возможным благодаря тому, что: а) императорский двор выдавал принцессу за иноземного правителя или его сына, б) за иноземного правителя выдавалась не дочь императора, а представительница правящей династии [Гончаров 1986, с. 15]. Первое давало основание установлению отношений, называвшихся «дядя-племянник»: в последующем сын, рожденный от брака китайской принцессы и правителя «варваров», приобретал статус племянника в отношении китайского императора. Отношения «правитель-подданный» сохранялись в результате заключения союза через родство благодаря тому, что в жены правителей соседних народов чаще всего выдавались не настоящие принцессы, а дальние родственницы императора, которым присваивался титул принцессы.

В истории заключения Китаем союзов через родство было только три случая, когда настоящие принцессы отправлялись замуж за правителей соседних народов. Все эти случаи были связаны с Уйгурским каганатом, когда танская династия, учитывая большую заслугу уйгуров в подавлении восстания Ань Лушаня, выдавала за их правителей настоящих принцесс [Maskerras 1968, с. 15, 77, 109].

Брачные союзы не только имели символическое значение как знак дружеских и союзнических отношений между Китаем и иноземцами. На деле, китайская принцесса и ее многочисленные приближенные, которых она привозила с собой, становились инструментом китайского влияния, как политического, так и культурного.

Союзы, основанные на родстве, были важны не только для Китая, но и правителей иноземных держав. Обладание китайской принцессой и установление родственных отношений с китайским императором повышали авторитет правителей иноземцев, как среди своего народа, так и в глазах соседей. Именно поэтому правители соседних стран часто обращались к императорскому двору с просьбой о заключении династийного союза, но не всегда получали согласие. Немало было случаев, когда правители выражали недовольство, если им отказывалось в союзе через родство. Не случайно, после падения Уйгурского каганата в 840 г. кыргызский правитель приложил все усилия, чтобы заполучить танскую принцессу, почти двадцать лет прожившую в ставке уйгурского кагана [Drompp 2005, с. 136].

Таким образом, основные принципы китаецентрической имперской модели мира были выработаны еще в древности. В ней особая роль отводилась Китаю, который рассматривался как центр вселенной и противопоставлялся остальной части мира. Миссия Срединного государства виделась в приведении варваров, жителей периферии, к цивилизации. Важное место в системе взаимоотношений между центром мира и его периферией отводилось китайскому императору, который имел божественное происхождение и «мандат Неба на правление». Функции «Сына Неба» были универсальными и мироустроительными: он должен был обеспечивать порядок в мироздании посредством поддержания даннических отношений. Иноземцы должны были регулярно присылать в Китай послов с подношениями дани местными продуктами; взамен они получали высокие титулы, звания и награды.

Даннические отношения, с одной стороны, являлись частью китайской идеологии, с другой стороны, отражали реальную ситуацию, когда между Китаем и соседями устанавливались отношения вассалитета. Однако независимо от того, были ли отношения реально данническими или нет, китайская историография представляла любое иноземное посольство в Китай как «данническое» [Moses 1976, с. 87-88]. Всякое подношение императору фиксировалось историографами как дань (кит. *гун*), даже если посланники привозили товар для обмена, и речь шла о простых торговых отношениях [Малявкин 1975а, с. 53-55]. С другой стороны, в практике дипломатических отношений Китая с другими странами и народами даннические миссии действительно имело место быть, и в них зачастую были заинтересованы сами правители иноземцев. Покровительство, декларировавшееся китайским императором, получение инвеституры на правление, обязательно оформлявшееся императорским приказом о назначении вождя на высокий пост, имели легитимизирующее значение для последних. Признание китайским императором вождя племени (союза племен) или правителя страны делало законным их правление в глазах своего народа и соседей. Выявление торговых посольств, которые описываются в источниках как «даннические», требует тщательного текстологического анализа с учетом конкретной исторической ситуации. Такой анализ даннических отношений в минскую и цинскую эпохи сквозь

призму института «дань-подарки» (кит. *гун-лай*) проделан К.Ш. Хафизовой [Хафизова 1995, с. 119-141].

Американский ученый Т. Барфилд показал, что меняющиеся изменения в социальных и политических отношениях являются результатом не только внутреннего развития общества, но и взаимодействия между обществами. В этом ключе он рассматривает отношения Китая и Внутренней Азии в исторической перспективе. Говоря о культурных связях, он отмечал, что взаимодействие разных обществ предполагает различное понимание одного и того же события. В случае с взаимоотношениями Китая с кочевниками Центральной Азии имело место столкновение двух разных представлений о мироустройстве – китайцев и кочевников. «Динамика племенного общества, чьим идеальным вождем был героический воин, благословенный Небом на удачу и харизму, который одаривал своих последователей подарками, был совершенно противоположен китайской концепции императора всех людей, живущих под Небом, уединившегося в своем дворце, управляя сложным бюрократическим аппаратом посредством чтения докладов. Последняя не могла объяснить внезапный подъем и падение какого-то вождя или группы, потому что не могла понять политическую динамику, которая приводила к изменениям в среде кочевников» [Barfield 1996, с. 3].

Северным кочевникам неоднократно удавалось не просто захватывать власть в Китае или на части его территории, но и устанавливать свою власть там и создавать свои династии (государства). Самыми ранними иноземными династиями можно считать позднегуннские государства, созданные на территории Северного Китая выходцами из среды гуннов (кит. *сюнну*) после падения их империи. Многие княжества, создававшиеся в III в н.э. на севере Китая, имели правителей «варварского» происхождения. Примечательно, что монголоязычным народам удавалось завоевывать власть в Китае трижды. Первой династией монгольского происхождения была Северная Вэй или Тоба Вэй (534-550 гг.) [Maskerras 1968, с. 49]. Ее основателями были монголоязычные *сяньби*, которые со временем китаизировались [Eberhard 1949]. Именно в период существования этого государства в язык древних тюрков вошло в обиход слово *табгач*, которое было тюркским названием династии *Тоба*. В последующем оно стало применяться в отношении китайцев и Китая.

Вторым в истории Китая крупным государством, созданным монголоязычными народами, была киданьская империя Ляо в Северном Китае (907-1125 гг.) [Wittfogel-Feng 1949]. Кидани впервые появились на исторической арене в древнетюркскую эпоху. Они обитали на территории современной Маньчжурии и были в подчинении у тюрков-*туцзюэ* и уйгуров. Известны длительные войны и тюрков, и Танской империи против киданей, которым в последующем удалось не только завоевать Северный Китай, но и оставить след в истории Центральной Азии. При распаде империи Ляо группа киданей ушла на запад и создала династию Западная Ляо (кит. *Си Ляо*), вошедшую в историю как государство кара-китаев [Sinor 1998, с. 234-242]. Примечательно, что название *китан-китай* позже стало восприниматься тюрками как название Китая, которое через посредство тех же тюрков попало в русский язык.

Третьей монголоязычной династией в истории Китае была династия Юань (1271-1368 гг.), созданная потомками Чингиз-хана. Она просуществовала более ста лет и была сменена китайской династией Мин. Значение империи Юань в Китае заключается в том, что благодаря монгольскому правлению здесь изменился статус неханьского населения: в системе управления монголы использовали, прежде всего, выходцев из Центральной Азии – тюрков и иранцев. Последние входили в группу *сэму* (досл. «вид, свод, номенклатура»), занимавшую вторую после монголов ступень в аппарате управления [Жадырбаев 1990, с. 13-14].

Монголы, таким образом, оставили яркий след в истории Китая, трижды преуспев в завоевании страны и установлении собственного правления. Однако они были не единственным народом, сыгравшим такую роль. Примерно одновременно с киданьской империей Ляо на северо-западе было создано государство тангутов Сися [Кычанов 1962]. Оно стало первой жертвой монгольского завоевания, а тангуты как этническая группа исчезли, оставив только письменные памятники.

К истории взаимоотношений Китая с кочевыми народами Севера имеет отношение формирование современных границ Китая. В период существования последней ханьской по происхождению династии Мин (1368-1644 гг.) Китай владел незначительной территорией, а прилегающие к нему земли (Монголия, Тибет и Восточный Турке-

стан) были завоеваны маньчжурской династией Цин (1644-1912 гг.) [Perdue 2005, с. 256-299]. Тем самым, нынешняя территория Китая сформировалась благодаря завоеваниям династии неханьского происхождения.

Что касается тюрков, несмотря на соседство с Китаем, они не стремились к завоеванию его территории. Возможно, это связано с тюркскими представлениями о Китае как о враждебной стране, с которой нужно поддерживать отношения на расстоянии. Отношение к китайцам (тюрк. *табгач*) хорошо передано в следующих строках памятника Кюль-тегину: «О тюркский народ, когда ты идешь в ту страну (северный Китай), ты становишься на краю гибели!» [Кляшторный 1964, с. 24]. Тюрки неоднократно имели возможность захватить власть в Китае, но никогда не воспользовались ею. Даже в 762 г., когда огромная уйгурская армия во главе с Бёгю-каганом появилась на территории Северного Китая и продвинулась до столицы, она не воспользовалась разрухой в стране для установления своего контроля. Вместе с тем после падения Танской империи тюрки, населявшие ее северные и северо-восточные приграничные области, создали свои собственные династии.

Китай и «варвары»: теория и методология

Танская империя знаменует собой период, отличающийся богатством палитры взаимосвязей китайцев с иноземцами. Чудесной мозаикой предстает перед нами многообразие периодов и событий в истории танского государства. Завоевательные походы Китая, подчинение соседних стран и народов, установление политического контроля над обширными территориями Внутренней Азии. Расцвет экономики и всеобщее благосостояние, привлекавшие в страну иноземцев. Дворцовые интриги и кровавые внутренние войны, разорение страны, опустошение казны государства и разруха в провинциях. Восстания губернаторов провинций против танской династии, ослабление центральной власти и самостоятельность провинций... Все эти яркие страницы истории Танской империи объединены вовлеченностью в них выходцев из Центральной Азии.

Роль иноземцев в Танской империи приобретает более четкие очертания при рассмотрении ее истории в динамике. Танская империя не была застывшим образованием, существовавшим в одном и том же виде в течение трех столетий. Прежде всего, в течение этих столетий менялись границы империи. Если в первое десятилетие правления Тан, ее территория мало чем отличалась от территории прежней Суйской империи и ограничивалась достаточно небольшим пространством с центром в междуречье Хуанхэ и Янцзы, то в период правления императора Тай-цзуна Китай чрезвычайно расширил свои границы за счет завоеваний земель соседних народов. Однако спустя сто лет после правления Тай-йзуна, из-за внутренних войн и слабости центральной власти Танская империя потеряла многие свои владения на Западе и практически вернулась к своим прежним границам. Изменения границ империи влияли и на численность иноземного (неханьского) населения империи, которая была различной на разных этапах ее истории: завоевание соседних территорий сопровождалось включением их населения в число подданных Поднебесной империи, соответственно потеря территорий сокращала иноземный сегмент в составе населения страны. Однако следует ли считать население завоеванных территорий такими же подданными Срединного государства, как иноземцы, жившие внутри страны? С точки зрения китайской администрации и имперской идеологии, эти подчиненные народы становились подданными императора: новые земли подвергались территориальному администрированию, включались в имперскую военно-административную систему, на них учреждались такие же административные единицы (округа, префектуры пр.), создавались военные гарнизоны, назначались начальники округов или губернаторы. Однако, на самом деле, положение местного населения, оказавшегося под властью Тан, было отличным от положения иноземцев в собственно Китае. Танская власть на этих землях была номинальной и не влияла на существовавшие здесь хозяйственный уклад и социальные отношения, как и на местные политические институты, которые лишь временно приспособлялись к танскому господству, не меняясь в основных своих чертах.

В связи с этим в настоящем исследовании мы ограничиваемся рассмотрением положения тюрков и иранцев только в собственно Китае. Иранское и тюркское население оазисов Восточного Турке-

стана, которые около ста лет формально находились в составе Танской империи, не включено в предмет нашего исследования. В 640 г. Китай подчинил небольшое княжество Гаочан, расположенное в Турфанской области, установил там свою администрацию, сохранив княжескую власть и другие местные институты власти, но население Гаочана вряд ли можно считать «иноземцами» в Танской империи. То же самое относится к другим княжествам Восточного Туркестана, попавшим под власть империи. Статус новых подданных империи был совершенно иным и несопоставим с положением иноземцев в Китае. Здесь танское присутствие носило формальный характер и выразилось во введении китайских должностей во главе с наместником и в содержании небольшого воинского контингента.

Говоря о методологических подходах к изучению Танской империи, следует отметить о необходимости выхода за рамки национальных историографий при изучении исторического прошлого, отделенного от современности почти тысячелетним периодом. Одним из таких искаженных представлений является китаецентрический подход, господствующий в современной китайской историографии. Исследования китайских историков исходят из существования единого интегрированного Китая с нынешними границами с незапамятных времен. Такое понимание исторического прошлого Китая восходит к концепции единой китайской нации (кит. *чжунхуа миньцзу*), обоснованной в свое время «отцом» китайской демократии Сунь Ятсеном [Решетов 1981, с. 164].

При изучении исторического прошлого, особенно отдаленного от современности тысячелетиями, необходимо избегать экстраполяции современных категорий и представлений на прошлое. В национальных историографиях историческое прошлое рассматривается с точки зрения современных наций, в то время, как общности людей, осознавших себя нацией, сформировались только в индустриальную эпоху [Андерсон 2001, с. 60-70]. Попытки вписать прошлое в национальные рамки и проводить связь между современными и древними народами относятся больше к области идеологии, нежели академических исследований. В нашей работе история Танской империи рассматривается как история всех населявших ее территорию народов, среди которых особое место принадлежало выходцам из Центральной Азии – тюркам и ираноязычным народам.

В истории тюркских и ираноязычных народов Танской империи можно выделить три неравнозначных периода. Первый из них относится ко времени становления и усиления танского государства и его экспансии. В этот период в орбиту танской завоевательной политики попадают тюрки, испытавшие распад Восточного и Западного каганатов. С 630 до 679 гг. основная часть восточных тюрков поселилась в Северном Китае. В это время западные тюрки также подчинились танскому императору, их территории в Западном крае вошли в состав имперских владений, но их статус отличался от такового восточных тюрков. Подчинение восточных тюрков и огузов на самом деле стало крупным событием в истории танского Китая. Несмотря на номинальный характер создания на их землях танских административных единиц [Малявкин 1980, с. 115], это событие воспринималось самими кочевниками как реальная инкорпорация в состав Поднебесной империи во главе с императором, принявшим титул «Небесного кагана». Оно привело к формированию группы из числа вождей тюрков и огузов, которая длительное время сохраняла верность Сыну Неба. Многие выдающиеся личности тюркского и огузского происхождения, служившие танской династии и достигшие высокого положения в последующие времена, являлись потомками вождей племен, подчинившихся империи в 630-660-е годы.

Неоднозначные оценки давались в научной литературе политике императора Тай-цзуна, которому принадлежит заслуга в распространении танской власти далеко за пределами Китая. Л.Н. Гумилев высказывал мысль о том, что он относился к вождям племен как к равным и тем самым заслужил их доверие и уважение [Гумилев 1967, с. 223]. На самом деле Тай-цзун отличался высокими воинскими доблестями, отвагой и демонстрировал образцы военной мудрости и таланта военачальника, лично возглавляя многие походы. В своих походах он опирался на силы тюрков, огузов, корейцев, монголоязычных и ираноязычных племен, инкорпорированных в имперскую армию. Для легитимации власти над тюркскими племенами он принял титул «небесный каган» (кит. *тянь кэхань*). При этом анализ китайских источников, проведенный И.Ф. Поповой, показывает, что политические идеи Тай-цзуна не выходили за рамки традиционной китайской идеологии [Попова 1999, с. 187-192].

Со времен Тай-цзуна танский двор стал использовать кочевое насе-

ление приграничных областей для защиты от вторжений извне. Иноземцы зачислялись в состав приграничных армий, основная функция которых заключалась в обороне границ империи. Эта функция армий усилилась спустя сто лет, к середине VIII в., когда на северных и северо-западных границах Китая сосредоточилось большое число «внутренних варваров».

Другой особенностью политики танской администрации было использование иноземных вождей в качестве офицеров, сочетавших в себе и местные административные функции. Уже при Тай-цзуне многие вожди тюрков получали высокие военные должности и верно служили императору. Политика привлечения знатных иноземцев на военную службу стала особенно применяться Сюань-цзуном (712-756 гг.), при котором они стали допускаться к высшим военно-административным постам в приграничных областях, назначаться на должности военных губернаторов (кит. *цзедуши*). Последнее усилило их участие в политической жизни империи, активно вовлекая их во внутреннюю борьбу разных группировок знати. В итоге, рост влияния иноземцев в приграничных районах и их противостояние центральной власти стали причиной анти-танского восстания.

Восстание Ань Лушаня и его преемников (755-763 гг.) можно рассматривать как особый период в истории тюрков и ираноязычных народов Танской империи, во время которого происходит столкновение и война между двумя армиями – танской и повстанческой. Упрощенным взглядом было бы считать, что танская армия состояла исключительно из ханьцев, а повстанческая – из иноземцев (тюрков и согдийцев). На самом деле, несмотря на преобладание в танской армии ханьцев, а в повстанческой иноземцев, эти воевавшие друг с другом армии были по своему составу неоднородными. Восстание не только поставило на грань гибели танскую династию, но и ознаменовало собой крупнейшее событие, в котором, во-первых, ярко обозначилась и выразилась роль тюрков и согдийцев в Китае, и которое, во-вторых, стало «водоразделом» в политике танской администрации в отношении иноземцев.

Третьим периодом в истории иноземцев является позднетанский период, наступивший сразу после восстания и длившийся до конца правления династии. Этот период характеризуется тем, что: а) численность тюрков и ираноязычных народов в Китае значительно падает в результате потерь во время войны, но в 840-848 гг. увеличи-

вается благодаря бегству в Северный Китай большого числа уйгуров, б) тюрки и согдийцы уже перестают назначаться на высокие военные и административные должности, в) тем не менее иноземцы играют большую роль в жизни приграничных территорий, в особенности на северо-востоке страны.

Если говорить о различии в положении тех или иных иноземцев в Танской империи, то оно никак не было связано с особой политической администрации в отношении той или иной группы, поскольку все неханьцы воспринимались как «варвары». Различия в положении и роли тех или иных групп иноземцев были связаны с особенностями их хозяйственной жизни: кочевых тюрков как умелых воинов, превосходных всадников, танская администрация предпочитала использовать в военных целях, в том числе в охране границ, тогда как оседлые согдийцы чаще привлекались к дипломатической службе и торговле (существует мнение, что торговля в танском Китае находилась в руках ираноязычных народов). Вместе с тем, следует отметить, что многие согдийцы Китая были выходцами из тюркской среды и продолжали поддерживать тесные отношения с тюрками. Э. Пуллиблэнк полагал, что в Северном Китае под влиянием тюрков согдийцы перешли к кочевому образу жизни [Pulleyblank 1976, с. 35-36]. Кстати, такое мнение поддерживает и существующее в китайских источниках определение согдийцев (кит. ху) как отдельного племени тюрков.

Примечательно, что недавно японский ученый Ивами Кийохиро выдвинул концепцию о согдийцах-тюрках [Kiyohiro 2008, с. 57-63]. Эта концепция связана с той частью согдийцев, которая прибыла в Танскую империю из степи вместе с тюрками во время или после падения Западного и Восточного-тюркского каганатов. При анализе источников часто возникают сложности выявления следов этой группы согдийцев в Китае, поэтому японский историк предложил ввести понятие «согдийцы-тюрки» или «тюркские согдийцы», аналогичное современным понятиям «американские китайцы», «бразильские японцы». Это понятие обозначает людей, которые по своим физическим чертам являлись согдийцами, но по языку и образу жизни были тюрками.

Указанные выше теоретические и концептуальные подходы были учтены в нашем исследовании в той мере, в которой они касались положения выходцев из Центральной Азии в танском Китае.

ГЛАВА II

ТЮРКИ И СОГДИЙЦЫ В РАННЕТАНСКОМ КИТАЕ

Тюрки и возвышение танской династии

В 618 г. в истории Китая открылась одна из самых блистательных ее страниц: к власти пришла династия Тан (618-907 гг.), которая сумела создать империю, сравнимую по своему могуществу и достижениям только с двумя другими империями – Хань (III в. до н. э. – III в. н.э.) и Цин (1644-1912 гг.). Переход власти от недолго господствовавшей династии Суй (581-618 гг.) к дому Тан произошел в результате восстания, получившего название *тайюаньского* по названию северной области, в которой оно началось. Это восстание возглавил наместник области Ли Юань, будущий основатель династии Тан (император Гао-цзу, 618-627 гг.). В событиях, связанных с установлением власти дома Тан, достаточно активное участие приняли восточные тюрки.

Впрочем, сам танский дом также имел кровные связи с тюрками-*туцзюэ*. Исследования И.Ф. Поповой показали, что генеалогия основателя танской династии Ли Юаня восходила к выдающейся военной аристократической семье смешанного китайско-сяньбийско-тюркского происхождения, главенствовавшей в северо-западном Китае и имевшей родственные связи с правящими домами Северной Чжоу и Суй. Ли Юань происходил из родовитого и могущественного семейства *Ли* из области Лунси (современная провинция Ганьсу), которое, как и суйский правящий дом, представляло так называемую *гуаньлунскую* аристократическую группировку [Попова 1999, с. 12]. Его прадед – Ли Ху, был одним из восьми «опор государства» (кит. *бачжуго*), которые помогали основать Юйвэнь Таю государство Северное Чжоу в 550-х гг., а его дед Ли Си и отец Ли Бин были армейскими командующими в Северной Вэй (386-535 гг.).

Ли Юаня и суйский дом связывала не только принадлежность к этой аристократической группировке: его мать, происходившая из знатного тюркского клана *Дугу*, была сестрой императрицы Вэнь-

сянь-хуанхоу, супруги суйского императора Вэнь-ди (581-605 гг.) [Попова 1999, с. 12]. Таким образом, тюркская линия Ли Юаня восходила к главе знатного клана *Дугу*, имевшего тюркское происхождение. Один из представителей этого клана был сподвижником основателя династии Северная Чжоу. Его старшая дочь была замужем за сыном Юйвэнь Тая, который в последующем стал первым императором Северной Чжоу Мин-ди (557-561 гг.), а его седьмая дочь – за Ян Чжэнем, будущим суйским императором Вэнь-ди. Четвертая дочь главы *Дугу* вышла замуж за Ли Бина, у которых в 566 г. родился сын Ли Юань.

Тюркские связи Ли Юаня не ограничивались лишь его происхождением. Сам он был женат на дочери другого суйского аристократа тюркского происхождения Шэнь-гуна *Доу И*. «Клан Доу, как и клан Ли, относился к военной элите Северо-Западного Китая», – пишет И.Ф. Попова [Попова 1999, с. 14]. Один из четырех сыновей, рожденных от этого брака, Ли Шиминь в 626 г. взшел на танский престол под именем Тай-цзун (626-650 гг.).

Оба тюркских клана – *Дугу* и *Доу*, кровные связи с которыми имели первые танские правители, были китаизированы и, очевидно, уже не сохраняли тюркской идентичности. Эти племенные названия не встречаются в списках тюркских племен. Из источников видно, что тюркские корни практически не играли никакой роли в жизни и деятельности танских императоров, которые верно следовали принципам конфуцианской идеологии и ни в коей мере не воспринимали себя каким-либо образом связанными с «варварами» – тюрками. Возможно также, что родственные связи с тюрками, даже если они и влияли на отношения с Тюркским каганатом, не акцентировались танскими историографами, поскольку связи с «варварами» не соответствовали положительному образу основателя новой династии.

Что касается участия восточных тюрков в междоусобных распрях в Китае, то оно, прежде всего, обуславливалось соседством северных районов, в которых началось антисуйское движение, с территорией Тюркского каганата. Главным плацдармом повстанческого движения стала область Тайюань в Северном Китае, вотчина семьи Ли, находившаяся на границе с тюрками. Последнее обстоятельство предопределило неизбежность привлечения тюрков к восстанию, поддержка которых могла сыграть решающую роль в военных дей-

ствиях. Ли Юань оценил этот фактор и постарался привлечь на свою сторону тюрков. Поскольку с самого начала, еще во время подготовки восстания, было ясно, что не все высокопоставленные и наделенные властью лица в северных областях и даже в родной области Тайюань поддержат Ли Юаня, очень важным было предотвратить возможность союза потенциальных противников с тюрками. Двое подчиненных высокопоставленных чиновников – Ван Вэя и Гао Цзюнья, оставшихся верными суйской династии, видимо, попытались связаться с тюрками, поскольку именно в тайных связях с тюрками они были обвинены Ли Юанем и казнены в 617 г. [СТШ, гл. 1, с. 4].

Обвинив противников в связях с тюрками, Ли Юань сам предпринял меры для заключения с ними союза. Он направил тюркскому Шиби-кагану своего посланника Лю Вэньцзина с письмом, в котором сообщал ему о своем намерении восстановить порядок в Поднебесной, т.е. восстать против суйской династии, и просил военной помощи. Важным было то, что в письме Ли Юань обращался к кагану как к своему сюзерену и признавал себя его подданным. Это было вынужденной мерой, целью которой было заручиться поддержкой тюрков и обезопасить свой тыл в будущих военных действиях против правительственной армии и потенциальных претендентов на власть. Однако эта мера противоречила традиционному представлению об императорской власти, поэтому стало темным пятном в биографии основателя танской династии.

Просьба Ли Юаня о помощи была исполнена Шиби-каганом, который, однако, прислал военное подкрепление не сразу. Сначала он направил в ставку Ли Юаня ответное посольство в составе высокопоставленных сановников – Кан Шаоли, Цзи Ши, Жэ Ханя и Тэ Циня. Посольство привезло тысячу лошадей в дар Ли Юаню и сообщило о намерении кагана «впредь поддерживать с Тайюанем торговые отношения» [Попова 1999, с. 18]. Обращают на себя внимание имена тюркских посланников, один из которых, судя по фамилии, был согдийцем (Кан Шоули), а остальные – ханьцами [СТШ, гл. 1, с. 8]. Как известно, на территории Восточно-тюркского каганата проживало большое число ханьцев, бежавших туда из-за опустошительных длительных войн, непомерных трудовых повинностей и налогов в Китае. О количестве ханьцев, подавшихся к тюркам, можно судить по

следующему факту: после разгрома Восточно-тюркского каганата в 630 г. в Китай было возвращено из степи 1 млн. 200 тысяч человек, из которых только 100 тысяч были подчинившимися Тан тюрками, а остальные – ханьцами [ТХЯ, гл. 193, с. 6069]. Именно из числа этих ханьских подданных тюрков было составлено посольство к Ли Юаню.

Шиби-каган не торопился отправлять Ли Юаню военное подкрепление. Дело в том, что с началом военных действий в Тайюане, в северных районах Китая против суйской династии поднялись многие другие предводители, которые сами претендовали на верховную власть и не хотели подчиняться Ли Юаню. По всей видимости, Шиби-каган в стремлении содействовать свержению династии Суй делал ставку не на одного Ли Юаня. Об этом говорят его связи с другими повстанческими лидерами в Северном Китае: были слухи о том, что тюрки заключили союз с Лю Учжоу, действовавшим на севере Шаньси. Как показали последующие события, Шиби-каган действительно заключил союз с этим предводителем [Гумилев 1967, с. 170]. Впрочем, на этом этапе Шиби-каган, видимо, только вел переговоры с Лю Учжоу, так как вскоре (19 сентября 617 г.) он все же прислал свою кавалерию на помощь Ли Юаню.

После первого военного успеха посланник Ли Юаня к тюркам Лю Вэньцин вернулся с более серьезной подмогой: он привел с собой 500 тюркских всадников и 2 тысячи лошадей. С этими силами Ли Юань направился в поход на западную столицу – Чаньань, которую захватил в конце ноября 617 года. В пятом месяце следующего, 618 г. он вззошел на трон, объявив о воцарении в Китае новой династии Тан. Девизом своего правления он выбрал *У-дэ* («воинственная добродетель»). Так, произошло смещение суйской династии, в которое свою, достаточно серьезную, лепту внесли и восточные тюрки.

Помогая Гао-цзу в свержении суйской династии, Шиби-каган, тем не менее, не был заинтересован в возвышении сильного объединенного китайского государства. Этим можно объяснить его дальнейшие действия в поддержку повстанцев против танской власти в Северном Китае. Прежде всего, Шиби-каган продолжил связи с лидером повстанцев Лю Учжоу в Маи, с которым он имел контакты в период тайюаньского восстания. Согласно «Цзычжи тунцзянь» Сыма Гуана, в 3-м месяце 619 г. тюркский каган пожаловал Лю Учжоу титул Динь-

ян-каган (каган, умиряющий [суйский род] Ян) [ЦЧТЦ, гл. 187, с. 5864]. Сообщается, что Булишэ, младший брат управлявшего в это время Чуло-кагана (преемника Шиби), с 2000 конницей присоединился к Лю Учжоу в округе Бинчжоу [Бичурин 1950-1953, т. 1, с. 251; Гумилев 1967, с.170]. Далее рассказывается, что в 620 г. тюрки намеревались захватить Бинчжоу, но вскоре Чуло-каган скоропостижно скончался.

Эти события, связанные с тюрками, однако, не отразились на последующих военных успехах Лю Учжоу, который организовал успешный поход в Шаньси, нанес поражение танским войскам на подступах к восточной столице Лоян и захватил области Пинъюань и Цзечжоу. Вскоре ему удалось захватить весь Тайюань, заставив бежать в Чанъань наместника области Ли Юаньцзи (четвертого сына императора Гао-цзу).

Подавление выступления Лю Учжоу было возложено на второго сына Гао-цзу, Ли Шиминя, который к тому времени уже проявил себя способным военачальником. Война с армией Лю Учжоу продолжалась до 4 месяца 620 г., когда танским силам удалось наголову разбить войска противника. Лю Учжоу, с осени 620 г. находившийся в Цзиньяне, бежал к тюркам [ТХЯ, гл. 188, с. 5881-5882].

В последующем тюрки не прекращали поддерживать других противников танской власти, которые еще не были ликвидированы. Источники сообщают о сговоре с тюрками генерала Лю Хэйта, служившего под командованием повстанческого лидера Доу Цзяньдэ. Последний контролировал обширные территории в провинциях Хэбэй и Шаньдун. Судя по фамилии Доу, которую носил также тесть Гао-цзу (Шэнь-гун Доу И), можно предположить, что Доу Цзяньдэ также имел тюркское происхождение. Это предположение подкрепляется докладом одного из губернаторов, в котором утверждается, что «земли Шаньдуна прежде находились в подчинении Доу Цзяньдэ, вожди варварских племен и [местные] главы [из ханьцев] все здесь были чиновниками у [местных] самозванцев. Нынче их опять прогнали, и, уйдя, со службы, [они по положению не отличаются от] простого народа. Эти люди жаждут бунта» (перевод И.Ф. Поповой) [Попова 1999, с. 42].

После того, как Доу Цзяньдэ был схвачен танскими солдатами и

казнен в Чанъане в начале 622 г., генерал Лю Хэйта объявил себя *ваном* и провозгласил своей столицей Минчжоу в Хэбэе. Присутствие тюрков в армии Лю Хэйта отмечается во время ее появления в Шаньдуне и последующем походе на юго-запад, хотя в данном случае, скорее всего, речь идет о местных тюрках Шаньдуна, нежели о войсках восточных тюрков. Армия Лю Хэйта, в которой воевали и тюркские подразделения, была полностью разбита правительственными силами под командованием наследника престола Ли Цзэньчэна в начале 623 года.

В событиях, связанных с вовлечением тюрков в борьбу разных кланов за власть в Китае, для китайской историографии неприятным эпизодом явился упомянутый союз Ли Юаня, будущего основателя Танской империи, с Шиби-каганом. С точки зрения традиционной китайской имперской идеологии, Ли Юань совершил позорный поступок, назвавшись подданным «варварского» правителя, и никак не мог быть оправдан. Думается, именно из этого поступка, официальная китайская историография всегда принижала заслуги Гао-цзу в создании Танской империи, приписывая их его преемнику Тай-цзуну. Следует заметить, что в исторических записях прибытие послов от Шиби-кагана к танскому двору описывается как «данническое» (упоминаются посольства, прибывшие, в частности, в 5 месяце 618 г. и 4 месяце 619 г.): утверждается, что каган прислал послов для представления дани танскому двору. Тем не менее, данническая терминология никак не повлияла на негативную оценку деяний Гао-цзу, признавшего себя вассалом тюрков. Очевидно, средневековые китайские историографы в полной мере осознавали несостоятельность характеристики всех иностранных посольств ко двору императора как «даннических» [Цзэнь 1958а, с. 120]. «Синь Тан шу» (Новая история династии Тан) отмечает, что посланники Шиби-кагана очень надменно вели себя во время аудиенций: «Посланники его в каждый приезд вели себя высокомерно. В первое лето правления Ву-дэ, 618, приехал ко двору Гудулу Дэлэ. Император угощал его в тронной Тхай-цзи-дянь; посланник при полной музыке посажен на престоле подле императора» [Бичурин 1950-1953, т. 1, с. 250].

По замечанию И.Ф. Поповой, китайские историографы в лучшем случае характеризовали правление и заслуги Гао-цзу в умеренных то-

нах [Попова 1999, с. 6], как это было сделано в «Цзю Тан шу» (Старая история династии Тан), в которой говорилось: «Памятуют о судьбах тиранов, Гао-цзу понимал, что новый государь, поднимаясь, [должен] скрывать [свои] грандиозные планы и не делать прыжков дракона. Поэтому он поступился принципами, когда добивался помощи кагана...» [ЦТШ, гл. 1, с. 10а]. Более резкую оценку Гао-цзу дал сунский историограф Фань Цзуюй: «Гао-цзу принял от [Пэй Цзи] красавиц из дворцов [Ян-ди] и [потом от них] не отказался. Он назвался также подданным тюрков. [С этих поступков он] начал и считал [их] своей заслугой. Что же продемонстрировал он таким образом потомкам? Ведь государя, основавшего династию, дети и внуки почитают за образец и подражают [ему], подобно тому, как эхо откликается на звук. Особое внимание [потомки] обращают на то, как выдвинулся основатель. Именно из-за [Гао-цзу] поколения танских правителей не имели образцового закона для [своей] семьи, а [варвары] *жуны* и *ди* часто беспокоили Китай» (перевод И.Ф. Поповой) [Попова 1999, с. 41]. Действительно, китайский император, считавшийся Сыном Неба, был призван своей монаршей силой *дэ* преобразовывать «варваров четырех сторон света», которые были его вассалами. Однако Гао-цзу снизошел до положения подданного тюркского кагана, иными словами сам стал вассалом варваров. Это полностью противоречило представлениям о статусе Сына Неба, тем более основателя династии.

Позор своего отца тяжело переживал Тай-цзун, который неоднократно отмечал, что поступок Гао-цзу вызывал у него чувства стыда и гнева. Так, в одном из сочинений приводятся такие слова Тай-цзуна: «В прежние времена, в пору учреждения державы, Божественный отрешившийся император (Гао-цзу – *А.К.*) во имя [своего] народа названным подданным Сели. Я всегда сгорал от гнева, мечтал уничтожить сюнну. В отдыхе не знал покоя, к пище не чувствовал вкуса. Сегодня силами одного лишь отряда одержана невиданная победа! Шаньюй приветствует нас земным поклоном. Разве не смыт прежний позор?» [ЦЧТЦ, гл. 193, с. 6067].

Тем самым, основатели танской династии имели тесные связи с тюрками, которых они привлекли для установления своей власти. В своем генеалогическом древе они имели тюркскую ветвь, будучи по материнской линии потомками китаизированных тюрков-*туцзюэ*.

Однако кровные связи с тюрками в последующем не сыграли сколько-нибудь значимой роли в отношениях танского дома с тюрками.

Танская политика в отношении «внутренних» тюрков и огузов

Военно-политические успехи танского Китая были возможны благодаря полководческим и административным способностям первых танских императоров и их умелой политики в отношении соседних народов. Эти народы, к которым, прежде всего, относятся народы Центральной Азии, сыграли большую роль в истории Танской империи. Вместе с тем, ослабление и падение империи также не обошлись без участия «северных» и «западных иноземцев», как назывались тюрки и ираноязычные народы в китайских письменных источниках.

Участие тюрков в военно-политической жизни танского государства хорошо отражено в китайских сочинениях. В первые годы правления Тай-цзуна все еще могущественные восточные тюрки продолжали оказывать поддержку сепаратистам Севера, выступавшим против танской власти. Один из противников танской династии Лян Шиду, контролировавший Шофан (южная часть Ордоса) и называвшийся «великим канцлером» (кит. *дачэнсян*), в 626 г. обратился к правившему в это время Сели-кагану и убедил его начать вторжение в Китай [Цэнь 1958а, с. 532-535].

Сели-каган со 100-тысячной армией вторгся в Цзинчжоу (пров. Ганьсу) и продвинулся до Чанъани. Выставленная против тюрков оборона была успешной: в сражениях на подступах к западной столице в августе 626 г. было убито более тысячи воинов и взят в плен один из тюркских вождей – Ашина Няомочи. Тем не менее, тюрков не удалось остановить. В сентябре 626 г., спустя около двух месяцев после восхождения на престол Тай-цзуна, войска Сели-кагана приблизились к Чанъани. Источники подробно рассказывают о том, как Тай-цзуну удалось избежать нападения тюрков на столицу. Он сначала арестовал посланника Сели-кагана генерала Чжиши Сыли, затем сам направился на встречу с тюрками [Попова 1999, с. 172-173]. Тай-цзун разговаривал с ними, находясь на другом берегу реки Вэйшуй, и,

своей решительностью и смелостью смог оказать на тюрков большое впечатление и заставить их снять осаду и заключить союз с Китаем. Когда один из сановников пытался уговорить Тай-цзуна не ходить на встречу с тюрками одному, без сопровождения воинов, он объяснял свое намерение так: «Тюрки разорили [нашу] страну и с ходу вторглись на далекое расстояние, воспользовавшись тем, что наше государство имеет [сейчас] внутренние трудности... если, закрыв ворота [своего дворца], откажусь от обороны, то войска варваров непременно причинят большое разорение и [потом] невозможно будет восстановить порядок. Поэтому-то я выступил в одиночку, в легком вооружении, чтобы продемонстрировать [мое] к ним пренебрежение, чтобы поразить их военной выправкой и вселить трепет. Неожиданно выступив против варваров, [я] заставлю их отказаться от [первоначальных] намерений. В сердцах варваров, которые далеко вторглись в наши земли, непременно поселится страх. Если [мы] сейчас [решим] сражаться с ними, то обязательно [их] одолеем, если будем с ними договариваться, то добьемся мира. Чтобы справиться с тюрками сейчас, необходим один [решительный] поступок» (перевод И.Ф. Поповой) [Попова 1999, с. 173]. В этой речи Тай-цзун не только показал знание психологии воинственных кочевников, которых можно было удивить только мужеством и отвагой, но и признал слабость Китая перед опустошительным вторжением кочевников. Вторжение тюрков удалось остановить заключением союзного договора с Сели-каганом [Цэнь 1958а, с. 536].

В последующем события в степи развивались в пользу Танской империи. Вскоре в Тюркском каганате разразилось восстание огузских (телеских) племен во главе с *сеяньто*. Под ударами восставших племен тюрки оказались вблизи танской границы. Этой ситуацией воспользовался Тай-цзун, направив против тюрков 100-тысячную армию под командованием генералов Ли Цзи и Ли Цзина [ЦТШ, гл. 67; 62, с. 107]. Во втором месяце 630 г. армия Сели-кагана была разбита в районе гор Иньшань (тюрк. *чогай кузы*) [Czeglédy 1962, с. 55-56]. Сам Сели-каган был схвачен и отправлен в Чанъань в качестве заложника, а его соплеменники подчинились Китаю. Именно к этому времени относится событие, имевшее большое значение для тюрко-танских взаимоотношений, а именно признание тюрками Тай-цзуна своим «Небесным каганом» (кит. *тянь кэхань*) весной 630 года. Принятие этого

титула описывается следующим образом: «“Я являюсь Сыном Неба из Великой [династии] Тан, – сказал Тай-цзун, – а теперь подданные хотят, чтобы [я] стал Небесным каганом!”». Сановники и варвары четырех [сторон света] – все провозгласили здравницу..., после чего главам северо-западных племен были вручены грамоты с императорской печатью и все назвали [государя] Тай-цзуна Небесным каганом» [Попова 1999, с. 175].

После подчинения тюрков при танском дворе была проведена дискуссия об их размещении [Малявкин 1980, с. 111]. Некоторые сановники предлагали переселить тюрков к югу от реки Хуанхэ, распределить их племена по разным областям и уездам и, «научив хлебопашеству и ткачеству, превратить северных варваров в земледельцев и укрепить [с их помощью] обширные пустующие территории на севере» [ЦЧТЦ, гл. 193, с. 6075]. Сторонником переселения тюрков на юг был глава Государственного Секретариата Вэнь Яньбо, который, увещевая императора, говорил: «Я слышал, что соблюдение Пути-Дао совершенномудрых вовсе не сводится к тому, чтобы не поддерживать отношений с тюрками и прочими... [Если] мы поселим [варваров] на внутренних землях, то, воспитывая [их] с помощью ритуала и закона, будем назначать на должности [их] вождей. На землях, занятых [тюрками], создадим сторожевые посты. Когда воздействуют устрашением и добродетелью, то разве это может привести к беде?» [Попова 1999, с. 192]. В своей речи он приводил в пример ханьского императора Гуан У-ди (25-57 гг. н.э.), который поселил *сюнну* на северных внутренних землях и которые перестали представлять угрозу для государства. В то же время, он говорил отрицательно о суйском императоре Вэнь-ди, который «возвышал кагана и способствовал ему в возрождении [тюркского] государства» [Попова 1999, с. 192].

Категорически против переселения тюрков на территорию Китая выступили сановники во главе с начальником Библиотечного приказа Вэй Чжэном [Бичурин 1950-1953, т. 1, с. 247-260]. Один из участников дискуссии, цензор Ду Чукэ, говорил: «Северные варвары на лицо люди, сердцем – дикие звери. Трудно преобразовать [их] добродетелью, легко воздействовать угрозами. [Если] сейчас их племена разместить к югу от [Хуан]хэ в непосредственной близости к Китайской равнине, то со временем непременно произойдет беда» [Попова 1999, с. 192]. Несмотря на такие возражения, Тай-цзун все же поддержал план Вэнь

Яньбо. Было решено создать четыре округа для размещения тюрков – Шуньчжоу, Ючжоу, Хуачжоу и Чанчжоу, часть тюрков была расселена в Чанъане. Кроме того, источники сообщают о создании шести округов к югу от Гоби, на территории, подвластной Сели-кагану. Однако последнее обстоятельство было поставлено под сомнение А.Г. Малявкиным, который считал, что это было лишь декларацией [Малявкин 1980, с. 110-112]. На самом деле, не все планы претворялись в жизнь, о чем можно судить по тому, что вместо четырех учрежденных округов в конечном итоге остались два губернаторства (кит. *дудуфу*) – Динсян и Юньжун [Цзнь 1958а, с. 198]. По мнению С.Г. Кляшторного, после разгрома Восточно-тюркского каганата и расселения в Ордосе и Шаньси «Тай-цзун превратил своих новых подданных в федератов империи» [Кляшторный 1964, с. 22]. Согласно А.Г. Малявкину, федератами тюрки были только в течение 6-7 лет, до их переселения в северные районы [Малявкин 1980, с. 112].

В результате падения каганата Китаю подчинилась часть тюркских племен, в то время как другая часть либо подчинилась сеяньто, либо ушла в Восточный Туркестан. Источники сообщают, что Танской империи подчинилось около 100 тысяч тюрков, среди которых называют таких вождей, как тюрка Ашина Суниси и согдийца Кан Суми [Pulleblank 1952, с. 324; Малявкин 1980, с. 108].

Тюрки, поселенные к югу от реки Хуанхэ, не смогли закрепиться на новых местах и стали постепенно откочевывать на север. В 639 г. в Чанъани произошли события, ускорившие их переселение на север. Дело в том, что в это время главный претендент на тюркский престол Хэлоху, сын Тули-кагана, содержался при танском дворе, скорее всего, в качестве заложника. Часть тюрков во главе с Ашина Цзешэшуаем, младшим братом Тули-кагана, организовала заговор с целью его похищения. Очевидно, он нужен был для возрождения Тюркского каганата в степи. Попытка Ашина Цзешэшуйа напасть на императорский лагерь закончилась неудачно. В результате, часть заговорщиков погибла в столкновениях с императорской охраной. В числе пойманных и убитых тюрков был и сам Хэлолу [Малявкин 1989, с. 111].

Заговор показал, что противники переселения тюрков во внутренние территории были правы. Сразу после этого события были ликвидированы два других «тюркских» округа – Хуачжоу и Чанчжоу. Конечно, не все тюрки были переселены на север. Из последующих событий видно, что часть тюрков оставалась на севере провинции

Шаньси. Известно также, что тюрки во главе с Ашина Фунянь продолжали пребывать на территории округа Сячжоу [Малявкин 1980, с. 111].

Переселившихся на север восточных тюрков возглавил Ашина Сымо, который был признан танским двором каганом. Возвращение тюрков в южную часть Гоби неизбежно привело к возобновлению их столкновений с новыми господами степи – огузскими (телескими) племенами во главе с сеяньто и уйгурами. Каганат во главе с сеяньто представлял, по мнению А.Г. Малявкина, «прочное государственное образование на обширной территории от Алтая на западе до Хингана на востоке» [Малявкин 1980, с. 112]. Союз сеяньто с уйгурами длился с 630 г. до 646 г., примерно 16-17 лет. Прочность этого союза позволила сеяньто-уйгурской коалиции противостоять возвращающимся с территории Китая тюркам. Уже в конце 641 г. источники отмечают крупномасштабный военный поход сеяньто, уйгуров и других огузов в область, расположенную к югу от Гоби. Несмотря на внезапность этого похода, Ашина Сымо сумел ретироваться и скрыться на территории Танской империи, в округе Шочжоу [Малявкин 1980, с. 112-113].

Тактика танского двора в отношении северных кочевников в это время изменилась. Если в войне с тюрками, китайцы прибегали к союзу с их соперниками, то теперь оказался иной расклад сил в степи. Целью Танской империи было не допустить возвышения новых властителей степи, которыми были сеяньто и уйгуры. Поэтому теперь в столкновении тюрков с сеяньто и уйгурами интересы танской династии подвигали ее на оказание поддержки тюркам: для поддержки Ашина Сымо были мобилизованы четыре танские армии, одна из которых под командованием генерала Ли Цзи пришла ему на подмогу незамедлительно. Объединенные силы танской армии и тюрков организовали ответный поход против сеяньто и уйгуров. Танские источники сообщают, что армия Ли Цзи сразилась с сеяньто на реке Ночжэнь и нанесла им поражение, обезглавив 3000 человек и захватив 15000 голов лошадей. Танские источники сообщают о сражении с сеяньто только танской армии, но участие в нем тюрков очевидно. Сеяньто, потерпев поражения, вернулись в степь и возобновили начатые ранее переговоры с танской династией о заключении династийного брака [Цзнь 1958а, с. 701-702].

Известно, что в 640 г. сеяньто предлагали военную помощь Тан-

ской империи для захвата государства Кочо (кит. *Гаочан*) в Восточном Туркестане и просили заключения союза через родство. Переговоры продолжались более трех лет, однако танская династия не была заинтересована в укреплении положения сеяньто и не хотела связывать себя союзническими обязательствами перед ними. Отказ в просьбе о выдаче танской принцессы за сеяньтоского кагана объясняет последовавшие вскоре набеги сеяньто на территорию Китая.

В 645 г. умер правитель сеяньто Инань-каган, и на престол вззошел его сын Бачжо. Первой военной акцией нового кагана стало нападение на танский приграничный округ Сячжоу [СТШ, гл. 217В, с. 6137]. Защиту Сячжоу осуществлял танский генерал тюркского происхождения Чжиши Сыли, бывший ранее военачальником Сели-кагана. В сражении, состоявшемся в двенадцатом месяце, Бачжо потерпел сильное поражение от войск Чжиши Сыли, который захватил в плен несколько тысяч его воинов и преследовал остальных на расстояние 600 *ли*. Буквально спустя месяц произошло еще одно столкновение сеяньто с тюрками, и сеяньто опять потерпели поражение. Неудачи сеяньто в столкновениях с тюрками, возможно, объясняются их общим ослаблением в связи с обострением противоречий среди огузских племен.

Уже в 642 г. сеяньто-уйгурская коалиция распалась. Уйгуры и другие огузские племена стали теперь врагами сеяньто. Об этом свидетельствует сообщение о том, что после неудачных походов на танскую территорию сеяньто понесли поражение от племен *нузу* и *тунло* в день и-хай шестого месяца 20-го года правления Чжэньгуань (29.07.646). В этом сражении воевали танские тюрки, огузы и согдийцы под командованием генералов Ашина Шэр (великий попечитель Ханьхая), Чжиши Сыли (из Сячжоу) и Циби Хэли (командующий войсками округа Линчжоу и согдийцами) [СТШ, гл. 110, с. 4116-4117; Малявкин 1981, с. 90].

Вскоре танская армия под командованием Ли Цзи смогла организовать успешный поход на север вплоть до священных гор Отюкен (восточная часть Хангая) и нанести поражение сеяньто. Было обезглавлено более 5000 человек и захвачено в плен около 30 тысяч мужчин и женщин. Поражение было решающим для Сеяньтоского каганата: под ударом объединенных сил танского государства (ханьцев и тюрков) и огузских племен, сеяньто были разгромлены. Часть сеяньто погибла, часть была взята в плен танскими войсками, а какая-то их часть чис-

ленностью в 50-60 тысяч человек бежала на запад. Какая-то группа сеяньто, конечно же, оставалась на своих кочевьях, о чем существуют свидетельства от 668 г. [Цэнь 1958а, с. 705].

Танский ставленник Ашина Сымо не принимал участия в военных действиях, приведших к разгрому Сеяньтоского каганата. После выступления тюрков против его власти в 643 г., он был вынужден вернуться в танскую столицу. В последующем этот знатный тюрк участвовал в походе танской армии на северо-восток империи (южная Маньчжурия) для умирения местных племен.

Последовательное поражение от Танской империи сначала Восточно-тюркского каганата (630 г.), а затем и сеяньто (646 г.) стало успехом танской дипломатии, цель которой в отношении северных кочевников была достигнута. Создавшуюся к северу от пустыни Гоби ситуацию хорошо описал А.Г. Малявкин: «Конечной целью всех дипломатических маневров и военных действий Срединного государства, начиная с династии Хань и до описываемых событий, было создание таких условий на территории Великой степи, при которых не возникало бы угрозы Срединному государству и его гегемонистским притязаниям. Для этого требовалось, чтобы по степи кочевали разрозненные племена, а еще лучше – враждующие друг с другом» [Малявкин 1980, с. 114].

Эти разрозненные племена огузов не могли помышлять о борьбе с мощным, находящимся на подъеме Китаем, зависимость от которого поспешили признать их вожди. В этот раз при танском дворе не поднимался вопрос о переселении кочевников во внутренние земли. Некоторые из них были расселены в приграничных землях, по обе стороны границы Китая, многие же оставались в своих кочевьях, территории которых объявлялись танскими округами. Танская династия приняла меры для привлечения тюркской знати на службу. «Пятьсот наиболее уважаемых старейшин... были назначены генералами и офицерами гвардии. Сверх того, сотне человек была дарована привилегия – участвовать в дворцовых церемониях; несколько тысяч семей было переселено в Чанъань на постоянное жительство» [Liu Mau-tsai 1958, с. 201]. Тюркские надписи с осуждением отмечали, что «тюркские правители сложили [с себя] свои тюркские имена и, приняв титулы правителей народа табгач, подчинились кагану народа табгач» [Малов 1951, с. 37].

Кочевники-тюрки, поселявшиеся в приграничных районах госу-

дарства, привлекались к военным действиям, но на первых порах не были инкорпорированы в танскую армию. Такая практика изменилась в период правления Тай-цзуна с введением новой системы комплектования приграничных армий, известной как *фубин*. Эта система была основана на территориально-военном принципе и предполагала сочетание воинской службы с одновременным осуществлением хозяйственной деятельности [Pulleyblank 1955, с. 61-63]. В приграничных районах к воинской службе наряду с ханьцами стали привлекаться поселившиеся здесь инородцы.

Система *фубин* была связана с упоминавшимися выше административно-территориальными единицами *цзими*, которые стали создаваться еще основателем танского государства, а в правление Тай-цзуна превратились в действенный механизм включения иноземцев в военно-административную структуру империи [Попова 1999, с. 262]. Необходимость в системе *фубин* возникла после поражения Первого Восточно-тюркского каганата и подчинения тюрков Китаю в 630 году. Именно тогда началось учреждение на землях подчинившихся «северных варваров» округов и губернаторств (управлений) «для удержания в узде и направления браздами» (кит. *цзими фучжоу*). Эти административные единицы создавались на территориях, примыкавших к границам Танской империи, или же непосредственно в родовых кочевьях племен в степной зоне. В «Географическом разделе» (кит. *дили чжи*) новой танской династийной истории говорится, что «для всех [территорий], куда могли дойти наставления [китайского государя], и для всех окраинных земель, управлявшихся губернаторами и наместникам, были разработаны установления и законные положения» [СТШ, гл. 43]. Начальниками губернаторств (управлений) и округов назначались вожди племен, чьи должности становились наследственными. После 630 г. на территории тюрков, уйгуров, *дансянов* и *туюйхуней* (тогонов), отнесенной к округу Гуаньнэй, были учреждены 29 губернаторств и 90 областей. На землях тюрков, а также племени *си*, киданей, *мохэ*, Гаоли (Корея), которые были включены в округ Хэбэй, были созданы 14 губернаторств и 46 областей. 51 губернаторство и 198 областей были включены в округ Лунью, куда были отнесены кочевья тюрков, уйгуров, тибетцев и оазисы Восточного Туркестана. Земли «южных варваров» были выделены в округ Цзяньнань, где учредили 261 область и округ Линнань с 92 областями.

Приведенные цифры дают лишь количественную характеристику новых административных единиц в составе Танской империи. Эти единицы не становились постоянными, так как «варвары» легко могли изменить новому сюзеру и откочевать на другие земли. Вместе с тем включение земель подчинившихся империи иноземцев в административно-территориальную структуру империи имело стратегическое значение: новые губернаторства и области рассматривались как плацдарм для дальнейших завоевательных походов [Малявкин 1980, с. 125].

Большое число новых административных единиц было создано после разгрома Сеяньтоского каганата и подчинения огузских племен в 646-647 годах. «Цзю Тан шу» сообщает по этому поводу: «На севере Тай-цзун учредил шесть губернаторств *фу* и семь округов *чжоу*. В губернаторстве учредил [должность] *дуду*, в области учредил [должность] *цэши*. Во всех губернаторствах и областях учредил [должности] *чанши*, *сыма* и более низкие чины для управления ими. Для племени уйгуров учредили губернаторство Ханьхай, пожаловали их *эльтеберу* [титул] главного генерала *хуайхуа* (несущего преобразующее влияние – А.К.) и по совместительству [назначили] *дуду* Ханьхай... Для *долань[гэ]* учредили Яньжань, *пугу* – Цзиньвэй, *баегу* – Юлинь, *тунло* – Гуйлинь, *сыцзе* – Лушань, *хунь* – Гаолань, *сыцзе* – Лушань, для племени *хунь* учредили округ Цзитянь, для *циби* – округ Юйси, *децзе (аде)* – округ Цзилу, *абусы* – округ Гуйлинь, *байси* – Чжиянь. К тому же для *цзегу*, которые жили на северо-запад от уйгуров – [учредили] губернаторство Цзяньгунь, для *гулигань*, живших к северу от них – округ Сюаньцюэ, для *цзюйлобо* – округ Чжулун, в прежней ставке *шаньюя*. Объединили их в губернаторство Яньжань *духуфу*, созданной на прежней ставке *шаньюя*, чтобы управлять поступлением вассальной дани» [ЦТШ, гл. 195; Попова 1999, с. 236].

Реальная картина функционирования областей *цзими* была далекой от деклараций танских историографов. Об этом говорит указание на то, что, несмотря на объявление кочевий уйгуров танской областью *цзими*, их вождь Тумиду провозгласил себя каганом и учредил у себя такие же должности, какие были ранее у тюрков [Малявкин 1984б, с. 30-31]. Часто сложно локализовать ту или иную танскую область или округ, где проживали иноземцы, особенно, если ими объявлялись отдаленные кочевья племен. Вместе с тем существующие свиде-

ния танских источников о численности и племенной принадлежности тюрков и огузов, поселившихся в приграничных районах империи, представляют несомненный интерес. Хотя такие данные, в силу своей отрывочности, не дают полной картины расселения тюрков и огузов в пределах Китая, все же они позволяют составить представление об этнической мозаике северных областей Танской империи, в которых в результате миграций сосредоточилось значительное тюркское и согдийское население.

Рассмотрим сведения «Синь Тан шу» об округе Линчжоу (совр. Линью в северной части Нинся-Хуэйского автономного района КНР). Здесь были размещены шесть малых округов, созданных для токуз-огузов: Яньжань для племени *доланьгэ*, Цзилу – для *сицзе*, Цзитянь – для *эдизов* (аде), Восточный Гаолань – для *хунь*, Яньшань (неизвестно племя, для которого создан), Чжулун – для *цзюэлоу* (курабир; одно из родовых подразделений в составе *он-уйгуров*). Численность этих племен указана следующим образом: *доланьгэ* – 973 человек (190 семей), *сицзе* – 556 человек (132 семей), *эди́зы* – 469 человек (104 семей), *хунь* – 5182 человек (1342 семей), *цзюэлоу* – 353 человек (117 семей), неизвестного племени – 2176 человек (430 семей) [Малявкин 1980, с. 116]. Эти цифровые данные можно сравнить со сведениями о численности огузских племен, содержащихся в китайских источниках более раннего (дотанского) времени.

Таблица 1. Ранние сведения о численности огузских (телеских) племен

Огузское племя	Число воинов	Дополнительные данные
Хуэйхэ (уйгур)	50 000	–
Пугу (бугу)	более 10 000	30 000 человек
Тунло (тонгра)	30 000	15 000 дворов
Баегу (байарку)	10 000	–
Доланьгэ	10 000	30 000 человек
Хусе	7 000	–
Аде (эдиз)	1 700	–
Циби	3 000	–
Бай си (белые <i>си</i>)	3 000	–
Гулигань (курыкан)	4 500	–

Сравним данные о численности огузских племен Таблицы 1 с приведенными выше данными о численности племен малых округов в Линчжоу для середины VII в. Численность *доланьгэ* округа Яньжань (973 человек), как видим, составляла всего лишь 3% от общей численности племени *доланьгэ* дотанского времени в 30 тыс. человек (для середины VII в. это число могло быть намного больше). Примерно такое же соотношение дают данные о численности племени *пузу*: 673 чел. и 30 тыс. чел. (1,5%). Соотношение данных о племени *эдиз* вычислить сложно, так как в источниках нет сведений об их общей численности (469 чел. и 1700 выставяемых воинов), однако даже сравнение имеющихся цифр, показывает, что в малом округе Цзитянь проживала незначительная часть этого племени [Pritsak 1988, с. 766]. Приведенный здесь небольшой сопоставительный анализ говорит о том, что в приграничные области Поднебесной империи поселялись лишь небольшие группы огузских племен, для которых создавались на деле, а не только на бумаге, губернаторства и области *цзими*; вместе с тем такие административные единицы могли создаваться номинально для многих других племен, кочевья которых находились в большом отдалении от границ Китая. К числу последних относились, например, енисейские кыргызы.

Приведенные численные показатели огузских племен, для которых были созданы малые округа в составе округа Линчжоу, можно сравнить с перечнем вождей огузских племен, прибывших к танскому двору в 647 г. и признавших себя подданными Сына Неба. Согласно «Цзычжи тунцзянь», «в двенадцатом месяце в день у-инь 20-го года правления Чжэнь-гуань (01.02.647) ко двору танского императора прибыли эльтебер уйгуров Тумиду, эльтебер племени *пузу* Гэлань Баянь, эркин племени *доланьгэ* Мо, эльтебер племени *баегу* Цзюэлиши, эльтебер племени *тунло* Шицзянь-чо, вождь племени *сыцзе* Усуй, а также вожди племен *хунь*, *хусе*, *сицзе*, *аде*, *циби* и *байси* (белые си)» с изъявлением желания подчиниться Китаю [Цэнь 1958а, с. 248].

Скорее всего, в 647 г. Танской империи подчинились практически все огузы, но только часть из них поселилась на ее территории. Для этой части огузов, как и для оставшихся в Китае восточных тюрков, важным было принятие Тай-цзуном титула «небесного кагана», кото-

рый создавал легитимность их службы танскому императору. Не случайно, подчинившиеся Китаю вожди огузских племен стали предками знаменитых танских военачальников VIII-IX веков, которые верно служили императорам. Так, эльтебер племени *пугу* Гэлань Баянь был предком известного танского генерала Пугу Хуайэня. Потомком *тутука* округа Гаолань был генерал Хунь Цзянь (Гунь) из племени *хунь*, отличившийся в военных действиях против Ань Лушаня. Потомки *тутука* вождя *эдизов* (список не содержит его имени) братья Ли Гуаньцинъ и Лу Гуаньянь установили заслуги перед танской династией в конце VIII – начале IX в. [ЦТШ, гл. 161, л. 2а-4б; СТШ, гл. 171].

Аналогичную картину можно наблюдать в отношении административных единиц в Ордосе. Созданные здесь для восточных тюрков округа были ликвидированы в 639 году. Однако после разгрома сеяньто в Ордосе появились новые округа, населенные тюрками. Так, в уезде Шофан (округ Сячжоу) были учреждены малые округа, в которых размещались тюркские, огузские и другие племена. В округе Юньчжун было учреждено пять малых округов для тангутских (*дансян*) племен, среди которых перечисляются и тюркские племена *шэли*, *сыби*, *ашина*, *чобу* (всего 5681 человек, 1430 семей). В округе Хуянь было создано три малых округа для племен *хэлу*, *нацзи* и *седе* (*эдизов*) (всего 650 человек, 150 семей). В округе Сянгань находилось четыре малых округа для *эйшэ*, *чжиши*, *биши* и *чилюэ* (всего 1323 человек, 274 семьи). В округе Динсян было учреждено четыре малых округа для *ашидэ*, *чжиши*, *сунун* и *баянь* (всего 1463 человек, 460 семей). В округе Дахунь были размещены сеяньто, но также были учреждены малые округа *гуянь*, *бухэжэ*, *цитань*, *ху* и *дису* (всего 673 человек, 124 семьи). Упоминаются также инородцы в округах Аньхуа (всего 2513 человек, 483 семьи), округе Ниншо (всего 2027 человек, 274 семьи), а также округе Пугу (для племени *пугу*, всего 673 человек, 122 семьи) [Малявкин 1980, с. 115].

Из приведенных данных по округам *цзими* Ордоса видно, что в данной части танского пограничья в основном поселились восточные тюрки, среди которых также были отдельные огузские племена *бугу* и *эдизы*, монголоязычные *кидани* и согдийцы (кит. *ху*).

Степь под контролем Танской империи

Ко времени подчинения тюрков и огузов Танской империи относится погребение, обнаруженное недавно в местности Шороон бумбагар (или «Шороон Дов»; оба: монг. *земляной бугор*), в Центральном аймаке Монголии, в сомоне Заамар, примерно в 300 км к западу от Улан-Батора. Погребение было открыто во время археологических раскопок долины реки Толы под руководством профессора А.Очира, и в 2009 г. исследовано совместной российско-монгольской экспедицией [Очир 2013]. Датировка погребения была произведена на основе найденной в нем надгробной надписи на китайском языке. Курган оказался погребением вождя тогуз-огузского племени *пугу*, умершего в 678 году. Наряду с эпитафией в захоронении было найдено множество предметов материальной культуры, из которых особую ценность представляют деревянные и керамические статуэтки всадников и пеших воинов, погребальный инвентарь, а также настенные рисунки. Монгольские и российские ученые, описавшие курган Шороон бумбагар, относят его к тюркским археологическим памятникам, между тем как он является тюркским по времени создания, но тогуз-огузским по родовой принадлежности [Hamilton 1955, с. 2]. С данным археологическим памятником связан другой интересный артефакт, обнаруженный в этой местности – серебряный сосуд с краткой тюркской рунической надписью, по-разному прочитанной учеными из Японии и Монголии [Osava 2011].

Надгробная надпись из Шороон бумбагар состоит из иероглифических текстов, нанесенных на поверхности двух плит из черного гранита. Первая небольшая плита содержит 12 иероглифов, выполненных в стилизованном виде и гласящих: «Надгробная надпись Пугу, начальника области, тутука [управления] Цзинь-вэй Великой Тан». Большая плита содержит текст из 775 иероглифов, написанных в 28 столбцов [Очир 2013, с. 97-98]. Текст эпитафии написан в свойственной этому жанру манере и в специфичных терминах и вычурных выражениях восхваляет китайского императора и описывает покойного как его верного подданного.

Согласно эпитафии, покойный был вождем телеского (огузского)

племени *нузу* (*уйг.* буку/букут) и его звали *И-ту-шо-е*. Его отца звали Сыфу, а деда – Гэлань Баянь. Имена вождей трех поколений даются в китайской транскрипции, и в настоящее время представляется возможным реконструировать имя «Сы-фу», которое близко по написанию к названию одного из трех племен карлуков – «Со-фу» (в реконструкции И. Эчеди: *Säbäg*) [Ecsedy 1980, с. 30]. Монгольский ученый Г. Батболд считает, что это тюркский титул *sibag*, происходящий от согдийского *sabag* [Батболд 2017, с. 143]. Вместе с тем в настоящее время существуют попытки реконструировать первую часть имени *И-ту-шо-е*, а именно слово «И-ту» как *adsi/idsi*, исходя из наличия этого слова на надписи на серебряном сосуде из Шороон бумбагар, которая, кстати, датируется учеными второй половиной VIII в. [Батболд 2017, с. 43-53; Osava 2011, с. 143].

И-ту-шо-е являлся наследственным тутуком управления (кит. *ду-дуфу*) Цзиньвэй. О деде покойного (Гэлань Баянь) и административном управлении Цзиньвэй известно из официальных танских исторических сочинений: как упоминалось выше, Гэлань Баянь был в числе двенадцати токуз-огузских племен, подчинившихся Тай-цзуну в 646 г., и на землях его племени было создано управление Цзиньвэй. *Цзиньвэй* было названием горы, попытки локализации которой пока безуспешны. Н.Я. Бичурин отождествлял ее с хребтом Тарбагатай, Фэн Цзя-шэн – с Алтаем [Малявкин 1989, с.138-139], но наиболее достоверным является поиск этой горы на территории Северной Монголии, где располагались земли племени *нузу*. Об этом свидетельствует утверждение эпитафии, согласно которой *И-ту-шо-е* умер от болезни, находясь «среди своего племени», то есть в собственном кочевье. Последнее означает, что захоронение было произведено на земле *нузу*, соответственно на территории округа Цзиньвэй.

Годы жизни *И-ту-шо-е* устанавливаются легко на основе сообщения о дате его смерти (678 г.) и его возраста – 44 года. Соответственно он родился в 635 г., учитывая, что исчисление возраста у древних тюрков шло от времени зачатия, а не рождения. Тем самым, годами жизни героя эпитафии были 635-678. Что же происходило в степи в этот период? Начнем с того, что в целом это был «тюркский период» в истории огузов, когда они входили в состав государств восточных тюрков. Годы жизни *И-ту-шо-е* пришлись на очень сложное время не-

однократной и частой смены власти в степи, когда власть восточных тюрков сначала сменилась на власть сеяньто, а последние уступили ее Танской империи.

В лице тогуз-огузов танская династия приобрела непокорных подданных. Неоднократные анти-танские выступления вылились в войну между тогуз-огузами и Китаем в 660-663 годы. Китайские историографы сообщают, что в это время танские войска вели военные действия против *уйгуров, пугу, тонгра, байарку* и *сыгир*. Участие племени *пугу* в анти-танских выступлениях не упоминается в погребальной надписи из Шороон бумбагар, которая рисует вождя *пугу* И-ту-шо-е как верного подданного танского императора. Впрочем, выступления против Тан могли возглавлять другие вожди отдельных родовых подразделений *пугу*. Из эпитафии мы узнаем о таких военных заслугах И-ту-шо-е перед танской династией, как его участие в разгроме последнего правителя Западно-тюркского каганата Ашина Хэлу в 658 г. [Малявкин 1984а, с.138], а также в войнах с тибетцами на западе и племенами *мохэ* на восточных границах империи.

Таков исторический фон археологического памятника из Шороон бумбагар. Спустя менее чем десять лет после смерти героя эпитафии восточные тюрки возрождают свою власть в степи, и начинается новый период в истории тогуз-огузов, который получил отражение не только в танских источниках, но и в крупных рунических тюркских надписях.

Сведения эпитафии из Шороон бумбагар позволяют восстановить важное звено в генеалогии вождей племени *пугу*, о которых нам известно из китайских источников. Дело в том, что до недавнего времени мы знали о двух потомках Гэлань Баяна – Илиг-чоре (кит. *Иличжо*) и его знаменитом сыне – танском генерале Пугу Хуайэне. Последний достиг высокого положения в военно-административной системе Танской империи и стал одним из известных генералов танской армии в середине VIII века. Будучи тестем уйгурского Бёгю-кагана, Пугу Хуайэнь играл посредническую роль между уйгурами и Китаем, но был оклеветан дворцовыми евнухами и в 764 г. был вынужден поднять антитанский мятеж. После его смерти в 765 г. уйгуры забрали в Ордубалык двух его сыновей, которые приходились братьями главной жены кагана – *катун*. Младшая дочь Пугу Хуайэня была оставлена

в танском дворце. В 768 г., когда умерла ее старшая сестра – уйгурская *катун*, она была возведена в ранг принцессы и выдана в жены за того же Бёгю-кагана. Двое сыновей Пугу Хуайэня были танскими военачальниками и погибли в сражениях с повстанцами. Один из двух сыновей, увезенных в Ордыбулак, в последующем получил высокий титул «ябгу» при дворе уйгурского кагана, а его дочь «принцесса Ябгу» приняла участие в дворцовом перевороте в Ордубалыке в 790 году. Среди родственников Пугу Хуайэня большую известность также получил его племянник Пугу Минчэн, который остался на службе у танского императора.

Композиционно текст эпитафии из Шороон Бумбагар состоит из двух частей: основную часть составляет повествование о покойном, которое завершается хвалебными стихами. Эпитафия начинается со ссылки на деяния сановника Цзинь Жиди, который отличался верностью Сыну Неба и имел заслуги в приведении в подчинение отдаленных народов.

Большой интерес представляют глиняные и деревянные статуэтки всадников и пеших людей, птиц, животных, рыб, фантастических существ, найденные в подземной камере на глубине около 5 м. К этой камере вел проход, по обеим сторонам которого были вырублены ниши, в которых были размещены терракотовые фигурки стоящих людей и всадников [Очир 2013, с. 9].

Курган Шороон бумбагар, относящийся к категории кенотафа, то есть захоронения без скелетированных останков тела, пополняет наши представления о погребальных обычаях токуз-огузов, основанные на сведениях письменных источников. Отсутствие скелетированных останков покойного, возможно, объясняет обычай трупосожжения, существование которого у племени *пугу* зафиксировано в биографии Пугу Хуайэня «Синь Тан шу»: в 765 г., после смерти генерала Пугу Хуайэня, «слуги сожгли его тело и погребли» [СТШ, гл. 224А].

Из большого числа человеческих фигурок, найденных в захоронении, две самые высокие по росту деревянные статуэтки идентифицированы А. Бураевым с покойным И-ту-шо-е. Эти статуэтки человека во весь рост натуралистично изображают черты его лица. Согласно измерениям монгольских археологов, высота одной из них составляет 43,5 см, ширина – 8 см, толщина – 6,5 см. Фигурки раскрашены, на

них надеты узкие штаны «леопардовой» раскраски, которая изображает мех. Верхняя одежда с запахом налево, с V-образным воротом, с двумя полами сзади, напоминающими полы фрака (фалды). На головах фигурок – высокие конусообразные шапки с широкими отверстиями впереди и сзади, сужающимися по бокам. По антропологическим чертам А. Бураев относит изображенного на статуэтке человека к метисированному типу – монголоиду со значительным европеоидным влиянием (высокий нос, большие глаза). Изучив две деревянные скульптуры, ученый пришел к выводу, что они являются зеркальным отражением одного и того же человека. А.Бураев объяснил наличие двух фигур одного человека религиозными представлениями племени *лугу*, согласно которым две фигуры покойного должны были соединиться воедино в потустороннем мире [Бураев 2016, с. 16-19].

Кроме деревянных статуэток в захоронении обнаружены керамические фигурки – 37 фигурок людей в полный рост и 6 скульптур всадников на конях. Все фигурки изображают мужчин (их высота в полный рост составляет 22,6-23,6 см) монголоидной внешности с большими уплощенными лицами и носами, но с примесями европеоидной расы. По мнению А. Бураева, керамические фигурки отличаются однородностью и скорее всего изображают представителей племени *лугу* [Бураев 2016, с.107-108].

Статуэтки из Шороон бумбагар представляют первую коллекцию погребальных фигурок, найденных в Монголии. Они обнаруживают большое сходство с аналогичными погребальными фигурками из оазисов Восточного Туркестана, главным образом из Карашара, Кучара и Турфана, ныне хранящимися во многих музеях мира. Особенно похожи они на погребальные фигуры из Турфана из фондов Эрмитажа в Санкт-Петербурге, датируемые X-XI веками. Их объединяет смешанный монголоидно-европеоидный тип и специфичная «уйгурская» черная шапка, плоская спереди и заостренная в верхней части с овальными подъемами. Обнаруженные в Кучаре матрицы для отливки скульптур воинов, датируемые VI в., позволяют считать, что центрами глиняного скульптурного производства были оазисы Восточного Туркестана.

Миграция тюрков в Китай в период крушения Второго Восточно-тюркского каганата

Очередная миграция тюрков в Северный Китай произошла в период крушения Второго Восточно-тюркского каганата. Ей предшествовал почти десятилетний период междоусобицы, которая довольно подробно описана в литературе [Гумилев 1967, с. 325-326; Кляшторный 1964, с. 42-43], поэтому мы остановимся лишь на его завершающем этапе. Правление Бильге-кагана, принесшее стране относительную внутреннюю стабильность, закончилось в 734 году. В этот год он стал жертвой заговора, во главе которого стоял один из его приближенных, именуемый в китайских источниках Мэйлу-чжо, т.е. Буюрук-чор. Отравленный Бильге-каган все же сумел перед смертью расправиться с заговорщиками: по его приказу был истреблен весь клан Буюрук-чора. Бильге-кагану преемствовали его сыновья – Ижань-каган (734-739 гг.) и Тенгри-каган (740-741 гг.). Во время правления Тенгри-кагана начался распад тюркского государства. При нем фактическое управление страной осуществляли его мать, которая была дочерью Тоньюкука, мудрого советника предыдущих тюркских правителей, и его младший сановник (кит. *сяо чэнь*) Юйсы-дагань, а «удельные владельцы из рода Ашина все меньше считались с центральной властью» [ЯЛГВЦ, гл. 9, л. 76].

Главными противниками Тенгри-кагана и его матери стали братья Бильге-кагана – левый и правый *шады*, управлявшие западной и восточной частями государства. Согласно источникам, в 741 г. по совету матери, Тенгри-каган завлек в свою ставку западного шада, убил его, а управление его племенами взял на себя [Бичурин 1951-1953, т. 1, с. 277-278]. Такая же судьба ожидала и восточного шада Пан кюль-тегина, поэтому у последнего не оставалось иного выхода, как начать войну с войсками кагана. Тенгри-каган, очевидно, не пользовался поддержкой тюркских племен, особенно у бывших подданных убитого им западного шада, что предопределило исход войны не в его пользу – его войска потерпели поражение, сам он был убит. Победитель Пан кюль-тегин возвел на престол другого сына Бильге-кагана. О судьбе самого Пан кюль-тегина источники ничего не сообщают, возможно,

он, как и его ставленник, погиб в результате начавшегося вскоре выступления Кутлуг-ябгу. Кутлуг-ябгу сначала возвел на престол своего ставленника, но затем, устранив его, в 7-м месяце 741 г. провозгласил себя каганом.

В условиях резкого обострения борьбы за власть подняли мятеж подчиненные тюркам уйгуры, басмылы и карлуки, война с которыми очень скоро выдвинулась на передний план событий в степи. Сведения об этой войне, имеющиеся в танских сочинениях и древнеуйгурских рунических текстах, еще не становились объектом сопоставительного изучения, ссылки на них, имеющиеся в литературе, носят общий характер, а иногда не соответствуют истине [Гумилев 1967, с. 366-367]. Между тем результаты этой войны имеют существенное значение для правильной оценки событий последующего периода.

Хотя заслуга в разгроме Восточно-тюркского каганата принадлежала племенам уйгуров, басмылов и карлуков, не последнюю роль сыграл при этом и Китай. Китайские источники содержат достаточно много свидетельств об участии танских войск в разгроме тюрков. Одно из первых указаний китайских источников о предпринятых Таннами действиях в отношении тюрков гласит, что в 7-м месяце 741 г. император Сюань-цзун приказал военачальнику Сунь Лаону установить контакт с враждебными тюркам племенами – уйгурами, басмылами и карлуками [ЦЧТЦ, гл. 214, л. 6844].

В энциклопедии «Цэфу юаньгуй» сохранился текст послания императора предводителям карлуков и басмылов, в котором он призывал их к мятежу против тюрков [Цэнь 1958а, с. 457]. Судя по дальнейшему развитию событий, танскому военачальнику удалось объединить усилия названных племен: в 8-м месяце следующего года было совершено наступление на тюрков одновременно с различных направлений – с севера на них напали уйгуры, с запада – карлуки, с юго-запада – басмылы; на юге тюркам угрожали танские войска. В ходе этой операции был убит тюркский Кутлуг-ябгу [ЦЧТЦ, гл. 215, с. 6854].

После гибели Кутлуг-ябгу тюрков возглавил Озмыш, являвшийся, по свидетельству китайских источников, сыном Пан кюль-тегина. В это время основные силы тюрков, теснимые противниками, находились на юге Гоби, поблизости от границы с танским государством, что позволило танским войскам включиться в войну с тюрками. «Цзычжи

тунцзянь» сообщает, что Ван Чжунсы, командующий войсками северной пограничной провинции Шофан, прибыл с армией к границе пустыни и стал угрожать Озмышу [ЦЧТЦ, гл. 215, с. 6855]. Оказавшись во вражеском окружении, Озмыш-каган предпринял тактический ход: он сообщил Ван Чжунсы о своем намерении подчиниться, что дало ему на некоторое время передышку – Ван Чжунсы, ожидая его подчинения, не начинал наступления. Когда же стали очевидны намерения Озмыша, танский военачальник пошел на решительные действия. Он связался с басмылами, уйгурами и карлуками и одновременно с ними нанес сокрушительный удар по тюркам. Все же Озмышу удалось бежать от Ван Чжунсы, которому подчинился лишь западный фланг тюрков. В день дин-хай 8-го месяца 742 г. примерно тысяча шатров тюрков вошли в пределы танского государства [Цэнь 1958а, с. 851]. Это было первое крупное переселение тюрков из степи в Китай в период крушения Восточно-тюркского государства.

Среди подчинившихся тюрков было немало высокородных лиц. Их возглавляли сын Озмыша западный *шад* Гэлечи и западный *ябгу* Абу-сы (тюрк. *Абуз*). Кроме них источники называют внука Капаган-кагана (Мочжо) принца Бодэчжи, дочь Бильге-кагана принцессу Дало, младшую жену Ижань-кагана принцессу Юйсайфу, дочь Тенгри-кагана принцессу Юйчжу [ЦТШ, гл. 194]. Среди этих знатных лиц был и глава согдийской общины Тюркского каганата Кан А-и Кюль-таркан, о котором подробнее будет сказано ниже [Цэнь 1958а, с. 850-854].

Подчинившиеся тюрки и согдийцы были размещены в северных округах танского государства – в Шофане и Фаньяне. Так, Абуз-ябгу с соплеменниками был направлен в распоряжение шофанского губернатора, а часть тюрков, в том числе семейство Кан А-и Кюль-таркана, попала в ведение фаньянского губернатора Ань Лушаня.

Между тем после первого крупного поражения тюрков в 742 г. племенами антитюркской коалиции был избран свой верховный правитель, которым стал глава басмылов Ильтериш-каган. В некоторых китайских текстах последний именуется Ашина Ильтеришем (кит. *Ашина Ши*), что указывает на его принадлежность к правящему тюркскому роду Ашина [ГХЯ, гл. 100, с. 1788]. Этот факт анализировался многими исследователями, но объяснения их кажутся неубедительными. Японский ученый Масао Мори объяснял наличие фами-

лии *Ашина* у басмылского предводителя тем, что тюрки во главе этого подчиненного им племени поставили представителя рода Ашина [Мори 1967, с. 283]. По мнению А.Г. Малявкина, Ильтериш-каган не был представителем рода Ашина, а родовое название могло быть пожаловано ему за заслуги перед Тюркским каганатом, «точно так, как в Среднем государстве «варварским» вождям за заслуги перед империей жаловали императорскую фамилию Ли» [Малявкин 1989, с. 171-172]. Предположение А.Г. Малявкина основано на экстраполяции китайских реалий на степную действительность, поэтому очевидна его несостоятельность. В пользу того, что глава басмылов на самом деле происходил из рода Ашина, говорит сообщение в эпитафии Кан А-и Кюль-таркана о младшем брате Капаган-кагана (Мочжо) по имени Басими Шицинь, т.е. Басмыл Шицинь [ЯЛГВЦ, гл. 9, 76]. Существуют и другие свидетельства того, что правящий клан басмылов происходил из боковой ветви царского рода Ашина [Камалов 2012].

Одновременно с провозглашением каганом предводителя басмылов, главы уйгуров и карлуков «сами себя провозгласили» западным и восточным *ябгу*.

Тем самым в конце 742 г. в степи установилось двоевластие: в каждом из двух воюющих лагерей был избран верховный правитель с титулом «каган». Тюркский Озмыш-каган довольно долго оказывал сопротивление союзным племенам. Некоторые сражения уйгуров с Озмышом упоминаются в уйгурских надписях. Так, Терхинская надпись сообщает от имени уйгурского принца: «Озмыш-тегин ханом стал. В год овцы (743 г.) я пошел второй раз [я с ним сразился. Во втором месяце, на 6-й день я с ним сразился] ... В год обезьяны (744 г.) я пошел ... я [с ним] сразился и одержал там победу. Их хана я там захватил, [его катун я там взял]» [Кляшторный 1980а, с. 93]. В отличие от цитированной надписи, китайские источники победу над Озмышом приписывают басмылам: согласно Сыма Гуану, в 8-м месяце 744 г. басмылы обезглавили Озмыша и переслали его голову в Чанъань [ЦЧТЦ, гл. 215, с. 6860]. Однако здесь нет противоречия: поскольку в это время главенствующее положение среди союзных племен занимали басмылы, которые в дипломатических отношениях с танской династией представляли анти-тюркскую коалицию, то любое сообщение, исходящее от этих племен, могло приписываться басмылам.

К тому же заслуга уйгурского ябгу в покарании Озмыш-кагана была особо отмечена танским двором пожалованием ему титула *фэн-и вана* [ТХЯ, гл. 98, с. 1743].

Участие Китая в событиях, происходивших в степи, не ограничилось подчинением части тюрков в конце 742 года. После гибели Озмывша, осенью 744 г., Ван Чжунсы предпринял еще один успешный поход против тюрков, возглавляемых теперь младшим братом Озмывша Бомэй Хулунфу. Об этом походе подробно рассказывает эпитафия Ван Чжунсы: «осенью следующего года (744 г.) [Ван Чжунсы] с войсками перешел пустыню, нанес удар по слабому месту [тюрков], дошел до Долосы (Талас), разгромил их, переправился через реку Юйхунь (Орхон)» [Цэнь 1958а, с. 464]. Далее в эпитафии говорится, что Ван Чжунсы преследовал тюркского предводителя Апа-таркана, который бежал к восточным иноземцам (кит. *дун фань*) и укрылся в древнем укреплении динлинов Сахэнэй. При этом проводниками китайцев были токуз-огузы Пугу Хуайэнь и недавно признавший танскую власть Абуз-ябгу. Сражение танской армии с войсками Апа-таркана, состоявшееся в день бин-суй 1-го месяца 745 г. в горах Сахэнэйшань, закончилось полным разгромом тюрков. В результате, 11 тюркских племен, составлявших левый (восточный) фланг, во главе с Апа-тарканом подчинились танскому военачальнику. Вновь было организовано переселение капитулировавших тюрков в пределы Китая.

Остатки тюрков, возглавляемые Бомэй-каганом, уже не представляли серьезной опасности для трех союзных племен, и теперь борьба за власть перенеслась в их лагерь: уйгуры и карлуки, отказавшись повиноваться басмылскому кагану, в 744 г. напали на басмылов и разгромили их. В «Цзычжи тунцзянь» и «Тан хуэйяо» сообщается, что Ильтериш-каган басмылов погиб в бою. Однако более правдоподобной кажется версия «Синь Тан шу», согласно которой он сначала бежал в Бешбалык (Бэйтин), а оттуда переправился в танскую столицу Чанъань. Эту информацию авторы «Синь Тан шу» завершают словами «земля и народ [басмылов] отошли к уйгурам» [СТШ, гл. 217Б, с. 1660].

После разгрома басмылов каганский титул принял уйгурский ябгу Гули Пэйло (Куллыг Бойла), который стал единовластным правите-

лем лишь после 745 г., когда были разбиты остатки тюрков во главе с Бомэй-каганом, а сам Бомэй пал в бою. Разгром Бомэя, датируемый в «Цэфу юаньгуй» 3-им месяцем 745 г., повлек за собой последнее в этот период переселение тюрков в Китай. На этот раз беженцев возглавила жена Бильге-кагана Кутлуг Сэбэг катун [СТШ, гл. 215, с. 6863].

Миграция в Китай в период распада Второго Восточно-тюркского каганата затронула небольшую группу его населения, состоявшую в основном из тюркской и согдийской знати и примкнувших к ним огузов. Возглавившие эти группы представители правящих тюркских родов *Ашина* и *Ашидэ* в последующем приняли активное участие во внутренних событиях в Среднем государстве.

Знатные тюрки на службе у танской династии

Успехи танского оружия в начальный период существования империи были возможны во многом благодаря использованию военной силы иноземцев, прежде всего, северных кочевников, которые были прирожденными воинами и отличались отвагой и мужеством. Император Тай-цзун с первых лет своего правления стал активно использовать иноземцев для охраны границ империи от внешних вторжений, для завоеваний новых территорий. В ходе последовательного разгрома Восточно-тюркского каганата, а затем и новых хозяев степи – сеяньто, Китаю подчинилось значительное число тюркских и огузских племен, которые были размещены в приграничных областях Северного Китая (Ордос и Шаньдун). Вожди подчинившихся племен назначались военачальниками, а военные части иноземцев инкорпорировались в танскую армию. Участие тюрков, как и других кочевых народов, в танских завоевательных походах объясняется еще и существовавшими в Китае в то время налоговыми законами. Иноземцы, подчинившиеся Китаю и зарегистрированные властями, должны были платить налоги. Согдийцы облагались налогом серебром, а тюрки – овцами, начиная с третьего года пребывания в стране. При этом предоставление своего коня с седлом на тридцать дней во время военных кампаний освобождало их от налога. Участие в военных походах танской армии также освобождало тюрков от налогов, что служило

дополнительным стимулом для привлечения их к воинской службе [Kiyohiro 2008, с. 45-47]. Если простые кочевники привлекались к военным действиям, знатные тюрки получали должности в дворцовой гвардии, пополняя численность иноземцев при дворе, среди которых было также много заложников.

Роль тюрков в защите границ империи и завоевательных походах танской армии получила отражение в жизнеописаниях танских военачальников тюркского происхождения. Среди них особенно выделялись три военачальника, высокие заслуги которых перед Танской империей были особо отмечены современниками. Это – тюрки Чжиши Сыли, Ашина Шэу и огуз Циби Хэли.

Многие ханьские генералы уступали тюркским вождям в военном деле. Это засвидетельствовано, в частности, в трактате «Тай-цзун Ли Вэй-гун вэньдуй» (Диалоги Тай-цзуна и Ли Вэй-гуна). Сочинение приводит беседу императора Тай-цзуна с Ли Цзином (Ли Вэй-гун), в которой дается оценка вышеназванным трем военачальникам: «Тай-цзун произнес: «За последнее время *кидани* и *си* стали [нашими] подданными. [Для них] были учреждены [должности] губернаторов в Сунмо и Жаоюэ, подчиненных аньбэйскому наместнику. Я [намереваюсь] использовать [на службе] Сюэ Ваньчэ. Что [Вы, Вэй-гун], думаете об этом?» [Ли] Цзин отвечал: «[Сюэ] Ваньчэ уступает Ашина Шэу, а также Чжиши Сыли и Циби Хэли – иноземным подданным, сведущим в военном деле. Ваш покорный слуга беседовал с ними о землеустройстве и состоянии дорог в [губернаторствах] Сунмо и Жаоюэ, о том, склоняются и варвары к неповиновению или покорности. [Сейчас] на землях, простирающихся до государства Сиюй, более десяти племен наверняка заслуживают доверия. [Троих названных военачальников] я обучал тактике, и [они] всегда с поклонами принимали [мой] разъяснения. Надеюсь, что Вы, Государь, используете их, не испытав сомнения» (перевод И.Ф. Поповой) [Попова 1999, с. 182-183].

Общая оценка, данная в этой беседе трем иноплеменным военачальникам, раскрывается более подробно как в биографических данных, собранных в их жизнеописаниях, так и сведениях о них, разбросанных по многим историческим сочинениям танской эпохи. Жизнеописания, прежде всего, подчеркивают знатное происхождение всех

трех военачальников, которые занимали высокое положение в своих племенах до того, как они подчинились Танской империи. Ашина Шэр был сыном Чурын-кагана (кит. *Чуло*) и имел титул *шада*. Чжиши Сыли был «тюркским вождем» племени *чжиши*, представители которого были расселены в одном из малых округов в северном Китае. Наконец, Циби Хэли был внуком кагана *Гэлуньюшэ-мохэ* из токуз-огузского (уйгурского) племени *циби* [Hamilton 1962, с. 26]. Все трое военачальников подчинились Танской империи в начале 630 г. в ходе крушения Первого Восточно-тюркского каганата.

Раньше всех оказался вовлеченным в орбиту тюрко-танских взаимоотношений Чжиши Сыли. В его «Жизнеописании» наиболее раннее упоминание об этом относится к периоду правления Чжэньгуань (627-649 гг.), когда «он сопровождал суйскую императрицу Сяо ко двору [Тан]», за что был назначен на должность генерала охраны [СТШ, гл. 110, с. 4116; Liu Mau-tsai 1958, с. 335]. «Цэфу юаньгуй» уточняет, что это событие произошло в 631 г. [Цэнь 1958а, с. 792]. Из других источников известно, что Чжиши Сыли был генералом тюркского Сели-кагана. Во время тюрко-танских военных столкновений, в 626 г., Сели-каган совершил вторжение в Китай, подступил к западной столице Чанъань. По сообщению Сыма Гуана, дойдя до реки Вэйшуй, Сели-каган «направил своего подданного Чжиши Сыли ко двору Тай-цзуна, чтобы «заявить о свершившемся» вторжении. При встрече с Тай-цзуном Чжиши Сыли сказал следующее: «Два кагана – Сули и Тули – ведут 100 десятков тысяч воинов. Сейчас [они] находятся недалеко от [столицы]». Государь любезно отвечал: «Я с твоими каганами связан мирным договором и родственными [узам], [множественно] одаривал [их] ценностями. [Сколько было подарков всего] – не счесть! Твои каганы пренебрегли союзническим договором и со [своими] армиями грубо нарушили [границы Китая], не испытывая стыда перед нами. А ты, хотя и варвар, но ведь имеешь же человеческое сердце! Разве можно совсем забыть о больших милостях и хватать силой? Да я возьму и казню тебя!» [Чжиши] Сыли испугался и молил помиловать его. Сяо Юй и Фэн Дэи стали просить [государя] обойтись с ним вежливо и отпустить его. Государь [на это] ответил: «Если я сегодня отошлю [его] восвояси, то варвары скажут, что я их боюсь, и будут творить еще большие бесчинства». После этого [он ве-

лел] задержать [Чжиши] Сыли в [помещении] Императорской канцелярии» [Попова 1999, с. 172-173]. Тай-цзун сам направился вместе с несколькими сановниками к реке Вэйшуй и разговаривал с Сели-каганом, находясь на другом берегу реки. Тем временем к нему прибыли китайские войска. Пойдя лично на встречу с тюрками, Тай-цзун сумел продемонстрировать смелость и решительность, вследствие чего «в тот же день Сели-каган явился просить мира, на что в высочайшем указе было высказано согласие» [СТШ, гл. 191, с. 6019-6020]. Заключив союз, Сели-каган увел свои войска.

В этой истории нас интересует информация о Чжиши Сыли. Источники не сообщают о дальнейшей его судьбе. Скорее всего, он был отпущен и ушел вместе с Сели-каганом, и только после поражения последнего вместе с остальными тюрками подчинился Танской империи. При этом он воспользовался возможностью сопроводить в Китай суйскую принцессу Сяо, выданную ранее в жены тюркскому правителю. По «Цэфу юаньгуй», принцесса прибыла в столицу в 5 месяце 5 года Чжэньгуань (631 г.) [Цэнь 1958а, с. 791-792]. Первым заданием Чжиши Сыли было уговорить подчиниться Китаю токуз-огузские племена *хунь* и *хуса*. Оно было, судя по всему, выполнено хорошо, так как после этого император постепенно приблизил его к себе. «Жизнеописание» рассказывает о двух случаях на охоте, когда Чжиши Сыли сопровождал императора, первый из которых датируется 10 месяцем того же года. Судя по этим датам, телеские племена *хунь* и *хуса*, или часть их, подчинились Танской империи в 631 году. Соплеменники Чжиши Сыли были расселены вместе с другими тюркскими племенами Ашидэ, Сунун и Баянь и др. в малых округах Динсян и Сангань в уезде Шофан (большой округ Сячжоу в Ордосе) [Малявкин 1980, с. 115].

Военные части под командованием Чжиши Сыли, расквартированные в Сячжоу, выполняли оборонительную функцию, защищая рубежи империи от внешних врагов. Он участвовал в походах на *туйхунь* в 635 г., на тибетцев в 638 году. Большая заслуга Чжиши Сыли перед Танской империей была в защите северных границ от нападения *сеяньто*. Когда в 645 г. новый сеяньтоский каган Бачжо совершил вторжение в Сячжоу, император Тай-цзун находился в походе на Ляодун (Южная Маньчжурия). По-видимому, Бачжо не без

основания рассчитывал на успех в отсутствии Тай-цзуна. Однако его армия натолкнулась на хорошо организованную защиту под командованием Чжиши Сыли. Вот как описываются в «Синь Тан шу» военные действия Чжиши Сыли: «[Когда] 100 тысяч [се]яньто вторглись с грабежом в Хэнань, [Чжиши] Сыли притворился слабым и не вступил в бой. Злодеи глубоко вторглись, дойдя до Сячжоу. Тогда [Чжиши Сыли] перегруппировал войска, ударил по ним и разбил их, преследовал их [на расстояние] в 600 *ли*. В это время умер [сеяньтоский] Бильге-каган. [Чжиши] Сыли направил своих победных воинов на север пустыни [Гоби] и возвратился. Затем он следовал [Ли] Дао-цзуну, принцу Цзянся, в разгроме оставшихся орд [се]яньто» [СТШ, гл. 110, с. 4117-4118]. Последнее событие произошло в 646 году.

За заслуги в войне с сеяньто Тай-цзун выдал за Чжиши Сыли танскую принцессу Цзюцзян, дочь Гао-цзу, и наградил титулом «гун Аньго» и должностью офицера легкой кавалерии (кит. *фума дувэй*) [Цэнь 1958а, с. 792].

После смерти Тай-цзуна Чжиши Сыли впал в немилость нового императора. Он был обвинен в связях с одним из зятьев Тай-цзуна, Фан Иай, который был казнен за бунт в начале 650-х годов. Однако император Гао-цзун помиловал его, «думая, что он участвовал во многих сражениях», заменил ему казнь ссылкой. В 651 г. Чжиши Сыли был сослан в округ Суй-чжоу, расположенный в современной провинции Сычуань. Его жена, танская принцесса, отправилась в ссылку вместе с ним, но умерла в дороге. Спустя почти десять лет, в период правления Лун-си (661-663 гг.), Чжиши Сыли был назначен начальником округа Гуйчжоу. О дате смерти нет точных данных, но, судя по всему он умер в 663 г. в должности правителя округа. В 664 г. его семье было возвращено ленное владение принцессы, о чем она просила перед своей смертью. Посмертно Чжиши Сыли был награжден титулом *тутука* округа Шэнчжоу и посмертным именем *Цзин* [Liu Mau-tsai 1958, с. 791].

Некоторые сведения из жизни Чжиши Сыли были включены А.Г. Малявкиным в одну из своих монографий, в которой оценочные суждения автора вызывают сомнения. Он писал, что Чжиши Сыли «был отправлен в конце 626 г. к танскому двору, посажен китайцами в тюрьму по обвинению в шпионаже. Позднее он изменил своему

народу, перешел на сторону Танского государства и верой и правдой служил династии» [Малявкин 1981, с. 90]. Вряд ли в данном случае можно говорить об «измене» своему народу, поскольку власть императора Тай-цзуна была легитимной в глазах тюрков, признавших его «Небесным каганом».

Другим тюркским вождем, получившим известность при танском дворе, был представитель царского клана Ашина Шэр. Следует сказать, что представители рода Ашина часто привлекались танским двором к политическим играм против тюркских каганатов. Ашина Шэр был вторым сыном Чурын-кагана (Дамань, Чуло-каган) западных тюрков. В «Жизнеописаниях» иноземные военачальники описываются умными и храбрыми с самого раннего детства. Точно таким же образом, жизнеописание Ашина Шэра отмечает, что он уже «в свои одиннадцать лет был известен среди иноземцев своим умом и храбростью» [СТШ, гл. 110, с. 4114]. При Чуло-кагане он был назначен *шадом*. Другим *шадом* был Юйгу, сын Сели-кагана (кит. *юйгу ша*). Эти два *шад* поделили правление подвластными телескими племенами, среди которых называются уйгуры (кит. *хуэйхэ*), бугу (кит. *пузу*) и тонгра (кит. *тунло*) [Цэнь 1958а, с. 788, 790]. Об Ашина Шэре рассказывается, что он установил ставку на севере от пустыни Гоби, то есть управлял восточными владениями тюркской державы. Правление его несколько идеализируется: пользовался всеобщим уважением, более десяти лет правил, не повышая налогов.

В 626 г. сеяньто и уйгуры восстали против тюрков, напали на Юйгу-шад и разбили его. Ашина Шэр также понес поражение от сеяньто-уйгурских сил. В 628 г. он собрал остатки своего народа и укрепился на западе, в местности *Кэхань футу* (Каганская ступа). В это время пала власть Сели и умер Тон-ябгу западных тюрков, на западе Силиби-долу каган оспаривал власть с братом Нишу. Пользуясь смутой, Ашина Шэр напал на враждующих претендентов на престол, захватил «половину государства» и провозгласил себя Дубу-каганом [Цэнь 1958а, с. 790]. Когда возник вопрос о дальнейших действиях, Ашина Шэр вознамерился пойти походом на сеяньто, которые были главными виновниками падения Тюркского каганата. Необходимость покарать сеяньто он объяснял следующим образом: «[Се]яньто виновны в том, что восстали и разбили наше государство. Ныне я покорил

Запад, в большом количестве захватил воинов и лошадей. Если бы я не усмирил [се]яньто и не добился [их] умиротворения, это означало бы, что я забыл сыновнюю почтительность! Если бы Небо не одарило меня победой, я бы умер без раскаяния!» [СТШ, гл. 110, с. 4115]. Его подданные стали упрашивать его воздержаться от похода и заняться укреплением власти на месте, чем отправляться в дальний поход. Они боялись, что сыновья и внуки Ябгу не преминут воспользоваться этим походом, чтобы вернуться к власти. Однако Ашина Шэр стоял на своем плане и повел 50-тысячную армию на север от пустыни, чтобы усмирить восставших сеяньто. И на этот раз не обошлось без танского вмешательства: танский двор постарался внести раскол в ряды тюрков, признав каганом тюркского шада Тунъэ. Эта политика возымела успех и привела к расколу среди тюрков: сторонники Ашина Шэра бросили на произвол судьбы танского ставленника. В результате, сеяньто смогли нанести тюркам сокрушительное поражение. После этого неудачного похода Ашина Шэр обосновался в Гаочане с остатками войска, насчитывавшего теперь в своих рядах чуть более десяти тысяч человек. Последовавшее обострение отношений с западными тюрками заставило его подчиниться Танской империи в 635 году. Согласно «Цэфу юаньгуй», его соплеменники были размещены на севере округа Линчжоу. В связи с этим следует отметить имеющееся в источниках упоминание о подчинении Танской империи тюркского шада Ашина Момо, который идентифицирован М. Мори с сыном Чуло-кагана. Здесь видимо речь идет о другом сыне Чуло-кагана [Мори 1967, с. 89].

После подчинения Ашина Шэра Тай-цзун сразу назначил его на должность старшего генерала левого корпуса Доблестной гвардии (кит. *цзо сяовэй да цзянцзюнь*). На следующий год (636 г.) Ашина Шэр получил в жены танскую принцессу Хэньян, которая была дочкой императора Гао-цзу, и должность офицера кавалерии охраны (кит. *фума дувэй*).

В 640 г. войска под командованием Ашина Шэра были направлены в поход на государство Гаочан. За заслуги в подчинении этого оазисного государства в Восточном Туркестане Ашина Шэр был представлен к высоким наградам, которые, однако, он отверг, проявив чрезмерную «скромность и благоразумие», за что был особо отмечен императором.

По возвращении из похода Тай-цзун все же награбил его украшенным драгоценностями гаочанским мечом и 1000 кусками шелковой ткани. Также он получил новую дворцовую должность командующего левым гарнизоном охраны северных ворот столицы, а также титул «гун Биго» [Цэнь 1958а, с. 791].

Ашина Шэр принимал активное участие в последующих танских походах на государства Восточного Туркестана. В 647 г. он был направлен для подчинения Кучи (кит. *Гуйцы*). Под его командованием был захвачен сначала город Дабохуань в районе Кучи, а вскоре завоевана Куча, пленены правитель этого государства *Бохэли-бушиби*, главный сановник *Нали* и около ста высокопоставленных лиц [Попова 1999, с. 262]. В 648 г. в ходе завоевательного похода были разгромлены и подчинены западно-тюркское племя *чуми* и часть *сеяньто* [Малявкин 1981, с. 91].

Несколько ранее, в 645 г., Ашина Шэр сопровождал Тай-цзуна в очередном походе на Ляодун (Корея), за что получил должность главы Ведомства вассальных государств и иностранцев Хунлуцин [Гумилев 1967, с. 231-232].

Когда скончался Тай-цзун (649 г.), выражая преданность своему сюзеру, Ашина Шэр просил похоронить его вместе с ним, но Гао-цзун отказал ему в просьбе. Высоко оценив его верность, он пожаловал ему должность старшего генерала гвардии *ювэй*. Последнюю награду он получил в 653 г.: ему была пожалована должность старшего генерала гвардии *чжэньцзюнь*. Ашина Шэр скончался в день *бинянь* 4 месяца 6 года эры правления Юн-хуэй (655 г.).

Его посмертные награды включали титул главнокомандующий – опора государства (кит. *фуго да цзянцзюнь*), тутука округа Бин-чжоу, посмертное имя *Юань*. Тело его было погребено на кладбище Чжаолин, а на могиле установлен памятник. Интересно замечание, что его могила выполнена в форме горы Цуншань (Памира). Согласно жизнеописанию сын Ашина Шэра по имени Дао Чжэнь дослужился до должности старшего генерала левого корпуса Несгибаемой гвардии (кит. *цзо чжуньвэй да цзянцзюнь*).

В отличие от двух предыдущих военачальников-тюрков, третий крупный военный деятель Циби Хэли происходил из токуз-огузского (уйгурского) племени *циби* или *цибийой* [Pritsak 1988, с. 766]. Самые

ранние сведения о *циби* размещают их на реке Юлтуз (*Иниша*) к северо-западу от Карашара (*Яньци*) в Восточном Туркестане по соседству с другим огузским племенем *доланьгэ*. В начале годов правления Да-е (605-617 гг.) огузские племена восстали против Чурын-кагана. На этом этапе племя *циби*, видимо, занимало положение, более высокое, чем сеяньто, так как вождь племени *циби* эльтебер-эркин *Гэлэн* был провозглашен *Иу-чжэньмохэ* каганом (кит. *Гэлунь Иушэ мохэ*), в то время как эркин сеяньто Еде – младшим каганом. «Бэй ши» сообщает, что он подчинил все государства Восточного Туркестана, включая Комул (кит. *Иу*) и Карашар (кит. *Яньчи*) [Цэнь 1958а, с. 793].

Цибиский каган управлял своими владениями при помощи своего младшего брата *Мохэдо*-тегина. Ставка кагана находилась в горах Тан-хань. В третий год Да-е (607 г.) *циби* прислали послов в Чанъань с «представлением дани». В последующем сообщения с Китаем прервались [Цэнь 1958а, с. 679].

Принятие вождем *циби* титула верховного правителя (*каган*) было первой попыткой огузов создать свое государство в древнетюркскую эпоху. Согласно жизнеописанию Циби Хэли, он был потомком цибиского кагана, имя которого транскрибируется несколько иначе – *Гэлунь иушэ кэхань*. Его отцом был *Мохэдо*-тегин, младший брат кагана, именуемого также в источниках «Гэ». Жизнеописание сообщает, что земли *циби* примыкали к землям *туйюхуней* (тогонов). Из-за перенаселенности и многочисленных болезней, *циби* были вынуждены переселиться в верхнюю часть района Жэхая (досл. «теплое озеро»; в Восточном Туркестане). *Мохэдо*-тегин скончался, когда его сыну Циби Хэли исполнилось девять лет. Мальчик получил по наследству титул *великого эльтебера* [Цэнь 1958а, с. 793, 797].

Циби Хэли подчинился Танской империи в 632 году. «Вместе с матерью, возглавив народ из более тысячи человек, явился в округ Шачжоу (Дуньхуан)» [СТШ, гл. 110, с. 4117]. Император Тай-цзун разместил его племя в двух округах – Ганьчжоу и Лянчжоу, а самого Циби Хэли назначил левым генералом-воеводой (кит. *цзо линцзюнь цзянцзюнь*) и поселил в столице.

Повествование о воинских заслугах Циби Хэли перед танской династией следует начать с того, что первоначально ему были даны в управление подразделения, в которых не было его соплеменников.

Первый бой танских войск, в котором отличился Циби Хэли, был с племенами *туйюйхунь* на Красной реке (кит. *Чиишуй*) в 635 году. Сначала его всадники пришли на помощь попавшему в окружение войску Ван Цзюня, а затем Циби Хэли стал инициатором нападения на ставку туйюйхуньского князя (кит. *ван*) Фуюня. Ханьский генерал не хотел совершать атаки, но Циби Хэли настоял на ней, говоря: «У злодеев нет городов, [они] живут тем, что следуют за густой травой и хорошей водой, не победив, они не успокоятся. Если сейчас бояться, что птицы и рыбы испугаются, то позже незачем наблюдать за их гнездами» [СТШ, гл. 110, с. 4117]. Внезапное нападение на вражескую ставку было успешным, «порубали несколько тысяч голов, захватили верблюдов, лошадей, коров, овец около 200 тысяч, взяли в плен их жен и сыновей» [Цзнь 1958а, с. 797].

Успехи Циби Хэли не давали покоя его противникам: танский генерал Ван Цзюнь в докладе императору приписал себе его заслуги, что вызвало гнев Циби Хэли, который хотел убить его. Стоило большого труда остановить его. Вся эта история стала известна Тай-цзуну, который при встрече с Циби Хэли расспросил об обстоятельствах дела. Узнав о поступке Ван Цзюня, он хотел наказать его, но Циби Хэли отговорил: «Если Вань Цзюнь будет освобожден от должности, боюсь, что варвары четырех сторон, услышав об этом, скажут, что Ваше Высочество ценит варваров больше, чем ханьцев. Тогда будет очень много ложных доносов. А если варвары не будут знать [об этом], [они] скажут, что все ханьские генералы такие, и не проявят далеко идущих замыслов» [СТШ, гл. 110, с. 4118]. Тай-цзун признал такое объяснение логичным и принял его, но все же издал указ о том, чтобы было проведено расследование по делу военного лагеря. Кроме того, он приказал выдать замуж за Циби Хэли принцессу второго ранга по имени *Линьтао сяньчжу*. В 640 г. Циби Хэли участвовал в походе танской армии на Гаочан, который возглавлял упомянутый выше Ашина Шэр, а позже принимал участие в походе на Кучу.

Известность получила история пленения Циби Хэли сеяньгоским каганом, когда он проявил отвагу и смог продемонстрировать преданность императору. После 630 г. сеяньгоскому Бильге-кагану подчинились многие огузские племена, причем не только кочевавшие в степи, но и те из них, которые поселились в приграничных районах Китая.

Когда в 642 г., с разрешения императора, Циби Хэли отправился на встречу со своей матерью *Гу-цзан-фужэнь* и младшим братом *Шамэнем*, жившими в приграничной области Лянчжоу, оказалось, что многие вожди его племени успели вернуться под власть Бильге-кагана [Цэнь 1958а, с. 799]. Среди них были и его сородичи во главе с его матерью и младшим братом.

Здесь обращает на себя внимание то, что мать Циби Хэли называется в тексте титулом *катун*, который носили главные жены верховных правителей – *каганов*. Известно, что отцом Циби Хэли был младший брат цибиского кагана, который носил титул *тегина*, но источники ничего не сообщают о том, что он в последующем мог также принять титул *кагана*. Этот факт мог просто не попасть на страницы танских сочинений, что, впрочем, маловероятно, учитывая значимость фигуры кагана.

В жизнеописании Циби Хэли утверждается, что мать его и младший брат были вынуждены подчиниться Бильге-кагану под давлением остальных вождей племени. Однако, возможно, что это лишь интерпретация китайских историографов. На самом деле, подчинение могло быть добровольным, поскольку существовали тесные связи вождей племени *циби* с правящим родом сеяньто: вспомним, что цибиский каган, дядя (или дед) Циби Хэли, делил власть с младшим каганом – вождем *сеяньто* [Цэнь 1958а, с. 797].

Вернемся к встрече Циби Хэли с матерью и братом. При встрече с вождями племени Циби Хэли стал укорять их в неверности императору, принявшему их радушно в свое подданство. Он говорил: «Император проявил в отношении вас большую милость. К тому же встретил меня великодушно. Зачем же выступать против него?». Вожди ссылались на то, что его мать и младший брат перешли на сторону сеяньто: «Катун и тутук ушли [к Бильге-кагану]. Почему [нам] нельзя [подчиниться ему]?» На это Циби Хэли отвечал: «[Мой] младший брат выполняет свой сыновний долг, я же служу государству [Тан] и не могу идти [с ним]» [Цэнь 1958а, с. 798].

Циби Хэли не удалось убедить своих соплеменников сохранять верность Тан. Более того, он был схвачен и доставлен в ставку Бильге-кагана, встреча с которым описана следующим образом: «[Циби] Хэли сел растопырив ноги (т.е. неуважительно – *А.К.*), вытащил кли-

нок на пояс, повернулся на восток и крикнул: «Танский герой [публично] опозорен перед двором злодеев. Никогда и нигде не смогу очистить свою душу». Тотчас отрезал [свое] левое ухо, поклялся не отступать [от своего]. Бильге разгневался, хотел убить его, [но] его жена уговорами остановила [его]» [Цэнь 1958а, с. 798].

Об этих событиях очень скоро стало известно танскому двору, где многие не замедлили усомниться в верности Циби Хэли, полагая, что он непременно примкнет к сеяньто: «Хэли ушел к сеяньто. Если рыба добирается до воды, то она непременно спешит к ней», – говорили они Тай-цзуну. Однако «император сказал: «Это не так. Если сердце [этого] человека подобно железу и камню, он не отвернется от нас». В это время прибыл посланник, [который] рассказал об обстоятельствах [дела]. Император заплакал, издал указ о том, чтобы чиновник личной охраны (кит. *бинбу шилан*) Цуй Цзяоли, взяв верительную бирку, [направился, чтобы] выдать [танскую принцессу] замуж за [кагана] сеяньто и просить [отпустить Циби] Хэли. Тогда [Циби] Хэли вернулся. Он был назначен генералом правой гвардейской охраны» [СТШ, гл. 100, с. 4118]. Как видно из этого рассказа, Циби Хэли был отпущен взамен на обещание о заключении союза через родство (кит. *хэцинь*), которого давно уже добивался сеяньтоский Бильге-каган.

Заключение династийного брака и установление союзнических отношений с сеяньто не входили в планы Тай-цзуна [Кляшторный 1986б, с. 157-158]. Танская империя не была заинтересована в укреплении нового политического объединения кочевников в степи и не хотела способствовать возвышению сеяньто, заключая с ними союз через родство. Однако чтобы спасти Циби Хэли, Тай-цзун дал обещание выдать танскую принцессу за Бильге-кагана. В сложившейся ситуации выход был предложен самим Циби Хэли. «В день отправления принцессы [к сеяньто], [Циби] Хэли настаивал на том, чтобы не позволять [ей ехать]. Император сказал: «Сын Неба не шутит. [Я] обещал [принцессу] в жены [Бильге], как же могу отказать [теперь]?» [Циби] Хэли сказал: «Согласно ритуалу, [жених] должен лично встретить [принцессу]. Следует издать приказ о том, чтобы Бильге-[каган] лично прибыл в столицу или в Линью. Он испугается нас и ни за что не придет. Тогда брак не будет заключен. Он, возмущенный, не будет знать, что делать. Подчиненные непременно отойдут [от него]. Не

пройдет и года, [как] возникнут взаимные подозрения. Бильге – очень свирепый [человек]. Если [он] умрет, то двое его сыновей будут воевать за власть, [возникнут] внутренние смуты и внешние измены, [тогда], не сражаясь, [можно] поймать [их]». Император согласился с ним. Бильге действительно не осмелился прийти на встречу; опечалившись, что не исполнились замыслы, впал в ярость и умер. [Его] младший сын Бочжо убил своего сводного брата Тулиши. Возвел себя [на престол]. Когда в государстве начался беспорядок, [произошло] так, как и предсказывал [Циби] Хэли» [СТШ, гл. 110, с. 4118-4119].

В 644 г. Циби Хэли отправился со своими соплеменниками в поход на Когурё (Корею) в составе армии Тай-цзуна. В одном из боев Циби Хэли был ранен пикой. Тай-цзун лично прикладывал лекарство на его рану, а когда во время сражения поймали того воина, который ранил его, он велел привести его к Циби Хэли, чтобы тот собственноручно убил его. Однако Циби Хэли отказался убивать его, полагая, что воин выполнял свой долг, был верен своему хозяину и попросил отпустить его [Гумилев 1967, с. 223]. То, что император Тай-цзун лично лечил генерала-«варвара», стало легендой и еще больше укрепило авторитет Циби Хэли.

Подобно Ашина Шэру, Циби Хэли хотел, чтобы его похоронили вместе с императором, когда тот скончался. В последующем он также продолжал преданно служить новому императору и пользоваться его расположением. Упоминается его участие в 651 г. в походе против Ашина Хэлу. Последний был каганом западных тюрков, который в 646 г. подчинился Танской империи, но в 650 г. порвал с ней и со своим народом ушел на запад. Он сумел на время установить контроль над тюрками на бывших землях кагана Долу, учредив ставку в районе между Боротола и Минбулак. Объединив племена *чуми*, *чуюэ*, *гусу*, *биши* и *карлуков*, в 651 г. он вторгся в округ Тинчжоу, созданный на территории бывшего государства Гаочан, захватил горы Цзиньлин на севере Турфанской котловины (хребет Богдо). Он намеревался захватить территорию вокруг озера Баркуль (кит. *Пулэй*). Появление в Восточном Туркестане еще одного представителя царского рода Ашина, успешно объединявшего вокруг себя соплеменников, стало новым источником угрозы для Танской империи. Для ее ликвидации Гао-цзун организовал поход, поручив Циби Хэли командование армией.

Армия включала войска нескольких округов, а также подчинившихся уйгуров из губернаторства Яньжань [СТШ, гл. 217А, с. 6112].

Во время похода в горах Лаошань упорное сопротивление танской армии оказало тюркское племя *чююэ* во главе с вождем Чжуе-гучжу. Армия Циби Хэли все же одержала победу над этим племенем, взяв в плен более 60 человек и обезглавив около 10 тысяч воинов. После этого был подчинен вождь племени *чуми* шицзянь-эркин Хэчжихэ. За эту удачную операцию против войск Ашина Хэлу, Циби Хэли был награжден должностью великого генерала левого корпуса Доблестной гвардии *сяовэй* и титулом *гун* Чэнго. Что касается Ашина Хэлу, то потерпев поражение от танских сил в 657 г., он попал в плен и умер в Чаньане в 659 г. [Малявкин 1981, с. 179-180].

Очередной поход в Корею, в котором участвовал Циби Хэли в 659 г., был неудачным. В 661 г. состоялся еще один поход на Корею, в котором принимали участие и подразделения уйгуров. О союзе уйгуров с Тан упоминается в рассказе о событиях первого месяца 661 года. Однако вскоре уйгуры присоединились к восстанию огузских племен, которое вылилось в уйгуро-танскую войну. Эта война шла «с февраля 660 г. по февраль 663 г.» [Малявкин 1980, с. 120].

В десятом месяце 661 г. токуз-огузы убили танского посла, в ответ были мобилизованы три танские армии для «покарания повстанцев». Эти армии возглавлялись ханьцами, но в их составе были подразделения тюрка Ашина Шэра и огуза Циби Хэли. В жизнеописании Циби Хэли рассказывается о том, какую лепту внес этот огузский военачальник в борьбу со своими же соплеменниками: «В тот год восстали девять фамилий [токуз-огузов]. [Циби] Хэли был назначен эмиссаром по умиротворению округа *теле*. С 500 легких всадников [он] ворвался к девяти племенам (кит. *цзюсин*). Злодеи очень перепугались. Тогда Хэли сказал: «Государство [Тан] знает, что вы были обмануты, поэтому переметнулись [от него]. [Это] заставляет меня отпустить вас восояси, все [вы] можете начать снова [служить Тан]. Вина лежит на вождях, нужно их схватить». Все [девять] фамилий очень обрадовались, поймали ложных ябгу, шадов, тегинов и других злоумышленников – всего 200 с лишним человек, и передали их [Циби] Хэли. [Тот] перечислил их злодеяния и казнил их» [СТШ, гл. 110, с. 4119-4120]. Это событие, однако, не сыграло решающей роли для восстания огу-

зов, которое в дальнейшем приобрело еще больший размах. Известно, что в 662 г. состоялась битва огузов с танской армией на Тяньшане. «В результате уйгуро-танской войны 660-663 гг. на севере от пустыни Гоби появилось кочевое государство, в котором главенствующую роль играли уйгуры» [Малявкин 1980, с. 125].

В жизнеописании Циби Хэли подробно описываются его заслуги во время военных действий против Кореи в 666 году. Среди них были захват трех городов и пленение корейского князя. За корейский поход Циби Хэли был назначен старшим генералом левого корпуса Воинственной гвардии *увэй* и переведен на должность в Лянчжоу.

Циби Хэли умер в 678 году. Посмертно ему были пожалованы почетный титул «Высшая опора государства» (кит. *шан чжуго*), должность тутука округа Бинчжоу, а также посмертная фамилия «И». Он также удостоился чести быть захороненным на кладбище Чжаолин в западной столице Танской империи.

Потомки Циби Хэли продолжали служить Танской империи. Его сын Циби Мин (детское имя: Жошуй) начал свою службу с 13 лет, когда его назначили императорским пажом. Он участвовал в военных действиях танских войск под командованием Ли Цзинсюаня; за поход на Отюкэн получил должность старшего генерала Величаво-грознай гвардии (кит. *вэйвэй*), наследовал звания и титулы отца. В период правления императрицы У-хоу (684 г.) жена и мать Циби Мина получили фамилию «У» (фамильный знак, входящий в имя императрицы). Он умер в 46 лет, был посмертно награжден должностью начальника округа Лянчжоу и пожалован фамилией «Цзин». Танские историки заключают, что «Мин отличался тем, что упорно овладевал и любил учение, [любил] вступать в споры». Они упоминают имя его сына – Суна, жизнеописание которого, однако, отсутствует в историях. Между тем, сохранилась эпитафия Циби Мина, которая не столь информативна и написана общими выражениями, но является свидетельством признания его заслуг танским двором [Цэнь 1958а, с. 801-809]. Интересно отметить, что генерал Циби Хэли в современных китайских публикациях преподносится как «известный генерал уйгурского народа» танской эпохи, а его жизнь приводится как пример сплоченности ханьского и уйгурского народов в историческом прошлом [Ван Яоцзянь 1988, с. 47].

Кроме трех вышеназванных военачальников на службе у танской династии состояло большое число других тюркских и огузских вождей. Так, примерно в одно время с ними Танской империи подчинился другой представитель царского рода тюрков Ашина Суниши, которому принадлежала заслуга в захвате Сели-кагана. Небольшое жизнеописание Ашина Суниши имеется в танских династийных историях [ЦТШ, гл. 109]. Такого же жизнеописания удостоился его сын Ашина Чжун, который лично пленил Сели-кагана [Liu Mau-t'ai 1958, с. 266]. За преданность танскому дому он был удостоен имени «Чжун» (кит. *верный*). Ашина Чжун прослужил в императорской гвардии 48 лет, а его деяния описаны в надгробной надписи [Цэнь 1958а, с. 779-787].

Сравнение жизнеописаний трех военачальников-иноземцев с биографиями представителей «северных варваров» более позднего времени, имевших заслуги перед танской династией, таких как Пугу Хуайэнь, позволяет сделать некоторые наблюдения о политике ранне-танского Китая в отношении тюркских племен. В приведенных выше историях, прежде всего, обращают на себя внимание особые отношения императора Тай-цзуна к вождям племен, которые преданно служили ему. Эти отношения можно видеть в сообщениях о том, что император собственноручно прикладывал лекарства к ране Циби Хэли, до конца верил в его преданность и готов был пойти на заключение династийного брака с противником, чтобы вызволить его из плена, восхищался скромностью и благоразумием Ашина Шэра. Иноземные подданные также отвечали сюзерену верной службой, выражали готовность быть захороненными вместе с императором после его смерти. Об особых отношениях к ним императора говорит тот факт, что он выдал в жены за этих «варваров» танских принцесс, представительниц императорского дома, причем тюркам Ашина Шэру и Чжиши Сыли были выданы дочери первого танского императора Гао-цзуна. Случаи, когда танских принцесс выдавали в жены иноземным предводителям, не были исключительным явлением в истории как Танской империи, так и вообще Китая, однако они практиковались в периоды усиления соседних государств и чаще всего была вынужденным дипломатическим актом, оформлявшим союзнические отношения Среднего государства с «варварами». В данном же случае речь идет о

том, что принцессы были выданы замуж за вождей племен, уже подчинившихся Китаю, в знак признания их заслуг. Брак вождей иноплеменников с танскими принцессами вводил их в императорскую семью, делая их участниками политической жизни на уровне высшего эшелона власти. Не случайно, один из них, Чжиши Сыли, после смерти Тай-цзуна оказался вовлеченным в дворцовые интриги, борьбу за власть и понес наказание.

Отношение императора к этим трем военачальникам тюркского происхождения создает иллюзию о том, что Тай-цзун относился к иноземцам как к равным. В таком свете описываются отношения Тай-цзуна с иноземцами Л.Н. Гумилевым: «Благодаря таланту полководца и государственного деятеля он нашел общий язык с варварскими вождями и князьями, искренность и несправедливость которых поддавались обаянию его справедливости и великодушия. Ранее они чувствовали себя в Китае пришельцами, наемниками, которых только терпят, теперь же они становились друзьями и близкими императора, принимавшего самое живое участие в их делах и бедах» [Гумилев 1967, с. 223]. На самом же деле, Тай-цзун рассматривал привлечение иноземцев на китайскую службу как продолжение традиционного принципа китайской дипломатии, которую выразил в беседе с генералом Ли Цзином, обучившим военной науке Ашина Шэра, Чжиши Сыли и Циби Хэли: «Инородцы служат Вам под Вашим началом. Древние говорили: с помощью варваров побеждают варваров. В этом сила Срединного государства. Вы это постигли» [Попова 1999, с. 183].

Сведения о генералах иноземного происхождения встречаются в разных главах династийных историй. Вместе с тем, как уже упоминалось выше, в разделе «Жизнеописания» в «Синь Тан шу» есть специальная глава, в которой даются биографии иноземных военачальников, верно служивших танской династии. Эти военачальники представляют различные этнические группы. Происхождение большинства из них указывается отчетливо: здесь помещены биографии тюрков Ши Даная, Ашина Шэра, Ашина Чжуна, Чжиши Сыли, токуз-огуза Циби Хэли, *мохэ* Ли Доцзо, тибетцев Лунь Гунжэнь и Вэй Чжэнь, хотанца Вэйчи Шэнь (Виджая Сумбхава), сяньбийца Шан Гэгу, кашгарца Пэй Фэня, корейца Цюань Наньшэна. Неизвестно

происхождение только двух лиц из данной главы – Фэн Яна и Хэйчи-чанчжи. Хвалебная речь, заключающая главу, гласила: «Варвары *и* и *ди* по натуре искренние и упрямые. Они могут знать существующий долг. Их воинственность и прямота не давали продвигаться [по карьерной лестнице]. Говорили, что умения недостаточно, но верности было более чем достаточно. Если посмотреть на [Ши] Даная и других служащих, все они имели единое намерение; не было таких, кто бы колебался; используя возможность, [они] устанавливали яркие заслуги, ради Сына Неба склонялись к вере. Что касается поколения Хунь Цзюня, Седе Гуанъяня, их подвиги не бедны, а их верность была с избытком» [СТШ, гл. 110, с. 4130].

Огузы (теле) в Танской империи

В отличие от истории собственно тюрков во главе с царским родом Ашина, ранняя история огузских племен содержит много неясного. Происхождение огузов, известных в китайских источниках под названием «теле», восходит к древним племенам *дили* и *динлин*, однако проследить их историю на основе достоверных письменных свидетельств удается только с конца IV в., когда в китайских сочинениях впервые появляются записи о племенах *гаочэ*. *Гаочэ* (другое чтение: *гаоцзюй*), означающее на китайском языке «высокие телеги», было одним из наименований крупного союза кочевых племен. По свидетельству «Вэй шу» (История династии Вэй), гаочэ «ранее назывались *дили*, на севере их именовали *чилэ*, а в Ся (Китае – А.К.) называли *гаочэ* и *динлин*» [ЦТШ, гл. 103, 116]. Легенда, зафиксированная в этой династийной истории, связывает происхождение *гаочэ* с центрально-азиатскими *сюнну* (хунну): *гаочэ* произошли от брака младшей дочери правителя *сюнну* с волком [Бичурин 1950-1953, т. 1, с. 214-215]. Легенда отразила наряду с генетической связью с *сюнну*, идею божественного происхождения правящего дома *гаочэ*, выраженную в обосновании наличия родственной связи их предков с правящим домом *сюнну* и с божественным животным. Вместе с тем реальную основу имеет указание источников о существовании связи *гаочэ* с кочевыми племенами *динлин*, обитавших в Центральной Азии по II в. до н.э.

Гаочэский союз состоял из 18 племен, шесть из которых занимали главенствующее положение: в число последних входило племя *юаньхэ* (оногур), позже принявшее наименование сначала *вэйхэ*, а позже – *хуэйхэ* (уйгур). Первоначально гаочэские племена обитали в районе современной провинции КНР – Ганьсу. Первые исторические сведения о них относятся к тому времени, когда они находились в подчинении *жуаньжуаней* (жужаней), господствовавших в Монголии в IV веке. Постоянная борьба с жуаньжуанями, в ходе которой племена *гаочэ* не раз заключали союз с северокайским государством Тоба Вэй, привела в конечном итоге к созданию Гаочэского ханства в Восточном Туркестане: в 487 г. предводитель *гаочэ* Афучжило поднял восстание против сюзерена – жуаньжуаньского правителя, и отложившись, увел своих соплеменников на территорию Восточного Туркестана. Гаочэское ханство с самого начала разделилось на два удела: северный и южный. Северной частью ханства управлял Афучжило, принявший титул верховного правителя «Великий Сын Неба», а южной частью – его младший брат Цюнци с титулом «наследный государь» [Материалы 1984, с. 401-406].

На начальном этапе государство *гаочэ* успешно противостояло соседним народам – *тогонам* (кит. *туйюхунь*), *эфталитам* и *жуаньжуаням*. Однако в дальнейшей его судьбе негативную роль сыграло деление государства на два удела. Южный удел, управляемый Цюнци, вскоре стал подвергаться усиленным нападениям эфталитов, которые, в конечном счете, разгромили его, обратив в бегство его население [Материалы 1984, с. 21-26]. Позже эфталиты нанесли поражение и северным гаочэским племенам, однако, не уничтожили их государство, поскольку оно служило буфером между ними и жуаньжуанями. Гаочэско-жуаньжуаньские войны первой половины VI в., наряду с другими факторами, способствовали ослаблению обеих воюющих сторон и в значительной мере – усилению находившихся под властью жуаньжуаней тюрков. Тюрки сначала помогли жуаньжуаням разбить *гаочэ* (543 г.), а затем, укрепившись за счет последних, начали войну против своего сюзерена. Война закончилась в 551-552 г. провозглашением Тюркского каганата, последующим разгромом жуаньжуаней и установлением в Центральной Азии тюркского господства.

В эпоху тюркских каганатов (VI-VIII вв.) китайские историографы

стали называть гаочэские племена телескими. Слово *теле* представляет собой искаженную форму известного в предыдущую эпоху слова *чилэ*, под которым были известны гаочэсы среди некоторых народов, и реконструируется исследователями как «тигрис» (Э. Пуллиблэнк) [Pulleyblank 1956, с. 36] или «tägräg» (Дж. Гамильтон), означавшее в древнетюркском языке «телега» [Hamilton 1962, с. 26]. По мнению К. Цегледи, слово *теле* есть лишь более поздняя форма древнекитайского *динлин* и его среднекитайского варианта *дили* [Czeglédy 1982, с. 89].

Телеская конфедерация известна по древнетюркским и мусульманским источникам как *огузская*. В нее входило большое число племен, обитавших на обширной территории Внутренней Азии от Дальнего Востока до Кавказа. В эпоху тюркских каганатов телеские племена находились в подчинении тюрков. После раскола в 583 г. Первого Тюркского каганата на Восточный и Западный телесцы оказались под властью как восточных, так и западных тюрков, против которых, однако, они вели постоянную борьбу. Первое крупное восстание телесцев против тюрков произошло одновременно в разных концах Западно-тюркского каганата в начале VII в. (600-е гг.). Однако, если восстание в западной части каганата увенчалось успехом и привело к созданию независимого Булгарского государства, то на востоке восстание принесло телесцам независимость лишь на короткое время. Здесь телеские племена, восставшие против Чурын-кагана в 605 г., провозгласили верховным правителем главу племени *циби* (киби) Йинчу бага-кагана. Одновременно младшим каганом был провозглашен глава другого огузского племени *сеяньто* (*сиров* тюркских надписей). Именно к этому времени относится принятие племенем *вэйхэ* наименования *хуэйхэ* (уйгур). Ставка бага-кагана была учреждена на севере горы Таньхань (горы Богдо, к северу от Турфана) [Hamilton 1962, с. 55]. Ему подчинялись территории Кочо (Гаочан), Карашара (Яньци), Хами (Иу) в Восточном Туркестане. Однако вскоре, после 611 г., телесцы вновь попали в зависимость от тюркских каганов [Цэнь 1958а, с. 692].

В 628 г. часть телеских племен во главе с *сеяньто* перекочевала из Западно-тюркского каганата на территорию Восточно-тюркского, где она присоединилась к группе *теле*, возглавляемой уйгурами. Это переселение усилило позиции подчиненных восточным тюркам телеских племен и привело к созданию антитюркской сеяньто-уйгурской

коалиции. Борьба коалиции с тюрками была поддержана танской династией и закончилась разгромом в 630 г. Первого Восточно-тюркского каганата. Тюрки вынуждены были подчиниться Танской империи, оставив степь победителям, основавшим Сеяньтоский каганат [Малаявкин 1980, с. 106-114]. Образование нового политического объединения привело к расколу телеских племен: из телеского (огузского) союза вышли сеяньто. С выходом сеяньто из состава огузов сформировался новый союз во главе с уйгурами, который получил название «токуз-огузы».

Союз уйгуров с новыми господами Монголии сеяньто был недостаточно прочным. Он распался уже после 642 г., когда соперничество за главенство вылилось в открытую войну уйгуров с сеяньто. Танская династия, незаинтересованная в усилении последних, оказала поддержку уйгурам и их союзникам. Под ударами объединенных сил уйгуров и танской династии сеяньто были разгромлены в 646 году. После разгрома сеяньто новый племенной союз токуз-огузов оказался недостаточно сильным и был вынужден подчиниться Танской империи. На их кочевьях было произведено административно-территориальное районирование, о котором уже говорилось выше. Войдя в состав Танской империи, телеские племена сохраняли определенную самостоятельность, что проявилось, в частности, в провозглашении предводителя уйгуров Тумиду каганом в 647 году. Источники сообщают, что уйгурский эльтебер Тумиду, получив от танского императора должность тутука Ханьхая – района, созданного для племен уйгуров, в то же самое время принял каганскую титулатуру и учредил должности по тюркскому образцу. Танская династия не признала Тумиду и в официальных китайских документах его и его преемников продолжали именовать титулом *дуду* (тутук). Аналогичный статус токуз-огузов в отношении танской династии сохранялся и при наследнике Тумиду Пожуне (648-662 гг.), при котором пятидесятитысячное уйгурское войско приняло участие в походе танских войск против западных тюрков. Однако уже в 660-663 гг. танские источники фиксируют войну уйгуров (токуз-огузов) с Китаем. Эта война закончилась признанием танским двором государства токуз-огузов в Монголии, которое признано учеными как «Первый Уйгурский каганат» [Малаявкин 1984б, с. 30].

Токуз-огузское государство было ликвидировано в 680-х гг. вос-

точными тюрками, вернувшимися в степь из Китая и возродившими Восточно-тюркский каганат. Восстановление тюркского господства привело к миграции части токуз-огузских племен из Монголии на территорию, подвластную Танской империи. Источники отмечают откочевку из степи группы токуз-огузских племен, состоявшей из *уйгуров, циби, сыцзе* и *хунь*, в район Эдзин-гола, Лянчжоу и Ганьчжоу (Хэсийский коридор). Точная дата откочевки этих племен неизвестна; сообщается лишь, что она произошла во время правления императрицы У-хоу (684-705 гг.). Очевидно, племена бежали под покровительство танских властей в результате поражения токуз-огузского Баз-кагана, о котором сообщается в тюркских надписях в честь Кюль-тегина и Тоньюкука [Малов 1951, с. 65]. Описанная в надписях битва тюрков с войсками Баз-кагана датирована С.Г. Кляшторным 688-689 гг. [Кляшторный 1964, с. 42].

Миграцию другой группы токуз-огузских племен на территорию Китая танские источники связывают со смертью тюркского Капаган-кагана (кит. *Мочжо*). Капаган-каган был убит в битве с токуз-огузским племенем *байарку* в середине 716 г., а его голова была переслана в Чанъань. Вслед за этим группа токуз-огузов, состоявшая из уйгуров, *тонгра*, белых *си*, *байарку* и *пугу*, подчинилась танской власти и была расселена в северной провинции Китая [Цэнь 1958а, с. 396]. Уйгуры, входившие в эту группу, составляли лишь часть племени, отличную от уйгуров, перекочевавших ранее в Хэси: в «Синь Тан шу» они называются «отдельным племенем с Ицзянь эльтебером» [СТШ, гл. 217А]. Именно об этой группе уйгуров рассказывает тюркский Бильге-каган: «Спустившись вниз по Селенге и сильно тесня их, я так разорил их дома... Они поднялись в чернь. Уйгурский эльтебер убежал с сотней воинов на восток» [Малов 1951, с. 22].

Токуз-огузские племена, поселившиеся в Северном Китае, наряду с басмылами, кыргызами, киданями, татабами принимали участие в походе танской армии Ван Цзюня против тюрков в 718-720 годах. В «Цэфу юаньгуй» сохранился текст императорского указа, изданного в 718 г., который содержит данные о числе всадников, выставленных при этом токуз-огузскими племенами и титулах и именах их предводителей: три тысячи всадников *байарку* во главе с тутуком Пицзя Мочжо (Бильге Бяг-чор), две тысячи всадников *си* во главе с тутуком Биянь, тысяча всадников уйгуров во главе с тутуком Елэгэ (Яглакар)

[ЦФЮГ, гл. 992]. В цитированном документе также содержится другой титул уйгурского предводителя «уйгурский каган-тутук йеген эльтебер» (кит. *хуэйхэ кэхань дуду ицзянь селифа*), который свидетельствует о том, что в это время уйгурские вожди продолжали носить титул кагана, принятый Тумиду в 647 году. Заметим лишь, что титул этот сохранился только в энциклопедии «Цэфу юаньгуй», а в «Повествовании об уйгурах» «Синь Тан шу» уйгурский предводитель назван просто «ицзянь селифа» (уйг. *йеген-эльтебер*). После разгрома токуз-огузского государства часть токуз-огузов осталась на своих прежних кочевьях в степи, став мятежными подданными тюркских каганов. Среди них были группы *эдизов* и *тонгра*, которые упоминаются в надписи Бильге-кагана в описании войны тюрков с огузами в 723-724 гг. [Малов 1951, с. 42].

Токуз-огузы, расселенные в Хэси, как ранее, во времена Тумиду и Пожуня, были инкорпорированы в танскую военную систему и широко привлекались в походах местной «армии Красной реки». Однако в 727 г. произошли события, вынудившие их к антитанскому мятежу: военный губернатор Хэси Ван Цзюньжо проявил несправедливость в отношении главы уйгуров Чэнцзуна, по ложному обвинению сослал его во внутренний округ, где тот вскоре скончался. Это вызвало негодование соплеменников Чэнцзуна, один из которых – Ху Шу, устроив засаду, убил Ван Цзюньжо. Убийство губернатора поставило уйгуров и другие племена в положение мятежников, против которых танской администрацией были приняты незамедлительные меры. Некоторое время токуз-огузам удавалось удерживать Хэси, давая отпор правительственным силам, но в конечном итоге им пришлось все же бежать обратно в степь, на территорию Тюркского каганата. При этом из Хэси ушли не все токуз-огузские племена, часть из них осталась здесь и в середине IX в., после распада Уйгурского каганата, составила ядро образовавшегося здесь уйгурского Ганьжоуского государства [Pulleyblank 1956, с. 38].

Китайские источники содержат чрезвычайно мало сведений о токуз-огузах в период, непосредственно предшествовавший крушению Второго Восточно-тюркского каганата и основанию на его месте Уйгурского каганата, хотя отмечают их роль в разгроме тюрков.

Токуз-огузский племенной союз окончательно сформировался после разгрома сеяньто (646 г.), когда главенствующее положение среди

телеских племен заняли уйгуры. Тем самым токуз-огузский союз стал дальнейшим этапом в развитии гаочэ-телеских племен. В 630-х гг. в китайских источниках впервые регистрируется эквивалент термина *токуз-огуз* – выражение *цзюсин теле* (или *цзюсин*), означающее *теле девяти фамилий* (*девять фамилий*). Деление огузов (теле) на девять, по мнению Э. Пуллиблэнка, не являлось этническим делением, а носило политический характер, «поэтому было возможно изменение состава конфедерации в соответствии с внутренним политическим развитием без изменения ее внутренней структуры» [Pulleyblank 1956, с. 42].

Состав токуз-огузского племенного союза не оставался неизменным в разные периоды истории. На начальном этапе Уйгурского каганата в него входили следующие племена: 1) хуэйхэ (уйгуры), 2) пугу (бугу), 3) хунь (кун), 4) тунло (тонгра), 5) сыцзе (сыгир), 6) циби (киби), 7) абусы (абуз), 8) бай си (белые си), 9) гулуьугу [ТХЯ, гл. 98, с. 1744]. Составитель «Тан хуэйяо», в котором помещен этот список, отмечает, что последние два племени, вероятно, приобрели равный с остальными статус после годов правления Тянь-бао (742-756 гг.). Приведенный список токуз-огузов не учитывает некоторые другие племена, о принадлежности которых к токуз-огузам в период каганата известно из тех же танских источников, а именно, *эдизов, доланьгэ, хусе и сицзе*.

По данным «Синь Тан шу», главное токуз-огузское племя «уйгур» состояло из девяти родов: яолэгэ (яглакар), худугэ (утуркар), цзюйлэу/ долоу (курабир), могэсихэ (боксит), аучжай (авучаг), хэса (хазар), хувэньсу (угуз), яогэ (ябуткар), сиеу (аявир) [Hamilton 1955, с. 3-4]. Между тем уйгурская надпись из Могойн Шине Усу свидетельствует, что собственно уйгуры состояли не из девяти, а десяти родов (он-уйгур) [Hamilton 1962, с.36-45]. Это свидетельство подтверждается некоторыми другими источниками, например, персидским автором Рашид-ад-Дином (XIII в.) [Радлов 1893, с. 40]. Такое противоречие источников объяснено Э. Пуллиблэнком, который полагает, что авторы танских династийных историй при составлении перечня собственно уйгуров использовали список из десяти родовых наименований, однако по ошибке вписали этот перечень в текст, относившийся к девяти огузским племенам, поэтому им пришлось сократить список он-уйгуров на одно название. Понятие «род», как более мелкая социальная организация, чем «племя», применительно к «десяти уйгурам»

(уйг. *он-уйгур*) употребляется здесь условно, так как на самом деле уйгурские родовые группы по численному составу зачастую не уступали остальным токуз-огузским племенам. Об этом можно судить, например, из такого факта: число воинов, выставившихся уйгурами, в несколько раз превышало войска других токуз-огузских племен. Так, уйгуры имели 50-тысячное войско, в то время как войско любого другого токуз-огузского племени не превышало 10 тысяч человек. При этом существовали совершенно небольшие племена, такие как *эдизы*, которые могли выставить всего лишь 1700 воинов [Цэнь 1958а, с. 743]. Именно численное превосходство уйгуров над другими племенами обеспечило им ведущее положение в токуз-огузском союзе [Czeglédy 1972, с. 278-279].

Наименование ведущего племени «уйгур» в период существования Уйгурского каганата (744-840 гг.) распространилось на весь токуз-огузский племенной союз, который стал отныне именоваться *уйгурским*. Это изменение в наименовании союза, ознаменовавшее очередной этап консолидации телеских (огузских) племен, получило неодинаковое отражение в китайских и мусульманских источниках. Если мусульманские авторы продолжали употреблять в отношении населения Уйгурского каганата термин *токуз-огуз*, то китайские историографы, значительно лучше осведомленные о родо-племенной структуре каганата, заменили выражение *теле девяти фамилий* (кит. *цзюсин теле*) выражением *уйгуры девяти фамилий* (кит. *цзюсин хуэйху*). В этой связи представляется неоправданным мнение А.Г. Малявкина о том, что употребление этнонима *уйгур* в отношении токуз-огузских племен в китайских сочинениях не соответствовало реальной ситуации в Уйгурском каганате [Малявкин 1983, с. 113-120]. На самом деле китайские историографы вполне осознанно и обоснованно придавали этнониму *уйгур* расширительное значение, фиксируя новый этап в развитии токуз-огузских племен.

Согдийские колонии в Срединном государстве

Ираноязычные народы составляли один из основных этнических субстратов населения Центральной Азии в древние времена. Они сыграли важную роль в истории не только Центральной Азии и привле-

гающих к ней регионов, но и отдаленных стран, в том числе Китая. В танский период в Китай прибывали представители разных ираноязычных народов, как из далекого Ирана (персы), так и соседнего Восточного Туркестана (хотанцы и др.), но самой многочисленной и влиятельной группой были согдийцы из Средней Азии. Центром Согда (Согдианы) был район Самарканда и прилегающих к нему оазисов. Самые ранние контакты ираноязычных согдийцев с Китаем относятся к III в. до н.э., к началу согдийской колонизации Центральной Азии. Проникновение согдийцев в Центральную Азию было вызвано вторжением в Согдиану греко-македонской армии Александра Македонского в IV в. до н.э., сопровождавшимся разрушением их поселений и массовым уничтожением населения. Согдийцы, вынужденные покинуть свою страну, поселялись в основном вдоль трасс Великого Шелкового пути, по которому осуществлялась международная торговля между странами Дальнего Востока и Запада. Прежде всего, они двинулись в соседние государства-оазисы Восточного Туркестана, откуда продолжили продвижение далее на север и восток.

Уже в первые века н.э. согдийцы начали осваивать один из важнейших городов на Великом Шелковом пути – Дуньхуан, расположенный в западной части современной китайской провинции Ганьсу. Как свидетельствуют письменные памятники, численность согдийского населения в Дуньхуане в начале IV в. н.э. составляла около одной тысячи человек. Дуньхуанские согдийцы вели крупные торговые операции в оазисах Восточного Туркестана и поддерживали контакты с купцами из Самарканда.

Говоря о самых ранних контактах согдийцев с китайцами, следует отметить, что китайцы познакомились с согдийской культурой не в Китае, а на территории Центральной Азии. Именно здесь китайские купцы узнали их культуру, религию и заимствовали немало слов из согдийского языка. Наиболее интенсивными согдийско-китайские контакты стали в древнетюркскую эпоху, когда согдийские колонии появились и на территории Китая. Ранее было принято считать, что согдийцы попали в Китай в результате распада Восточно-тюркского и Западно-тюркского каганатов в VII веке. Открытия последних десятилетий вносят поправки в такое представление. Речь идет о новых эпитафиях (кит. *мучжи*), найденных в погребениях в Китае. Эти эпитафии, в отличие от надгробных каменных плит, устанавливались не

снаружи, а внутри гробниц. После того, как столица Северной Вэй (386-534 гг.) была переведена в город Лоян, установилась традиция записывать имя покойного и сведения из его жизни на каменных плитах. В настоящее время найдено более десяти эпитафий знатым согдийцам. К ним относятся эпитафии членам семьи Ши из Гуюаня, маленького городка в северо-западной части нынешнего Нинся-Хуэйского автономного района КНР [Сунь 2005].

Изучение сведений этих эпитафий позволило исследователям установить родственные отношения между семью согдийцами, происходившими из области Ташкента и принадлежавшими двум кланам: а) Ши Шэу, Ши Хэтянь, Ши Даоло, Ши Тебан; б) Ши Соянь и его жены, а также Ши Даодэ. Клан Ши был связан брачными узами с семьями Ань из Бухары и Кан из Самарканда. Эпитафии упоминают двадцать одно имя родственников между собой людей и свидетельствуют о том, что в Гуюане согдийская колония существовала уже в V в. Местность Гуюань находилась на пути из Хэси через Ланьчжоу вдоль реки Вэй, то есть лежала на пути из Восточного Туркестана в столицу Китая. Одна из погребальных стел, найденных в этой местности, сообщает, что она была сделана в Лянчжоу (Увэй) и «привезена сюда». О существовании в Гуюане согдийской колонии также известно из событий, связанных со свержением Ли Гуя, местного предводителя, в последние годы правления династии Суй пытавшегося установить свою власть в Хэси. Известно, что, когда танский двор прислал своего наследного принца расследовать дело в Гуюане, тот встретился с местными согдийцами. Здесь согдийцы из разных кланов жили совместно с ханьцами, причем знатные из них обосновывались в городе, в то время как простые – за его стенами, в сельской местности.

Самая ранняя из названных эпитафий (Ши Шэу) была составлена в 610 г., во время правления династии Суй (581-618 гг.). В ней сообщается, что предки покойного прибыли с Запада, его дед и прадед служили в качестве «сабао», а его отец потерял эту должность. Относительно термина «сабао» существует много исследований японских и китайских ученых [Moriyasu 2008, с. 5-9; Жун 2005]. Этот термин восходит к согдийскому *carptay*, означающему «глава каравана», а в Китае он применялся в отношении главы зороастрийской общины. Анализ текста эпитафии показал, что речь идет о должностях, которые предки покойного занимали на территории Китая. Это означало,

что за сто лет до составления эпитафии, то есть в конце V в. – начале VI в., в Китае уже существовала согдийская колония.

Из других биографических сведений известно, что согдиец Ши Шэу занимал военный пост *дуду* во время Северной Чжоу (557-581 гг.) и Суй (581-618 гг.). Его старший сын жил в начальный период танской династии и служил переводчиком при императорском дворе. Другой представитель этого клана управлял сельским хозяйством.

Интересные открытия согдийских гробниц были сделаны и в столичном районе Чанъани (нынешний Сиань) и Хэси. К ним относятся: погребение согдийца Юй Хуна суйского периода, открытое в 1999 г. в селе Ванго в южной части Тайюани в провинции Шаньси; гробница согдийца Ань Цзя периода Северной Чжоу, обнаруженная севернее дворца Дамингун в Сиане; гробница согдийца Ши периода Северной Чжоу, находящаяся в 2 км от погребения Ань Цзя; гробница согдийца Кан Е периода Северной Чжоу в 150 м от того же погребения Ань Цзя. В гробнице Кан Е была обнаружена мумия, а в гробницах Юй Хуна и Ши хранились камни с надписями на согдийском и китайском языках. Каменные гробы во всех четырех захоронениях имели барельефные изображения зороастрийских богов, мифических героев и сцен из жизни покойных. К настоящему времени из трех эпитафий только эпитафия Кан Е остается еще не опубликованной.

Заслуживает внимания текст эпитафии Ань Цзя, в котором приводятся сведения о нем и его предках. Ань Цзя сам был из района Чансун в области Гуцзан. Его отец занимал должности генерала и начальника округа Мэйчжоу. Ань Цзя дослужился до должности *сабао* округа Тунчжоу и получил титул великого *дуду* (кит. *да дуду*), умер в 579 г., в эпоху Северной Чжоу. Юй Хуан также был главой согдийской общины, но в области Тайюань [Kiyohiro 2008, с. 54-57].

Китайская эпитафия и многочисленные изображения на саркофаге из погребения Ань Цзя и других согдийцев приводятся в сборнике китайских материалов по истории Казахстана [Казахстан 2006, рис. 2.23-2.40].

Другая надпись сообщает о согдийце Ань Сюжэне из Увэя, чей дед был *сабао* в Западной Вэй (534-556 гг.), а отец занимал высококую должность в суйском Китае. Сам Ань Сюжэнь был *великим дуду* (*ту-туком*) в суйское время, сверг узурпатора Ли Гуя и подчинился танской династии [Kiyohiro 2008, с. 54-55]. Еще об одном согдийце – во-

еначальнике Кан Лоэр, жившем в Западной Вэй, имеется сообщение в биографии Ян Чжуна, отца суйского императора Вэньди.

В целом, сведения согдийских эпитафий показывают, что согдийские колонии в Китае сформировались задолго до основания Танской империи, еще в эпохи Западная Вэй, Северная Вэй и Суй.

Вернемся к появлению согдийцев в тюркской среде. В середине VI в. тюрки, разбив своих прежних сюзеренов – *жужжаней*, и уничтожив Эфталитское царство, распространили свою власть на культурные районы Центральной Азии, в том числе на Согдиану. Установление политического господства тюрков на обширной территории Внутренней Азии, простиравшейся на востоке до современной Манчжурии, на западе – до реки Итиль (Волги), на севере – до Алтая, на юге – до Амударьи, создало чрезвычайно благоприятные условия для деятельности согдийских купцов, подданных тюрков. Они могли свободно добираться до самых отдаленных уголков подвластных тюркам земель для осуществления торговых операций. О подчинении согдийцев тюркам рассказывает известный буддийский монах Сюань-цзан, который путешествовал из Китая в Индию в первой половине VII века. Согласно сочинению самого Сюань-цзана «Да Тан Сиюй цзи» Сюань-цзан встретился с правителем западных тюрков *ябгу* в Суябе. Он сообщал о согдийцах, живших в Суябе, а земли, расположенные на западе от него, он назвал «Сули» (Согд) [Сюань-цзан 2012, с. 40, 350]. Сюань-цзан отмечал о подчинении согдийских городов тюркскому кагану. Тюркское господство обеспечивало безопасность передвижения согдийских торговцев по Великому Шелковому пути и способствовало их проникновению в Китай.

Будучи искусными земледельцами и торговцами, носителям культуры и проповедниками разных религий, согдийцы приобрели большое влияние в тюркском обществе. Тесные контакты с тюрками, которые они поддерживали задолго до тюркского завоевания Согдианы, получили отражение в легенде о происхождении царского рода Ашина. По легенде, Ашина вели родословную от мальчика и волчицы, потомки которых смешались впоследствии с индоиранским населением Восточного Туркестана. Уже в первые годы существования Тюркского каганата согдийцы привлекались тюркскими правителями к дипломатическим контактам с соседними странами, используя их

искусство вести переговоры и умение находить общий язык. Не случайно поэтому первые тюркские посольства в Персию и Византию возглавил согдиец Маниах, а первым послом тюрков в Китай в 545 г. был согдиец из Ганьсу по имени Аньнопанто.

Согдийцы оказали большое культурное влияние на древних тюрков. Византийские источники содержат указание на определенное влияние христиан-согдийцев на тюркских воинов в Согдиане. О культурном влиянии согдийцев на тюрков говорит тот факт, что Бугутская надпись, единственный дошедший до нас письменный памятник Первого Тюркского каганата, создана на согдийском языке [Klyash-tornyi-Livšic 1972б].

Согдийско-тюркский союз был прочным не только в западной части каганата, в которую входили оседло-земледельческие районы Мавараннахра, включая Согдиану, но в восточных пределах Тюркской империи, где существовали согдийские колонии. Так, среди ближайших советников Дулань-кагана (588-599 гг.) источники называют согдийца Ань Суйцзя. Он был любовником супруги китайского императора, принцессы из династии Чэнь. После свержения последней и утверждения власти суйского дома, этот согдиец вместе с любовницей принял участие в заговоре против суйского императора. Ань Суйцзя напрасно пытался противодействовать китайскому влиянию на тюркскую политику: в 592 г. тюрки выдали его вместе с принцессой Китаю, где оба понесли суровое наказание [Pulleyblank 1952, с. 318].

В период недолгого существования суйской династии, а затем в танскую эпоху в китайских источниках специальным словом для обозначения согдийцев, в частности, и ираноязычных народов вообще стало слово *ху* (*хужэнь*). Это слово применялось в отношении западных «варваров» в целом, но очень часто обозначало согдийцев, что может быть выявлено конкретным контекстом его употребления. Еще одним признаком согдийского происхождения людей стали фамильные знаки. К согдийцам применялось обобщающее наименование *ху девяти фамилий* (кит. *цзюсин ху*). Под *девятью фамилиями* обычно имелись в виду девять городов Согдианы, сокращенные наименования которых носили выходцы из этих городов. В настоящее время идентифицированы семь из этих обозначений: *Кан* (Самарканд), *Ань* (Бухара), *Ши* (Ташкент), *Ши* (другой иероглиф; Кеш), *Ми* (Меймург), *Цао* (Кабудан) и *Хэ* (Кушания) [Pulleyblank 1952, с. 320]. Из остав-

шихся названий двух городов *Хосюнь* может обозначать Хорезм, а город *Уди* еще не идентифицирован. Одно из описаний городов Согдианы гласит: «Их правители первоначально имели фамилию Вэнь. Они были юэчжйцами. Они раньше жили в городе Чжоу к северу от гор Цилянъ. Из-за того, что *сюнну* разбили их, они двинулись на запад вдоль Цунлин (Памир) и овладели этой страной. Все боковые ветви [царского дома] в отдельности стали правителями, и все страны, окружающие Кан, имеют фамилию Чжаоу, чтобы показать, что они не забывают своего происхождения. Она известна как сильная страна. Большая часть Западного края подчиняется ей. Ми, Ши, Цао, Хэ, Ань, Младший Ань (Харган), Насэбо (Нахшаб), Унахэ, Му – все подчиняются ей» [Pulleyblank 1952, с. 320].

Многие вожди согдийцев занимали высокое положение в каганской ставке, что позволяло им оказывать влияние на политику тюркского государства. Особенно ярко роль согдийцев в древнетюркском обществе проявилась в событиях, связанных с правлением восточно-тюркского Шиби-кагана (609-619 гг.), в правление которого сильно обострились китайско-тюркские отношения. Китай пытался не допустить подъема Восточно-тюркского каганата, но его попытки разжечь междоусобицу среди тюрков оказались тщетными. Причины своих неудач китайцы видели в согдийцах. В своем докладе императору Пэйцзюй писал: «Тюрки сами по себе простодушны и недалновидны, и можно внести между ними раздор; к сожалению, среди них много согдийцев, которые хитры и коварны; они научают и направляют тюрков» [Кляшторный 1964, с. 144].

Согдийская колония в Тюркском каганате была довольно многочисленной и вошла в структуру тюркского *эля* как самостоятельное племя (кит. *бу*). Одно время главой согдийской общины был назначен племянник Сели-кагана – Тули-каган, который управлял и делами других племен. Согдийцы были активными участниками внутривосточных событий в каганате и не остались сторонними наблюдателями борьбы за трон. Именно согдийцам китайские историографы приписывали развал Тюркского каганата: «Сели доверял во всем различным согдийцам и отдалился от своего народа. Согдийцы – скупые и дерзкие и по натуре непостоянные и изменчивые, поэтому законы увеличились, и армия использовалась из года в год. Народ тюрков не-

годовал из-за этого, и племена рассеялись» [Pulleyblank 1952, с. 323].

Согдийская община Восточно-тюркского каганата была постоянным источником пополнения согдийского населения в приграничных областях Китая. Накануне разгрома Сели-кагана и захвата его китайцами в 630 г. «великий вождь» самаркандец Кан Суми и бухарец Ань Тухань подчинились Танской империи. Кан Суми привел с собой семью царского дома Суй, нашедшую ранее убежище у тюрков, а Ань Тухань прибыл в Китай с 5000 согдийцев. Семья последнего принадлежала к выходцам из Кучи (кит. *Аньси*) в Восточном Туркестане и переселилась к тюркам задолго до этих событий. Его отец Ань Ухуань был эльтебером, т.е. вождем племени (в последующем один из его правнуков, Ань Сыгун, стал префектом Лучжоу, одного из шести округов ху). Кан Суми был назначен губернатором (дуду) одного из шести округов, учрежденных внутри большой излучины Хуанхэ [Маявкин 1989, с. 153].

Размещение недавних врагов Китая вблизи китайской столицы не получило поддержки при танском дворе. В 639 г. император пожаловал вождю тюрков Ашина Сымо титул кагана, приказав ему вернуться в степь со своим народом – тюрками и согдийцами, жившими в шести округах. Однако вскоре, в 643-644 гг., не найдя поддержки среди соплеменников, под натиском сеяньто, занявших прежние кочевья тюрков, Ашина Сымо бежал обратно в Чанъань. Находившиеся в его подчинении тюрки и согдийцы получили разрешение вернуться в Ордос.

Заслуживает внимания сама личность Ашина Сымо. Судя по описанию его внешности, он имел согдийскую кровь: внешне походил больше на согдийца, чем на тюрка. Существовали даже сомнения в его принадлежности к роду Ашина [ЦТШ, гл. 194А, 7а]. Видимо смешанное происхождение не позволило Ашина Сымо занять положение, достойное принцу крови, и стало причиной того, что тюрки не оказали ему должной поддержки, несмотря на то, что он был одним из верных людей Сели-кагана, вместе с которым он и попал в плен к китайцам.

По возвращении согдийцев (вместе с тюрками) на север, для них в 679 г. были учреждены упомянутые выше шесть округов согдийцев (кит. *люхучжоу*), располагавшиеся в южной части Ордоса между Линчжоу и Сячжоу, на территории юго-западнее Линъюсян в Нинся

и к западу от Хэншаньсян в Шэньси. Как удалось установить С.Г. Кляшторному, в тюркских рунических памятниках согдийцы шести округов именуется *алты чуб согдақ* [Кляшторный 1964, с. 78-80]. Эти округа были Лучжоу, Личжоу, Ханьчжоу, Сайчжоу, Ичжоу и Цичжоу. Во главе округов назначался танский чиновник (кит. *цзыши*), в задачу которого входило в числе прочего держать под контролем согдийцев и не допустить их присоединения к тюркам, которые отложившись от Китая, совершили первую попытку возродить свое государство под руководством Ашидэ Вэньфу. Согдийцы не присоединились к этому восстанию, которое вскоре было подавлено. Позже, в 682 г., они также не поддержали восстание Кутлуга и Ашидэ Юаньчжэня (Тоньюкука), завершившееся возрождением Восточно-тюркского каганата.

Согдийцы шести округов – района, иногда именовавшегося китайцами «согдийским парком» (кит. *хуюань*), верно служили Танской империи, активно участвуя в защите ее северных рубежей. Примером верного служения императору был глава согдийской общины Ань Даомай. Впервые его имя упоминается в 697 г. в связи с нападением тюрков на Шэнчжоу, округ, расположенный на западном берегу Хуанхэ (возле нынешнего Токто в Суйюани) [Pulleyblank 1955, с. 8-9]. Будучи помощником командующего армией округа Пинди, он организовал успешную оборону от тюрков. В тот же год он уже в качестве командующего армией принимал участие в военной экспедиции против киданей в Хэбэе, набеги которых на Китай стали регулярными в те годы.

Несмотря на верность согдийцев Китаю, все же значительная их часть была возвращена танским двором обратно в степь в 698 г. по требованию правителя возрожденного Восточно-тюркского каганата Мочжо-кагана (Капаган-каган, 691-716 гг.). Возвращение согдийцев в каганат было одним из главных условий тюрко-китайского союза против киданей. «Несколько тысяч шатров» согдийцев переправилось через Хуанхэ и присоединилось к своему бывшему сюзерену – тюркскому кагану. В тот момент, по-видимому, не всё согдийское население покинуло Ордос. Об этом говорит название округа, созданного на месте этих шести округов. Бывшие шесть округов согдийцев были объединены сначала в два округа (703 г.), затем в один – Ланьчи,

разделенный на шесть уездов (708 г.). Двухсоставное название округа наподобие «Ланьчи», в отличие от традиционных односложных имен, свидетельствует о том, что это был оборонительный округ, возглавлявшийся вождем неханьского населения [Малявкин 1981, с. 120-121].

Положение согдийцев в каганате в правление Мочжо было, если не столь высоким, как при Сели-кагане, но все же довольно хорошим. Известно, что при Мочжо должность министра занимал согдиец Кан А-и Кюль-таркан. В его эпитафии говорится: «[Он] каждый раз в крайних словах настоятельно увещевал кагана, когда он совершал ошибки. Среди варварских племен его очень уважали» [Цэнь 1958а, с. 850]. Рассказывается, что Кан А-и Кюль-таркан предотвратил покушение на Мочжо, после чего его положение намного укрепилось, и он стал настолько влиятельным, что «из четырех человек равного ранга никто не мог сравниться с ним». Большое уважение, которым он пользовался у тюрков, позволило ему избежать наказания во время смены власти, когда в 716 г. взошедший на трон Бильге-каган уничтожил семью Мочжо и близких его советников, и даже оставаться в степи все последующие годы вплоть до разгрома тюрков уйгурами.

С приходом к власти Бильге-кагана некоторые высокопоставленные согдийцы, сторонники Мочжо, были вынуждены искать убежище в Китае. Среди них был сын Ань Даомая – Ань Сяоцзя, который с сородичами был принят в Ланьчжоу его высокопоставленным братом. Дело в том, что когда старший сын Ань Даомая – Ань Сяоцзя вернулся к тюркам, его младший брат остался в Китае и дослужился до должности помощника начальника округа Ланьчжоу в северном Шаньси. Среди бежавших в то время в Китай были также члены семьи его сородича Ань Иняня, женатого на представительнице тюркского рода Ашидэ, и, по-видимому, убитого в числе многих сторонников Мочжо. Среди бежавших в Китай сородичей Ань Иняня был и мальчик Ань Лушань, который позже станет предводителем крупнейшего в истории Китая восстания. Бежавшие от преследований Бильге-кагана согдийцы положили начало очередной волне миграции племен из каганата в Китай, вызванной внутренними междоусобицами, и увеличили численность согдийского населения северных приграничных областей.

Последующие годы были чрезвычайно беспокойными для населения Ордоса. Настойчивые попытки Бильге-кагана вернуть бежавших в Китай тюрков и контрмеры танских властей с целью воспрепятствовать этому, прежде всего, намерение переселить их во внутренние районы, привели к восстанию тюрков Ордоса.

Отношения между китайцами и некитайским населением Ордоса особенно накалились после убийства танскими властями вождей токуз-огузских (уйгурских) племен в 720 году. В этой накаленной обстановке, в 721 г., разразилось антитанское восстание согдийцев во главе Кан Юаньцзы. Среди руководителей повстанцев также называются Ань Мужун, Хэ Хэйну (Хэ, черный раб), Ши Шэньну (Ши, раб бога) и Кан Тетоу (Кан, железная голова) [ЦФЮГ, гл. 986, 19а]. В борьбе с повстанцами танские власти использовали верных согдийцев. Так, повстанец Кан Дайбинь был схвачен согдийцем Кан Чжи, а другой согдиец Ань Цин был направлен к восставшим с увещанием подчиниться Китаю. Восстание было подавлено в 722 г., после чего согдийцы были переселены, по ранее предлагавшемуся Ван Цзюнем плану, во внутренние округа в Хэнане, Шаньнане и Хуайнане. «После этого около 50 тысяч оставшихся *ху* шести округов были выселены из района излучины реки... так что область в Шофане на тысячу *ли* к югу от Желтой реки была опустошена» [Liu Mau-t'ai 1958, с. 329]. Однако определенная часть этих согдийцев постепенно возвратилась в Ланьчи, на месте которого в 738 г. был учрежден округ Ючжоу.

Ослабленная согдийская община Ордоса несколько укрепилась в период крушения Второго Восточно-тюркского каганата за счет новых переселенцев из степи. В 742 г. вместе с тюрками Китаю подчинились согдийцы, бывшие в тесных отношениях с правящим домом тюрков. Для вновь подчинившихся согдийцев (кит. *сянху*) во главе с упоминавшимся выше Кан А-и Кюль-гарканом был создан округ Ланьчжоу под управлением танского генерала Ань Лушаня.

Согдийцы, выходцы из Тюркского каганата, были в значительной степени тюркизированы, и даже переняли скотоводческую форму хозяйствования. О том, что согдийцы Ордоса занимались разведением лошадей, свидетельствует развернувшаяся в 714 г. дискуссия при танском дворе о покупке лошадей в шести округах согдийцев.

Самым известным в истории Танской империи согдийцем стал ге-

нерал Ань Лушань, которому удалось добиться высокого положения в военно-административной системе Китае, заняв должности военных губернаторов одновременно в нескольких пограничных округах на северо-востоке Китая. В 755 г. он поднял восстание, ввергшее страну в многолетние внутренние войны. Ань Лушань и его преемники – сын Ань Цинской, соратник Ши Сымин и его сын Ши Чаои, поставили танскую династию на грань гибели, от которой спасла лишь военная помощь уйгурских каганов.

Во время восстания Ань Лушаня и его преемников (755-763 гг.) большое число согдийцев Китая поддержало повстанцев. У нас нет подробных сведений о том, каким образом согдийская колония Ордоса была вовлечена в восстание. Китайские источники упоминают согдийцев шести округов в связи с отдельными военными событиями того времени. Известно, например, что в 757 г. Ань Цинсюя сопровождали согдийцы шести округов. Согдийцы Ордоса были вовлечены также в события, связанные с мятежом тюрка Ашина Цунли в 756 г. в Ючжоу, который был подавлен с помощью армии уйгурского Элетмиш Бильге-кагана [Камалов 2015]. Вместе с тем, в ходе военных действий, какая-то часть вновь прибывших в Китай согдийцев во главе с Кан А-и Кюль-тарканом перешла на сторону Танской империи. Значительная часть согдийского населения Ордоса, видимо, была уничтожена во время резни согдийцев в Ючжоу в 761 году.

В позднетанский период история согдийской колонии Ордоса была связана с взаимоотношениями танского Китая с Уйгурским каганатом, в котором влияние согдийцев было едва ли менее значимым, чем при тюрках. Принятие уйгурами манихейства в качестве официальной религии в 763 г. улучшило положение согдийцев-манихеев в Танской империи, которые отныне были взяты под защиту уйгурскими правителями. По просьбе уйгурских каганов, имевших большое влияние на танских императоров, в Китае было построено немало манихейских храмов. В это время усилилась роль согдийцев в торговых отношениях уйгуров с Поднебесной империей.

В 786 г., из-за тибетского вторжения, последние из согдийских жителей Ордоса переселились в район Шачжоу и Юньчжоу (северная часть современного Шаньси). В начале IX в. округ Ючжоу, где жили согдийцы, занимали их бывшие соседи – тангутские племена.

На новых местах согдийцы присоединились к тюркским племенам *шато*, которые были поселены здесь в 808 г., после их миграции с территории Восточного Туркестана и Ганьсу. Именно с *шато* была связана дальнейшая судьба согдийцев Китая. Согдийцы постепенно были инкорпорированы в шатоский союз, известный как «три племени *шато*» и состоявший из собственно *шато*, племен *сакэ* и *аньцин*. По мнению В. Хеннинга и Э. Пуллиблэнка, *сахэ* могло означать *Самарканд*, в то время, как первый слог в выражении *аньцин* применялся в отношении *Бухары* [Pulleyblank 1952, с. 343-345]. Вожди этих племен – *тутуки*, часто упоминавшиеся в конце правления танской династии, также имели в своих именах согдийские фамильные знаки (*Ми* Хайвань, *Ань* Цунцинь, *Ши* Цзинцзунь и т.д.). Один из этих вождей после падения Танской империи основал династию Поздняя Цзинь. Это был Ши Цзинтан (Гао-цзу, 937-942 гг.), которому преемствовал Ши Чунгуй. Китайские историографы ведут происхождение этой династии от известных личностей эпохи Чжоу и Хань, однако это, скорее всего, является попыткой легитимизовать право согдийцев из клана Ши на верховную власть.

Меньше встречаются согдийские фамилии в истории Поздней Хань (947-950 гг.) и Поздней Тан (923-936 гг.), правители которых имели тюркское (шатоское) происхождение. В этой связи следует еще раз обратить внимание на выдвинутую японскими учеными концепцию о «тюркских согдийцах», в основе которой лежит представление о *шато* как о конгломерате тюрков и согдийцев [Kiyohiro 2008, с. 57-61].

Положение согдийцев в Танской империи, как и других иноземцев, было разным в различные периоды ее истории. Их вовлеченность во внутренние события в Китае зависела не только от политики танских императоров в отношении «внутренних» иноземцев, но и от взаимоотношений танской династии с северными соседями – Тюркским и Уйгурским каганатами, в которых чрезвычайно важную роль играли согдийцы. Роль согдийцев в Танской империи не сводилась только к торговле (существует мнение о том, что вся торговля в стране была сосредоточена в руках согдийцев и других ираноязычных народов Центральной Азии). Согдийцы занимали высокие военно-админи-

стративные должности в провинциях, занимались управлением сельским хозяйством, служили переводчиками при императорском дворе и в штабах местных военачальников и губернаторов, исполняли дипломатические поручения и были хорошими воинами. Особенно сильными позиции согдийцев в Танской империи были в первой половине ее существования. Именно согдийцы ввергли Китай в 755 г. в пучину внутренних войн, которые стали «началом конца» некогда могущественной империи. В позднетанский период господствовавшая в стране ксенофобия коснулась и согдийцев, которые все же смогли адаптироваться в китайской и тюркской этнической среде приграничных областей.

* * * * *

Обобщим исторические сведения о тюрках и согдийцах в раннетанском Китае. Формирование тюркских общин в северных и северо-западных приграничных районах Китая началось задолго до установления власти династии Тан и уходит корнями к позднегунским государствам, созданным в северном Китае в результате распада державы *сюнну* (гуннов). В древнетюркскую эпоху тюркское население пополнялось за счет завоевательных походов танской армии, а также миграции тюрков и огузов в пределы Китая из степи.

Тюрки играли важную роль на всех этапах трехсотлетней истории танского государства. Они были вовлечены в военно-политические события, связанные как с установлением танской династии в начале VII в., так и с ее крушением в начале IX века. Существуют сведения о том, что основатель танской династии – Ли Юань (император Гаоцзу) имел тюркские корни: его мать происходила из китаизированного тюркского рода *Дугу*, связанного брачными узами с правившей до этого времени суйской династией. Тюркские корни, однако, не влияли на танскую политику в отношении тюрков, и китайские историографы никогда не обращали особого внимания на это обстоятельство. Политика в отношении тюрков строилась на тех же принципах традиционной имперской идеологии.

Миграции тюркских племен в Китай были связаны, как правило, с политическими коллизиями в степи. Борьба за власть часто приводила к оттоку части племен в приграничные области Среднегого-

сударства, где они находили убежище и создавали поселения. Часто тюрки возвращались в степь, когда там возникала благоприятная для этого ситуация. Тюркское население приграничных областей Китая было достаточно мобильным и поддерживало тесные связи с соплеменниками, остававшимися на своих родовых кочевьях. Родоплеменной состав тюрков, оказывавшихся на территории Китая, зависел от близости расположения их кочевий к китайским границам. В раннетанский период в Китай мигрировали и оседали в основном восточные тюрки и огузы (теле) и в меньшей мере западно-тюркские племена. В империи практически не было сколько-нибудь значительных групп тюркских племен, живших в большой удаленности от Китая, таких, как енисейские кыргызы или карлуки, хотя их земли танский двор мог номинально включать в состав имперских владений.

Тесно были связаны с тюрками как в степи, так в пределах Китая ираноязычные народы, которые стали проникать сюда как напрямую через Восточный Туркестан, так и через степь. Речь идет прежде всего о согдийцах, колонии которых существовали в Ордосе (Внутренняя Монголия) за несколько веков до возвышения танской династии. Согдийцы создавали свои поселения повсеместно в приграничных областях Китая, жили столичных городах (Чанъани и Лояне), а отдельные торговцы добирались и до более отдаленных уголков Поднебесной империи. Основным источником пополнения согдийского населения в стране были согдийские колонии Восточного Туркестана, а также Тюркского и Уйгурского каганатов. Согдийцы, выходцы из тюркской среды, часто жили в Китае рядом с тюрками и находились с ними в тесных отношениях, которые учеными характеризуются как симбиоз.

Основные крупные миграции тюрков, огузов и согдийцев в Китай в первой половине существования танского государства произошли в результате: а) падения Первого Восточно-тюркского каганата в 630 г.; б) разгрома Сеяньтоского (Сирского) каганата в 646-647 гг.; в) крушения Второго Восточно-тюркского каганата в 742-744 годах. Основная часть подчинившихся танской власти выходцев из Центральной Азии поселялись в приграничных районах, а знатные семьи оседали в столицах империи. Китайские власти использовали подчинившихся в основном для охраны границ от набегов «внешних варваров», применяя давнишний политический принцип «руками варваров управлять вар-

варами» [Малявкин 1980, с. 125]. Вместе с тем их привлекали к завоевательным походам танской армии. Будучи искусными воинами, тюрки сыграли большую роль в расширении границ Танской империи. Новые подданные империи со временем стали инкорпорироваться в танскую военную систему, становясь орудием в процессе завоевания новых земель. Именно с помощью тюркской и огузской конницы были подчинены танской власти оазисные государства Восточного Туркестана и соседние кочевые племена. При этом, танская администрация стимулировала участие новых подданных в завоевательных походах, создавая им благоприятные условия налогообложения.

Начиная с 630 г. танская администрация стала практиковать административно-территориальное районирование земель подчинившихся тюрков и огузов. Учреждение для них новых административно-территориальных единиц оценивается неоднозначно в историографии. Современные китайские историографы рассматривают районирование как подтверждение тезиса о существовании «многонационального Китая» с древних времен, как факт объединения Китая под эгидой ханьцев. На самом деле, районирование было реальным событием для «внутренних» инородцев, живших в пределах танского государства, но для «внешних» иноземцев, особенно, если их места обитания были чрезвычайно удалены от границ Китая – это было лишь декларацией и номинальным выражением даннических отношений. При этом политика районирования применялась только в период расцвета и расширения границ империи, фактического или номинального, за счет исконных земель некитайских народов. Конец этому периоду поставило восстание генерала Ань Лушаня.

ГЛАВА III

ВОССТАНИЕ АНЬ ЛУШАНЯ-ШИ ЧАОИ (755-763 гг.): НАЧАЛО ПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА В ТАНСКОЙ ИМПЕРИИ

Восстание Ань Лушаня: причины и ход событий

Период расцвета и могущества Танской империи, длившийся почти полтора столетия, закончился в 755 г. восстанием Ань Лушаня в северо-восточном приграничном округе Фаньян. Восстание ввергло страну в многолетние изнурительные внутренние войны и стало, по выражению Р. де Ротура, «началом конца» танской династии. В советской историографии и в исследованиях КНР это восстание рассматривалось с точки зрения марксистской теории классовой борьбы как «крестьянское». Однако, на самом деле, оно было результатом политики танского двора в отношении выходцев из Центральной Азии, населявших северные приграничные области Китая [ЦЧТЦ, гл. 216, с. 6929]. Его предводителями были последовательно сменявшие друг друга танские военачальники согдийско-тюркского происхождения Ань Лушань, его сын Ань Цинсюй, соратник согдиец Ши Сымин (в «Синь Тан шу» он называется тюрком) и сын последнего Ши Чаои [СТШ, гл. 225, с. 6422-6434].

Восстание Ань Лушаня и его преемников примечательно тем, что оно раскрыло роль тюркских и ираноязычных народов в жизни танского Китая. Сведения о нем содержат практически все танские исторические сочинения. Одним из главных источников информации о происхождении, жизни и карьере Ань Лушаня является его «Жизнеописание» в танских династийных историях, которое анализировалось в трудах Э. Пуллиблэнк [Pulleyblank 1955], Х. Леви [Levy 1960] и Р. де Ротура [Rotours 1962].

История семьи Ань Лушаня восходила к согдийской общине Тюркского каганата. Ань Лушань родился в 703 г. в семье знатного согдийца, жившего среди тюрков. Его мать происходила из тюркского

рода Ашидэ, занимавшего второе место в тюркской родовой иерархии после царского клана Ашина. Его отец Ань Яньнянь, судя по фамилии, выходец из Бухары, скорее всего, погиб во время событий, связанных с резней родичей и сторонников тюркского Капаган-кагана. История рождения Ань Лушаня, обросшая впоследствии легендарными деталями, изложена китайскими историографами следующим образом: «Ань Лушань был смешанным варваром (кит. *цзачжунху*) из [округа] Инчжоу. Его детское имя было Яолошань. Его мать из [рода] Ашидэ была тюркской шаманкой. У нее не было сыновей, и она молилась, [обращаясь] к [богу] Яолошаню. Бог ответил, и он (Ань Лушань – *А.К.*) родился. В ту ночь красный луч засветился рядом с ним, все дикие животные вокруг завывали. Звездочеты видели, что сияние звезды зловещего волшебства упало на шатер. В это время Чжан, князь [области] Хань, послал людей обыскать его шатер. Они не нашли его, поэтому они перебили и старых, и молодых. [Ань] Лушань был спрятан кем-то и спасся» [Pulleyblank 1955, с. 7-8]. Источники приводят многочисленные предзнаменования и чудеса, связанные с рождением ребенка. Его мать думала, что он является божеством, поэтому назвала его Яолошань. Вот что говорится об этом в источниках: «Тюрки называют своего бога сражения *Яолошань*. Он (Ань Лушань – *А.К.*) рано осиротел и со своей матерью пошел жить среди тюрков. Его мать позже вышла замуж за Яньняня, старшего брата [западного] варвара (*ху*) генерала Ань Бочжу» [Levy 1960, с. 31]. Из этого сообщения становится ясно, что согдиец Ань Яньнянь был не родным отцом Ань Лушаня, а отчимом.

Более достоверная версия этой истории дается в эпитафии Ань Лушаня: «В начале эры правления Кай-юань (713-741 гг.) род Яньняня был уничтожен. Сын [западного] варвара генерала Ань Даомая – Сяоцзе, и сын [Ань] Бочжу – Сышунь, и Вэньчжэнь (следует читать: Юаньчжэнь – *А.К.*) бежали от тюрков. Второй сын [Ань] Даомая – Чжуньцзе, [который] был помощником правителя (кит. *бецзя*) Ланьчжоу, принял их. [В это время] [Ань] Лушань был подростком. Из-за того, что он пришел с его старшим сыном Сяоцзе, Чжуньцзе заключил договор о братстве с [Ань] Лушанем и Сышунем. Поэтому он принял фамилию Ань и имя Лушань» [Pulleyblank 1955, с. 8]. Есть в источниках также указание о том, что собственной фамилией Ань

Лушаня была «Кан» (упрощение китайского названия Самарканда), однако это трудно проверить.

Из изложенных выше сведений явствует, что отец Ань Лушаня – Яньянь, служил офицером в армии восточных тюрков. Исследователи предполагают, что он, скорее всего, прибыл в степь из согдийской колонии Северного Китая (Ордоса), а не из Согда [Pulleyblank 1955, с. 18]. То, что он был женат на женщине из тюркского рода Ашидэ, свидетельствует о его высоком положении. После 713 г. Яньянь вместе с другими бежал из каганата в Ордос. О дальнейшей его судьбе ничего неизвестно, возможно, он был убит, а Ань Лушань воспитывался у своего дяди.

Ань Лушаню было тринадцать-четырнадцать лет, когда он оказался в Китае. Сведения, относящиеся к последующим семнадцати годам его жизни, скудны. Он описывается историографами как умный, но, в то же время легкомысленный молодой человек, который жил за счет хорошего знания местных особенностей приграничных областей. Знакомство с различными этносами и владение их языками позволяли ему зарабатывать на жизнь в качестве переводчика на местных рынках, где тюрки обменивали свои продукты на китайские вещи. Однажды, во время такого занятия он был пойман за воровство. Описание этого периода жизни Ань Лушаня было дано его соратником Ши Сымином и напоминает обычные рассказы о чудесном превращении «диких» юнцов в героев: «Когда он вырос, он был порочным вором, жестоким, полным хитростей и способным читать чужие мысли. Он понимал шесть языков [в тексте: девять – *А.К.*]. Он стал посредником для варваров в приграничных рынках. Когда Чжан Шоугуй был военным губернатором Фаньяна, [Ань] Лушань своровал овцу, и его преступление раскрылось. За ним погнались и схватили его. Когда они хотели прибить его до смерти, Лушань крикнул: «разве *дафу* (т.е. *юйши дафу*, титул губернатора – *А.К.*) не хочет уничтожить двух варваров – *си* и *киданей*? Так вот, вы убиваете хорошего солдата». [Чжан] Шоугуя изумили эти слова и его внешность. Поэтому он помиловал его и оставил служить в армии. Потом он и Ши Сымин стали офицерами разведки. С ранних лет Ань Лушань был знаком с холмами и реками, родниками и водоемами. Однажды он с тремя или пятью всадниками схватил несколько десятков киданей. [Чжан] Шоугуй восхи-

щался им все больше и больше. Каждый раз, когда ему давали больше войск, он схватывал [людей] в два раза больше, чем прежде. Позже он стал лейтенантом (кит. *пяньцзянь*). Куда бы ни направляли, везде был победителем. Шоугуй поэтому усыновил его» [СТШ, гл. 225, с. 6412].

Ань Лушань занимал ранг старшего офицера при Чжан Шоугуе, когда тот в 733 г. был назначен военным губернатором округа Ючжоу. Ань Лушань соответственно получил должность его помощника (кит. *чжиши*) [Рыбаков 1994, с. 435].

Что касается имени Ань Лушаня, прежде всего, следует сказать о фамильном знаке «Ань». Как уже отмечалось выше, некоторые часто встречающиеся фамильные знаки согдийцев являлись сокращенными обозначениями названий местностей, из которых они происходили. Знак «ань» указывал на происхождение человека из Бухары. Вместе с тем, по совпадению, первый знак мог быть частью всего имени, которое, несомненно, имело иранское происхождение. Согласно В. Хеннингу, все три формы имени Ань Лушаня – Яолошань, Алошань, Лушань, являются транскрипцией согдийского слова *Рохсан*, означающего «светлый, яркий» (ср.: персидское заимствование в современных тюркских языках: «раушан» в казахском языках, «рошэн» в современном уйгурском) [Pulleyblank 1955, с. 15]. Это имя было довольно распространенным среди ираноязычных народов. Так, принцесса Бактрии, ставшая женой Александра Македонского, носила имя Рухсван. Другая форма слова – среднеперсидское *рошан*, транскрибировалась по-китайски *улушэнь* [Pulleyblank 1955, с. 15, 111]. Известно, что это же имя носил герой буддийского произведения, изложенного в собрании «Хуаянь цзин цюаньцзи» согдийцем-монахом Фацзаном (643-712 гг.). Согласно рассказу, житель района Ван-нянь города Чанъань, западной столицы Танской империи, некий Кан Алушань побывал в 680 г. в аду, после возвращения откуда он посвятил себя богослужению. Э. Шефер именует Ань Лушаня предложенным В. Хеннингом и Э. Пуллиблэнком именем *Роксан* [Шефер 1981, с. 17-18]. Последнее используется и в книге К. Беквита [Beckwith 1987]. Во избежание путаницы мы используем традиционную форму имени, принятую в китайских источниках.

Указание о том, что Ань Лушань был назван в честь тюркского бога сражения *Яолошань*, опирается на легендарные сведения, что,

однако не исключает самого факта существования у тюрков божества войны, имя которого было близко к слову Рохсан/Рошан. В качестве гипотезы можно предложить реконструкцию этого слова на основе древнетюркского *ягычы* (воинственный), которое встречается в караханидском сочинении «Кутадгу билик» (XI в.) в следующем контексте: *negu ter eshitgil yagichi kur er* (послушай, что говорит воинственный смелый муж), *ungung qirghil artuq yaghichi* ([и] седовласые очень воинственны). [ДТС 1969, с. 224] Возможно, что имя тюркского бога Войны имеет отношение к понятию *уауїш* (жертвенное приношение; ср. *уауїшлиу* – рел. жертвенный) [ДТС 1969, с. 224]. В. Эберхард предложил реконструировать имя тюркского божества на основе современного турецкого языка как *атлашиган* (причастие от глагола *атла/прыгать, бросаться*). Эта реконструкция, однако, не может считаться убедительной как не соответствующая лингвистической реконструкции древнекитайских иероглифов, которая была бы близка к слову *алакшан* [Eberhard 1948, с. 221; Pulleyblank 1955, с. 16]. Вопрос имени тюркского бога войны остается открытым, однако важно отметить, что единственное упоминание о нем в письменных источниках, насколько нам известно, содержится в «Жизнеописании» Ань Лушаня.

Вернемся к биографии Ань Лушаня. Известно, что он воспитывался у дяди Ань Бочжу, который в одном случае называется его отцом. Вполне возможно, что после смерти его отца Ань Яньняня, вдову взял в жены его младший брат, который стал для него приемным отцом. Ань Лушань рос вместе со своими двоюродными братьями – Ань Сышунем и Ань Юаньчжэнем. Его дядя Ань Бочжу также служил в пограничных войсках и в 742 г. занимал должность *дучжи бинмаши* (комиссар, ответственный за провиант и лошадей) у военного губернатора Хэси. Под командованием Ань Бочжу служили его сыновья Ань Сышунь и Ань Юаньчжэнь, а также другой офицер смешанного тюрко-хотанского происхождения Гэ Шухань. Известно, что Ань Бочжу участвовал в сражениях с тибетцами, дважды разбивал их войска.

Карьера Ань Лушаня состоялась в ходе военных действий танских войск против *киданей* и *татабов* (кит. *си*), угрожавших длительное время северо-восточным рубежам. История военных действий была такой: в 732 г. военная экспедиция, направленная танским императором на усмирение восстания киданей и татабов, которыми управлял

Кэтуэй, была успешной, но уже в 733 г. они вновь совершили набег на границы империи и нанесли поражение китайцам [Материалы 1984, с. 161]. Тогда, для умиротворения кочевников было решено послать опытного Чжан Шоугуя, отличившегося ранее в войнах с тибетцами. Его экспедиция, действительно, оказалась победоносной. В письмах танского двора по этому поводу особо подчеркивался полководческий талант командующего Чжан Шоугуя и храбрость его офицера Ань Лушаня. Именно в это время Ань Лушань получил свое первое высокое назначение генерала охраны и стал третьим лицом в армии после Чжан Шоугуя и военного губернатора Пинлу [Pulleyblank 1955, с. 21].

Следует заметить, что Ань Лушань также упоминается в связи с военными действиями Китая в союзе с южнокорейским государством Силла против северокорейского государства Бохай в 733-735 гг., однако источники не содержат подробностей о его участии в этой войне.

Следующий, 734-й г. также ознаменовался успехами танской армии в войне с киданями, в стане которых произошли крупные изменения. В конце года, после поражения от китайцев, был убит вождь киданей Кэтуэй [Материалы 1984, с. 162]. Начавшаяся среди киданьских племен борьба за власть была выгодна для танской династии. На этот раз танской армии удалось нанести сокрушительное поражение киданям, и в этом особенно большой была роль Ань Лушаня. В докладе императору сообщалось, что он «опять убил и захватил» множество врагов [Levy 1960, с. 20-21]. Борьба за главенство в племенах (новый вождь также был убит вскоре сторонниками прежнего), а также вторжение тюрков на кочевья киданей и татабов в 735 г. отвлекли их на время от военного противостояния Танской империи, которая даже поощрила их за отпор тюркам, официально утвердив их правителя в его полномочиях.

В 736 г. кидани вновь восстали. На этот раз карательные действия танской армии оказались безуспешными и принесли немало неприятностей. Поход, лично возглавленный Ань Лушанем в отсутствие Чжан Шоугуя, завершился полным поражением. Ань Лушань был обвинен вскоре вернувшимся из столицы Чжан Шоугуем и приговорен к казни, разрешение на которую было получено от танского двора. Ань Лушань, как и много лет назад, перед казнью взмолился, обращаясь к

губернатору: «Два варвара (кидани и *си* – *А.К.*) ещё не умиротворены. Вы ещё можете поддерживать убийство храброго офицера. Может ли это быть расширением Вашей стратегии?» [ЦТШ, гл. 200А, 1а]. На этот раз Ань Лушань вновь был прощен, но лишен всех рангов. Впрочем, уже к концу года ему удалось доблестной службой вернуть свои регалии. В докладах императору отмечалось, что Ань Лушань сражается героически, «чтобы смыть свою прежнюю вину», а в одном из них, датированном около 736 г., он называется заместителем генерала (кит. *фуцзян*): «Чжан Шоугуй сообщил, что его заместитель – генерал Ань Лушань, нанес поражение бандитам *си* на границе Таньчжоу, захватил в плен, обезглавил [большое число врагов], а также захватил несколько тысяч лошадей» [СТШ, гл. 225, с. 6412-6413].

Вскоре разразился скандал, в результате которого пострадал сам Чжан Шоугуй. В 737 г. его армия нанесла поражение киданям в горах Нула, вслед за которым наступило некоторое затишье. Однако в 738 г., по наущению генералов, подделавших приказ Чжан Шоугуя, один из его подчиненных, военный губернатор области Ючжоу, совершил атаку на киданей и понес тяжелое поражение. Чжан Шоугуй прикрыл своего генерала, чем совершил большую ошибку: он послал императору ложное донесение о победе над киданями, а позже подкупил присланного для расследования дела дворцового евнуха. При этом для отвода глаза он очернил одного из своих генералов кучарца Бо Чжэньтола, который из-за этого был вынужден покончить с собой. В конечном счете, вся эта история раскрылась и наказание понесли и евнух, и губернатор: первый из них был казнен, а второй разжалован и отправлен на должность начальника одного из округов на юге, где и скончался в 739 году. Военным губернатором Ючжоу вместо него был назначен родственник императора Ли Шици [Pulleyblank 1955, с. 22].

К счастью Ань Лушаня, он оказался не замешанным в этом скандале, что сыграло положительную роль в дальнейшей его карьере. В 740 г. Ань Лушань был назначен уполномоченным за пехоту и кавалерию (кит. *бинмаши*) армии Пинлу, став вторым по значимости человеком в армии. Его патроном на этот раз стал генерал Ван Хусы (судя по имени, неханец), бывший губернатор Аньси в Восточном Туркестане [Малявкин 1981, с. 127-128]. Вскоре, в 741 г., благодаря полководческому таланту, а также личным качествам он продвинулся до должно-

сти помощника военного губернатора округа Инчжоу, а в 742 г. был назначен военным губернатором Пинлу.

В 742 г. Ань Лушаня впервые принял император, который пожаловал ему почетный титул старшего генерала храброй кавалерии (кит. *бяочи да цзянцзюнь*). В 744 г. он был назначен губернатором области Ючжоу (которая стала называться в это время Фаньяном), впервые став командующим армии [Levy 1960, с. 32].

Продвижение Ань Лушаня по служебной лестнице позже было объяснено китайскими историографами тем, что он якобы подкупал высокопоставленных лиц, которые восхваляли его перед императором. Однако такая трактовка была призвана создать негативный образ мятежного генерала-иноземца. Впрочем, взяточничество, действительно процветало в танском Китае, и вполне возможно, что и Ань Лушаню приходилось давать взятки чиновникам для карьерного роста, но это ни в коей мере не умаляет его личных способностей.

На самом деле, назначение «варвара» Ань Лушаня на пост военного губернатора приграничного округа оказалось возможным благодаря политике Ли Линьфу, главного министра и родственника императора. В 730-е гг. император Сюань-цзун отошел от государственных дел, все больше предаваясь праздной жизни, что дало возможность Ли Линьфу сосредоточить в своих руках огромную власть. Его влияние было настолько сильным, что Э. Пуллиблэнк назвал период его могущества «диктатурой Ли Линьфу» [Pulleyblank 1955, с. 82]. Ли Линьфу управлял всеми государственными делами, в том числе контролировал все должностные перестановки в государстве. Некоторые меры, предпринятые им в государственном масштабе, особенно налоговые, ущемляли интересы аристократии, занимавшей достаточно сильные позиции в северных провинциях страны. Здесь многие губернаторы были представителями знати, в то время как в других провинциях на такие высокие должности назначались чиновники после прохождения соответствующих экзаменов.

Одной из первостепенных задач главного министра было усиление своего влияния в северных областях, значение контроля над которыми он понял давно. Избавившись от своих противников-аристократов, занимавших ключевые посты в этих областях, он стал назначать на их места своих ставленников. Сначала он сам занял пост военного

губернатора Хэси и Лунью, одновременно совмещая его с должностями главного министра и военного министра. Далее он добился разрешения для своего сторонника на подобное совмещение должностей в Шофане [ЦТШ, гл. 200А, с. 16]. Вскоре выяснилось, что управление через помощников было малоэффективным. В условиях роста протivостояния со стороны аристократов Ли Линьфу считал выгодным назначать на эти посты генералов некитайского происхождения. В этой политике главную ставку он сделал на Ань Лушаня. В его представлении, этот простой неграмотный солдат, незамешанный в политических интригах, не мог претендовать на высокий пост в гражданском аппарате власти и меньше всего представлял для него угрозу.

После смещения военного губернатора Шофана Ли Линьфу открыто стал осуществлять практику назначения на такие высокие посты в приграничных областях «варваров». Необходимость этих назначений он обосновывал перед императором тем, что иноземцы своими воинскими качествами превосходили китайцев, были лучше знакомы с жизнью в приграничных районах и могли применять свои знания и навыки для охраны границ империи [Pulleyblank 1955, с. 82-103]. По его совету император назначил согдийца Ань Сышуна, двоюродного брата Ань Лушаня, военным губернатором Хэси, генерала тюрко-согдийского происхождения Гэ Шуханя – провинции Лунью, корейца Гао Сяньчжи – Западного края (747 г.). В 750 г. в ведение Ань Сышуна был передан Шофан, а в ведение Ань Лушаня – Хэдун. И так, за исключением юго-западной провинции Цзяньнянь все остальные приграничные провинции оказались в руках генералов иноземного происхождения [Levy 1960, с. 34].

Ань Лушань стал для Ли Линьфу наглядным примером правильности избранной им политики, поэтому он всячески поддерживал его. Ань Лушань пользовался благосклонностью главного министра, и источники приводят множество примеров его почтительного отношения к своему покровителю, хотя в последние годы жизни министра Ань Лушань стал участвовать в интригах против него. При поддержке Ли Линьфу Ань Лушань приблизился к танскому двору и к самому императору. Дальнейшим его успехам при императорском дворе способствовала Ян Гуйфэй, фаворитка императора Сюань-цзуна [Levy 1951, с. 469-471].

Между тем противоречия между Ли Линьфу и аристократами привели к возникновению оппозиционной группировки, объединившей губернаторов северных областей и высокопоставленных лиц при императорском дворе. Более резкие очертания оппозиционные настроения приобрели после того, как в 741 г. на должность помощника Ли Линьфу император назначил одного из своих близких родственников – Ли Шицзи, который ранее был помощником военного губернатора Ючжоу, где служил Ань Лушань. Ли Шицзи возглавил противников главного министра, среди которых также были министр Вэй Цзянь, Хуаньфу Вэйлин (военный губернатор Лунъю), а также высокопоставленные чиновники Пэй Гуань и Пэй Дуньфу [Pulleyblank 1955, с. 88-89]. Близкую связь с этой группой имел наследник престола (будущий император Су-цзун). Последнее обстоятельство было на руку Ли Линьфу и дало ему основание для обвинения этой группы в заговоре против императора. Впрочем, такой заговор вполне мог быть реальным, так как многие сановники были недовольны тем, что император отдалился от государственных дел, передав управление в руки Ли Линьфу. Тем самым, желание оппозиционеров поскорее посадить на престол наследного принца было оправданным.

Ситуация еще осложнялась личными противоречиями между главным министром и наследным принцем: Ли Линьфу был против назначения принца наследником престола, продвигая на это место другого сына Сюань-цзуна. На первом этапе борьбы с противниками Ли Линьфу добился разжалования и перевода многих из них в южные области страны для исполнения менее престижных должностных обязанностей. Однако уже с 746 г. он предпринял решительные действия против группировки Ли Шицзи [Pulleyblank 1955, с. 89]. Во время одного из приездов в столицу военного губернатора Хуаньфу Вэйлина были выявлены тайные встречи его и других лиц с наследным принцем, что было убедительным аргументом для обвинения их в заговоре с целью свержения императора. Сначала все уличенные лица были сосланы на Юг, причем к ним присоединился и Ли Шицзи, который перепугавшись такого оборота дел, просил отставку и также убыл в провинцию. Однако вскоре все они были приговорены к смертной казни. В этих чистках, устроенных Ли Линьфу, пострадал и губернатор Шофана

Ван Чжунсы (ещё один патрон Ань Лушаня), который не был казнен благодаря тому, что за него заступился его помощник Гэ Шухань, но был сослан на юг [Малявкин 1992, с. 158].

Во время этих трагических событий незаметно сумел подняться по служебной лестнице другой человек, который в последующем заменит Ли Линьфу на его посту – Ян Гочжун. Ян Гочжун не был аристократом, имел достаточно скромное происхождение, хотя некоторые из его предков занимали невысокие чиновничьи должности. Отец его был простым чиновником. Ян Гочжун, чьи ранние годы прошли в развлечениях, не был образованным человеком. Его служебная карьера началась в Сычуане с довольно низких служебных постов, но здесь он познакомился со своей троюродной сестрой – будущей фавориткой Сюань-цзуна, красавицей Ян Гуйфэй. При ее помощи он перебрался в столицу и получил свою первую должность при дворе императора. Во время чисток Ли Линьфу он проявил себя очень исполнительным и верным чиновником, энергично участвуя в расследованиях [СТШ, гл. 206].

Придворные чистки обошли стороной Ань Лушаня, хотя он имел связь со многими из обвиненных в заговоре лиц, будучи в их подчинении в Хэбэе. Даже то, что Ань Лушань был рекомендован на пост военного губернатора Пэй Гуанем, замешанным в событиях, не повлияло на его карьеру, как и то, что он служил под началом главы группы заговорщиков Ли Шицзи. Причиной того мог быть созданный им в глазах царедворцев образ простого, грубого, неотесанного, далекого от политики вояки. По крайней мере об этом говорит рассказ о его посещении в 744 г. императорского двора. Во время выборных экзаменов, проводившихся при дворе в это время, выявилось, что первое место среди экзаменовавшихся занял сын одного из высокопоставленных лиц, оказавшийся на самом деле неграмотным. По наущению одного из придворных, Ань Лушань доложил императору об этой несправедливости. Дело было расследовано, все виновные понесли наказание, за исключением Ли Линьфу, который не был напрямую замешан в этом скандале. Согласно другому рассказу, являющемуся, скорее всего, поздним вымыслом, чем реальным фактом, Ань Лушань, впервые появившись при дворе в 743 г., сообщал, что за год до

этого было нашествие пурпурных насекомых, пожиравших урожай, и тогда он помолился, говоря «пусть они пожрут его сердце, если он неверен трону; пусть избавят от насекомых, если он предан» [ЦТШ, гл. 200А, с. 2а-2б]. Тут внезапно появилась стая птиц с красными головами и синими клювами и уничтожила насекомых. Ань Лушань якобы просил придворных историков зарегистрировать этот факт. История, несмотря на ее вымышленность, была примечательна тем, что изображала Ань Лушаня не только как льстивого, но и как простого и верного трону человека [Levy 1960, с. 32].

О жизни Ань Лушаня в период описанных дворцовых событий известно очень мало. В 746 г. он разбил киданей и татабов (кит. *си*), которые вновь восстали, убив китайских принцесс, ранее полученных в жены от танского дома. Благодаря своим заслугам в войнах с этими народами, а также хорошим рекомендациям, полученным от высокопоставленных лиц, Ань Лушань удостоился очередных наград: в 747 г. ему были пожалованы почетная должность Президента цензората и дворянский титул, а две его жены получили почетные звания *фужэнь* (госпожа) [Levy 1960, с. 33].

Назначение Ань Лушаня на пост военного губернатора оказалось возможным благодаря политике Ли Линьфу, направленной на укрепление позиций в северных районах. Как уже отмечалась, большую роль в усилении положения Ань Лушаня при дворе сыграла императорская фаворитка Ян Гуйфэй, расположения которой он добился особым к ней обращением. Рассказывают, что во время императорской аудиенции он сначала поклонился и приветствовал её, а затем поклонился императору. Когда император спросил его, почему он так поступил, Ань Лушань ответил: «Ваш подданный – варвар. Варвары ставят на первое место мать, а потом отца» [ЦТШ, гл. 200А, с. 16].

Образ неуклюжего, тучного, забавного и неотесанного генерала очень нравился императору и его фаворитке [Levy 1957, с. 469-471]. Ань Лушань забавлял их как шут. В день своего рождения в 751 г. он получил богатые подарки от императора, который пожаловал ему дом, построенный специально для него в столичном районе Циньжэнь. В день, когда он переселился в новый дом, расположенный к северу от восточного рынка, Ань Лушань устроил пир, созвав всех министров и самого императора.

Сюань-цзун был так расположен к Ань Лушаню, что велел соорудить на восточной стороне от трона большое полотно с изображением золотой птицы, а рядом с ним велел поставить специальную тахту для Ань Лушаня. Наследный принц настойчиво уговаривал отца снять это полотно, убеждая, что это делает «варвара» чрезмерно высокомерным. Он испытывал антипатию к Ань Лушаню, которая началась с того, что тот не поклонился ему во время церемонии [ЦТШ, гл. 225А].

Заслуживает внимания интересный случай, произошедший во время празднования дня рождения Ань Лушаня, когда Ян Гуйфэй объявила его своим приемным сыном: ради забавы вместе с придворными дамами она облачила Ань Лушаня в детскую одежду и устроила шуточную церемонию обмывания новорожденного «ребенка». Эти и другие случаи фамильярного обращения Ян Гуйфэй с Ань Лушанем и то, что ему позволялось свободно входить в женскую часть дворца, дали основания историографам думать о существовании любовных связей между ними [Levy 1957, с. 470].

Благодаря покровительству императора Сюань-цзуна и его фаворитки Ян Гуйфэй Ань Лушань продолжал подниматься по служебной лестнице с головокружительной быстротой. Хотя в 747-750 гг. стало меньше победоносных военных походов, и на границе было довольно спокойно, Ань Лушань получил очередные титулы и должности. В 748 г. он получил титул князя с совершением подобающих почестей для его покойного отца. В 750 г. он удостоился беспрецедентной чести получения титула принца, который обычно был привилегией только представителей царской семьи или иностранных правителей. Несколько позже он пополнил свои регалии должностью гражданского инспектора провинции Хэбэй. В тот год Ань Лушань привез в столицу 8000 татабов, плененных во время военного похода. Император также пожаловал ему высшую печать ежегодного «экзамена заслуги» (кит. *као*). Любопытно, что Ань Лушань получил право печатать монеты в пяти печах, установленных под его ведомством [Аманжолов 1974]. Наконец, назначение на должность военного губернатора Хэдуна в 751 г. сделало Ань Лушаня единоличным правителем всей восточной половины приграничных областей танского государства.

Ань Лушань обладал настолько большим авторитетом и влиянием в Китае, что даже его военные неудачи в 751 г. не вызвали пони-

жений в должности и наказания со стороны танского двора. Обстоятельства военных неудач были следующие. В тот год огромная армия, собранная из трех губернаторств, численностью в 60 тысяч человек двинулась на территорию татабов, находящуюся в 1000 *ли* от современной реки Лаохэ. Несмотря на проливные дожди, Ань Лушань приказал армии двигаться еще дальше на 100 *ли*, чтобы внезапно напасть на киданей. Хотя из-за проливных дождей тетивы луков промокли и вышли из строя, воинам было приказано атаковать киданей [Pulleyblank 1955, с. 98]. Однако внезапно в тыл китайцам ударили племена татабов. Оказавшись окруженной и обезоруженной, танская армия была полностью разгромлена. Большая часть воинов погибла на поле битвы. Ань Лушаню, раненному в плечо, едва удалось бежать с небольшим отрядом с поля брани. Прибыв в ближайший китайский округ Шичжоу, он возложил всю вину за поражение на *бинмаши* Хэдуна тюркского принца Гэцзе, служившего под его началом, и велел казнить его [ЦФЮГ, гл. 971, 86].

В следующем, 752 г., Ань Лушань снарядил ещё один поход на киданей, собрав войско из 200 тысяч человек. Чтобы усилить их он просил двор присоединить к нему военный контингент под предводительством тюрка Абуз-ябгу, дислоцированный в Шофане и находившийся с 751 г. под непосредственным контролем главного министра [Pulleyblank 1955, с. 101].

Абуз-ябгу, происходивший из токуз-огузского племени *абуз* (кит. *абусы*), был одним из влиятельных представителей огузской аристократии, который бежал в Китай вместе с тюрками во время крушения Второго Восточно-тюркского каганата (742 г.) [ТХЯ, гл. 98, с. 1744]. После подчинения танской власти он возглавил военное подразделение, сформированное из тюркских и огузских племен и дислоцированное в провинции Шофан. По свидетельству китайских источников, подразделение Абуз-ябгу в составе войск губернатора провинции Лунью Гэ Шуханя в 749 г. принимало участие в войне с тибетцами, в частности, участвовало во взятии тибетской крепости Шибачэн. За заслуги перед империей Абуз-ябгу был пожалован фамилией танского дома *Ли* и именем *Сяочжун*, а также был награжден титулом «ван Фэньсиня». За время службы императору Абуз-ябгу (Ли Сяочжун) достиг довольно высокого положения в армии [ЦТШ, гл. 194А, с. 156].

В дальнейшей судьбе Абуз-ябгу немалую роль сыграли его взаимоотношения с Ань Лушанем. Между Абуз-ябгу и Ань Лушанем установилась вражда, связанная, видимо, с давнишним соперничеством между Ань Лушанем и Гэ Шуханем, под командованием которого служил Абуз-ябгу [ЦЧТЧ, гл. 216, с. 6916]. Сыма Гуан отмечает, что Абуз-ябгу «не хотел подчиняться Ань Лушаню, и [Ань] Лушань ненавидел его» [ЦЧТЦ, гл. 216, с. 6910].

Когда в третьем месяце 752 г. Ань Лушань обратился к императору просьбой направить в его распоряжение подразделение Абуза для участия в походе против киданей, совершенно очевидным было его намерение расправиться со своим давнишним соперником. Поэтому Абуз-ябгу просил императора не посылать его в Фаньян. Когда в просьбе было отказано, он со своими подчиненными, среди которых источники особо выделяют токуз-огузское племя *тонгра*, бежал в степь, ограбив местные зернохранилища.

На территории Уйгурского каганата Абуз-ябгу находился в общей сложности более года. Здесь ему была оказана поддержка некоторой частью токуз-огузов, вместе с которыми он вступил в противоборство с уйгурским Элетмиш Бильге-каганом. Достаточно длительное пребывание Абуза на территории каганата оказалось возможным благодаря тому, что основная часть уйгурских войск в это время была занята войнами в Джунгарии и Южной Сибири. Впрочем, уйгурские войска предпринимали успешные действия против мятежников во главе с Абуз-ябгу. С одним из них, очевидно, связано вторжение войск Абуз-ябгу в пределы танского государства в 9-м месяце 752 г., т.е. через полгода после его бегства из Китая [Цэнь 1958а, с. 482]. Источники указывают, что войска Абуз-ябгу окружили укрепление Юнцзин (Юнци), расположенное в 200 *ли* к западу от крепости Средний Шоусян (на севере большой излучины реки Хуанхэ), но были отбиты танским пограничным гарнизоном и вынуждены вернуться в степь [Цэнь 1958а, с. 483].

Разгром уйгурами войска Абуз-ябгу точно зафиксировали китайские источники: это произошло в 5-м месяце 753 года. Под этой датой «Цзычжи тунцзянь» помещает такое сообщение: «Абусы был разбит уйгурами. Ань Лушань, заманив его племена, подчинил их себе. С

этого времени никто в Поднебесной не мог сравняться с отборными войсками Лушаня» [ЦЧТЦ, гл. 216, с. 6918]. Потерпев поражение от уйгуров, и не имея возможности возвратиться в Китай, где он был объявлен мятежником, Абуз-ябгу был вынужден бежать на запад к алтайским карлукам, которые сначала приняли его, но затем выдали его преследовавшим танским войскам: «[В 9-м месяце 753 года] бэйтинский духу Чэн Цяньли преследовал Абусы до западной [части] пустыни. В письме к карлукам [он] уговаривал их выйти ему навстречу. Абусы, ослабев, подчинился карлукам. Карлукский ябгу схватил его. Его жену и детей, подчиненных – несколько тысяч человек, передал ему (т.е. Чэн Цяньли – *А.К.*). В день цзя-инь [император] добавил карлукскому Ябгу Тон-бильге [звание] *кайфу-итун саньсы* и наградил его титулом *ван Цзиньшаня* (князь Алтая)» [ЦЧТЦ, гл. 216, с. 6916]. В третьем месяце 754 г. Абуз-ябгу был казнен в Чанъани [Liu Mau-tsai 1958, с. 261-262].

В связи с выдачей карлуками Абуз-ябгу танским силам возникает вопрос: почему карлуки, которые несколько раньше, в 749 г., приняли к себе часть огузских племен, бежавших под ударами Яглакаров, в аналогичной ситуации отвергли огузов, возглавляемых Абуз-ябгу? Л.Н. Гумилев объясняет это желанием карлуков сохранить союз с Танской империей, несмотря на то, что накануне этих событий, в 751 г., они сражались против китайцев в Таласской битве на стороне арабов [Гумилев 1967, с. 371]. Действительно, в отличие от своих сородичей, бежавших к карлукам в 749 г., Абуз-ябгу являлся врагом не только уйгурского кагана, но и танской династии, что не могло не повлиять на отношения к нему карлуков. Вместе с тем следует учесть, что для карлуков Абуз-ябгу был сторонником их недавних политических противников – восточных тюрок.

События, связанные с войной уйгурского Элетмиш Бильге-кагана с Абуз-ябгу, нашли отражение не только в китайских источниках, но и в уйгурской надписи из Могойн Шине Усу и персидском сочинении Гардизи. В надписи из Шине Усу не сохранилось прямых сведений об этой войне, однако, в ней сообщается о сражении уйгуров с табгачскими (т.е. с китайскими) подданными огузами и тюрками и присоединившимися к ним местными племенами, которое вполне можно рассматривать как сражение уйгуров с войсками Абуз-ябгу. Приведем

это сообщение целиком: «Одиннадцатого числа ... я победил. «Мой собственный народ», – сказал я и погнался за ними. У Ирлюна в Талакыме я их догнал. Первые табгачские [подданные] огузы и тюрки [в то время] откочевали (восстали), тогда с ними соединились, и тогда их беги мои войска три ... Их знаменосцы и пятьсот пехотинцев в полном вооружении раза два перепугались [и пришли?]. Моим рабским народом Небо-Земля (бог) соизволил командовать. Тогда я победил. Тогда народ покорился мне... они убежали и добрались до карлуков» [Малов 1959, с. 42, стк. 32-34]. Уточнения, внесенные недавно Т. Мориясу в чтение приведенного текста надписи [Moriyasu 1999, с. 184-185], не влияют на нашу интерпретацию.

Что касается Гардизи, по мнению К. Цегледи, не совсем ясно его утверждение о том, что карлуки «начали дурно поступать» со вновь прибывшими к ним кочевниками из Китая. По всей видимости, Гардизи имел в виду пленение карлуками Абуз-ябгу и выдачу его танским властям [Czeglédy 1973, с. 265-266].

Мятеж Абуз-ябгу дал основание новым противникам Ли Линьфу, которых теперь возглавил Ян Гочжун, для обвинения его в связях с мятежниками. В результате, первому министру пришлось уйти с совмещаемого поста военного губернатора Шофана. Вскоре Ли Линьфу скончался, и его место занял Ян Гочжун, который снова поднял вопрос о мятеже Абуз-ябгу. На этот раз ему удалось заставить соплеменников схваченного Абуз-ябгу дать показания против покойного Ли Линьфу. Последовал императорский указ о перезахоронении покойного как простого человека и высылке всех его родственников из столицы. Так бесславно закончилось почти двадцатилетнее правление могущественного министра Ли Линьфу [Pulleyblank 1955, с. 103].

Если в начале своей карьеры Ань Лушань не участвовал в дворцовых интригах, то со временем он оказался вовлеченным в них. Он быстро усваивал уроки, преподносившиеся его высокопоставленными покровителями и их противниками. К числу последних относился и новый главный министр Ян Гочжун, который неоднократно пытался настроить императора против него, но Ань Лушань был нужен императору в качестве противовеса Ян Гочжуну. Тем не менее, в начале 754 г. он направил дворцового евнуха к нему, чтобы выяснить замыслы Ань Лушаня, но тот, получив щедрые подарки, подтвердил его вер-

ность трону [ЦТШ, гл. 200А, с. 26]. В феврале 754 г., когда Ян Гочжун убедил императора вызвать ко двору Ань Лушаня, будучи уверенным, что он не явится, Ань Лушань все же прибыл в столицу, выразил верность императору и получил несколько новых должностей, среди которых были «ответственный за лошадей и пастбища в Лунью» и «действующий генерал-наблюдатель» [Levy 1960, с. 37]. Сюань-цзун даже хотел назначить Ань Лушаня министром, но это желание было оспорено Ян Гочжуном, по мнению которого, такое назначение ослабило бы уважение к танской династии со стороны «варваров».

Противоречия между Ань Лушанем и Ян Гочжуном явно накалялись: каждый из них обвинял другого в подготовке восстания. К тому времени всплыл случай о даче евнуху взятки, на что император указал Ань Лушаню во время банкета перед его отъездом в Фаньян. Это было сигналом о нависшей над Ань Лушанем угрозе.

Во 2-м месяце Ань Лушань уже не явился в столицу по вызову императора, сославшись на болезнь [ЦТШ, гл. 200А, с. 26]. Тогда было решено устроить свадьбу его старшего сына Ань Цинцзуна, который по общепринятой китайской практике, служил при дворе в должности главы императорского экипажа, являясь фактически заложником. Вскоре была справлена свадьба: в жены ему была выдана одна из танских принцесс. Ань Лушань и на этот раз не прибыл на свадебную церемонию, которая фактически была хитроумной ловушкой для него. Приближалась развязка противостояния между двумя могущественными лицами, длившегося несколько лет: между главным министром Ян Гочжуном, опиравшимся на юго-западный пограничный район Цзяньнань и охватившим своим влиянием столицу империи, и Ань Лушанем, правителем всего северо-востока страны. Кризис можно было решить только вооруженным путем, и в декабре 755 г. Ань Лушань поднял восстание.

Восстание стало результатом дезинтеграционного процесса, вызванного отстранением от власти старого императора Сюань-цзуна, предавшегося усладам роскошной жизни, и политики главного министра Ли Линьфу, подчиненной его личным интересам и оказавшейся эффективной только под его диктаторским контролем. Смерть диктатора освободила все центробежные силы в империи, которые неизбежно привели страну к внутренним войнам.

Ань Лушань поднял восстание под лозунгом уничтожения клики Ян Гочжуна, успевшего завоевать недобрую славу нетерпимостью к политическим противникам. Войска Ань Лушаня первоначально состояли из 100 тысяч солдат. В «Синь Тан шу» говорится о 150-тысячном войске повстанцев, которое спустя некоторое время достигло 200 тысяч человек [СТШ, гл. 225А, с. 36]. Это войско состояло из смешанных китайских и некитайских подразделений. В составе последних были кидани, *шивэй*, тюрки (первоначально и токуз-огузское племя *тонгра*) и части, которые китайские историографы именуют *елохэ*. Ученые интерпретировали последнее слово как этническое название, однако нам представляется, что это – китайская транскрипция среднеперсидского *ерих* (храбрые) (консультация ираниста Э. Хуршудяна), из чего можно заключить, что под *елохэ* имелись в виду ираноязычные воины. Воины Ань Лушаня отличались высокой боевой подготовкой и были хорошо обучены; они «сражались, отдавая жизнь [за него]. Каждый из них стоил ста [воинов]» [ЦЧТЦ, гл. 124].

Спустя месяц после начала восстания войска Ань Лушаня совершили победный марш в столичный район и 18 января 756 г. овладели восточной столицей Лояном. Сопrotивление наскоро собранных войск, которые не могли состязаться с воинственной армией повстанцев, было тщетным. Один за другим города переходили под контроль Ань Лушаня. Захватив Лоян, Ань Лушань не сразу двинулся на западную столицу Чанъань. 5 февраля 756 г. в Лояне он объявил о создании нового государства, провозгласив себя императором династии *Янь*, девизом правления был объявлен *шэньу*. Он учредил свой двор, создав высокие должности, аналогичные танским [Levy 1960, с. 40].

В течение первой половины 756 г. действия правительственных войск увенчались успехом в Хэбэе. Они почти подступили к Фаньяну, основной базе повстанцев. При этом некоторые города, подчинившиеся ранее Ань Лушаню, теперь выступили против него. Верные танской династии войска южных областей сумели организовать защиту плодородных районов бассейна реки Янцзы. Стратегически важная застава Тунгуань на подступах к Чанъани защищалась 200-тысячной армией генерала Гэ Шуханя, давнего врага Ань Лушаня [Pulleyblank 1976, с. 42]. Эта армия полгода бездействовала и летом получила приказ оставить оборонительную позицию и двинуться к Лояну, чтобы

отвоевать его у повстанцев. Хотя опытный генерал Гэ Шухань не верил донесениям лазутчиков о том, что подходы к городу защищены слабо, по приказу императора, принятому под влиянием Ян Гочжуна, его армия двинулась к Лояну, попала в ловушку и была полностью разгромлена. Гэ Шухань бежал в Тунгуань, но был схвачен подчиненными и казнен по приказу Ань Лушаня [Pulleyblank 1976, с. 42-43].

Из-за ошибок императорского командования путь к Чанъани оказался незащищенным и полностью открытым для повстанцев. Сюань-цзун поспешно покинул столицу, возложив оборону на наследного принца. В местечке Мавэй произошли драматические события: взбунтовавшаяся охрана императора, которая считала виновником бедствия семейство Ян, убила министра Ян Гочжуна. Только принесение в жертву фаворитки Ян Гуйфэй, удушенной по приказу императора, позволило ему продолжить бегство в Сычуань [Levy 1957, с. 471-474].

Падение заставы Тунгуань привело не только к потере западной столицы, но и к свертыванию контрнаступления правительственных сил в Хэбэе. Наследник престола ушел в Линью в Шофане, который отныне стал плацдармом для танских сил. Здесь он взошел на престол под именем *Су-цзун*. Новый император стал собирать войска, были отозваны все воинские подразделения из танских гарнизонов в Западном крае [Малявкин 1992, с. 213-214]. Император также призвал на помощь войска соседних государств, находившихся в дружественных отношениях с Китаем. Свои вспомогательные контингенты прислали Фергана, Хотан, даже недавние враги китайцев – арабы, однако о действиях войск этих стран во время войны с повстанцами практически ничего неизвестно [Pulleyblank 1976, с. 44].

Ань Лушань, подчинив себе весь северо-восток страны и захватив две столицы, тем не менее, из-за своей болезни не смог в полной мере воспользоваться успехом и развить дальнейшие военные действия. Дело в том, что он страдал чрезвычайной полнотой. Известно, что еще в молодые годы его первый патрон Чжан Шоугуй постоянно указывал на его отвратительную полноту. «[Ань Лушань] стал чрезвычайно полным в последние годы, настолько, что его живот свисал до колен...Куда бы ни ходил, он опирался руками на своих советников, и они поддерживали его тело. Только так он был способен пе-

редвигаться» [Levy 1960, с. 43]. Тем не менее, при его грузности он мог виртуозно исполнить согдийский танец перед императором Сюань-цзуном. Ожирение стало причиной других болезней Ань Лушаня: он страдал болезнями кожи, а с началом восстания стало резко ухудшаться его зрение, к тому же появился карбункул. В начале 757 г. его здоровье ухудшилось настолько, что он был вынужден раньше времени уходить с дворцовых приемов. Из-за болезни он стал чрезвычайно вспыльчивым, раздражительным и жестоким в обращении с подчиненными, все чаще впадал в ярость, порол подчиненных безо всякой причины, казнил людей за малейшие проступки.

Недовольные и испуганные приближенные почти ослепшего мятежного императора в ожидании быстрее его конца стали готовить заговор. Переворот возглавил его сын Ань Цинсюй. У Ань Лушаня было одиннадцать сыновей, старшим из них был Ань Цинцзун, находившийся в качестве заложника при императорском дворе. Он был казнен сразу после того, как Ань Лушань начал восстание. Провозгласив себя императором, Ань Лушань назначил наследным принцем второго сына Ань Цинсюя, рожденного от второго брака с согдианкой самаркандского происхождения по фамилии Кан [ЦТШ, гл. 200А, с. 4а]. Ань Цинсюй, однако, опасался, что отец в любой момент может передумать и назначить своим наследником другого сына, Ань Циньэня, чья мать, госпожа Цзя (в некоторых источниках: Дуань), была любимой женой Ань Лушаня.

Ань Цинсюй нашел поддержку в своих замыслах у генерала Янь Чжуана, который страдал от жестокого обращения со стороны Ань Лушаня, и евнуха-кидани Ли Чжуэра, самого близкого из слуг «императора мятежников». Ли Чжуэр относился к числу немногих евнухов иноземного происхождения в Танской империи, чаще всего ими были китайцы. Подростком он попал на службу к Ань Лушаню, который собственноручно лишил его мужского полового органа. Тогда юноша потерял много крови, чуть не умер. Ань Лушань посыпал его рану пеплом и перевязал, и к концу дня тот ожил. Ань Лушань благосклонно относился к Ли Чжуэру, доверял ему и держал его возле себя. Ли Чжуэр вместе с другими слугами обычно помогал ему одеваться: тучного Ань Лушаня одевали несколько человек. И даже в императорском дворце, когда Сюань-цзун жаловал Ань Лушаня паровыми

ваннами, Ли Чжуэру и другим слугам разрешалось сопровождать его [Levy 1960, с. 42].

Генерал Янь Чжуан и евнух Ли Чжуэр были главными исполнителями заговора против Ань Лушаня, убийство которого описано историографами следующим образом: «Янь Чжуан, которого также порол [Ань Лушань], день и ночь вынашивал замыслы против него. Поставив [Ань] Цинсюя за дверь, Чжуан схватил меч и вошел в палату Лушаня вместе с евнухом Ли Чжуэром. Чжуэр проколол его живот большим мечом. Лушань был слеп. Обычно на изголовье у него был меч. Когда он понял свое положение, он потянулся [за мечом] к изголовью над постелью, но не смог найти его. Он мог только трясти занавесками и громко кричать: «Вор в моем собственном доме!» [СТШ, гл. 225, с. 6420]. Ань Лушань был убит 29 января 757 г. в возрасте 55 лет. Восстанием он смог руководить немногим больше года.

Ань Цинсюй (собственное его имя было *Жэньчжи*; Цинсюй было имя, пожалованное императором), сменивший Ань Лушаня в качестве лидера восстания, не отличался полководческими способностями. После провозглашения его преемником Ань Лушаня, фактическое руководство повстанцами стал осуществлять генерал Янь Чжуан, которого он называл «старшим братом» и с которым он советовался по всем вопросам. Хотя Ань Цинсюй был хорошим воином, отличным стрелком и искусным наездником, но не был хорошим руководителем, не отличался ни умом, ни красноречием. Еще в 752 г. он был назначен императором Сюань-цзуном главой ведомства Хунлусы, управлявшего делами иностранцев, а при Ань Лушане он был уполномоченным за пехоту и кавалерию (кит. *дучжи бинмаши*). Неудивительно поэтому, что Ань Цинсюй стал номинальным руководителем повстанцев. Янь Чжуан старался не допускать его к солдатам и всячески укреплял свою власть, приняв высшие ранги и умело обращаясь с генералами.

Известие о смерти Ань Лушаня застало танского императора Су-цзуна в области Фансян. Он не замедлил направить посольство к уйгурам с просьбой о военной помощи [Mackerras 1968, с. 3-4]. Первый поход уйгуров в Ордос состоялся в 756 г. и стал успешной совместной акцией танско-уйгурских сил. С помощью четырехтысячной уйгурской кавалерии, прибывшей во главе с наследным принцем Ябгу, танская армия сумела изгнать повстанцев из Чанъани в 9-м ме-

сяце 757 года. Уйгурская конница сыграла решающую роль в военной операции, разбив охранявший подступы к западной столице повстанческий контингент под предводительством согдийца Ань Шоучжуна и китайца Чжан Тунчжу [Pulleyblank 1976, с. 44].

Сражение за Чаньань длилось от зари до заката, и в нем участвовало огромное число воинов. Повстанцы потерпели полное поражение: только убитыми насчитали 60 тысяч человек. Армия повстанцев во главе с Янь Чжуаном, включая защищавших столицу Ань Шоучжуна, бежали на восток. Ань Цинсюю пришлось спешно оставить восточную столицу Лоян и двинуться в Хэбэй, где он обосновался в городе Е (Аньяне) с 1300 воинами. Тем временем пришло сообщение о том, что Янь Чжуан подчинился правительственным силам, а другой полководец тюрков Ашина Чэнцин с 30-тысячным войском ушел на север Хэбэя, в Хэнчжоу и Чжаочжоу [СТШ, гл. 225, с. 6422].

Возвращением двух столиц не завершилось восстание. Не организовав немедленного преследования Ань Цинсюя и предоставив ему почти год передышки, танское командование совершило большую ошибку. Постепенно вокруг Ань Цинсюя вновь стали собираться повстанческие армии, хотя некоторые его генералы успели подчиниться правительственным войскам.

С самого начала в лагере Ань Цинсюя не было твердой власти. Сам Ань Цинсюй продолжал уделять большое внимание удовольствиям и увеселениям. Самый влиятельный и авторитетный генерал повстанцев Цай Сидэ вскоре был казнен им по ложному обвинению, а новый командующий Цуй Цяньюй не пользовался уважением в армии и позже был заменен согдийцем Ань Тайцином [ЦТШ, гл. 200А, с. 5а-5б].

Осенью 758 г. правительственные силы организовали поход против войск Ань Цинсюя, в котором приняла участие уйгурская конница во главе с принцем Ябгу. Правительственные войска, направленные в Сянчжоу (Аньян), где обосновался Ань Цинсюй, не имели единого командования. Они состояли из войск девяти военных губернаторов, действия которых координировал императорский инспектор-евнух, что было показателем слабости танской власти. Отсутствие единого командования очень скоро дало о себе знать. Танские войска окружили Сянчжоу тройным рвом, чтобы залить город водой и измором

заставить повстанцев сдаться. Около пяти месяцев город находился в блокаде, в результате начался голод и даже были случаи каннибализма. Вскоре на выручку к повстанцам пришли войска соратника и офицера Ань Лушаня согдийца Ши Сымина.

Сражение танских сил с повстанцами состоялось 7 апреля 759 г. [СТШ, гл. 225А, 6а-7б]. Исход сражения решился не силой оружия, а внезапно поднявшимся бураном. Противники отступили, но если повстанцы во главе с Ши Сымином отошли на небольшое расстояние и перестроились, то разрозненные, но численно превосходившие их танские войска, рассеялись в разных направлениях и вернулись в прежние места дислокации [Pulleyblank 1976, с. 45].

Ши Сымин был ближайшим сподвижником Ань Лушаня, вместе с которым он начинал военную карьеру в танской армии. Он, как и Ань Лушань, имел смешанное согдийско-тюркское происхождение, жил в той же деревне в Инчжоу, где жил Ань Лушань, и был старше него всего на один день. Ранние факты его биографии совпадают с биографией Ань Лушаня. «Когда они выросли, стали близкими друзьями, и оба прославились храбростью... Он также владел шестью языками варваров, был посредником в торговых сделках. Его настоящее имя было Сыгуань (suet-kan), первоначально он служил в армии Пинлу» [Pulleyblank 1976, с. 16-17]. Вместе с тем мы не находим указаний о том, что отношения между Ань Лушанем и Ши Сымином, действительно были близкими как до, так и после восстания. До восстания Ши Сымин занимал положение, намного ниже, чем Ань Лушань, и стал генералом только с началом восстания. Поэтому сходство с Ань Лушанем, о котором говорят китайские источники, является, скорее всего, умозаключением, нежели реальным фактом.

Во время описанного выше похода Ань Лушаня против киданей в 751 г. Ши Сымин занимал должность уполномоченного за провиант и лошадей армии Пинлу. После неудачного сражения он бежал в горы и вернулся к Ань Лушаню только через 20 с лишним дней, переживая, когда пройдет гнев полководца, стоивший жизни двум генералам. Когда Ши Сымин с 700 солдатами вновь присоединился к Ань Лушаню, он был радушно принят последним. При этом Ань Лушань заметил, что если бы он пришел немного раньше, он был бы казнен. Из других фактов биографии Ши Сымина известно, что в 757 г., после изгнания

Ань Цинсюя из Лояна, он сдался танским правительственным силам, но потом опять примкнул к повстанцам.

Интересно, что Ши Сымин провозгласил себя императором Великой династии *Янь* в конце января 759 г. в г. Вэйчжоу, еще до того, как отправился на помощь Ань Цинсюю в Сянчжоу. Он принял новую эру правления *интянь*, которую сменил через несколько месяцев на *шуньтянь* [Pulleyblank 1976, с. 47].

После сражения в Сянчжоу Ши Сымин расположился лагерем к югу от города. Тем временем Ань Цинсюй попытался закрыть городские ворота перед его армией, предварительно захватив оставленный танскими войсками провиант. Он хотел противостоять Ши Сымину, однако все его генералы выступили против такого решения, и ему пришлось сдаться на милость нового повстанческого императора. Ши Сымин, обвинив его в убийстве отца, приказал казнить его вместе с четырьмя его братьями и генералами (один из его братьев Ань Цинхэ накануне попал в плен к правительственным войскам и был казнен в Чанъане). «Ань Лушань и его сын были уничтожены спустя три года после узурпации [власти]», – заключают китайские историографы [ЦТШ, гл. 200А, с. 56]. Закончилась история династии Ань Лушаня, погиб он сам, погибли все его сыновья: известно о гибели 7 из 11 его сыновей, однако едва ли остальные сыновья мятежного императора могли быть оставлены в живых. Источники называют имена, которые сыновья Ань Лушаня получили в награду от Сюань-цзуна: Цинцзун, Цинсюй, Цинхэ, Цинюй, Цинцэ, Цингуан, Цинси, Цинчан.

Ушел в небытие род Ань Лушаня, но поднятое им восстание еще продолжалось несколько лет. Новый предводитель повстанцев Ши Сымин укрепился в Хэбэе, его попытки захватить южные области не увенчались успехом. В начале июня 760 г. ему удалось вновь захватить Лоян, но дальнейшее движение его войск на запад было остановлено армией генерала Ли Гуанби (кидания по происхождению), организовавшего защиту заставы Тунгуань [Maskettas 1968, с. 132]. Хотя оборонительная тактика Ли Гуанби была оправдана и успешна, танский двор вновь проявил нетерпение, приказав в начале 761 г. начать наступление. Вновь, как и во время командования Гэ Шуханем, танские войска потерпели поражение, выйдя из заставы Тунгуань. Теперь это произошло в местности Маншань. Вновь путь в Чанъань оказался от-

крытым для повстанцев, которые, однако, не смогли воспользоваться благоприятной ситуацией из-за внутренних разногласий: опять встал вопрос о назначении наследника повстанческого императора. Желание Ши Сымина назначить своим преемником младшего сына Ши Чаоцина вызвало гнев у старшего сына Ши Чаои, рожденного от наложницы. Ши Чаои решился на отчаянный шаг: его сторонники убили Ши Сымина и поставили его императором 22 апреля 761 г. [Pulleblank 1976, с. 46]. Это событие вызвало длительную борьбу между повстанческими группировками в Фаньяне; несмотря на это Ши Чаои все же создавал угрозу для Танов в течение всего года.

В мае 762 г. скончались оба танских императора: бывший император Сюань-цзун (отец) и правивший Су-цзун (сын). Пользуясь объявленным при дворе трауром, Ши Чаои попытался привлечь на свою сторону уйгуров, главных союзников танской династии. Он направил к ним своего посланника, который сообщил уйгурскому кагану о хаосе, якобы возникшем после смерти двух танских императоров в Китае, где военные губернаторы взяли власть в свои руки на местах, а императорский двор попал под влияние евнухов. Ши Чаои также посулил уйгурам богатую добычу, если они придут в Китай, чтобы навести порядок. Уйгуры, чьи политические противники – поселившиеся ранее в Китае восточные тюрки, были практически истреблены в ходе войны с повстанцами, согласились оказать помощь Ши Чаои. В сентябре 762 г. уйгурский Бёгю-каган с огромным войском появился на северных рубежах Китая, наведя ужас на танский двор [Maskerras 1968, с. 29]. Только вмешательство генерала Пугу Хуайэня, приходившегося тестем уйгурскому кагану, помогло не только предотвратить поход уйгуров в Чаньань, но и направить их против самих повстанцев [ЦТШ, гл. 195, 56].

Союз с уйгурами сыграл решающую роль в очередном столкновении повстанцев и правительственных сил. Решающее сражение уйгурской армии с повстанцами состоялось на севере Лояна 20 ноября 762 года. Любопытно, что один из советников Ши Чаои убеждал его не вступать в бой, если на стороне правительственных сил будут воевать уйгуры, а отойти и защищать Хэян. В сражении повстанцы были полностью разгромлены, а Ши Чаои бежал на восток страны.

Вскоре вся провинция Хэбэй была возвращена под контроль танской династии. Сын генерала Пугу Хуайэня вместе с уйгурской конницей преследовал Ши Чаои. Отступив в Пинчжоу (возле современного Пекина), Ши Чаои понял безысходность своего положения и покончил с собой. Военный губернатор Фаньяна Ли Хуайсянь, бывший генерал повстанцев, оставленный танской администрацией на своем посту, отрубил голову Ши Чаои и переслал ее в столицу 17 февраля 763 г. [Pulleyblank 1976, с. 46].

Так завершилось грозное антитанское восстание, которое последовательно возглавляли Ань Лушань, Ань Цинсюй, Ши Сымин и Ши Чаои. Это восстание «четырёх согдийцев» поставило танскую династию на грань гибели, но было подавлено с помощью уйгурской армии. Танской династии удалось сохранить свою власть, но ее упадок был уже предрешен.

Восстание Ань Лушаня-Ши Чаои поставило тюрков и согдийцев, живших в Китае, перед выбором – либо вступить в ряды повстанцев, либо поддержать правительственные силы. Отношение к этому было неодинаковым у разных групп населения. Часть тюркских и ираноязычных племен безоговорочно поддержала восставших и активно участвовала в военных действиях против танских сил, другая часть с самого начала встала на защиту танской династии. Вместе с тем было немало людей, сменявших верность сюзерену, переходя из одного враждующего лагеря в другой. Анализ сведений танских источников позволяет выявить, какую позицию занимали те или иные этнические группы во время восстания.

Тюрки и огузы во время восстания Ань Лушаня-Ши Чаои

Немаловажную роль в подавлении восстания Ань Лушаня и его преемников и реставрации танской власти на территории Китая сыграли уйгуры, оказав военную помощь танской династии. В период децентрализации власти в Танской империи власть уйгуров в степи набирала силу, и уйгурские каганы смогли не только подавить мятежи в степи и укрепить свою власть, но и расширить границы Уйгурского каганата в северном и западном направлениях, подчинив племена

Южной Сибири и установив контроль над некоторыми оазисами Восточного Туркестана [Восточный Туркестан 1992, с. 147-152].

За период восстания Ань Лушаня-Ши Чаои уйгурские вспомогательные войска совершили четыре похода в Китай – в 756, 757, 758 и 762 годы. Участвуя во внутренних войнах в Китае, уйгуры, прежде всего, преследовали экономическую выгоду: все походы уйгуров, за исключением первого из них, щедро оплачивались танской династией, не говоря уже о том, что походы приносили им крупную военную добычу. Стремление уйгуров к наживе неоднократно подчеркивается в китайских источниках. Так, Сыма Гуан отмечает, что накануне сражения за Чанъань в 757 г. император Су-цзун, «желая скорее возвратить столицу, заключил с уйгурами соглашение, гласившее: «в тот день, когда будет взят город, земля и народ вернутся к Танам, а сокровища, юноши и девушки достанутся уйгурам»» [ЦЧТЦ, гл. 220, с. 7034]. Это соглашение было реализовано после возвращения восточной столицы (Лоян), которую уйгуры грабили в течение трех дней. Лоян и другие китайские города и деревни подвергались грабежу уйгуров и во время последующих их походов в Срединное государство.

Вместе с тем уйгурские походы в Китай преследовали и военно-политические цели, которые, хотя и не указываются прямо в источниках, но могут быть установлены путем анализа исторических фактов. Попытки определить военно-политические мотивы уйгурской помощи предпринимались лишь Л.Н. Гумилевым и Л. Мозесом. Л.Н. Гумилев считал, что целью уйгурских походов в Китай было уничтожение танской императорской армии, которое «сулило Уйгурскому ханству полную независимость» [Гумилев 1967, с. 395]. В частности, он писал: «В сентябре 756 г. уйгуры и тибетцы предложили свою помощь для подавления восстания. В данном случае политический вопрос совпал с личным. Уничтожение повстанцев означало уничтожение императорской армии, а война внутри Китая сулила богатую добычу» [Гумилев 1967, с. 394]. Иными словами, по Л.Н. Гумилеву, уйгуры, помогая бороться с повстанцами, ускоряли уничтожение танской армии и тем самым способствовали ослаблению танского государства, а это, в свою очередь, укрепляло независимость Уйгурского каганата. Если даже допустить, что уйгуры добивались ослабления Китая, вряд ли для этого им необходимо было участвовать во внутренних войнах

в Китае, которые и без того разоряли эту страну. Более того, самостоятельность уйгурского государства в это время не зависела от слабости или могущества Китая. Таким образом, несостоятельность трактовки Л.Н. Гумилевым военно-политических целей уйгурских походов в Китай очевидна.

Еще одна интересная мысль о мотивах уйгурской помощи Танам была высказана Л. Мозесом. По его мнению, уйгуров привлекло в Китай не чувство долга перед своим сюзереном – танским императором, как об этом пишут китайские историографы, а их враждебное отношение к предводителю повстанцев Ань Лушаню, который, как известно, по материнской линии происходил из тюркского рода Ашидэ [Moses 1976, с. 79]. Происхождение Ань Лушаня едва ли может служить основанием для вывода о враждебном отношении к нему уйгуров, так как тот был больше согдийцем, чем тюрком. Кроме того, таких высокопоставленных иноземцев, как Ань Лушань, имевших смешанное происхождение, было немало и в правительственных войсках, совместно с которыми уйгуры воевали против повстанцев. Например, к ним относился упоминавшийся танский генерал Гэ Шухань. Хотя мнение Л. Мозеса и не лишено рационального зерна, в целом оно также не может считаться обоснованным. Тем самым, признавая существование военно-политических мотивов уйгурских походов в Китай, названные ученые не сумели раскрыть их. Эти мотивы, на наш взгляд, могут быть выявлены при изучении сведений, касающихся первого уйгурского похода в Ордос, состоявшегося в 756 году. Этот поход, являвшийся первой совместной уйгуро-танской военной акцией против повстанцев, остается практически неизученным эпизодом внутренних войн в Китае, что в значительной мере объясняется скудостью сведений о нем в китайских источниках.

Прежде чем дать оценку этому походу, обратимся к обстановке в Китае, сложившейся накануне этого события и более подробно рассмотрим события, приведшие к появлению уйгурской армии на севере страны. Первые месяцы восстания Ань Лушаня были чрезвычайно успешными для повстанцев. Примерно через месяц после выступления из Фаньяна они без особых усилий захватили восточную столицу. Заняв Лоян, Ань Лушань не сразу двинул войска на западную столицу, что дало возможность правительственным силам организовать

оборону Чанъани [Pulleyblank 1955, с. 40-41]. Вместе с тем правительственными войсками было начато успешное контрнаступление в провинции Хэбэй. Здесь танские генералы Го Цзыи и Ли Гуанби совершили рейд в тыл повстанцев и с боями дошли до города Болин (совр. Баодин). Однако успешное наступление танской армии в Хэбэе было свернуто в середине 756 г., когда повстанцам удалось захватить западную столицу. Потеря Чанъани резко изменила складывавшееся в пользу танской династии соотношение сил. Император Сюань-цзун вынужден был бежать из столицы в Сычуань, а организация борьбы с мятежниками была возложена на наследного принца Ли Хэна. В 7-м месяце 756 г. Ли Хэн прибыл с войсками в Линьфу (в Шофане), где был провозглашен императором Су-цзуном. Шофан стал плацдармом для правительственных войск. Сюда, оставив позиции в Хэбэе возвратились армии генералов Го Цзыи и Ли Гуанби, а Хэбэй вновь полностью перешел под контроль повстанцев. Китай, таким образом, оказался в это время расколотым на две части. Правительственные войска удерживали позиции на севере – Шофан с центром в Линьфу, и на юге – район реки Янцзы. Наибольшее значение для борьбы с повстанцами имел север, так как там сконцентрировались самые боеспособные танские силы.

В тот же 7-й месяц 756 г. из Чанъани в Шофан со своим подразделением бежал один из военачальников Ань Лушаня тюрок Ашина Цунли. Об этом событии рассказывает Сыма Гуан: «Тонгра и тюрки, участвовавшие в мятеже Ань Лушаня, расположились в парке Чанъани. В день цзясяюй [они] бежали на север в Шофан» [ЦЧТЦ, гл. 218, с. 6968]. Ашина Цунли был одним из тюркских предводителей, служивших в войсках Ань Лушаня. Хотя он и принадлежал к тюркской династии Ашина, его имя не упоминается среди представителей тюркской аристократии, бежавших в Китай в период распада Тюркского каганата. Возможно, в то время Ашина Цунли не имел достаточного влияния среди тюрок.

Ашина Цунли, как и многие другие иноземные военачальники повстанцев, принимал участие в захвате Чанъани. Причины, побудившие его изменить повстанцам в самое благоприятное для них время, когда они контролировали обе танские столицы и почти весь северо-восток Китая, до сих пор оставались неясными [Pulleyblank 1976,

с. 44]. Поскольку Ашина Цунли изменил Ань Лушаню, то следовало ожидать, что он перейдет на сторону танских правительственных сил – переход военачальников из одного лагеря в другой был достаточно распространенным явлением во время восстания. Именно так, по-видимому, и был воспринят поступок Ашина Цунли танским императором, который, узнав о его прибытии в Шофан, поспешил привлечь его на свою сторону. Однако к нему перешла лишь незначительная часть подчиненных Ашина Цунли, а сам он не только не думал поступать на службу танской династии, но начал совершать набеги на позиции правительственных войск.

Тем временем численность войск Ашина Цунли значительно возросла за счет включения в них местного некитайского, преимущественно согдийского, населения Шофана. По некоторым немного преувеличенным данным, Ашина Цунли собрал несколько десятков тысяч человек на севере воеводства Цзинлюэ, располагавшегося примерно в 600 ли (около 300 км) от императорской ставки в Линъю [ЦЧТЦ, гл. 218, с. 6997]. Враждебность, проявленная Ашина Цунли в отношении правительственных сил, дала основание некоторым историографам считать, что измена его Ань Лушаню была «ложной», а побег в Шофан был предпринят намеренно в интересах повстанцев с тем, чтобы, угрожая танским войскам с тыла, отвлечь их внимание от наступления на столицу. Маловероятность такого мнения была обоснована еще сунским историографом Ху Саньсином [Цэнь 1958а, с. 492].

Существование на территории Шофана враждебных войск под руководством Ашина Цунли действительно угрожало правительственным силам и вызывало серьезную заботу Су-цзуна. Поэтому он решил ликвидировать их и с этой целью послал против них армию генерала Пугу Хуайэня, размещавшуюся ранее в воеводстве Тэньдэ в западной части большой излучины Хуанхэ. Источники сообщают о том, что Пугу Хуайэнь вступил в сражение с токуз-огузским племенем *тонгра*, входившим в состав войск Ашина Цунли. Хотя это сражение закончилось поражением *тонгра*, войска последнего сохраняли боеспособность, и китайское командование поняло, что не может с находившимися в его распоряжении силами ликвидировать угрозу, которую представлял Ашина Цунли. Поэтому вскоре император направил

посольство к уйгурскому Элетмиш-бильге кагану с просьбой оказать военную помощь. В состав посольства входили танский принц Ли Чэншэнь, генералы Пугу Хуайэнь и Ши Динфань. Прибытие посольства в ставку кагана «Цзычжи тунцзянь» датирует 10-м месяцем 756 г. [ЦТЦ, гл. 219, с. 7005].

Из Ордубалька танское посольство возвратилось в сопровождении уйгурского посланника Гэлочжи, который был принят Су-цзунном в своей новой ставке в Пэньюани, находившейся юго-восточнее Линьу, ближе к западной столице. Очевидно, уйгурский посланник обсуждал с императором план конкретных совместных военных действий против Ашина Цунли.

Краткие сведения об уйгурских войсках, появившихся в Ордо-се в 11-м месяце, и последующих боевых действиях объединенных уйгуро-танских сил в этом районе содержатся в «Повествовании об уйгурах» «Синь Тан шу», биографиях Го Цзыи и Ши Сымина обеих танских династийных историй, а также в «Цзычжи тунцзянь». Обратимся к текстам источников:

«Тогда каган сам повел [войска], объединился с цзедуши Шофана, пошел на тонгра и всех иноземцев, разбил их на реке [Хуанхэ]. При встрече с [Го] Цзыи в долине Хуяньгу каган, опираясь на свою силу, вывел [Го] Цзыи перед строем войск и заставил его поклониться волчьему знамени, и [только] после этого встретился с ним» [СТШ, гл. 217А, 3а].

«Инь Цзыци с пятитысячной конницей перешел Хуанхэ, вторгся в Бэйхай, хотел направиться на юг захватить [области рек] Цзян и Хуай. Как раз в это время уйгурский каган прислал своего подчиненного Гэлочжи с войсками оказать помощь [Танам]. Ранее [Гэлочжи] с двумя тысячами всадников прибыл под стены Фаньяна. [Инь] Цзыци, услышав об этом, поспешил увести войска обратно [в Фаньян]» [ЦТЦ, гл. 219, с. 7006-7007].

«Как раз в это время две тысячи уйгурских всадников внезапно прибыли в Фаньян. В Фаньяне два дня ворота были заперты. После этого [уйгуры] направились в Тайюань, [Инь] Цзыци прошел тысячу ли, чтобы оказать ему (т.е. Фаньяну) помощь» [ЦТШ, гл. 200А].

«В 11-м месяце генерал злодеев Ашина Цунли с пятью тысячами всадников тунло (*тонгра*) и пугу вышел за рубежи, завлек несколько

десятков тысяч [человек] из племен ху девяти губернаторств и шести округов Хэцюя, хотел заставить их действовать вместе [с ним]. [Го] Цзыи выступил с уйгурским старейшиной Гэлочжи, атаковал и разбил их. Было обезглавлено и взято в плен несколько десятков тысяч человек» [ЦТШ, гл. 120, 2а].

В приведенных сообщениях речь идет о двух событиях – походе двухтысячной уйгурской конницы Гэлочжи в Фаньян, который они подвергли двухдневной осаде, и сражении танско-уйгурских сил с войсками Ашина Цунли в Ордосе. Долина Хуяньгу (у Сыма Гуана – Дайханьгу), в которой произошло сражение, находилась, согласно «Синь Тан шу», в 80 *ли* к северо-востоку от танской крепости Средний Шоусян [ЦЧТЦ, гл. 219, с. 7007; СТШ, гл. 43, с. 76].

Из всех источников только «Синь Тан шу» сообщает об участии уйгурского Элетмиш Бильге-кагана (Баян-чора) в походе на Ордос, в то время как все остальные говорят о руководстве уйгурскими войсками Гэлочжи. Ханеда Тору считал сведение «Синь Тан шу» ошибочным, исходя из того, что Сыма Гуан в своем сочинении не упоминает о кагане [Ханеда 1957а, с. 194-195]. К. Макеррас отнесся с доверием к сообщению «Синь Тан шу» [Макеррас 1972, с. 17]. Нам также кажется возможным доверять составителям новой танской династийной истории, так как они приводят описание довольно конкретного события: встречи кагана с танским генералом Го Цзыи. Вряд ли этот эпизод, воспроизводящий совершенно нелестную для Китая сцену поклонения танского военачальника волчьему знамени «варваров», могли упомянуть составители новой обработанной редакции танской династийной истории, если бы он на самом деле не имел места.

Из всего сказанного выше возможна следующая реконструкция событий, связанных с действиями уйгурских войск в Ордосе. Уйгурский Элетмиш Бильге-каган принял танское посольство в Ордубалыке в 9-10-х месяцах 756 года. В 11-м месяце каган прибыл с войсками в Ордос. Численность его войск не указывается в источниках – очевидно, она была значительной, так как каганы ходили в походы с большим войском. Накануне этого, двухтысячная конница во главе с Гэлочжи была направлена уйгурами в Фаньян. При этом следует заметить, что она прибыла туда в очень удобное время, когда из Фаньяна ушел основной контингент повстанцев: вероятно, уйгуры рас-

считывали без усилий захватить этот город. Однако возвращение повстанческих сил генерала Инь Цзыци заставило их покинуть Фаньян и уйти в Тайюань, а оттуда примкнуть в Ордосе к уйгурской армии Элетмиш Бильге-кагана.

Тот факт, что уйгурскими войсками командовал лично каган, свидетельствует о большой значимости похода в Ордос для уйгуров. Последующие походы уйгуров в Китай, которые представляли больше интерес для танской династии, чем для уйгуров, возглавлялись сыновьями Элетмиш Бильге-кагана. В 757 г. во главе уйгурского контингента находился старший его сын Кутлуг Бильге-ябгу, а в 759 г. – его третий сын Кутлуг Чор тегин. Бёгю-каган (759-779 гг.), второй сын и наследник трона, лично возглавил поход в Китай в 762 году. Значение, придававшееся уйгурами походу в Ордос, можно объяснить той чрезвычайной угрозой для уйгурской власти, которую представлял Ашина Цунли: ведь он, представитель тюркской династии Ашина, мог претендовать на реставрацию тюркской власти в степи. Очевидно, именно поэтому Ашина Цунли, изменив Ань Лушаню, не стремился к сотрудничеству с танской династией, а стал накапливать силы в Ордосе для предстоящей борьбы с уйгурами. В этой связи обратим внимание на тот факт, что Ашина Цунли опирался не только на тюрков, но и на силы тех токуз-огузов, которые не поддерживали уйгуров в их борьбе за господство в степи. Среди них, в частности, были группы из племен *тонгра*, *абуз*, *пугу* [Цэнь 1958а, с. 492-493].

В условиях, когда в Уйгурском каганате еще не утихли внутренние войны, опасность возобновления их с еще большей силой с прибытием в степь из Китая тюрко-огузского войска Ашина Цунли, который в представлениях кочевников имел законное право на власть как представитель правящего рода тюрков, была вполне реальной.

Угроза со стороны Ашина Цунли была достойно оценена Элетмиш Бильге-каганом, который за очень короткое время собрал войска, чтобы ликвидировать ее. Тем более для этого представился благоприятный случай: танская династия оказалась также заинтересованной в уничтожении Ашина Цунли, который грабежами препятствовал подготовке к генеральному наступлению на столицу. Правительственные войска не могли начать наступление, не ликвидировав в своем тылу враждебные им войска Ашина Цунли. Однако сами, без участия уй-

гуров, они не могли вступить с ними в войну, ибо в лучшем случае эта война обескровила бы их. Тем самым в ликвидации войск Ашина Цунли были заинтересованы обе стороны – и уйгурская династия Яглакар, и танская династия, поэтому она была осуществлена за столь короткое время и столь внушительными силами.

При разгроме войска Ашина Цунли сам предводитель не был убит. Его имя упоминается в источниках в сообщениях о событиях в 757 г. наряду с именем другого знатного тюрка Ашина Чэнцина. Очевидно, после поражения в Ордосе Ашина Цунли бежал снова к повстанцам и нашел убежище у своего сородича [СТШ, гл. 225, с. 6422].

Поход Элетмиш Бильге-кагана в Ордос в 756 г. вряд ли мог быть обойденным в уйгурской надписи из Могойн Шине Усу. В ней рассказывается: «Я слышал, что император Китая бежал [из столицы Чанъань]...я оставил [покинул?] его сына...народ...я разбил [их]. Оставаясь там, я вывесил флаг удачи для его шатра (или: лагеря). Мой царский шатер широк...В 6-й день 2-го месяца, он вернулся в мой [царский] шатер» (по Т. Мориясу) [Moriyasu 1999, с. 185]. Можно предположить, что в надписи речь идет о возвращении кагана в свою ставку после похода в Ордос. Указанная дата и дата сражения танско-уйгурских сил с войсками Ашина Цунли, имеющаяся в танских источниках – 7 число 12 месяца 756 г., не только не противоречат такому предположению, но и свидетельствуют в его пользу, если считать, что каган возвратился в «царский шатер» в начале 757 г. (год Курицы), т.е. через три месяца после разгрома войск Ашина Цунли.

Таким образом, анализ китайских сведения о первом походе уйгуров в Китай во время восстания Ань Лушаня – Ши Чаои позволяет сделать вывод о том, что целью этого похода было предотвращение вторжения на территорию Уйгурского каганата тюрко-огузского войска, возглавляемого представителем царской династии Ашина.

Изучение похода уйгуров в Ордос, на наш взгляд, дает ответ на вопрос о военно-политических мотивах участия уйгуров во внутренних войнах в Китае. Ашина Цунли, против которого был направлен поход, как и Абуз-ябгу, показал, что тюрки, бежавшие в Китай во время крушения Тюркского каганата в 742-745 гг., не потеряли надежды на возрождение утерянной государственности и потому не перестали представлять опасность для уйгурской власти. Впрочем, о реальности

возвращения тюрков в степь должно было свидетельствовать недавнее историческое прошлое как тюрков, так и самих уйгуров, которые по тем или иным причинам поселялись в Китае, но по истечении времени возвращались в степь, где вновь вступали в борьбу за власть.

Вместе с тем, совместные боевые действия уйгуров и танских войск в Ордосе показали, что тюркская угроза может быть ликвидирована в ходе дальнейшего участия уйгуров в войне в Китае. Дело в том, что во время восстания Ань Лушаня произошло довольно резкое размежевание между огузами и тюрками, находившимися на службе у Танской империи. Основная часть огузов осталась верной танской династии и воевала в составе правительственных войск. Сюда входили соплеменники танских генералов Пугу Хуайэня и Хунь Шичжи. Правда, существовала другая, менее крупная группа огузов из тонгра, служивших в армии Ань Лушаня, однако, в конечном итоге она тоже покинула лагерь повстанцев: часть их ушла в Ордос вместе с Ашина Цунли, а остатки в 757 г. вернулись в степь. Тюрки, наоборот, были тесно связаны с повстанцами. После подчинения танской власти в 740-х гг. они были размещены в округах, находившихся в ведении Ань Лушаня, и в последующем вошли в состав повстанческих войск. Известно, что один из самых влиятельных тюрков Ашина Чжэнцин был ближайшим соратником Ань Лушаня. Его имя называется среди генералов, которые являлись «когтями и зубами» армии Ань Лушаня [ЦЧТЦ, гл. 216, с. 6905-6906]. Ашина Чжэнцин поддерживал повстанцев до самого конца восстания [Levy 1960, с. 41].

О значительном тюркском влиянии в лагере повстанцев свидетельствует дошедшая до нас бронзовая монета, отлитая в правление мятежного «императора» Ши Сымина. Эта монета, найденная в с. Каптырево Хакасии и хранящаяся в Минусинском музее, описана А.С. Аманжоловым [Аманжолов 1974, с. 137-140]. На монете имеются надписи на тюркском и китайском языках. Китайская надпись на аверсе гласит *шуньтянь юаньбао* (первая монета Шуньтянь), где *шуньтянь* – девиз правления Ши Сымина, соответствует 759 году. Тюркская руника на реверсе монеты реконструирована А.С. Аманжоловым: «тысяча бакыров (денежная единица) – дом для младшего сына» [Аманжолов 1974, с. 138]. Наличие тюркской надписи на монете ученый связывает с тюркским происхождением Ши Сымина, а появление ее на Енисее

– с уйгурами, распространившими в 758 г. свою власть на страну енисейских кыргызов. Действительно, Ши Сымин, как и Ань Лушань, был выходцем из тюркской среды смешанного происхождения (кит. *туцзюэ цзачжун хужэнь*) [СТШ, гл. 225, с. 6426]. Тюркская надпись на монете, если она была отчеканена в лагере повстанцев, говорит о значительной доле тюрков как в повстанческих войсках, так среди населения северного и северо-восточного Китая, для которого она предназначалась.

Участие уйгуров в подавлении восстания Ань Лушаня – Ши Чаои могло означать для них продолжение войны с тюрками, находившимися в рядах повстанцев. В ходе войны с повстанцами уйгурам удалось с помощью танских войск, в состав которых входили родственные им огузы, уничтожить наиболее боеспособную часть тюрков и обеспечить безопасность своих южных рубежей. Неслучайно в период после восстания тюрки практически перестают играть какую-либо роль в событиях внутри Китая и исчезают со страниц китайских исторических сочинений.

Таким образом, военно-политические цели уйгурских походов в Китай во время восстания Ань Лушаня – Ши Чаои заключались не только в получении экономической выгоды, но в том, чтобы ликвидировать угрозу реставрации тюркской государственности, сохранявшуюся в первое десятилетие существования Уйгурского каганата. Совпадение в это время интересов двух правящих домов – Яглакаров и Танов, позволило им, объединив усилия, подавить антитанское восстание и окончательно разгромить участвовавших в нем тюрков.

Походы уйгуров в Китай

Ликвидация угрозы со стороны Ашина Цунли позволила танской династии в последующем сосредоточить внимание на подготовке генерального наступления на столицы, находившиеся в руках мятежников. Уже в начале 757 г. император Су-цзун собрал в верховьях реки Вэй (в районе Фэнсяна) огромное войско, состоящее из 150-200 тыс. человек [Franke 1936, с. 458], но наступление правительственных сил началось только в конце года.

В возвращении столиц участвовала четырехтысячная уйгурская конница, направленная Элетмиш Бильге-каганом в соответствии с заключенной ранее договоренностью. Перед прибытием уйгуров в Китай танский император и уйгурский каган обменялись дипломатическими актами, свидетельствовавшими об их дружественном расположении друг к другу: Су-цзун пожаловал титул *бильге гунчуй* уйгурской принцессе, которая накануне была выдана замуж за танского принца Ли Чэншэня, а Элетмиш Бильге-каган наградил последнего титулом *ябгу*.

Первые подразделения уйгурских войск во главе с генералом Долань явились в Китай в июле 757 года. Две уйгурские надписи упоминают контакты уйгурского кагана с танским императором в связи с восстанием в Китае. Это – уже приводившаяся выше надпись Могойн Шине усу и один из фрагментов уйгурского текста из Турфана, хранящегося в берлинской коллекции [Mogiyasu 2003, с. 49-52].

Основной корпус уйгурских сил прибыл намного позднее. Их возглавил старший сын Элетмиш Бильге-кагана, именуемый в китайских источниках – Ябгу, а Терхинской надписи – Кутлуг Бильге Ябгу [Кляшторный 1980а, с. 93, стк. 12]. Уйгурская конница по прибытии в Китай была направлена в распоряжение шофанской армии и вошла в состав войск генерала Пугу Хуайэня.

Ябгу был тепло принят главнокомандующим танскими силами наследным принцем Ли Шу (будущим императором Дай-цзуном), а затем командующим шофанской армии Го Цзыи, который устроил трехдневное пиршество уйгурским вождям в Фэнсяне. Выступление правительственных сил и уйгуров началось 11 ноября 757 г. [Maskerras 1968, с. 5]. Подступы к западной столице – Чанъани, к которой они двинулись, надежно оборонялись повстанцами. В лагере последних уже в начале года произошло важное событие – Ань Лушань был убит своими приближенными, и повстанцев возглавил его сын Ань Цинсюй, хотя фактическое руководство перешло в руки военачальника Янь Чжуана.

Первое крупное сражение, в котором отличились уйгуры, состоялось 13 ноября на западе реки Фэн возле храма Сянцзи. Как описывают источники, повстанцы сумели обойти правительственные войска и войти к ним с тыла. Однако уйгурская конница во главе с Пугу Ху-

айэнем вступила с ними в бой и обратила их в бегство. После этого сражения правительственные войска без особых усилий подошли к Чанъани. Бой за Чанъань был кровопролитным – по несколько преувеличенным данным «Синь Тан шу» и «Цзычжи тунцзянь», при взятии города погибло около 60 тысяч повстанцев. Часть мятежников во главе с согдийцем Ань Шоучжунном бежала на восток [Levy 1960, с. 82].

Танскому принцу с большим трудом удалось уговорить уйгурско-го Ябгу воздержаться от грабежа до возвращения восточной столицы – Лояна. Испытанное им при этом унижение было воспринято танским двором как проявление высокого искусства дипломатического обхождения с «варварами».

Захватив Чанъань, правительственные войска вместе с уйгурским контингентом немедленно двинулись в поход на Лоян. Решающим сражением на пути в Лоян стало сражение в местечке Синьдянь. Перед этим сражением уйгуры расположились на западе Шаньчжоу, в месте слияния рек Вэй и Хуанхэ. Ябгу послал генерала Чэбиши Тубо Пэйло уничтожить повстанческий отряд, засевший в горах неподалеку. Уйгуры, разбив этих мятежников, овладели выгодной позицией. Тем временем Го Цзыи вступил в сражение с повстанцами в Синьдяне. Сначала успех сопутствовал ему, но затем повстанцы начали теснить его войска, ряды которых пришли в беспорядок. Уйгуры, находясь на склоне горы Наньшань, наблюдали за ходом боя, и в критический момент пришли на помощь Го Цзыи. Они «перешли западные склоны и, неся белые знамена, поспешили атаковать» мятежников. Дальнейшие их действия в «Цзычжи тунцзянь» описаны так: «уйгуры из Наньшаня напали на них сзади, в желтой пыли выпустили около десяти стрел. Злодеи испуганно обернулись: «Уйгуры пришли!» и тотчас рассеялись. Правительственные войска вместе с уйгурами с двух сторон ударили по ним. Злодеи были разгромлены» [ЦЧТЦ, гл. 220, с. 7040]. Повстанческие генералы Янь Чжуан и Чжан Тунжу, возглавлявшие войска в этом сражении, бежали в Лоян. Узнав о поражении сил, защищавших подступы к Лояну, Ань Цинсюй вместе с приближенными бежал на север. 3 декабря 757 г. правительственные силы вошли в покинутый повстанцами Лоян. На этот раз Лоян был передан на разграбление уйгурам, которые грабили его до тех пор, пока жители не

преподнесли им в дар десять тысяч кусков шелка [ЦТШ, гл. 195, с. 36].

Ябгу, вернувшись из Лояна в Чанъань, был принят императором Су-цзуном. Был издан указ, восхваляющий доблести уйгурского Ябгу и его заслуги в возвращении двух танских столиц. Су-цзун пожаловал Ябгу высокую должность *сыкун*, высший титул князь *Чжунъи* и приказал ежегодно посылать ему по 20 тысяч кусков шелка. В «Тан да чжаолин цзи» (Собрание великих указов Тан, гл. 129) помещен указ о награждении титулом уйгурского кагана, в котором говорится, что танский двор будет ежегодно отправлять ему пятьдесят тысяч кусков шелка. Согласно «Цзю Тан шу», титул был пожалован Баян-чору 31 августа 758 года. Исходя из этого, Ма Цзюньминь считает, что вознаграждение в 20 тысяч кусков шелка в год было предназначено лично принцу Ябгу [Ма 1984, с. 75].

После захвата двух танских столиц Ябгу вернулся домой. Он обосновал необходимость возвращения в степь недостатком боевых лошадей: «Уйгурские воины для сражения останутся в Шаюане (в округе Тунчжоу на северо-востоке Чанъани – А.К.). Но я должен идти обратно в Лин[чжоу] и Ся[чжоу], чтобы собрать лошадей. Затем мы возвратимся в Фанъань и уничтожим оставшихся повстанцев» [ЦТШ, гл. 195, 36]. Однако он больше не появился в Китае. На основе сообщений о том, что уйгуры в 758 г. разбили енисейских кыргызов, принято считать, что Ябгу по возвращении домой участвовал в походе на кыргызов. Скорее всего, он был замешан в мятеже *секиз-огузов*, о котором рассказывается в уйгурских рунических надписях, так как известно, что он был казнен за совершенное им преступление.

Интересно отметить, что к уйгурскому походу 757 г. может иметь отношение найденная в Сиане (бывш. Чанъань) двухязычная надгробная надпись уйгурского Кары-чор тегина из рода Яглакар, находившегося при танском дворе до своей смерти в 795 году. Надпись сообщает, что дедом Кары-чор тегина был некий Чабыш-тегин (*Чэ-биши-тэцзинь*), которого ученые идентифицируют с уйгурским генералом Чэбиши Тубо Пэйло, командовавшим уйгурским войском в описанном выше походе в Китай [Ло Синь 2013, с. 448].

Возвращение столиц еще не означало полного уничтожения повстанцев, до окончательного подавления восстания было еще далеко.

Под властью повстанцев находились семь северных провинций и более шестидесяти городов Китая. После взятия Лояна танские силы не смогли организовать преследование противника, дав тем самым ему возможность закрепиться на новых позициях. Ань Цинсуй, покинув Лоян, объявил своей столицей город Аньян (другое название: «Е»), расположенный на юге Хэбэя.

Осенью 758 г. был заключен первый в истории танско-уйгурских отношений династийный брак между танским домом и уйгурами. Император Су-цзун выдал свою дочь принцессу Нинго за Элетмиш Бильге-кагана, а дочь генерала Пугу Хуайэня – за наследного принца Идицзяня (будущего Бёгю-кагана). Посольство, сопровождавшее принцессу Нинго в Ордубалык, было встречено Элетмиш Бильге-каганом довольно холодно. Тем не менее, каган направил в Китай еще один военный контингент. Трехтысячную уйгурскую конницу на этот раз возглавлял третий сын кагана Кутлуг чор-тегин. Уйгурская конница прибыла в Китай в 8-м месяце 758 г. [ЦТШ, гл. 195, 4б]. Поход танской армии и уйгуров в Аньян (Сянчжоу) оказался неудачным. Причины неудачи уже обсуждались выше. После поражения в Сянчжоу уйгуры вместе с танскими армиями отступили. О прибытии в Чанъань Кутлуг Чор-тегина, а также уйгурского министра Дидэ и других военачальников в день жэнь-у 3-го месяца 759 г. сообщается в «Цзю Тан шу» [Maskerras 1968, с. 21]. Кутлуг Чор-тегин, награжденный танским двором за участие в военной операции высокими титулами и подарками, вскоре отбыл домой [ЦТШ, гл. 195, 5а].

В начале 761 г. Ли Гуанби получил приказ императора оставить занимаемую позицию и идти в поход на Лоян. В данных условиях задача, поставленная перед Ли Гуанби – возвращение Лояна, была практически невыполнимой, и дворцовые евнухи, по наущению которых был дан этот приказ, посылали его на верную гибель. Битва войск Ли Гуанби с повстанцами у горы Маншань закончилась полным поражением. В поражении Ли Гуанби был отчасти повинен Пугу Хуайэнь, не выполнивший его приказа. В результате этой непродуманной акции застава осталась без защиты, а путь в Чанъань – открытым для мятежников. Только благодаря разногласиям в руководстве повстанцев Чанъань не был занят ими. Разногласия возникли из-за смерти Ши Сымина, убитого группировкой его сына Ши Чаои. Наступившее рав-

новесие противоборствующих сил в это время могло разрешить только вмешательство извне. Ши Чаои первым оценил новую ситуацию и, как только стало известно о смерти императора Су-цзуна и его отца Сюань-цзуна, обратился за помощью к уйгурам.

В Уйгурском каганате с середины 759 г. правил сын Элетмиш Бильге-кагана – Идицзянь (Идигянь, Иди кенч?), правивший под титулами *Бёгю-каган* (кит. *Моуюй*) и *Тенгри-каган*. Согласно танским источникам, Ши Чаои, призывая уйгуров, говорил им: «Сын Неба танского дома долгое время пребывает в великом трауре (по умершим императорам Сюань-цзуну и Су-цзуну – *А.К.*). В государстве смута и нет правителя. Прошу направить войска, чтобы захватить казну» [ЦТШ, гл. 195, 5б]. Об обращении Ши Чаои за помощью к уйгурам сообщает и Карабалгасунская надпись, но, согласно ее интерпретации, уйгурский каган отказал в помощи мятежникам [Васильев 1897, с. 22].

Более достоверную картину рисуют танские источники: Бёгю-каган согласился поддержать Ши Чаои, привлеченный крупной добычей, которую он посулил уйгурам. В 8-м месяце 762 г. огромное уйгурское войско во главе с каганом двинулось в Китай. В это время к уйгурам направил посланника и новый император Дай-цзун (762-778 гг.). Его посланник Лю Цинтань встретил уйгуров в районе севернее излучины Хуанхэ. Попытки Лю Цинтаня убедить кагана оказать помощь танской династии не возымели действия. Как сообщает «Цзю Тан шу», уйгуры «увидели заброшенные города, в которых не было гарнизонов, и пришедшие в запустенье округа и уезды. Они прониклись презрением к Тан. Тогда они направили посланника на север в шаньюево наместничество (Чжэньи – *А.К.*) захватить лошадей, склады и провиант» [ЦТШ, гл. 195, 5а]. Подвергшийся оскорблениям посланник прислал извещение, которое привело в трепет императорский двор. Он сообщил, что Тэнгри-каган идет походом на столицу со своим сотысячным войском. Тогда императору пришлось направить навстречу уйгурам еще одного посланника Яо Цзыана, который встретился с уйгурами в Тайюане. Этот эмиссар имел задание установить точное число уйгуров. По его данным, у уйгуров, «способных носить оружие, было 4 тысячи человек, стариков, детей и женщин всего было около 10 тысяч [человек], боевых лошадей было 40 тысяч, коров и овец неисчислимое количество» [ЦТШ, гл. 195, 5б].

Танской династии удалось разрешить проблему благодаря генералу Пугу Хуайэню. Пугу Хуайэнь имел родственные связи с уйгурским каганом – в 758 г. его дочь была выдана замуж за уйгурского принца, будущего Бёгю-кагана. Возведенная в ранг главной жены правителя (уйг. *катун*), она сопровождала Бёгю-кагана в походе в Китай. По велению Дай-цзуна Пугу Хуайэнь встретился с каганом и *катун* в Тайюани и сумел уговорить своего зятя поддержать танскую династию. Восстановление союза с уйгурами предопределило исход восстания.

Из Тайюани уйгуры двинулись к восточной столице. Маршрут их движения в Лоян был выбран не сразу. Танский эмиссар хотел провести уйгуров по наименее разрушенным районам, чтобы скрыть степень разрухи в северных провинциях. Отвергнув несколько маршрутов, в конечном счете, каган выбрал путь, пролежавший через округ Шаньчжоу.

В Шаньчжоу уйгурский каган расположился лагерем. Сюда для координации действий союзных войск прибыл главнокомандующий правительственными силами наследный принц Ли Ши (будущий император Дэ-цзин). Встреча с каганом стала неприятным эпизодом в истории контактов танского дома с «варварами», который предопределил отношение будущего императора Дэ-цзуна к уйгурам в особенности и иноземцам вообще. Бёгю-каган при встрече с принцем потребовал, чтобы тот поклонился ему. Когда принц наотрез отказался делать это, каган велел взять его под стражу, а трех его высокородных приближенных наказать, назначив им по сотне ударов палкой. Двое из них скончались в ту же ночь из-за побоев [ЦТШ, 195, с. 5а]. Оскорбление, нанесенное принцу, танский двор оставил без ответа, однако этот случай сыграл свою роль в танско-уйгурских отношениях в последующий период.

Уйгурские войска, непосредственное руководство которыми осуществлял левый *шад*, вместе с армией Пугу Хуайэня находились в авангарде начавшей наступление танской армии. «Цзычжи тунцзянь» сообщает, что Ши Чаои, узнав о начале наступления правительственных сил, созвал военный совет. Тюрок Ашина Чжэньцин предложил: «Если придут только ханьские войска, то следует со всеми войсками вступить с ними в бой, если же придут с уйгурами, то невозможно противостоять их авангарду, [и поэтому] следует отойти и за-

щищать Хэян, скрывшись от них» [ЦЧТЦ, гл. 222, с. 7134]. Ши Чаои не последовал совету Ашина Чжэньцина. Повстанцы оказались не в состоянии сопротивляться объединенным танско-уйгурским силам и потерпели полное поражение. В 10-м месяце 762 г. Лоян был освобожден от мятежников. Ши Чаои с несколькими сотнями всадников бежал на восток. Его преследовал Пугу Чан, сын Пугу Хуайэня, с уйгурским отрядом. Согласно танским династийным историям, Пугу Чан настиг Ши Чаои в уезде Шичэн пограничного округа Пинчжоу на северо-востоке страны и обезглавил его. Иную версию о смерти Ши Чаои сообщает Сыма Гуан: в 1-м месяце 763 г. Ши Чаои повесился в лесу [ЦЧТЦ, гл. 222, с. 7139].

Источники подробно рассказывают о грабеже Лояна уйгурами. Сообщают, что преследуемые ими жители города заперлись в башнях двух буддийских храмов. Уйгуры подожгли башни и сожгли спрятавшихся в них людей. Пожар в Лояне не прекращался несколько месяцев. Отмечается, что было убито около 10 тысяч горожан. К грабежу уйгуров присоединились и танские солдаты.

Бёгю-каган не сразу возвратился в Ордубалык. После взятия Лояна он расположился в Хэяне, где находился три месяца [СТШ, гл. 217а, 5а]. Хэян и ближайшие селения в течение всего этого времени подвергались грабежу. «Цзычжи тунцзянь» сообщает, что «уйгуры все награбленные сокровища разместили в Хэяне и оставили своего военачальника Ань Кэ охранять их» [ЦЧТЦ, гл. 222, 7135]. Судя по фамилии, этот военачальник уйгуров имел согдийское происхождение.

Историческое значение последнего уйгурского похода в Китай заключается не только в том, что он сыграл решающую роль в подавлении восстания Ань Лушаня-Ши Чаои и восстановлении власти династии Тан в стране, но и в том, что с ним связано важнейшее событие в истории Уйгурского каганата – провозглашение манихейства государственной религией. Именно во время пребывания в Китае Бёгю-каган принял «религию света», а затем оказал ей государственную поддержку. Обращение Бёгю-кагана в манихейство умалчивается танскими источниками. Сведения об этом событии содержат китайская и согдийская версии Карабалгасунской надписи. Согласно китайской версии надписи, каган увез из Китая в свое государство четырех проповедников манихейства, одного из которых звали Жуйси [Васильев

1897, с. 23, стк. 8]. Согдийские монахи сумели «открыть уйгурам праведную религию», религию «господина Мар Мани». По словам С.Г. Кляшторного, «уйгурское манихейство, пережило Уйгурский каганат и создало в оазисах Восточного Туркестана свою культуру и искусство, свою письменную традицию на тюркском и согдийском языках. В рукописной литературе сохранилась память о Бёгю-кагане как учредителе уйгурской манихейской общины» [Кляшторный-Лившиц 1971б, с. 112].

Возвращаясь из Китая, на своем пути в Южной Гоби, Бёгю-каган поставил триумфальный камень с надписями на тюркском и согдийском языках. Установление Сэврэйского камня с надписью на согдийском языке свидетельствовало о начале новой культурной и идеологической ориентации Уйгурского каганата на согдийский Запад [Кляшторный-Лившиц 1971б].

Согдийцы на защите интересов танской династии

Восстание Ань Лушаня было поддержано значительной частью согдийцев Китая. Вместе с тем существовала и другая, достаточно большая, группа согдийцев, которая сохраняла верность танскому дому и поддерживала правительственные силы в войне с повстанцами. Одним из известных представителей этой группы был знатный согдиец Кан А-и Кюль-таркан. Биография этого предводителя согдийцев представляет большой интерес, поскольку она содержит важные сведения о согдийской общине в Тюркском каганате, о миграции согдийцев из степи в Китай, о согдийско-тюркском культурном взаимодействии и тесных связях согдийской аристократии с тюркской.

Отдельные сведения о Кан А-и Кюль-таркане уже приводились в трудах Э. Пуллиблэнка и С.Г. Кляшторного [Pulleyblank 1952, с. 339-340; Кляшторный 1964, с. 121-122]. Более полные данные о его жизни содержит текст эпитафии Кан А-и Кюль-таркана, который стал важным источником для изучения положения иноземцев в Танской империи. Он дошел до нас благодаря тому, что его автором был известный танский государственный деятель министр Янь Чжэньцин: текст эпитафии вошел в сборник сочинений этого автора, известный под на-

званием «Янь Лугун вэньцзи» (Собрание сочинений Янь Чжэньцина) [ЯЛГВЦ]. Эпитафийную надпись воспроизвел китайский исследователь Цэнь Чжунмянь в книге «Туцзюэ цзиши» (Собрание материалов по истории тюрков), изданный в 1958 г. [Цэнь 1958а, с. 850-854]. Примечательно, что танские династийные истории, которые содержат жизнеописания многих мятежных генералов, не упоминают имени Кан А-и Кюль-таркана.

Принятая в научной литературе транскрипция имени Кан А-и Кюль-таркан представляет собой не совсем удачную реконструкцию китайского *Кан А-и Цюй-дагань*, в котором первый иероглиф *Кан* представляет собой распространенную фамилию выходцев из Самарканда [Малявкин 1989, с. 236.]. Последние два иероглифа *цюй* и *дагань* легко восстанавливаются как *кюль* и *таркан* и представляют собой тюркские титулы. Для двух промежуточных знаков *А-и* до сих пор не предложены объяснения. Тем самым, в имени *Кан А-и Кюль-таркан* одна часть (*Кан А-и*) представляет собой китайскую транскрипцию, а вторая (*кюль-таркан*) – тюркскую реконструкцию.

Текст эпитафии можно условно разделить на несколько частей, в каждой из которых излагается информация определенного характера. Первая часть, следующая сразу за традиционным хвалебным введением, посвящена жизни Кан А-и Кюль-таркана в Тюркском каганате и включает важную информацию о его происхождении и заслугах перед тюркскими правителями. Повествование в этой части доведено до 742 г., когда в результате междоусобных войн в каганате и восстания подвластных тюркам племен, Кан А-и Кюль-таркан с семьей бежит в Китай. Вторая часть текста охватывает период жизни Кан А-и Кюль-таркана со времени его прибытия в Китай и службы в составе приграничной армии генерала Ань Лушаня с 742 г. до начала восстания в 755 году. Третий блок информации описывает события из жизни Кан А-и Кюль-таркана в период восстания Ань Лушаня-Ши Чаои (755-763 гг.). Особо выделяются те части текста, которые посвящены сыновьям Кан А-и Кюль-таркана и его жене. Финальная часть эпитафии содержит общую хвалебную речь о заслугах покойного, завершающуюся стихотворным текстом [Камалов 2004, с. 168-169].

Согласно эпитафии, предки Кан А-и Кюль-таркана были выходцами из согдийской колонии в Восточном Туркестане. Сообщается, что

он был родом из города Лючэн (Ивовый город). Лючэн – более позднее наименование города Лючжун на территории Турфанской области. А.Г. Малявкин локализует его в 45 км к юго-западу от современного уездного города Шаньшань в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР [Малявкин 1981, с. 173-174]. Наименование Лючэн является формой, принятой при династии Мин. Предки Кан А-и Кюль-таркана в последующем переселились из Восточного Туркестана в степь во время правления восточных тюрков.

В биографии Кан А-и Кюль-таркана особо подчеркивается, что его род был знатным и занимал высокое положение в тюркском обществе: «Его предки были из знатного рода среди 12 фамилий северных варваров (т.е. среди восточных тюрков, которые состояли из 12 племен – А.К.)» [ЯЛГВЦ, л. 7а]. Знатность его рода подтверждается высоким положением предков, равно как и его самого, в административной системе тюркского государства. Его прадед был главой (*тутуком*) согдийцев при Сели-кагане (620-630 гг.), последнем правителе Первого Восточно-тюркского каганата. Возможно, им был Кан Суми, который после подчинения тюрков Танской империи в 630 г. был назначен тутуком округа Северный Аньчжоу (Бэйаньчжоу) [Малявкин 1989, с. 153, ком. 175].

Дед Кан А-и Кюль-таркана – Кан Жань, был зятем тюркского кагана, занимал должность *дучжи бинмаши*. Эта должность была введена в Танской империи в середине VIII века. Если учесть, что Восточно-тюркский каганат не существовал как самостоятельное государство в 630-682 гг., когда тюрки находились под властью Танской империи, то, видимо, речь идет об одном из тюркских каганов, поставленных танским двором для управления подчинившихся тюрков, возможно Ашина Сымо. О последнем известно, что он был ближайшим сторонником Сели-кагана и был схвачен вместе с ним танскими войсками. Танский император «одобрил его верность» Сели-кагану и вскоре назначил его на должность *тутука* в округе Северный Кайчжоу «для управления прежним народом Сели» [Малявкин 1981, с. 74-75]. Указание на то, что он был зятем тюркского кагана свидетельствуют, что глава согдийской общины в Восточно-тюркском каганате был связан брачными узами с правящей династией Ашина.

Отец Кан А-и Кюль-таркана являлся эльтебером согдийцев при Ка-

паган-кагане (Мочжо, 691-716 гг.). Его должность описана как «офицер охраны, тутук племени» (кит. *вэйу гуань, було дуду*), в другом месте он назван чиновником канцелярии. Тот факт, что отец Кан А-и Кюль-таркана служил у Капагана, а не у его предшественника Кутлуга, может свидетельствовать о том, что он прибыл в каганат в 698 г. вместе с согдийцами Ордоса, возвращенными тюркам императрицей У Цзэ-тянь. Тем самым, его семья могла быть поселена в Северном Китае (Ордосе) в период подчинения тюрков танскому государству, а затем возвратиться в степь после возрождения Восточно-тюркского каганата. Обобщая сведения о предках Кан А-и Кюль-таркана, автор эпитафии заключает: «Все [они] имели заслуги, доблестно служили на северных окраинах» [ЯЛГВЦ, с. 7а].

Дата рождения Кан А-и Кюль-таркана устанавливается по сообщению о том, что он умер в 764 г. в возрасте 75 лет (фактически 74 лет, так как исчисление возраста у тюрков, среди которых он вырос, велось со времени зачатия), из чего можно легко вычислить, что он родился в 690 году. О ранних годах его жизни ничего не сообщается. Описание его личностных качеств является типичным для характеристики верных подданных императоров: «Правдивый и честный, верный и твердый, [он] был известен верными делами, пользовался уважением людей в государстве, был первым в [военных] планах и замыслах... Был сдержанным и сосредоточенным, не отступал от [своего] слова, не искал легкого, отказываясь от трудного; вступив на путь, следовал долгу. Когда каган ошибался, всякий раз в крайних словах настоятельно увещевал [его]. В варварских племенах (кит. *фань*) уважали его. [Его] сравнивали с министром государства (Китая) Сун Цзином» [Камалов 2004, с. 161].

Согласно биографии, уже в 23-м возрасте Кан А-и Кюль-таркан стал министром Капаган-кагана, который именуется здесь Ашина Сефуши Мочжо. Сложным для понимания является указание о том, что он был министром *девяти каганов* (кит. *цзю кэхань*). Цэнь Чжунмянь допускает, что перед словом *кэхань* мог быть пропущен иероглиф *син* (фамилия) и выражение может быть прочитано как *цзюсин кэхань*, что означает *каган девяти фамилий* [Цэнь 1958а, с. 851]. Однако такое объяснение является маловероятным, поскольку связь Кан А-и Кюль-таркана с токуз-огузами, которые именуются в китайских источниках

племенами *девяти фамилий* (кит. *цзюсин*), исключается: токуз-огузы были в состоянии постоянного противоборства с тюрками в течение всей истории Второго Восточно-тюркского каганата. Последнее делает невозможным одновременное его служение тюркским каганам и их мятежным подданным – токуз-огузам [Hamilton 1962, с. 25]. Представляется, что в данном случае число *девять* не имеет конкретного значения, а выражает неопределенное множественное число.

Из тюркского периода жизни Кан А-и Кюль-таркана известны факты, свидетельствующие о его верном служении тюркским каганам. В возрасте 23 лет, с 712 г. он стал служить Капаган-кагану (Мочжо) в должности главного министра (кит. *цзайсян*) [Pulleyblank 1952, с. 340]. Свидетельством верности кагану следует считать предотвращение им попытки отравить Капагана его младшим братом по имени *Басими шицзинь*, т.е. *Басмыл-тегин* (кит. *шицзинь~тэцзинь~тегин*). Указанное здесь имя младшего брата Капаган-кагана имеет большое значение для выяснения связей между басмылами и правящим родом тюрков Ашина: становится очевидным, что появление родового обозначения *Ашина* в титуле басмыльского кагана в 742-744 гг. является неслучайным [Камалов 2012, с. 177-178].

Другим фактом из жизни Кан А-и Кюль-таракана среди тюрков является его вынужденная отставка из-за интриг. По мнению Э. Пуллиблэнка, эта отставка была связана с чисткой, устроенной Бильге-каганом и Кюль-тегином после смерти Капаган-кагана [Pulleyblank 1952, с. 339-340]. После расследований Кан А-и Кюль-таркан вновь был назначен министром.

Вскоре, он все же был отстранен от государственной службы. Несмотря на это он сохранял тесные отношения с правящими кругами тюрков и продолжал занимать прочные позиции в высшем эшелоне власти в тюркском государстве. Его положение подкреплялось брачными узами рода Кан А-и Кюль-таркана с каганским родом Ашина: мы уже упоминали, что его дед был зятем тюркского правителя, кроме того, известно, что старший его сын Моебо был женат на представительнице дома Ашина.

В 742 г., в период распада Второго Восточно-тюркского каганата, семья Кан А-и Кюль-таркана вместе с представителями тюркской аристократии бежала в пределы Танской империи. Заслуживает вни-

мания перечень знатных тюрков, вместе с которыми бежали в Китай родичи и соплеменники Кан А-и Кюль-таркана: «В первый год Тяньбао (742 г.) покойный вместе с 4 сыновьями, а также с женой и сыновьями Западного шادا (он был казнен Тенгри-каганом и его матерью, которая была дочерью Тоньюкука – А.К.), с внуком Мочжо (Капагана) – Бодэжи-тегином, дочерью Бильге-кагана принцессой Дало, с младшей женой Ижань-кагана – Юйсайфу, дочерью Тенгри-кагана – принцессой Чжу, а также племенами Абусы (Абуз), Ашидэ и др. – [численностью] примерно в 5 тысяч человек, примерно с 20 тысячами верблюдов, лошадей, коров и овец, подошли к границе [Китая], чтобы подчиниться двору» [Цэнь 1958а, с. 851]. Среди подчинившихся тюрков был также глава упомянутого токуз-огузского (уйгурского) племени *абуз* Абуз-ябгу, впоследствии восставший против Танской династии. Приведенный выше перечень является более полным в сравнении с аналогичным списком, сохранившимся в энциклопедии «Цэфу юаньгуй» [ЦФЮГ, гл. 98].

В 8-м месяце 742 г. Кан А-и Кюль-таркан прибыл в Чанъань, где получил высочайшую аудиенцию императора Сюань-цзуна, который устроил в его честь пир во дворце Хуаэлоу. Сообщается, что император сложил стихи, излагающие деяния Кан А-и Кюль-таркана. Он также наградил его почетным титулом и направил в пограничный округ Фаньян на службу под началом Ань Лушаня. Видимо, такое назначение было неслучайным и учитывало этническое родство этих двух знатных иноземцев (другой подчинившийся – токуз-огуз Абуз-ябгу, вместе с соплеменниками был направлен в округ Шофан). Поскольку Ань Лушань был назначен военным губернатором Фаньяна в 3-м месяце 744 г., Кан А-и Кюль-таркан был направлен к нему не раньше этой даты.

Находясь под командованием Ань Лушаня, Кан А-и Кюль-таркан участвовал во всех его военных акциях. Первоначально отношения между ними были дружественными, так как именно Ань Лушань просил императора назначить его *тутуком* и произвел его в уполномоченного офицера за авангард армии. В период активных и успешных боевых действий против киданей Кан А-и Кюль-таркан дважды был отмечен наградами двора. В 745 г. он был назначен генералом правого корпуса Величаво-грозной гвардии (кит. *вэйвэй*), а потом и помощ-

ником армейского инспектора. Эту награду он получил за участие в успешном походе против киданей. Ничего не говорится об участии его в событиях 745 г., хотя известно, что в третьем месяце этого года восстали кидани и татабы. Историки обвиняли Ань Лушаня в провоцирование восстания этих племен. В следующем году (746 г.), когда войскам Ань Лушаня удалось «умиротворить» названные племена, Кан А-и Кюль-таркан получил титул старшего генерала левого корпуса Воинственной гвардии (кит. *увэй*) и должность помощника губернатора, т.е. стал помощником самого Ань Лушаня. «Сюань-цзун хвалил его, в письмах с императорской печатью благодарил за старания» [Камалов 2004, с. 163].

После усмирения киданей и татабов, новые правители которых были утверждены в должностях императором, ситуация в пограничном районе была относительно спокойной. В 749 г. татабы направили посла в Чаньвань, а кидани в 750 г. [Материалы 1984, с. 170]. Однако в 750 г. вновь возобновились военные действия против татабов, и уже осенью Ань Лушань прислал в столицу 8 тысяч пленных татабов.

Когда Ань Лушань восстал, Кан А-и Кюль-таркан не поддержал его. Эпитафия описывает его как заложника Ань Лушаня. Сообщается, что он пытался перейти в правительственный лагерь, но был выдан губернатором Пинчжоу согдийцем Кан Цзе. Когда попытка бегства раскрылась, пострадали многие приближенные Кан А-и Кюль-таркана: было казнено 20 человек из его окружения, но из-за большого авторитета, которым он пользовался среди воинов, «боясь, что чувства масс не были спокойны» Ань Лушань не стал наказывать самого Кан А-и Кюль-таркана и его сыновей [Цзэнь 1958а, с. 852].

В 757 г. новый руководитель восстания Ань Цинсюй, отправил семью Кан А-и Кюль-таркана и около 200 его близких людей в Аньян (Сянчжоу). Видимо, они были вместе с повстанцами во время их отступления из восточной столицы в Аньян, откуда семье Кан А-и Кюль-таркана удалось бежать. Из лагеря повстанцев она направилась на юг и дошла до Цзицзюнь (нынешняя река Шахэ, течет на северо-восток через провинцию Хэнань). В районе Гаопин люди Кан А-и Кюль-таркана столкнулись с отрядом повстанческого генерала Цай Сидэ из 200 всадников, которые также направлялись в Сянчжоу. Дата прибытия Цай Сидэ в Сянчжоу известна по другим источникам – 10

месяц 757 г. [Levy 1960, с. 45]. Значит, столкновение имело место ранее этой даты, возможно, в тот же месяц. В эпитафии указывается, что Кан А-и Кюль-таркан бежал с семьей и их было 10 человек, на самом деле его, должно быть, сопровождало большее число людей, и число 10 относится только к членам его семьи. Сообщается, что, вступив в бой с повстанцами, люди Кан А-и отрубили головы 40 человекам, живыми поймали 4 человека, а остальных пустили в бегство. Возможно, это – обычное преувеличение. В любом случае, не вызывает сомнения сам факт столкновения группы согдийцев, покинувших лагерь повстанцев, с воинами Цай Сидэ.

В походную ставку императора Су-цзуна Кан А-и Кюль-таркан с семьей прибыл в 7-й день 11-го месяца 757 года. Бывший император Сюань-цзун, услышав об их прибытии, был чрезвычайно обрадован и хвалил их за этот поступок. Кан А-и Кюль-таркан был награжден должностью старшего генерала гвардии Птицы счастья (кит. *цзиньбу вэй*), получил титул князя области Цзинхэ, должность начальника ведомства императорских жертвоприношений, а также реальное жалование в 300 дворов [ЯЛГВЦ, с. 96]. Высокие титулы были пожалованы также его сыновьям. Особо был отмечен старший из них по имени Моебо.

Сам Кан А-и Кюль-таркан и двое его младших сыновей Цюйсуй-миши и Ин-чжэн были оставлены в ставке императора, в то время как двое старших сыновей – Моебо и Инцзюнь, были направлены в армию генерала Ли Гуанби в Тайюань. В составе танской армии они приняли участие в боях в Аньяне (Сянчжоу) и сумели отличиться, о чем рассказывается в эпитафии: «Когда сила злодеев увеличилась, а силы *тайвэя* [Ли Гуанби] и [Ван] Сыли истощились, Моебо и Цзяньцзюнь внезапно рассвирепели и прямо прижали [противника] к берегу и своим авангардом ударили по ним. Убили и захватили в плен около двух тысяч человек. Только тогда злодейские войска отступили. Все ... видели и поразились [этому]. Сто кусков разноцветного шелка, [полученные] в награду, [они] передали и распределили среди подчиненных. Не было ни одного [человека], которому бы не дали. Как вся армия радовалась и восхищалась!» [Цэнь 1958а, с. 852].

Моебо участвовал в военных операциях против Ши Сымина, когда тот пришел на помощь Ань Цинсюю, и позже, когда он сам возглавил

повстанцев. Рассказывается об удачной атаке Моебо войск повстанцев в Хуайчжоу, когда его отряд из 30 всадников совершил вылазку против пятитысячной армии Ши Сымина.

Вот еще один рассказ о подвигах Моебо и Инцзюня: «Однажды [он] сопровождал *тайвзя* (кидания Ли Гуанби – А.К.) в походе против [Ши] Сымина в Хэяне. Храбрых злодейских всадников было десять тысяч. В городе Чжунчань перед сражением никто из полководцев не отозвался на вызов [противника]. Тогда Инцзюнь сам вышел, стремглав ударил по ним. Тех, кто пал, встретив [его] копьё, было 20 человек. Инцзюнь был проткнут в щеку копьём. [Он] вырвался, жертвуя собой (досл.: протыкая горло и кладя голову)...Поэтому в Поднебесной, говоря о храбрых, первыми называют двоих – Моебо и Инцзюнь» [Камалов 2004, с. 166].

В эпитафии также нашли отражение события, связанные с захватом тибетцами западной столицы в 763 году. Когда тибетцы вплотную подошли к столичной области, император со свитой был вынужден бежать в Шаньчжоу. Тибетцы находились в Чаньане недолго и в скором времени были изгнаны оттуда, а императорский двор возвратился в столицу. С пребыванием императора в Шаньчжоу связан последний эпизод из биографии Кан А-и Кюль-таркана, описанный в эпитафии:

«В 1-й год Гуан-дэ (763 г.) император осчастливил посещением Шаньчжоу. Все дети покойного сопровождали [его]. Поскольку [покойный] был тучен, он затруднялся в движении; тогда дал смертную клятву. Жена Моебо держала коня покойного и поддерживала в бегстве в Хуачжоу. Покойный, думая, что не избежать [смерти], говорил окружающим: «Если меня схватят злодеи, не повредит ли это моим детям! Почему бы вам не убить меня?». Все перепугались и громко плакали. Потом, собрав силы, понесли его на носилках и привезли в ставку [императора]. Император глубоко вздохнул [от облегчения] и наградил его» [Цэнь 1958а, с. 853].

Кан А-и Кюль-таркан умер от болезни легких зимой в 11-м месяце года Черного Дракона (764 г.), в возрасте 75 лет. Он умер в своём доме, в квартале Шэньэфан, расположенном в северо-западной части Чаньани. Перед смертью ему были пожалованы должности *итунсаньсы* и *тутока* округа Сячжоу.

Супруга Кан А-и Кюль-таркана была согдианкой по фамилии

Ши, то есть происходила из Ташкента. Ее семья прибыла в Китай из Цзяохэ в Восточном Туркестане. Род госпожи Ши тоже был знатным: она была внучкой танского генерала Чжэня и дочерью Саньну, генерала левой гвардии Птицы счастья (кит. *цзинью*). Имя ее отца *Саньну*, буквально означающее «раб трех [божеств]», по мнению В. Хеннинга, может соответствовать среднеперсидскому *себухт*, означающему «охраняемый тремя [божествами]» [Pulleyblank 1952, с. 341]. Такое значение имени допускает возможность того, что его носитель мог быть христианином, и здесь речь идет о троице. Госпожа Ши умерла раньше своего мужа, в 756 г. (в 8-й день 3-го месяца 15 г. правления Тяньбао), когда они еще находились в лагере повстанцев. В 766 г. было совершено ее перезахоронение в семейном склепе в Чанлэюань в столичном уезде Ваньнянь [ЯЛГВЦ, с. 10а].

Биография Кан А-и Кюль-таркана содержит много интересных и важных сведений для изучения не только положения инородца в Танской империи в VIII в., но и процесса историко-культурного взаимодействия между ираноязычными и тюркскими народами. Следы этого взаимодействия обнаруживаются в брачных узах согдийцев рода Кан с тюркским правящим родом Ашина, в смешанных ирано-тюркских именах как самого Кан А-и Кюль-таркана, так и его сыновей (у одного из сыновей имя, имеющее тюркское окончание *-миш*), в описаниях согдийцев, мало отличающихся от традиционных описаний кочевников – умелых наездников и искусных воинов. Все эти факты свидетельствуют о культурной адаптации согдийцев в тюркской среде.

В танских источниках содержатся сведения о других согдийцах, перешедших от повстанцев к правительственным силам. Среди них выделяются Ли Хуайсянь [СТШ, гл. 156] и Ли Юаньлянь [ЦЧТЦ, гл. 143; СТШ, гл. 212], биографии которых включены в танские династийные истории. Первый из них – Ли Хуайсянь, был согдийцем из Лючэна (Восточный Туркестан). Ли Хуайсянь был «хорошим наездником и стрелком», имел «прозорливый ум и был проворным». Заслуживает внимания сообщение о том, что его семья «из поколения в поколение служила киданям», обороняя Инчжоу. Это был окружной город, созданный в 621 г. в восточной части провинции Хэбэй. Очевидно, что несколько поколений этой семьи жили в Хэбэе. Когда Ань Лушань поднял восстание, Ли Хуайсянь находился под его командо-

ванием. В последующем со сменой предводителей восстания он продолжал воевать в рядах повстанцев вместе со знатным тюрком Ашина Юй. Последний из повстанческих императоров Ши Чаои назначил Ли Хуайсяня губернатором округа Ючжоу в Хэбэе.

На сторону правительственных сил Ли Хуайсянь перешел после того, как Ши Чаои потерпев поражение, бежал в Фаньянь. В последующем заслуги этого согдийца перед танской династией были оценены командованием и, по представлению генерала Пугу Хуайэня, Ли Хуайсянь был назначен генерал-губернатором Лулин в Ючжоу, а затем и Фаньяна. Именно он отправил голову Ши Чаои, когда тот был убит во вверенной ему области. В последующем Ли Хуайсянь служил под командованием Пугу Хуайэня и находился в его армии, когда тот поднял мятеж в 764-765 годах. После умиротворения этого мятежа армия Ли Хуайсяня приняла участие в военных действиях против тибетцев.

В июле 768 г. Ли Хуайсянь был убит своими подчиненными (Чжу Сицай, Чжу Цы, Чжу Тао), которые истребили и всю его семью. Чжу Сицай после его убийства провозгласил себя наместником (кит. *лю-хоу*) области. Император Дай-цзун пытался подавить мятежников, но ему все же пришлось простить их, назначив губернатором области министра Ван Цзиня, а его помощником – Чжу Сицаю [СТШ, гл. 212, с. 5968].

Другой согдиец Ли Юаньян, служивший в рядах повстанцев, был родом из Аньси (Куча, Восточный Туркестан). Он относился к выходцам из Бухары – первоначально имел фамилию *Ань*. Он рос сиротой, с малолетства его воспитывал евнух Ло Фэнсянь, поэтому он принял его фамилию *Ло* и получил имя *Юаньгуан*. У него была «красивая борода дыбом», он «был решительным, дерзким и умным» [СТШ, гл. 156, с. 4910]. Длительное время Ли Юаньян служил в личной охране государя и в снабжении наследного принца, был опытным воином («воины восхищались его смелостью») и дослужился до должности заместителя губернатора Чжэньго [СТШ, гл. 156, с. 4910].

В период правления императора Дэ-цзуна Ли Юаньян участвовал в военных действиях правительственной армии против восставших хэбэйских губернаторов. Его заслугой было создание препятствий на пути передвижения повстанцев на юг через реку Вэй, за что он был отмечен титулом *Укан цзюньвана* и должностью генерал-губернатора

армии Чжэньго-цзюнь. В последующем Ли Юаньлян участвовал в подавлении мятежа Чжу Цы в западной столице, за что получил высокую должность, 500 дворов, а также статус чиновника шестого ранга [Рыбаков 1994, с. 227].

Ссылка на происхождение Ли Юаньляна имеется в рассказе об участии его войска в умиротворении мятежа Ли Хуайгуана. Один из генералов-повстанцев «издавна свысока смотрел на Ли Юаньляна, несколько раз оскорблял, [сомневаясь] в том, что он является хорошим ху (согдийцем), насмехался над предками. Когда послали [с требованием] подчиниться, он сказал: «Я сдамся только генералу-ханьцу» [СТШ, гл. 156, с. 1902]. Такое отношение к Ли Юаньлянню внесло раздор между танскими генералами, и дошло до того, что командующий Ма Суй хотел казнить Ли Юаньляна. Последний смог откупиться за миллион монет, при этом за него заступился токуз-огуз Хунь Цзянь.

В 787 г. Ли Юаньлян отличился в столкновении с тибетцами, когда только благодаря его военной мудрости другим генералам удалось выйти из вражеского окружения. Примечательны его слова, в которых он называет тибетцев «варварами» («варвары обманывают и неискренни»). Возможно, это – результат редактирования его речи китайскими историографами. За заслуги в войне с тибетцами «император хвалил [его], пожаловал отличных лошадей, золотом и деньгами щедро наградил». Именно тогда ему были пожалованы танская фамилия *Ли* и имя *Юаньлян*. В последующем он был назначен губернатором области Лунью, постоянно подвергавшейся нападению со стороны тибетцев, в борьбе с которыми он сыскал уважение и авторитет. Ли Юаньлян скончался в возрасте 62 лет. Ему были посмертно пожалованы должность *сыкун* и посмертное имя *Чжуан Вэй* [СТШ, гл. 156, с. 4903].

* * * * * * * * *

Восстание Ань Лушаня стало апогеем влияния тюрков и согдийцев в танском Китае. Оно не носило этнического характера: в нем участвовали и иноземцы, и ханьцы, между которыми не произошло полного размежевания в ходе боевых действий. Оба противоборствующих лагеря имели смешанный ханьско-«варварский» состав воинов, которые часто переходили из одного лагеря в другой. Можно лишь го-

ворить об основных тенденциях в позиции разных этнических групп в отношении восстания. Ханьцев было много в обоих лагерях, что еще раз говорит о превалировании политических причин восстания над этническими.

Позиция согдийского населения Китая в отношении восстания выразилась в том, что большая его часть поддержала восстание и активно участвовала на стороне повстанцев, хотя отдельные знатные семьи в ходе военных действий переходили на сторону правительства. При этом нужно учесть, что у нас нет сведений о согдийцах, с самого начала восстания поддерживавших танскую династию. Рассмотренные выше биографии согдийцев, верно служивших Танской империи, говорят о том, что все эти лица сначала служили Ань Лушаню и лишь затем перешли на сторону правительственных сил. Согдийская колония в Ордосе тоже была целиком на стороне повстанцев, хотя бы потому, что этот район все время находился в тылу повстанцев.

Во время восстания Ань Лушаня-Ши Чао произошло размежевание между жившими в Китае тюрками и огузами, что было связано с недавней борьбой между ними за господство в степи, в которой тюрки уступили власть токуз-огузам во главе с уйгурами. Достаточно большая община тюрков, в рядах которых было много представителей правящих родов Ашина и Ашидэ, поддержала повстанцев, что, возможно, объясняется кровным родством между предводителем восстания и этими родами. Тюркские контингенты были «когтями» повстанцев. Иной была позиция «внутренних» огузов, противников тюрков: они оставались верными танской династии, и из их среды вышли известные танские военачальники. Вместе с тем огузы играли роль посредников между танской династией и своими сородичами в степи (уйгурами), в чьей военной помощи нуждался императорский дом. Уйгуры, прибывавшие в Китай на помощь, и танские военные подразделения из огузов вместе воевали против мятежников.

Изучение первого уйгурского похода в Китай в 756 г. показало, что, кроме экономической выгоды в участии в войне с повстанцами на стороне танской династии, уйгуры имели свои военно-политические интересы. Эти интересы заключались в уничтожении родовитых тюрков, ушедших в Китай и представлявших угрозу для уйгурской власти в степи. После восстания из страниц китайских анналов исчезают сведения о восточных тюрках, место которых занимают уйгуры

и западные тюрки-*шато*, о чем будет подробнее сказано в следующем разделе исследования. Важным последствием восстания Ань Лушаня - Ши Чаои стало то, что оно радикально изменило положение иноземцев в Танской империи, в том числе тюрков и согдийцев.

Политика императора Дай-цзуна в отношении иноземцев

Восстание Ань Лушаня-Ши Чаои положило начало длительному процессу децентрализации власти, завершившемуся распадом Танской империи. Из-за внутренних войн империя потеряла большую часть завоеванных территорий, а также былую военную мощь, что отразилось на взаимоотношениях с соседями. В ходе военных действий правительственных сил против повстанцев в отвоеванных приграничных областях танская власть восстанавливалась, но возвращение их под лоно танского дома носило номинальный характер. Это было в особенности характерно для северо-восточной провинции Хэбэй, являвшейся очагом и «колыбелью» восстания Ань Лушаня. Здесь всей полнотой власти обладали военные губернаторы, должности которых де-факто стали наследственными, что, в свою очередь, привело к появлению династий местных губернаторов. Возникновению такой ситуации способствовало то, что большинство повстанческих военачальников, подчинившихся танским правительственным силам в ходе подавления восстания Ань Лушаня-Ши Чаои, были, не только помилованы императором, но и оставлены на своих прежних должностях. Танский двор был вынужден пойти на это, как отмечает Сыма Гуан, потому что он «был пресыщен и изнурен войной и надеялся любым способом завершить беспорядки миром». Однако танская династия должна была найти виновного в усилении местных губернаторов и этим виновным был признан генерал Пугу Хуайэнь: после анти-танского мятежа в 764-765 гг. этот военачальник токуз-огузского (уйгурского) происхождения был обвинен в том, что именно он рекомендовал танскому двору одаривать титулами подчинившихся правительству повстанческих вождей. Сохранение военно-административной власти в руках бывших повстанческих лидеров, перешедших на сторону танской династии, в дальнейшем способствовало усилению центробежных тенденций в северо-восточном Китае.

Нужно сказать, что стремление к автономному существованию и противостояние центральной власти, как следствие вызванного восстанием сильнейшего хаоса в стране, имели место во многих регионах Китая. Так, например, во время восстания младший сын императора Сюань-цзуна, принц Линь, предпринял попытку создания независимого государства в нижнем течении реки Янцзы. Эта попытка была подавлена без особых трудностей, и была бы вообще предана забвению в китайской историографии, если бы не вовлеченность в эти события известного танского поэта Ли Бо (701-762/763 гг.). Если не брать в расчет этот небольшой эпизод сепаратизма, нижнее течение Янцзы оставалось незатронутым военными действиями районом. Только в 760-е г. здесь появился офицер Лай Чжэнь, поднявший мятеж в Хэнани и двинувшийся со своими отрядами на эти богатые земли [Pulleyblank 76, с. 57]. На подавление бунта была брошена армия Пинлу, от действий которой пострадало больше местное население, чем мятежники. Среди тех, кто понес большие потери, были тысячи среднеазиатских торговцев, находившихся в городе Янчжоу. Несколько позже, в 762 г., эти районы охватили бунты, вызванные непосильными налогами и бандитизмом, которые были подавлены одновременно с разгромом Ши Чаои на севере страны.

Территориальные потери Танской империи коснулись, прежде всего, западных владений. Переброска танских гарнизонов из Цинхя и юго-восточного Ганьсу в центральные области Китая ослабила танские позиции в этих районах. Коридор Хэси, соединявший Китай с Восточным Туркестаном, в 766 г. перешел под контроль тибетцев. Несколько раньше, в 763 г., тибетцы продвинулись к Чанъани и даже заняли эту столицу. В южной части Сычуани отдельные районы перешли под власть государства Наньчжао, которое, однако, не представляло реальной угрозы Танской империи вплоть до середины IX в. [Ecsedy 1984].

Центром сепаратизма после восстания Ань Лушаня стал Хэбэй, где не было территориальных потерь. Власть здесь оказалась поделенной между четырьмя мятежными полководцами, перешедшими на сторону Тан. На севере провинции управлял согдиец Ли Хуайсянь, который являлся военным губернатором области Лулун со штаб-квартирой в Юйчжоу (совр. Пекин). О нем уже говорилось выше. Другими правителями Хэбэя были Чжан Чжунчжи (другое имя: Ли Баочэнь) – воен-

ный губернатор армии Чэндэ с центром в Хэнчжоу (совр. Чжэньдин), Тянь Чэнсы – военный губернатор Вэйбо с центром в Вэйчжоу (совр. Далин), и Сюэ Сун – губернатор Сянвэя со штабом в Сянчжоу (совр. Аньян), на юге Хэбэя. С 755 г., когда Сянвэй перешел в подчинение вэйбэйского губернатора, все эти территории стали именоваться «тремя гарнизонами Вэйбэя» [Pulleyblank 1976, с. 49]. Хэбэйские губернаторы, номинально подчиняясь танскому императору, на деле правили на своих территориях как самостоятельные князья. Они сохраняли контроль над местной администрацией, сами назначали чиновников на местах без консультации с танским двором, собирали налоги с населения и фактически превратили свои должности в наследственные, создав собственные местные династии и заключая друг с другом союзы через родство.

Попытки танского двора привести Хэбэй под контроль обычно ограничивались тем, что после смерти правителей император назначал на их места своих ставленников, однако после вооруженных выступлений преемников бывших правителей, был вынужден признавать их губернаторами. Танской династии оставалось только пытаться посеять раздор между губернаторами и настроить их друг против друга, используя искушенных в интригах дворцовых евнухов. Самым большим успехом Танской империи в борьбе с хэбэйскими губернаторами было установление контроля над двумя районами в 781 г.: Ю в округе Динчжоу (совр. Баодин) и Ичан в округе Цзанчжоу (совр. Цзансянь) [Mackerras 1972, с. 38-39].

Как верно отметили Д. Твитчет и А. Райт, политическая история Танской империи в период после восстания Ань Лушаня – это история последовательных усилий танских императоров вернуться к той степени финансового и территориального контроля в стране, которой династия пользовалась до восстания [Perspectives 1973, с. 3-5].

Усиление губернаторов было также связано со слабостью императора Дай-цзуна (762-780 гг.), который сильно зависел от дворцовых евнухов. Государственными делами при нем заправлял в основном его фаворит Юань Цзай, который производил необдуманные назначения на административные должности, способствуя тем самым отчуждению местных губернаторов от центра.

Дворцовые евнухи сконцентрировали в своих руках большую

власть, оказывая влияние на экономическую и финансовую политику. Несмотря на попытки установления монополии центра на соль и налоги на нее, солевая и транспортная системы управлялись независимой комиссией со штабом в Янчжоу, которая постепенно установила свой контроль над южными и центральными областями Китая. Тем не менее, центральные власти провели успешные работы по восстановлению разрушенных во время войны каналов и контролировали транспортировку товара из тех областей, которые находились под их контролем (Центральный Китай, долина реки Хуай и нижнее течение реки Янцзы) [Pulleyblank 1955, с. 33; Pulleyblank 1976, с. 47-48].

В период после восстания длительное время Танская империя была вынуждена вести торговлю с уйгурами. Первоначально торговый обмен стал замаскированной формой вознаграждения за военную помощь в борьбе с повстанцами. Основными предметами этого обмена были китайский шелк и уйгурские лошади [Ma 1984, с. 67-68]. Китай длительное время страдал от навязанной уйгурами торговли, которая будет рассмотрена ниже.

Постепенно с восстановлением страны от разрухи танская династия стала пытаться сокращать торговый обмен с уйгурами. Однако только к 770-м г. она была в состоянии пересмотреть договор с уйгурами. В 773 г. впервые было отказано последним в оплате пригнанных лошадей. Напряжение в уйгуро-танских торговых отношениях в конце 760-х г. проявилось в жестоких действиях уйгуров в танской столице. Так, в 771 г. уйгурские посланники без разрешения властей вышли из ведомства Хунлусы, занимавшегося вопросами приема иностранцев, и среди бела дня устроили грабеж на рынках города [ЦТШ, гл. 195, 8а; Maskerras 1968, с. 53]. Попытки чиновников остановить разъяренных уйгуров оказались тщетными. Триста уйгурских всадников бросились к императорскому городу и пытались атаковать дворцовые ворота Цзиньгуань и Чжуцзюэ. В тот день все ворота императорского города были заперты. Дай-цзун направил к уйгурам евнуха Лю Циньтаня, чтобы тот успокоил их. Мародерствовавших уйгуров удалось усмирить с большим трудом. Подобная история повторилась в 772-м г., когда они отобрали коня у префекта Чанъани, а «чиновники не осмелились что-либо предпринять» [Maskerras 1968, с. 55-58]. В 773 г. 140 уйгуров отправились из Чанъани в каганат, увозя с собой тысячу

повозок с товаром и дарами. В этот год в Китай прибыл упоминавшийся уже уйгурский посланник Чисинь, который пригнал десять тысяч лошадей, но ему заплатили стоимость только шести тысяч из них. По сообщению историографов, «из-за того, что оплата лошадей осуществлялось за счет налогов на зерно и деньги, Дай-цзун, не желая возлагать тяготы на плечи народа, приказал чиновникам подсчитать финансовую прибыль [за год] и разрешил оплатить только шесть тысяч лошадей» [ЦТШ, гл. 195, с. 8а].

Еще один инцидент произошел в 775 г., когда один из уйгурских посланников среди бела дня убил китайца на восточном рынке Чаньани. Когда он был посажен за это в тюрьму, глава уйгурского торгового посольства Чисинь с соплеменниками бросился на его выручку. В результате, уйгуры освободили своего сородича, поранив и убив многих стражников тюрьмы. После 773 г. бесчинства уйгуров в танской столице продолжались, однако источники больше не фиксировали прибытия в Китай уйгурских посланников.

Прекращение торгового обмена вызвало напряженность в танско-уйгурских отношениях. Уйгуры стали предпринимать вооруженные набеги на приграничные округа в северном Ордосе. Так, во 2-м месяце 775 г. уйгуры грабили округ Сячжоу. Крупный рейд был совершен ими в 778 г., когда они продвинулись вглубь китайской территории, ограбив Тайюань, Юйци и Тайгу. Первое сражение с уйгурами в местности Янцюй оказалось для танской армии безуспешным: она потеряла около тысячи воинов (по другим данным, около десяти тысяч воинов) [Maskerras 1972, с. 32-35]. Лишь через месяц специально снаряженной экспедиции во главе с опытным военачальником Чжан Гуаншэном удалось нанести поражение уйгурам в сражении в долине Яньгу и оттеснить их. В конце того же года уйгуры вновь угрожали нападением на воеводство Чжэнью [Maskerras 1968, с. 58].

Касаясь фактов, связанных с бесчинствами уйгуров в Чаньани, и их вторжением в приграничные районы, К. Макеррас отмечал, что, поскольку, все они приходились на время правления императора Дай-цзуна, то можно заключить, что эти факты были специально подобраны историографами, чтобы осудить Дай-цзуна, обратившегося для подавления восстания Ши Чаои к помощи «варваров» [Maskerras 1972, с. 35]. Соглашаясь с существованием определенной тенденции

при подборе фактов историографами, тем не менее, вряд ли можно объяснить появление в китайских династийных историях целого массива информации о насилиях уйгуров в танских столицах лишь стремлением историков осудить Дай-цзуна в сотрудничестве с уйгурами. Нам представляется, что появление этих сведений свидетельствует лишь о попытке танской администрации ограничить навязанную уйгурами торговлю, о неспособности оплачивать большое количество пригоняемых ими лошадей, равно как о реакции уйгурских посланников на эти меры.

Во время правления Дай-цзуна привилегиями в Танской империи пользовались не только уйгуры, но и согдийцы, выходцы из Уйгурского каганата. Вместе с уйгурскими посланниками в Китай прибывало большое число согдийцев, многие из которых оставались на длительное жительство в западной столице. Сыма Гуан рассказывает о них следующее: «Во время правления Дай-цзуна ху девяти фамилий (согдийцы – *А.К.*) постоянно прикрывались под именем *уйгур*, жили в столице смешанно [с ханьцами], преумножали свой товар, вели себя своевольно и жестоко. Вместе с уйгурами [они] создавали беспокойство для общества и для частных лиц» [ЦЧТЦ, гл. 226, с. 7287]. В другом месте своего сочинения он также отмечает: «Ранее уйгуров в столице постоянно оставались по тысячи человек, а торговцев-согдийцев, которые носили чужую одежду и жили смешанно [с ханьцами], было в два раза больше. Уездные чиновники ежедневно поставляли им готовую еду и сырые продукты. [Они] накапливали средства, открывали дома для певичек, торговые ряды, от которых получали большие прибыли. С каждым днем [они] становились жаднее и своевольнее. Чиновники не осмеливались [их] допрашивать. Еще [они] носили ханьскую одежду, завлекали и брали себе жен и наложниц» [ЦЧТЦ, гл. 225, с. 7265].

Тем самым, в период правления императора Дай-цзуна в Китае усилилась роль уйгуров, имевших большие заслуги перед танской династией в подавлении восстания Ань Лушаня и его преемников, а также согдийцев – выходцев из Уйгурского каганата, которые в большом количестве селились в столичных районах. Уйгуры и согдийцы пользовались особыми привилегиями в торговле, которая будет подробнее рассмотрена в пятой главе нашего исследования.

Мятеж генерала Пугу Хуайэня (764-765 гг.)

Важным событием периода правления Дай-цзуна стал мятеж генерала Пугу Хуайэня. Несмотря на то, что это было выступление против танской династии, однако место, которое занимает в истории танского Китая, совершенно иное, чем восстание Ань Лушаня-Ши Чаои, не только по своему масштабу, но и по вызвавшим его причинам. Это было понято самим императором Дай-цзуном и поздними историографами, которые реабилитировали героя войны с Ань Лушанем, каковым на самом деле был Пугу Хуайэнь, поместив его развернутые биографии в танских династийных историях [ЦТШ, гл. 121; СТШ, гл. 224А].

Пугу Хуайэнь относился к довольно многочисленной группе военачальников-инородцев, пытавшихся сохранить традиционную верность дому Тан и принявших активное участие в подавлении восстания Ань Лушаня и его преемников. Судьба Пугу Хуайэня интересна тем, что она в известной мере отразила кризисную ситуацию распада установленных ранее Тай-цзуном личных и политических связей между аристократией части тюркских и огузских племен и императором – *Небесным каганом*.

Пугу Хуайэнь происходил из знатного рода токуз-огузского (уйгурского) племени *бугу/буку* (кит. *пузу*) [Pulleyblank 1956, с. 39]. Предок Хуайэня Гэлань Баянь был главой племени. Его имя называется среди вождей токуз-огузских племен, подчинившихся Тай-цзуну в 647 г. и утвержденных в должности *тутука*. После смерти отца Илиг-чора (кит. *Или чжо*), убитого сородичами, потомок наследственных тутуков Хуайэнь был взят на китайскую службу.

В «Биографии» подробное описание деятельности Хуайэня начинается только с восстания Ань Лушаня. О ранних годах Хуайэня можно составить представление лишь из нескольких строк его доклада трону, поданного им в 763 г.: «Мой род первоначально происходил из пограничных инородцев (кит. *фаньш*), из поколения в поколение жил на границе. Когда я достиг совершеннолетия, получил от государя назначение и со срочными поручениями мчался в разные стороны: не думая о смерти и жизни, отстаивал границы» [ЦТШ, гл. 221,

46]. С самого начала восстания Ань Лушаня прославленный генерал танских пограничных войск Пугу Хуайэнь, возглавляя «сильных воинов *фань* и *хань* (пограничных инородцев и китайцев)», находился в авангарде борьбы с повстанцами. Описанию многочисленных сражений, в которых он принимал участие, отводится большое место в его жизнеописании. Заслуги Пугу Хуайэня в разгроме восставших были несомненны, и это неоднократно подчеркивается историографами: «Его заслуги в сокрушении неприятеля превышали [заслуги] всех генералов», «Су-цзун, считая, что у Хуайэня большие заслуги, особо выделял его из всех генералов» [ЦТШ, гл. 221, 2а-2б].

Пугу Хуайэнь спустя почти сто лет после подчинения Гэлань Баяня Тай-цзуну, в течение которых произошли существенные изменения и в степи, и внутри Китая, хранил верность империи, искренне считая себя подданным своего сюзерена. О преданности Хуайэня танскому дому можно судить лишь по одному эпизоду: в 756 г. Хуайэнь казнил своего сына за то, что тот предпочел плен смерти на поле битвы. Заслуживает внимания сообщение источников о том, что 46 человек из числа его сородичей погибли на «государевой службе» во время бедствий. Под командованием Хуайэня служил также другой его сын Чан, подвиги которого были отмечены императорским указом о том, чтобы был нарисован его портрет и помещен в галерее знаменитостей (кит. *линяньгэ*) [ЦТШ, гл. 121, 4б].

Довольно подробными являются сведения, касающиеся военной карьеры Хуайэня. Не останавливаясь на перечислении его военных и чиновничьих должностей и почетных званий, отметим только, что если в начальный период восстания Ань Лушаня, он выполнял обязанности генерала пограничных войск и действовал под общим командованием военачальника-китайца, то ко времени окончания восстания он уже занимал пост помощника правителя Хэбэя и имел высшие государственные титулы.

Достигнув высокого положения в армии и сосредоточив в своих руках значительную реальную власть, Пугу Хуайэнь неизбежно возбуждал подозрение и недоброжелательность при дворе. Источники свидетельствуют, что Хуайэнь и ранее находился под подозрением. Так, еще в разгар сражений с повстанцами Хуайэнь был оклеветан министром Ли Фуго [ЦТШ, гл. 121, 5а].

Основанием для обвинений Пугу Хуайэня в неверности трону стали его родственные отношения с уйгурским каганом. Как уже отмечалось, в 758 г. одна из дочерей Пугу Хуайэня была выдана замуж за уйгурского наследного принца Идицзяня (будущего Бёгю-кагана) и в последующем стала главной женой верховного правителя (*катун*). После ее смерти, в 769 г., по просьбе Бёгю-кагана танский император выдал за него младшую дочь Пугу Хуайэня, воспитывавшуюся при императорском дворе [Mackerras 1968, с. 29].

Пугу Хуайэнь не только поддерживал близкие связи со своими этническими родственниками – уйгурами, но и пользовался у них большим авторитетом. В уйгуро-танских отношениях в период восстания Ань Лушаня – Ши Чаои он играл роль посредника между китайцами и уйгурами. В 756 г. в составе танского посольства он был направлен к уйгурам за военной помощью. В последующем все конные подразделения, прибывавшие на помощь танской династии, входили в состав армии Пугу Хуайэня и воевали под его началом.

Во время похода Бёгю-кагана в Китай в конце 762 г. Пугу Хуайэнь по приказу императора дважды встречался с каганом в северной провинции Тайюань. В первый раз он был послан Дай-цзуном уговорить своего зятя оказать помощь против Ши Чаои. Во второй раз Пугу Хуайэнь встретился с каганом в Тайюани после завершения разгрома Ши Чаои, когда уйгуры возвращались в степь. Ему было приказано сопровождать Бёгю-кагана до границы. В обоих случаях путь Бёгю-кагана и Пугу Хуайэня пролегал через Тайюань. Военный губернатор этой области Синь Юньцзин, опасаясь грабежа со стороны уйгуров, приказывал закрыть ворота города и отказывал им в провианте. Возмущенный и оскорбленный таким отношением, Пугу Хуайэнь посылал доклады императору с просьбой наказать губернатора. В 7-м месяце 763 г. для расследования конфликта Пугу Хуайэня с Синь Юньцзином император направил дворцового евнуха Ло Фэнсяня. Тот сначала посетил Синь Юньцзина, который сумел подкупить его щедрыми подношениями. Пугу Хуайэнь также радушно встретил императорского посланника, устроил для него пиршество и просил его задержаться еще на один день, чтобы вместе отметить предстоящий праздник. Ло Фэнсянь не желал оставаться у Хуайэня, но хозяин был настойчив и велел спрятать его коня. Напуганный гость, думая,

что Хуайэнь замышляет убить его, ночью бежал из его дома. Прибыв в столицу, Ло Фэнсянь подтвердил обвинение Пугу Хуайэня в подготовке бунта против императора [ЦЧТЦ, гл. 223, с. 7147-7148].

В следующем 8-м месяце Пугу Хуайэнь направил императору доклад, в котором изложил реальный ход событий [ЦТШ, гл. 223, с. 7147]. Полный текст доклада сохранился в «Цзю Тан шу». В докладе, подробно описав свою службу у танских императоров, Пугу Хуайэнь перечислил шесть совершенных им преступлений, «преступлениями» называя свои заслуги перед домом Тан. Они заключались в следующем: 1) он подавил мятеж племени *тонгра* в воеводстве Цзинлюэ в 756 г.; 2) казнил своего сына Биня за то, что он попал в плен к противнику; 3) выдал двух своих дочерей за уйгурского кагана, 4) его сын Чан самоотверженно воевал за танскую династию; 5) по приказу императора он сам управлял провинцией Хэбэй в должности помощника губернатора; 6) уговорил уйгуров оказать помощь танской династии в войне с Ши Чаои [ЦТШ, гл. 221, 46-7а].

В 9-м месяце к Пугу Хуайэню явился другой императорский посланник с повелением явиться ко двору. Как уже отмечалось выше, при дворе Дай-цзуна чрезвычайным влиянием пользовались евнухи, занятые постоянными интригами. Вызов в столицу губернаторов и военачальников, на которых ложилась хоть малейшая тень в неверности двору, неизбежно заканчивался их суровым наказанием по наущению евнухов, как правило – казнью. Еще были свежи воспоминания о несправедливом отношении двора к верным военачальникам Лай Чжэню и Ли Гуанби [Pulleyblank 1976, с. 56]. Такая же судьба ожидала и Пугу Хуайэнь, поэтому ему не оставалось ничего иного, как поднять войска против Тан.

Реальная власть и популярность среди войск позволили Пугу Хуайэню объединить военные силы кочевников – уйгуров, тибетцев, *цянов*, *нула* и угрожать императорскому двору в течение почти двух лет (764-765 гг.). Впервые появление уйгуров в составе войск Хуайэня источники регистрируют в 8-м месяце 764 г. [ЦЧТЦ, гл. 223, с. 7166]. Контингент, присланный уйгурским Бёгю-каганом на помощь своему тестю, состоял из двух тысяч всадников во главе с младшим братом кагана Алп Улуг Тутук Яглакаром, который командовал уйгурами в их походе в Китай в 758 г. под титулом Кутлуг Чор-тегин.

Особенно угрожающее положение для танской династии Пугу Хуайэнь создал в 765 г., направив на Чанъань по разным путям «варварские» войска численностью в 20 тысяч человек [ЦТШ, гл. 121, 76]. Танскому двору пришлось мобилизовать все силы на организацию сопротивления повстанцам. Неизвестно, как развернулись бы события, если бы не внезапная смерть Пугу Хуайэня в 9-м месяце 765 г. и последовавшая за ней борьба за главенство в его разноплеменных войсках, давшая возможность императорским силам внести разлад в их среду.

Известие о смерти Пугу Хуайэня, умершего в Линьфу, застало уйгуров и тибетцев у стен окруженного ими города Цзинъян к северо-западу от Чанъани. Оборонявшему город танскому генералу Го Цзыи, который в свое время имел тесные контакты с уйгурами, без труда удалось направить их против тибетцев. Уйгурам теперь уже не было смысла участвовать в войне с танскими войсками, поскольку глава восстания был мертв, и они вновь заключили союз с танской династией и помогли изгнать тибетцев. После поражения мятежа часть соплеменников Пугу Хуайэня вместе с его сыновьями ушла в Уйгурский каганат, причем один из его сыновей впоследствии стал уйгурским *ябгу*. Другая часть *пугу* во главе с племянником покойного генерала Пугу Минчэнем вернулась на службу Танской империи [Mackerras 1968, с. 46].

Мятеж Пугу Хуайэня явился логическим разрешением противоречий, которыми характеризовалось положение высокопоставленного инородца в Китае в середине VIII в., пытавшегося совместить службу империи с сохранением статуса и влияния родовитого аристократа из кочевых племен «северных варваров». Стремление Хуайэня верно служить империи наталкивалось на новую реальность, в которой уже не было «небесного кагана», а ему отводилось традиционное место «варвара» на службе империи. Это ярко отразилось в характеристике Пугу Хуайэня, данной в его биографии: «Хуайэнь был человеком храбрым, решительным, немногословным и отзывчивым. Он решительно выступал против старших [по чину] ... если с кем-то не соглашался, то непременно спорил с ним и вызывал его гнев», «по варварской натуре был свирепым, быстрым и несдержанным» [ЦТШ, гл. 121, 2а, 46]. Особенно усилена отрицательная характеристика Хуайэня в

обработанном и сокращенном варианте его биографии в «Синь Тан шу», куда историографы внесли несколько дополнительных эпизодов, призванных, на наш взгляд, обосновать бунт Пугу Хуайэня его «варварским» происхождением [СТШ, гл. 224, с. 1732].

Выступление Пугу Хуайэня ознаменовало собой окончательное крушение идей императора Тай-цзуна о ханьско-«варварском» союзе в рамках единой политической структуры во главе с императором – *Небесным каганом*. Биография Пугу Хуайэня показывает, что признание Тай-цзуна в 630–647 гг. *Небесным каганом* тюрками и огузами не было лишь декларацией и тактическим ходом. Оно положило начало верной службе Танской империи тюрков и огузов, подчинившихся Китаю и поселившихся в его приграничных областях. Потомки вождей, назначенных в то время на должности *тутуков* областей, сохраняли верность танскому императору. Однако спустя сто лет ситуация изменилась, и эти верные императору воины перестали восприниматься как подданные *Небесного кагана*, а их прежние заслуги забывались с легкостью. Тем самым, биография Пугу Хуайэня отразила изменившееся за сто лет положение иноземцев в Среднем государстве, в том числе выходцев из Центральной Азии.

ГЛАВА IV

ВЫХОДЦЫ ИЗ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ПОЗДНЕТАНСКОМ КИТАЕ

Иноземцы в Китае в правление императора Дэ-цзуна

В 780 г. танский престол наследовал молодой амбициозный император Дэ-цзун (780-805 гг.). Он немедленно предпринял серьезные меры для укрепления центральной власти и внес изменения во взаимоотношения с соседями, прежде всего с Уйгурским каганатом и Тибетом. Если во время Дай-цзуна иноземцы, в особенности уйгуры и согдийцы, чувствовали и вели себя очень свободно в Поднебесной империи, то с первых дней своего правления Дэ-цзун издал указ, ограничивавший их права: уйгурам и согдийцам запрещалось носить китайскую одежду и вступать в брак с китайками [ЦЧТЦ, гл. 225, с. 7265]. Затем последовал более резкий шаг – император приказал всем уйгурам и согдийцам из каганата, численность которых доходила до тысячи, немедленно покинуть Чанъань [Макергас 1968, с. 64].

Эти недружественные акции осложнили танско-уйгурские отношения, которые и без того были натянутыми после военных столкновений в Тайюане в 778 году. Ситуацию усугубил возникший вскоре инцидент на границе. В середине 780 г. из Чанъани вышел в путь большой уйгурский караван, возглавляемый Тудуном, дядей только что пришедшего к власти в Ордубалыке уйгурского правителя Тон бага-таркана. Дойдя до границы с каганатом, караван был вынужден задержаться на несколько месяцев в приграничном воеводстве Чжэньу из-за междоусобицы в уйгурском обществе и дворцового переворота. Тем временем согдийцы, возвращавшиеся вместе с уйгурами в степь, узнав о том, что во время дворцовых событий в Ордубалыке погибло много согдийцев, решили возвратиться обратно в Китай, но им воспрепятствовал глава каравана Тудун. Тогда согдийцы вступили в переговоры с местными китайскими властями и предложили им перебить уйгуров [ЦТШ, гл. 195, с. 9а]. Китайский наместник Чжан Чжэньу,

желавший поскорее избавиться от присутствия на его территории уйгуров и согдийцев, воспользовался возникшим в их среде раздором, чтобы расправиться со всеми «варварами»: он приказал пригласить их на пиршество, напоить и перебить и уйгуров, и согдийцев [Maskerras 1972, с. 37-38].

Резня уйгуров и согдийцев вызвала негодование уйгурского двора, и, когда тела четырех высокопоставленных уйгуров были доставлены в Ордубалык, танский посланник, сопровождавший убитых, едва не поплатился жизнью за это. Он был продержан в заточении в течение почти пятидесяти дней. Мнения относительно ответных действий в отношении танского государства разделились: большая часть уйгурских вельмож выступила за то, чтобы предать смерти танского посла. Однако каган решил «не смывать кровь кровью» и приказал отпустить его, но при этом потребовал выплатить стоимость уйгурских лошадей, оценив долг танской династии уйгурам в 1 миллион 800 тысяч кусков шелка [Ma 1984, с. 69].

В 782 г. Дэ-цзун выплатил уйгурскому посланнику согдийцу Кан Чисиню 100 тысяч кусков шелка и 100 тысяч лянов серебра и золота и объявил о разрыве отношений с уйгурами [ЦЧТЦ, гл. 227, с. 7330]. В последующие годы, вплоть до 789 г., Танская империя не поддерживала отношений с Уйгурским каганатом.

Новая недружелюбная политика в отношении уйгуров была не только результатом изменившейся ситуации в Китае, который уже достаточно усилился, чтобы пересмотреть невыгодные для себя торговые отношения с северными соседями. Большую роль в изменении курса в отношении них сыграла личная неприязнь императора к уйгурам, вызванная унижениями, которые он испытал в 762 году. Как уже отмечалось нами, будущий император Дэ-цзун, являвшийся тогда наследным принцем Юн, был наказан уйгурским Бёгю-каганом, когда он прибыл для переговоров в его походную ставку в Северном Китае. При встрече с каганом принц отказался исполнить «церемониальный танец» перед шатром кагана, ссылаясь на то, что танские посланники пребывают в трауре по двум умершим императорам. Когда же китайские сановники заявили, что принц в силу своего статуса не должен кланяться чужеземному кагану, они были жестоко наказаны. Трех сопровождавшим принца сановникам было приказано дать по сто уда-

ров палкой; двое из них скончались от ударов на следующий же день, а принцу не было назначено наказание, «учитывая его молодость и отсутствие опыта» [СТШ, 271А, с. 6123-6124]. Встреча с каганом и расправа над сановниками были унижительными для танского принца и не могли не повлиять на танскую политику в отношении уйгуров во время его правления.

Видимо, не без танского вмешательства произошел переворот в Уйгурском каганате в 778 г., в результате которого Бёгю-каган, нанесший оскорбления будущему императору Дэ-цзуну, был убит, и на престол взошел его двоюродный брат министр Тон бага-таркан под титулом *Али Кутлуг Бильге-каган*. О вовлеченности танских дипломатов в переворот говорит тот факт, что он произошел во время посещения уйгурской ставки танскими послами. Естественно, танская сторона могла лишь способствовать перевороту, но истинные его причины были связаны с просогдийской политикой Бёгю-кагана.

Нами уже отмечалось, что во время похода в Китай в 762 г. Бёгю-каган познакомился с манихеями и принял «религию света» [Schlegel 1896, с. 12-16]. С обращением верховного правителя в новую религию в стране возвысились согдийцы, которые в то время были главными адептами манихейства. Бёгю-каган окружил себя советниками-согдийцами, которые стали оказывать влияние на государственную политику. Обращение в манихейство и провозглашение его государственной религией усилило западное направление в политике каганата, ориентированное на оседло-земледельческие оазисы Восточного Туркестана, в которых сильную позицию занимала манихейская религия. Как нам удалось показать ранее, обращение уйгуров в манихейство знаменовало собой окончательную культурно-идеологическую ориентацию уйгурского государства на Восточный Туркестан [Камалов 2001, с. 137-147]. Оно явилось своего рода идеологическим обоснованием четко обозначившегося в правлении Бёгю-кагана процесса перехода уйгуров от кочевых форм хозяйственной и культурной жизни к оседло-земледельческим, носителями которых в каганате выступали согдийцы [Тадзака 1940].

Перемены, происходившие в это время в уйгурском обществе, были замечены и китайскими историографами, которые видели их причину в обогащении уйгуров за счет торговли с Китаем. Так, Сыма

Гуан отмечал: «Ранее обычаи уйгуров были простыми и искренними, между господином и подчиненным не было большого различия, поэтому стремления народа были едиными, и [уйгуры] были сильны и непобедимы. Когда [уйгуры] оказывали услугу Тан, танское [государство] щедро награждало их. Тенгри-каган (Бёгю-каган – *А.К.*) впервые загордился, стал строить дворцы для своих жен, [у которых] имелись пудра, краски для бровей и украшенная вышивками [одежда]. Срединное государство впустую тратилось на них; обычаи иноземцев также разлагались» [ЦЧТЦ, гл. 226, 7282]. Доходы, которые уйгуры получали из торговли с Поднебесной империей, а прежде и из военных походов в Китай, несомненно, служили обогащению уйгуров, особенно аристократии, и вызывали тем самым изменения в обществе. Все же главные изменения в хозяйственной, социальной и культурной жизни уйгуров происходили под влиянием согдийцев.

Политика Бёгю-кагана, способствовавшая усилению позиций согдийцев, не могла не вызвать противодействия со стороны кочевой уйгурской аристократии. Результатом этого противодействия стал дворцовый переворот в Ордубалыке в 779 г., положивший конец правлению Бёгю-кагана и приведший к власти политическую оппозицию, которую возглавил близкий родственник кагана, его двоюродный брат Тон бага-таркан.

Переворот Тон бага-таркана по-разному интерпретировался в научной литературе. Д. Позднеев видел в Тон бага-таркане представителя какого-то отличного от Яглакар рода и тем самым рассматривал переворот как результат межплеменной борьбы [Позднеев 1899, с. 75-58]. Мнение Д. Позднеева получило развитие в трудах других ученых. Л.Н. Гумилев принимал Тон бага-таркана за ставленника шести телеских (огузских) племен, имевших равное положение с уйгурами, и считал, что переворот упразднил преимущественное положение токуз-огузов, понимая под последним лишь собственно уйгуров [Гумилев 1967, с. 408, 425]. Наиболее достоверная интерпретация переворота была впервые предложена японским исследователем К. Тадзака, охарактеризовавшим его как антисогдийский и антиманихейский [Тадзака 1940, с. 223-232]. К. Маккеррас, присоединяясь к оценке переворота, данной К. Тадзака, добавил, что он носил также прокитайский характер [MacKerras 1972, с. 38]. Переворот действительно

носил антисогдийский характер, однако оснований считать его прокитайским недостаточно. Такой вывод следует, по крайней мере, из позиции уйгуров в отношении разразившегося в скором времени восстания в Хэбэе (781-786 гг.).

Восстание хэбэйских губернаторов явилось следствием внутренних реформ, проводившихся императором Дэ-цзуном на начальном этапе своего правления. Придя к власти, он провел ряд административных реформ, направленных на восстановление контроля со стороны танского двора, возрождение бюрократических процедур, существовавших в стране во время Сюань-цзуна, и на ослабление позиций провинциальных правителей. Особые меры были приняты им для ограничения власти губернаторов северо-восточных провинций. Первым делом Дэ-цзун попытался покончить с практикой наследования должности губернатора в Хэбэе. В 781 г. он отказался утвердить в должности главы провинции сына умершего губернатора, что было расценено губернаторами Хэбэя как и покушение на их самостоятельность и побудило взяться за оружие. Восстание во главе с Чжу Тао поначалу вспыхнуло в Ючжоу, затем перекинулось на остальные три провинции – Иу, Чэндэ и Вэйбо [Mackerras 1972, с. 39]. Вскоре оно уже охватило весь Хэбэй и даже некоторые районы Центрального Китая. Восстание длилось в течение последующих пяти лет, а его апогеем стал мятеж Чжу Цы, брата мятежного губернатора Чжу Тао. Последний в 783 г. захватил Чанъань, вынудив Дэ-цзуна бежать из столицы, и провозгласил себя императором.

Восстание хэбэйских губернаторов было умиротворено благодаря раздору между предводителями повстанцев и тому, что, как и во время восстания Ань Лушаня, Южный Китай остался верным танской династии. Несмотря на то, что попытки Дэ-цзуна укрепить центральную власть, не привели к сколько-нибудь ощутимым результатам, положительные изменения были практически во всех сферах управления. Достаточно сказать, что к концу своего правления Дэ-цзун сумел укрепить финансовую ситуацию в стране и создать новую дворцовую армию, которая стала опорой центрального правительства. Эти успехи в усилении центральной власти имели, однако, негативные последствия. Некоторые новшества, введенные им, например, передача полномочий министров членам личного секретариата Ханьлинь-юань,

а командования новыми армиями – евнухам, оказались источником угрозы для стабильности государства после смерти Дэ-цзуна, в правление не столь сильных, как он, императоров [Cambridge 1979, с. 589-598].

После подавления восстания хэбэйских губернаторов северо-восточные провинции Китая сохраняли значительную самостоятельность вплоть до распада Танской империи. Исключением был период правления Сянь-цзуна (806-829 гг.), который на короткое время смог поставить хэбэйских правителей под контроль центра. Успех местных губернаторов строился на справедливом, но жестком правлении. Об одном из них историографы рассказывали, что «его правление было суровым и жестоким; на всей земле ни один человек не осмеливался высказывать неосторожные замечания», о другом отмечали, что тот был справедлив и знаменит «величием и могуществом» [Pulleyblank 1976, с. 52].

Э. Пуллиблэнк, изучавший истоки милитаризма в Танской империи, обратил внимание на то, что сепаратизм в Хэбэе был связан не только с губернаторами и небольшой группой полководцев, но имел достаточно широкую социальную базу. В этом районе было совершенно иное отношение к повстанческим предводителям – Ань Лушаню, Ши Сымину и их династии Янь. Это отношение хорошо проявилось в 820 г., когда в Ючжоу прибыл Чжан Хунцзин, первый губернатор, назначенный императором. Из-за того, что восстание Ань Лушаня началось именно в Ючжоу, Чжан Хунцзин решил в корне ликвидировать память о повстанческом лидере, велел вскрыть могилу Ань Лушаня и разрушить внутренний и внешний гробы. Недовольство населения этими кощунственными действиями вскоре переросло в мятеж [Pulleyblank 1976, с. 50].

Ань Лушань был популярен и в других частях Хэбэя. Так, Тянь Чэнсы, первый военный губернатор Вэйбо, однажды построил храм, посвященный четырем императорам династии Янь – Ань Лушаню, Ань Цинсюю, Ши Сымину и Ши Чаои, которых почтительно именовал «четырьмя мудрецами» (кит. *сышэн*). Когда в последующем один из потомков этого губернатора выразил верность танскому двору, то его подчиненные в знак протеста ушли служить к другому губернатору некитайского происхождения.

Во время восстания хэбэйских губернаторов уйгуры и тибетцы заняли позиции, совершенно противоположные тем, которые они занимали во время восстания Ань Лушаня. На этот раз в роли союзников танской династии выступили тибетцы. Прервав отношения с Уйгурским каганатом, Дэ-цзун ориентировал внешнюю политику династии Тан на сближение с Тибетом. Еще в 780 г. он предложил Тибету заключить мирный договор, который после долгих переговоров был достигнут в 783 году. Согласно договору, Китай уступил Тибету часть своей территории, которая была уже занята тибетцами, а также между двумя государствами была проведена пограничная линия [СТШ, гл. 217А, с. 6121-6123]. На территориальные уступки Дэ-цзун был вынужден пойти из-за восстания в Хэбэе. Кроме того, ему пришлось обратиться к тибетцам за помощью в борьбе с повстанцами, пообещав им за это передать свои фактически утерянные наместничества в Западном крае [ЦЧТЦ, гл. 231, с. 7442].

Тем временем уйгуры, находившиеся в конфронтации с танской династией, оказали поддержку мятежным губернаторам в Хэбэе. Участие уйгуров в хэбэйском восстании длительное время оставалось вне поля зрения исследователей, так как главный источник сведений об уйгурах, «Повествование об уйгурах» танских династийных историй, не содержит об этом никакой информации. Сведения об участии уйгуров в восстании сохранились в жизнеописаниях хэбэйских губернаторов Чжу Тао, Ван Уцзюня, а также Чжу Цы. Впервые на них обратила внимание И. Эчеди [Ecsedy 1964, с. 88], после чего несколько подробнее их изложил К. Макеррас во втором издании своей книги [MacKerras 1972, с. 39-41]. Однако предложенные этими учеными интерпретации событий не совсем соответствуют действительности.

Участие уйгуров в антитанском мятеже хэбэйских губернаторов (781-786 гг.) стало вторым в истории Уйгурского каганата случаем вовлечения уйгуров во внутренние войны в Китае после восстания Ань Лушаня. Хэбэйские губернаторы обратились за помощью к уйгурам в 783 г., после того, как предводитель восставших в столице – Чжу Цы, объявил о создании им новой династии Хань. Обстоятельства заключения военного союза повстанцев с уйгурами описываются в «Биографии Чжу Тао» в новой редакции танской династийной истории: «Ранее уйгуры выдали девушку замуж за правителя [племени]

си. В конце эры правления Дали (766-779 г.) среди си была смута, [во время которой] был убит их правитель. Жена [правителя] бежала и по пути домой остановилась в Пиньлу. [Узнав об этом], Чжу Тао разложил на ее пути парчу и вышитые ткани. Когда она прибыла, он попросил ее выйти за него замуж. Женщина обрадовалась и дала согласие. Тогда [Чжу] Тао направил посла к уйгурам, чтобы предоставить [им] подарки от зятя. Уйгуры обрадовались и в ответ подарили [ему] знаменитых лошадей и драгоценные предметы. Когда [Чжу Тао] узурпировал титул *вана*, он вместе с [Ван] Уцзюнем, [Тянь] Юэ и [Ли] На преподнес уйгурам четыре золотых замка с такими словами: «Четыре [наши] владения хотят повиноваться приказу кагана. Почтительно подносим золотые замки, чтобы, открывая и закрывая их, [каган мог] давать и принимать то, что им будет велено. А сейчас [мы] просим дать [нам] войско». Две тысячи всадников уйгуров последовали [за ними]» [СТШ, гл. 212].

Две тысячи всадников, пришедшие на помощь хэбэйским губернаторам, видимо, составляли лишь первый уйгурский контингент, появившийся в Хэбэе во время восстания. В том же источнике, несколько ниже приведенного текста, упоминается трехтысячное уйгурское войско. О трехтысячном войске уйгуров сообщает также Сыма Гуан: «Уйгурский *таркан* во главе тысячи уйгуров и двух тысяч других инородцев прибыл на северные рубежи округа Ючжоу. Чжу Тао тогда объяснил ему, что он хочет вместе с ним отправиться в Хэнань и захватить восточную столицу [Лоян], соединиться с [войсками] Чжу Цы. Он обещал отдать ему в качестве добычи юношей и девушек Хэнани. [Чжу] Тао взял уйгурку в жены второго ранга. Уйгуры называли его «зять Чжу». [Они] согласились иметь [с ним] свою долю в пленных и добыче» [ЦЧТЦ, гл. 220, с. 7365-7366].

Сообщения о конкретных боевых действиях уйгурской конницы фрагментарны и не позволяют составить целостного представления о всех ее передвижениях и сражениях. Известно, например, о факте их грабежа в местности Гуаньтао в первом месяце 784 г. [ЦЧТЦ, гл. 229, с. 7395]. Известно также, что войска Чжу Тао с уйгурами так и не дошли до Лояна и не смогли соединиться с армией Чжу Цы, который в скором времени был изгнан правительственными силами из Чаньани

при помощи тибетцев. Помощь уйгуров не повлияла на исход хэбэйского мятежа, который был окончательно подавлен в 786 году.

Последнее упоминание уйгуров в связи с восстанием хэбэйских губернаторов относится к 5-му месяцу 784 года. Под этой датой Сыма Гуан помещает в своей хронике подробное описание сражения в округе Бэйчжоу, закончившегося сокрушительным поражением войск Чжу Тао и уйгуров [ЦЧТЦ, гл. 231, с. 7431-7432]. Согласно «Цзю Тан шу», в этом бою попали в плен триста уйгуров [ЦТШ, гл. 146]. В последующие годы уйгурские правители сохраняли враждебность в отношении Китая. Это видно из следующего заявления танского военачальника Ли Шэна в 785 г.: «Сейчас на западе тибетцы, на севере уйгуры, на юге [мятежники в] Хуайси – все ждут нашего ослабления» [ЦЧТЦ, гл. 231, с. 7453].

Анализируя события, связанные с участием уйгуров в восстании в Хэбэе, К. Макеррас обратил внимание на то, что прямая конфронтация каганата с танской династией плохо увязывается с весьма дружественным отношением к ней нового уйгурского кагана – Тон бага-гаркана, в периоды до и после начала конфронтации. Исходя из своей гипотезы о прокитайском характере переворота в Ордубальке, он объясняет это противоречие следующим образом: помощь повстанцам оказала какая-то группа или племя уйгуров, которые хотели отомстить танскому двору за своих родственников, перебитых китайцами во время пограничного инцидента в 780 г. [Mackerras 1972, с. 41]. О том, что поход уйгуров в Хэбэй являлся незначительным событием, к которому не имел отношения каган, по его мнению, свидетельствовал, в частности, титул уйгурского военачальника, управлявшего уйгурской конницей – *таркан*. В отличие от предыдущих походов в Китай, возглавлявшихся непременно представителем каганского рода, на этот раз уйгурами командовало лицо, имевшее невысокий ранг.

Между тем, из цитированного нами текста видно, что экспедиция уйгуров в Хэбэй санкционировалась непосредственно каганом, который, однако, отнесся к ней довольно осторожно. Во-первых, командующим войском был назначен один из ординарных военачальников (*таркан*); во-вторых, само войско было сформировано в большей степени из воинов неуйгурского происхождения: по Сыма Гуану, уйгуры составляли лишь 1/3 часть от общей численности воинов, осталь-

ная же часть состояла из «смешанных инородцев» [ЦЧТЦ, гл. 231, с. 7431-7432]. Заслуживает внимания и тот факт, что за повстанческого руководителя Чжу Тао уйгуры выдали замуж девушку, не принадлежавшую к царскому роду (иначе она бы не стала женой второго ранга). Все эти предосторожности оправдали себя в ходе последующих событий, когда возникла необходимость в восстановлении мира с танской династией. Заинтересованный в союзе с Уйгурским каганатом танский двор «закрыв глаза» на враждебные действия уйгуров во время хэбэйского восстания.

Используя широко применявшийся еще со времен Конфуция способ сокрытия отдельных фактов [Yang Lien-sheng 1961, с. 51-52], составители династийных историй поместили сведения об участии уйгуров в выступлении хэбэйских правителей не в специальном повествовании об уйгурах, а в биографии предводителей мятежа Чжу Тао, Чжу Цы и Ван Уцзюня. Последнее обстоятельство послужило причиной того, что союз уйгуров с хэбэйскими губернаторами в их борьбе с танской династией длительное время оставался вне поля зрения исследователей.

Для объяснения мотивов оказания Уйгурским каганатом помощи мятежникам представляется важным факт совпадения во времени пребывания уйгурского контингента на территории Китая с танско-тибетским союзом в 784-786 годах. По всей вероятности, поддержка уйгурами повстанцев явилась реакцией на заключенный в 783 г. китайско-тибетский договор о мире. Поддержка уйгурами антитанского восстания являлась логичной в условиях конфронтации между Уйгурским каганатом и Китаем. Она продемонстрировала гибкость политики уйгуров в отношении Танской империи.

Восстание в Хэбэе вынудило императора Дэ-цзуна пересмотреть отношение к статусу северо-восточных провинций. По образному выражению Э. Пуллиблэнка, Дэ-цзун потревожил «осиное гнездо» и был вынужден вернуться к политике своего отца, вернув северо-востоку автономию в управлении местными делами [Pulleyblank 1976, с. 59; СТШ, гл. 212, с. 1606]. Наряду с внутренними реформами не оправдала себя и внешняя политика Дэ-цзуна. Война с повстанцами показала, что тибетцы, на которых ориентировался Дэ-цзун во внешней политике, были ненадежными союзниками. После многих ин-

цидентов танско-тибетский союз окончательно распался в 784 году. Одной из главных причин распада союза был отказ Китая передать Тибету западные наместничества за оказанную помощь. Значение танско-тибетского договора, заключенного в 783 г., несколько преувеличивал А.Г. Малявкин, который считал, что после его подписания «взаимоотношения между двумя суверенными государствами носили в основном мирный характер» и что «военные действия на восточных границах Тибетского государства прекратились. Тибетцы активизировали борьбу за обладание Кашгарией» [Малявкин 1983, с. 20]. Как видно, А.Г. Малявкин проводит прямую связь между танско-тибетским союзом и активизацией тибетцев в Восточном Туркестане. Между тем возобновлению борьбы тибетцев за Кашгарию способствовало не заключение этого союза, а как раз разрыв отношений с танским Китаем.

Изменение военно-политической обстановки в связи с войной с Тибетом заставило Дэ-цзуна восстановить дружественные отношения с Уйгурским каганатом. Восстановление отношений с уйгурами связано с именем танского министра Ли Би (722-789 гг.), одного из главных противников передачи западных наместничеств Тибету в 784 году. Став министром в 787 г., Ли Би предложил императору создать анти tibetскую коалицию, заключив союз с уйгурами, Индией, среднеазиатскими государствами (кит. *даши*) и государством Наньчао, и тем самым окружить Тибет враждебными странами [Maskerras 1968, с. 68-72]. План Ли Би в целом получил одобрение императора, который, однако, выступил против союза с уйгурами. Министру пришлось приложить немало усилий к тому, чтобы мир с ними был все же заключен. Симпатии, проявленные Ли Би к уйгурам, И. Эчеди объясняет тем, что он имел личные интересы в восстановлении дружественных связей с Уйгурским каганатом, поскольку он ведал поступлением налогов из западных наместничеств, которые поступали через территорию каганата [Ecsedy 1964, с. 88]. Вместе с тем заключение союза с уйгурами диктовалось объективной необходимостью: отказавшись передать Тибету формально подчиненные Китаю западные наместничества и в то же время не имея возможности защитить их, танская династия была вынуждена пойти на союз с Уйгурским каганатом, фактически контролировавшим положение в Восточном Туркестане.

В союзе с танской династией были заинтересованы и уйгуры, однако союз им был выгоден не столько в военно-политическом плане, сколько в экономическом. Кроме имевшего для уйгуров политическое значение династийного брака с танским домом, заключенный в 788 г. уйгуро-танский союз не давал им никаких других военно-политических прерогатив, но предоставлял возможность торговать с Китаем. Положения договора, зафиксированные в китайских источниках, сводились главным образом к регулированию торговых отношений между двумя государствами, точнее определению тех условий, на основе которых танская династия соглашалась вести торговлю с уйгурами. Эти условия были следующими: 1) уйгурский каган признавал себя вассалом (кит. *чэнь*) танского императора, 2) число уйгурских посланников в Китай не должно было превышать 200 человек (здесь очевидно, что под «посланниками» имелись в виду торговые посредники), 3) количество пригоняемых уйгурами лошадей не должно было превышать одной тысячи голов, 4) уйгуры не должны были угонять к себе китайцев и торговцев-согдийцев (кит. *шанху*) [ЦЧТЦ, гл. 233, с. 7504-7505]. Е. Тюнь, изучавшая танско-уйгурский договор, допустила ошибку, указав неверную дату его заключения – 783 г. [Тюнь 1987, с. 154-156]. Эта неточность, восходящая к переводам Н.Я. Бичурина и ставшая переходящей ошибкой в научной литературе, вызвала неверную реконструкцию международной обстановки, в которой заключался договор [Бичурин 1950-1953, т. 1, с. 326].

В упомянутом выше договоре обращает на себя внимание последний пункт, из которого явствует, что в Северном Китае все еще было согдийское население, занимавшееся торговлей, и уйгуры часто угоняли не только китайцев, но и этих согдийцев. Численность их должна была быть достаточно значительной, если вопрос о них стал предметом обсуждения на столь высоком уровне.

После заключения договора с Уйгурским каганатом отпала необходимость в союзнических договорах с другими государствами, поскольку главная роль в борьбе с Тибетом в планах Ли Би отводилась именно уйгурам. Впрочем, несколько позже танской династии удалось привлечь на свою сторону южного соседа – государство Наньжао. Антитибетский союз уйгуров с Китаем был реализован во время начавшейся вскоре уйгуро-тибетской войны в Восточном Туркестане в 792-794 годах.

Начальный этап войны получил довольно подробное освещение в танских сочинениях в связи с тем, что в это время в военных действиях приняли участие остатки военных гарнизонов в бывших танских наместничествах – Аньси и Бэйтине (Бешбалыка). Источники рассказывают, что уйгуры подвергали жестокому насилию и грабежу племена, которые обитали в районе Бэйтина и находились в их подчинении. Восстание этих племен против уйгуров в 789 г. было поддержано тибетцами, которые не замедлили воспользоваться ситуацией для вторжения в Восточный Туркестан. Среди племен, вступивших в союз с тибетцами против уйгуров, называются западно-тюркское племя *шато*, карлуки и тюрки в белой одежде: «более 6000 шатров *шато* были тесно связаны с Бэйтином и также находились в подчинении уйгуров. Уйгуры произвольно грабили их, и народ выражал недовольство. Карлуки и тюрки в белой одежде жили в согласии с уйгурами, но также жаловались на их грабежи. Тибетцы с помощью дорогих подарков подкупили и завлекли их, и они присоединились [к тибетцам]. И тогда тибетцы во главе карлуков и [тюрков] в белой одежде в предшествующем году (790 г.) вторглись в [район] Бэйтина» [ЦТШ, гл. 1966].

В приведенном сообщении требует пояснения выражение «тюрки в белой одежде» (кит. *байфу туцзюэ*). Дж. Гамильтон и И. Эчеди считали, что оно употреблено китайскими историографами в отношении тех западно-тюркских племен, которые помогали правителю Хорасана Абу Муслиму в борьбе с аббасидами в 780-783 гг. и приняли участие в восстании его приверженцев в Бухаре, а после поражения восстания бежали в Восточный Туркестан [Ecsedy 1964, с. 97]. Вместе с тем И. Эчеди отмечала, что белый цвет являлся священным у манихеев, соответственно, скорее всего, речь идет о тюрках, исповедовавших манихейство.

Исходя из цитированного сообщения, И. Эчеди относила к сторонникам тибетцев и племя *шато*. Однако из других сообщений танских источников известно, что *шато* были насильственно подчинены тибетцами и позже переселены из Бэйтина в район Хэси. Во время войны с уйгурами в начале IX в. тибетцы, опасаясь, что *шато* перейдут на сторону противника, попытались вновь переселить их, но на этот раз *шато* бежали от них в пределы танского государства. Поэтому, очевидно, что *шато* не поддерживали тибетцев, союзниками

же тибетцев были карлуки и тюрки-манихеи. Именно при поддержке последних тибетцы в 790 г. вторглись в район Бешбалыка. Отбив подроспевшие на помощь Бэйтину уйгурские войска во главе с Эль Угаси (кит. *Сеюйцзясы*), тибетцы окружили город, оборону которого вел небольшой контингент танских войск генерала Ян Сигу. Силы оказались неравными, и город был взят. «Цзю Тан шу» обращает внимание на то, что жители Бэйтина предпочли сдаться тибетцам, чем находиться под властью уйгуров [ЦТШ, гл. 196Б, 10а].

После падения Бешбалыка танский генерал Ян Сигу с двухтысячным войском бежал в Турфан (Сичжоу), располагавшийся юго-восточнее Бешбалыка. Осенью 790 г. он присоединился к Эль Угаси, который прибыл из Ордубалыка во главе 50-60 тысячного уйгурского войска. Их совместный поход в Бешбалык оказал безуспешным: на этот раз тибетцы и карлуки нанесли серьезные поражения Ян Сигу и Эль Угаси, и из двух тысяч танских воинов в живых остались только 160 человек. Вместе с этими воинами Ян Сигу по уговору уйгурского военачальника, обещавшего переправить его в Чанъань, отправился в ханскую ставку. Там он был задержан уйгурами и убит, причем причины убийства не раскрываются.

С разгромом войска Ян Сигу и других мелких танских подразделений окончательно было ликвидировано танское присутствие в Восточном Туркестане. В последующем войну с тибетцами вели только уйгуры, об успехах которых танский двор мог судить лишь по информации, поступающей от уйгурских посланников. О дальнейшем ходе уйгуро-тибетской войны «Цзю Тан шу» сообщает следующее: «В 8 луну 7 года (эры правления Чжэньюань, 3.09.-2.10.791) уйгуры прислали послов, которые представили [императору] пленников и скот, захваченные у разбитых ими в Бэйтине тибетцев и карлуков. Ранее тибетцы вторглись в Линьзу, где потерпели поражение от уйгуров, которые ночью атаковали их огнями, испугали и заставили отступить. В 12 луну уйгуры прислали генерала Шачжи, который представил [императору] пленного – старшего вождя тибетцев [Шан] Цзесина» [ЦТШ, гл. 195, 10а]. Из этого сообщения видно, что через несколько месяцев после поражения Иль Угаси уйгуры предприняли широкое контрнаступление в Восточном Туркестане и даже пришли на помощь танской армии в Шофане, в северном округе танского государ-

ства. На этот раз им удалось разбить тибетцев и карлуков под Бешбальком. Танские источники не содержат сведений о дальнейшем ходе уйгуро-тибетской войны. Исходя из приведенных выше свидетельств, можно считать, что война была выиграна уйгурами, убедительные доводы в пользу чего приводит Т. Мориясу [Мориясу 1973, с. 77-80].

Миграция уйгуров в Северный Китай в 840-848 гг.

Процесс децентрализации власти в танском Китае усилился в период после правления императора Дэ-цзуна. Его наследник Шунь-цзун (805-806 гг.) вообще был не в состоянии заниматься государственными делами и передал управление сановнику Ван Шувэню, который предпринял попытку ограничить влияние дворцовых евнухов в армии, вытеснив их из командования. Следующий император Сянь-цзун (806-821 гг.) также приложил много усилий для восстановления императорской власти над провинциями. Ему удалось подавить восстания в Сычуане в 806 г. и в нижнем течении Янцзы в 807 году. Однако его попытка распространить контроль на Хэбэй в 809-810 гг. закончилась неудачно. К 821 г. провинциальный сепартизм удалось ослабить благодаря административным реформам, направленным на восстановление префектур и округов как главных административных центров. Отныне губернаторы провинций стали назначаться на должности великих министров. Все эти реформы, направленные на усиление влияния центра, однако, привели опять к усилению дворцовых евнухов. Сам император Сянь-цзун был убит одним из евнухов. После 820 г. без евнухов – будь то генералы или члены Дворцового Совета, не обходилась ни одна смена правителя в Китае. Взяв под контроль императорский дом, евнухи стали вмешиваться в государственное управление. Ситуация обострялась из-за разногласий среди бюрократии: каждая группировка чиновников пыталась заручиться поддержкой тех или иных евнухов и получить поддержку армии. Фракционная борьба продолжалась около сорока лет. Влияние евнухов особенно усилилось при Вэнь-цзун (827-841 гг.), при котором в 835 г. была совершена неудачная попытка дворцового переворота. Только императору У-цзуну (841-847 гг.) удалось при помощи министра Ли Дэюя на

некоторое время ограничить влияние евнухов и восстановить позиции бюрократии [Cambridge 1979, с. 659-665].

Именно при У-цзуне произошло событие, приведшее к увеличению численности тюркского населения империи и повлиявшее на положение иноземцев в Китае. Этим событием стало крушение Уйгурского каганата в 840 г., за которым последовало переселение части уйгурских племен в северные области Китая. Падение каганата было вызвано рядом причин внутреннего и внешнего характера, главной из которых было ослабление власти верховного правителя – *кагана*. Дело в том, что последние десятилетия существования каганата ознаменовались междоусобной борьбой за престол между различными группами уйгурской аристократии, стремившимися посадить на трон своих ставленников. Внутренняя ситуация обострилась изнурительной двадцатилетней войной с енисейскими кыргызами [Sinor 2000, с. 202]. Свою роль сыграли стихийные бедствия, обрушившиеся на территорию каганата. Борьба за власть особенно обострилась в 840 г., когда после ряда переворотов, одна из группировок обратилась за помощью к енисейским кыргызам, которые сочли момент удобным для нанесения решающего удара по своим давним врагам. Кыргызский каган совершил внезапный удар по Ордубальку, в результате чего уйгуры вынуждены были бежать с территории каганата.

Сведения китайских источников о судьбе уйгуров после падения каганата изучались кроме А.Г. Малявкина и Цзай Вэньшэня, труды которых уже упоминались выше, также Т. Мориясу [Мориясу 1977] и Т. Абэ [Абэ 1955], М. Дромппом [Drompp 2005]. А.Г. Малявкин выделил пять главных направлений миграции уйгуров после 840 г.: «1) северо-восточное – в районы Забайкалья к народу большие *шивэй*; 2) восточное – в районы обитания киданей; 3) южное, которое подразделяется на два, а именно: а) к границам Китая – в район большой излучины реки Хуанхэ и немного восточнее этого района – к Великой китайской стене; б) Прилашанье (восточная часть современной Ганьсу) и Принаньшанье – в долину реки Эдзингол; все эти территории входили в состав тибетского государства; 4) юго-западное – в Турфанский оазис и в район Кучи... 5) западное – в Джунгарию и Семиречье – район, контролируемый карлуками» [Малявкин 1974, с.

7]. Из этих направлений основными были три – к Великой китайской стене, в Принаньшанье и Восточный Туркестан.

Миграция уйгуров с территории каганата рассматривалась А.Г.Маявкиным как стихийное бегство, явившееся следствием распада государства «на ряд самостоятельных частей по родоплеменному признаку» [Маявкин 1983, с. 25]. Такой вывод, однако, не подтверждается данными источников, которые свидетельствуют о том, что распад каганата произошел не по родоплеменному, а по политическому признаку. Об этом, в частности, говорит тот факт, что представители одного и того же племени *пугу* после падения каганата оказались как в южной группе беженцев, так и в восточно-туркестанской. Различие политической ориентации разных групп беженцев обнаруживается при изучении генеалогических связей последних уйгурских каганов с предводителями беженцев.

После длительного периода военно-политического подъема в конце VIII – начале IX вв. Уйгурский каганат вступил в полосу неурядиц, начавшуюся с длительной изнурительной «северной войны» с енисейскими кыргызами. Неудачи уйгуров в этой войне сопровождались внутренней междоусобной борьбой, первые серьезные признаки которой проявились в дворцовом перевороте в 832 году. В этот год был убит правивший Чжаоли-каган (824-832 гг.), и на трон возшел его племянник Ху-тегин, известный также под титулом Чжаньсинь-каган (832-839 гг.). Междоусобная борьба особенно обострилась в последние годы существования Уйгурского каганата. Согласно «Цзю Тан шу», в начале эры правления Кайчэн (около 839 г.) в уйгурской столице была предпринята попытка свержения Чжаньсинь-кагана [ЦТШ, гл. 195, 12а]. Заговор, однако, был раскрыт, а его участники – министр Ань Юньхэ (судя по фамилии, согдиец) и принц Чай Цао преданы смерти. На этом противники Чжаньсинь-кагана не прекратили борьбу. Их предводитель министр Курабир (кит. *Цзюэ-ло-у*) обратился за помощью к бывшим подданным уйгуров тюркам-*шато*, жившим в это время в Северном Китае. Подарив их вождю триста «отличных лошадей», он заручился его поддержкой и в 839 г. вместе с конницей *шато* напал на каганскую ставку. В ходе столкновения Чжаньсинь-каган был убит, а Курабир возвел на престол Хэса (иероглифы, входящие в это имя, отличаются от иероглифов в имени Хэса-тегина, правившего в 824-832 гг.) [Mackerras 1968, с. 124].

Танские источники расходятся в показаниях о личности и имени последнего уйгурского кагана, занимавшего престол в 839-840 годах. Весьма оригинальной является версия «Тан хуэйяо», согласно которой министр Курабир и Хэса-каган – одно и то же лицо [ТХЯ, гл. 98, с. 1749]. Эту версию признавал достоверной Ханеда Тору [Ханеда 1957а, с. 288-289]. Однако известно, что в сообщениях о последних десятилетиях истории каганата «Тан хуэйяо» допускает немало неточностей, поэтому едва ли его версия может считаться надежной.

Свержение Чжаньсинь-кагана (Ху-тегина) в 839 г. министром Курабир, имя которого совпадает с наименованием одного из десяти уйгурских родов (уйг. *он уйгур*), Такео Абэ рассматривал как реставрацию династии Яглакар, правившей в каганате до 795 года [Абэ 1955, с. 185-186]. Такое мнение, казалось бы, подтверждается кыргызским памятником из Суджи, называющим последнего уйгурского кагана *Яглакар-ханом* [Кляшторный 1991, с. 163]. Вместе с тем именование кагана *Яглакаром* еще не указывает на то, что он на самом деле происходил из этого рода, так как уйгурские правители конца VIII - начала IX вв. независимо от их родоплеменной принадлежности относили себя к царскому роду Яглакар: только принадлежность к нему давала право на обладание верховной властью. Так, например, Яглакаром считал себя уйгурский Кутлуг-каган (Хауйсинь-каган, 795-805 гг.), несмотря на то, что происходил из токуз-огузского племени *эдиз* [СТШ, гл. 217А, 96].

В правление последнего кагана Хэса на уйгурские кочевья обрушились стихийные бедствия. В этих условиях сокрушительным оказался удар, нанесенный кыргызами. В 840 г. глава одной из противоборствующих группировок Кюлюг-бага, бежавший ранее к кыргызам, привел сотысячное кыргызское войско, которое разгромило уйгуров. Под ударами кыргызов уйгурские племена бежали в разных направлениях, о которых уже отмечалось выше.

Южную группу бежавших из Ордубалыка уйгуров возглавил поначалу Уцзе-каган (Уге), а затем его младший брат Энянь-каган. По мнению А.Г. Малявкина, Уцзе-каган (Уге) принадлежал к роду Яглакар, восстановившему свою власть в 839 году. Он также считал, что в 795-839 гг. в каганате правила династия Эдизов, к которой, в частности, относился Ху-тегин, правивший в 832-839 гг. [Малявкин 1983, с.

22, 120]. Между тем, А.Г. Малявкин не учел сообщения «Тан хуэйяо», о том, что Уцзе-каган являлся младшим братом Чжаоли-кагана (824-832 гг.) и дядей Ху-тегина (Чжаньсинь-кагана, 832-839 гг.). Последнее означает, что Уцзе-каган также происходил из *эдизов*, иначе все рассуждения о противоборстве Яглакаров с Эдизами теряют под собой почву.

После смерти Уцзе-кагана южную группу уйгуров возглавил его младший брат Энянь-каган (848-849 гг.). Источники именуют жену Эняня «Гэлу», т.е. *карлук*, из чего явствует существование родственных отношений между родом кагана и карлукскими племенами [Ecsedy 1980].

Как видно из вышесказанного, предводители южной группы уйгуров принадлежали к той династии, последний представитель которой Чжаньсинь-каган был свергнут с престола в 839 году. Сведения о генеалогии последних уйгурских правителей можно представить следующим образом:

1. Чундэ-каган (821-824 гг.)
2. Чжаоли-каган (Хэса-каган, 824-832 гг.) – младший брат Чундэ-кагана или, по другим сведениям, младший двоюродный брат Чундэ-кагана
3. Чжаньсинь-каган (Ху-тегин, 832-839 гг.) – племянник Чжаоли-кагана
4. Уцзе-каган (840-848 гг.) – младший брат Чундэ-кагана и дядя Чжаоли кагана
5. Энянь-каган (848-849 гг.) – младший брат Уцзе-кагана (Уге)

Если следовать гипотезе о том, что в 795 г. Яглакаров сменила династия Эдизов, к которой принадлежал Кутлуг-каган, то следует признать Уцзе, равно как и его ближайших родственников – Чжаоли и Чжаосинь (Ху-тегин), представителем Эдизов, а не Яглакаров. А.Г. Малявкин полагал, что Эдизы, захватившие район Бешбалыка в 866 г., не были беженцами, «так как сведений об изгнании их с родных кочевий нет» [Малявкин 1983, с. 30]. Между тем в источниках нет указаний о том, что Эдизы были в составе племен, бежавших в Восточный Туркестан. Вместе с тем они обнаруживаются среди племен, бежавших в Китай: в 843-844 гг. танской власти подчинилось племя «министра Чжулоу Аде (Эдиза)» [ЦТШ, гл. 195, 146].

Группа уйгуров, бежавшая в Ганьсу, находилась в близких отношениях с восточно-туркестанской группой и возглавлялась, как и последняя, представителями Яглакаров. Созданный этими уйгурами Ганьчжоуский каганат просуществовал до начала XI в., и его история достаточно хорошо исследована в специальной литературе [Pinks 1968; Кычанов 1962].

Наиболее многочисленной являлась группа уйгуров, создавшая княжества в Восточном Туркестане. Первоначально ее возглавлял Пан-тегин, ставка которого находилась сначала в Карашаре (кит. *Яньци*), где он объявил себя *ябгу*, а затем принял титул кагана. Позже резиденция Пан-тегина была перенесена из Карашара в Кучар. Объединение уйгуров вокруг Пан-тегина рассматривается учеными как образование Кучарского княжества. Это княжество в 866 г. было завоевано бешбалыкскими уйгурами, включившими его в состав Уйгурского Турфанского государства [Gabain 1973; Zieme 2000].

В «Цзю Тан шу» имеется сообщение, позволяющее определить родственные связи Пан-тегина с правителями Уйгурского каганата. В ней говорится, что после падения каганата «уйгурский министр Сачжи с племянником (кагана) по женской линии Пан-тегином и пятью братьями – Наньлу, Эфенем и др., с 15-ю племенами бежал на запад к карлукам» [ЦТШ, гл. 195, 14а]. Это сообщение анализировалось А.Г. Малявкиным, который высказал мнение, что китайские историографы именовали Пан-тегина племянником танского императора, поскольку уйгурский двор находился в родственных связях с танской династией, для которой представители уйгурского двора были «племянниками по женской линии» [Малявкин 1974, с. 97]. Такая трактовка сообщения возможна, но лишь при наличии определенного контекста. Контекст же данного сообщения не позволяет принять ее. Более убедительным представляется мнение Дж. Гамильтона, по которому Пан-тегин был племянником последнего уйгурского кагана Хэса (839-840 гг.) [Hamilton 1955, с. 142]. Это мнение вполне соответствует – реальной исторической ситуации, сложившейся после 840 г., когда родичи и сторонники Чжаньсинь-кагана (Ху-тегина) во главе с Уцзе бежали на юг, а родственники и сторонники его противника Хэса-кагана, возглавляемые Пан-тегином обосновались в другом районе – в Восточном Туркестане. Военачальник Кюлюг Бага, бежавший к кыргызам, очевидно, не принадлежал ни к одной из названных группировок, а

представлял отдельную, находившуюся во вражде с обеими, группу уйгурской знати, а его сторонники и соплеменники после крушения каганата остались на прежних кочевьях в Монголии [Кляшторный 1991, с. 57-58].

Таким образом, междоусобная борьба, явившаяся одной из причин падения Уйгурского каганата, велась в последние годы существования каганата главным образом между тремя политическими группировками уйгуров, две из которых возглавлялись соответственно династиями Эдизов и Яглакаров. В результате крушения каганата эдизская группа бежала на юг и впоследствии подчинилась Танской империи. Более многочисленная группа уйгуров, возглавляемая Яглакарами, откочевала в западном направлении, причем часть этой группы возвратилась на древнюю этническую территорию уйгуров – в Ганьсу, а другая часть обосновалась в северных оазисах Восточного Туркестана, входивших в состав Уйгурского каганата [Камалов 2001, с. 192-193].

Крушение каганата совпало с приходом к власти в Китае нового императора У-цзуна (841-847 гг.), которому во время своего правления пришлось столкнуться с несколькими серьезными проблемами. Одной из них стало появление большого числа уйгурских беженцев в Северном Китае. Изучение этого вопроса впервые предпринято недавно американским ученым М. Дромппом, который перевел и проанализировал очень важный источник по событиям, связанным с разрешением возникшего тогда «уйгурского вопроса» – письма министра Ли Дэюя (787-850 гг.) [Drompp 2005].

Под ударами кыргызов на территорию Китая бежали две большие группы уйгуров. Первая из них появилась в районе к северу от города Тяньдэ осенью 840 года. Хотя ранее на границе происходили небольшие столкновения с уйгурскими отрядами, появление большого числа уйгуров стало неожиданностью для китайцев. Было совершенно очевидно, что уйгуры не имеют целью вторжение в пределы Китая, но вскоре прояснилось их желание получить разрешение поселиться на китайской территории. Во главе этой группы стояли высокопоставленные лица, включая Ормузд-тегина (кит. *У-мо-сы*), Нагид-чора (кит. *Насе-чжо*), министров Чисиня и Пугу. Очевидно среди уйгуров также было много согдийцев. Согдийское влияние обнаруживается

также в именах уйгурских вождей, которые реконструируются учеными на основе согдийского языка.

Первый доклад трону из Тяньдэ был отправлен 11 ноября 840 года. В нем сообщалось о вторжении уйгуров в Западный Шоусян (Западный город получения подчинения), на западе от Тяньдэ. Разрешение проблемы с уйгурами было поручено главному министру Ли Дэюю. Ли Дэюй происходил из известной в политических кругах семьи. Его дед Ли Сиюй занимал важный пост при императоре Дай-цзуне (762-780 гг.), а отец Ли Цифу (758-814 гг.) был главным министром при императоре Сянь-цзуне (806-821 гг.) [Cambridge 1979, с. 659-663]. Ли Дэюй был высокообразованным человеком, знатоком поэзии, сочинял стихи, разбирался в искусстве, разводил редкие виды растений и собирал редкие камни. До назначения главным министром в 840 г. Ли Дэюй имел большой опыт чиновничьей работы. Во время предыдущего императора Вэнь-цзуна (827-841 гг.) недолгое время он исполнял обязанности главного министра. Он также хорошо разбирался в проблемах пограничных областей: с 830 г. был военным губернатором Сичуани (совр. Сычуани) [Drompp 2005, с. 2-3]. За два года пребывания на этом посту он проявил себя как талантливый руководитель, способный быстро вникать в суть проблем и разбираться в их деталях, что было замечено императором Вэнь-цзуном, назначившим его главным министром. Ли Дэюй стал влиятельным лицом, на которого император возложил государственные дела, в числе которых вскоре оказался и вопрос об уйгурах.

Первой реакцией танского двора на сообщение о появлении уйгуров на границе империи стало обращение за советом к Лю Мянью, военному губернатору области Чжэнью, расположенной к востоку от Тяньдэ. Лю Мянью был опытным генералом, проводившим большую часть жизни на границе, командуя некитайскими войсками. Ему было приказано расположиться лагерем на заставе Юньцзя, чтобы отразить возможное нападение уйгуров. Вскоре тот сообщил императору об отступлении уйгуров, которые этим хотели показать, что они не имеют враждебных намерений в отношении Китая. Однако танские власти не устраивало пребывание уйгуров вблизи границы даже с дружескими намерениями, и главной их задачей было избавиться от «варваров», убедив их вернуться в степь. Этому было посвящено пер-

вое письмо Ли Дэоя уйгурам, которое было написано в общих выражениях и свидетельствовало о том, что танский двор имел смутное представление о том, что произошло в Уйгурском каганате. В письме Ли Дэюй ссылался на дружеские отношения между Китаем и уйгурами и призывал уйгуров не создавать беспокойства для танского государства [Drompp 2005, с. 212-214].

С появлением уйгуров на границе империи танский двор выразил озабоченность судьбой принцессы Тайхэ, которая была выдана замуж за уйгурского Баои-кагана в 821 г., а после смерти кагана оставалась в Ордубалыке. История принцессы Тайхэ в увлекательной популярной форме рассказана в книге С. Витфилд «Жизнь вдоль Шелкового пути» [Witfield 1999, с. 95-112]. Принцесса была дочерью императора Сянь-цзуна и приходилась тетей по отцовской линии У-цзуну и двум его предшественникам – Цзин-цзуну (825-827 гг.) и Вэнь-цзуну (827-841 гг.). Пребывание танской принцессы при уйгурском дворе имело большое политическое значение: оно служило залогом дружеских связей между двумя правящими домами. После бегства уйгуров из Ордубалыка танский двор должен был обеспечить безопасное возвращение на родину дочери покойного императора.

Прошло несколько месяцев без всяких происшествий, прежде чем к уйгурам был направлен посланник из Чанъаня для вручения письма от императора, которое было ответом на письмо Ормузд-тегина. Очевидно, ранее Ормузд подробно информировал императора об истинных масштабах постигшей уйгуров катастрофы. Письмо танского двора интересно тем, что оно было адресовано вождям группы уйгуров во главе с Ормуздом. В нем наряду с Ормуздом и Нагид-чора (Насе-чора), называются имена Сеюйцзясы (Эль-угаси), Юйцзе-и Адань Гань[юй-цзя]сы Мохэ дагань (Уге Алп Алтын угаси бага-таркан), министра Инань-чжу бицзя Дилюэ (Инанчу Бильге-тирак), Модо цзян-цзюнь Дилюэ (Батур сангун-тирак). В письме танская сторона вновь настоятельно советовала уйгурам вернуться в степь и изгнать своих врагов [Tsai 1967, с. 54-56].

Пребывание группы Ормузда на границе Тяньдэ вызывало тем временем беспокойство местных военачальников, часть которых была настроена воинственно и предлагала применить силу для изгнания уйгуров. К ней относились императорский комиссар Тянь Моу и

глава армии Вэй Чжунпин. Они предлагали использовать враждебные уйгурам племена туюйхуней (тогонов), тюрков-*шато* и тангутов, населявшие северные области империи, чтобы с их помощью разбить уйгуров [Drompp 2005, с. 213; Tsai 1967, с. 57]. Этот военный план вызвал оживленную дискуссию при дворе. Многие сановники поддерживали его, но главным его оппонентом выступил министр Ли Дэюй.

Заслуживает внимания, что при обсуждении плана действий в отношении уйгуров сановники вспомнили политику ханьских императоров в отношении *сюнну*. Как мы уже обсуждали выше, в древности правители Китая демонстрировали два разных подхода к решению проблем взаимоотношений с *сюнну*. Циньская династия, а затем ханьский император У-ди применили в отношении северных соседей агрессивную политику, которая завершилась неудачей и была осуждена в последующем многими историографами. Другую модель взаимоотношений с «варварами» показал ханьский император Сюань-ди в середине I в. до н.э.: когда в обществе *сюнну* разгорелась борьба за власть между двумя претендентами, он поддержал одного из них – Хуханье, который признал вассалитет от Ханьской империи, прислав своего сына на службу ко двору императора. Поддержка ханьской династией Хуханье решила соперничество в его пользу.

Подчинение Хуханье Китаю стало выдающимся событием ханьского периода, показывавшим, как можно с помощью мирных средств умиротворить кочевников. Несмотря на то, что император лично не сыграл никакой роли в успокоении *сюнну*, а лишь воспользовался их междоусобицей, этот случай стал образцом мирного умиротворения иноземцев. Ханьский Сюань-ди считался мягким правителем, принимавшим мудрые решения и достигшим мира посредством применения политики *хуайжюу*, т.е. использования доброты и мягкости для привлечения иноземцев к китайской цивилизации и достижения посредством этого мира и спокойствия в пограничных областях.

Эти две модели внешней политики – агрессивная наступательная и мирная благожелательная, были очень важны для танского дома, который всегда равнялся на Ханьскую империю. Из двух ханьских моделей обращения с «варварами» министр Ли Дэюй считал наиболее приемлемой политику *хуайжюу*. Поэтому он обратился к императору с призывом, помня о заслугах уйгуров в подавлении восстания Ань

Лушаня и учитывая их бедственное положение, отказаться от нанесения удара по ним. Он предложил направить посланников для умиротворения уйгуров и снабжения их провиантом, по аналогии с тем, как поступил ханьский император Сюань-ди в отношении Хуханье. Аргументируя необходимость такого обращения с уйгурами, министр ссылался на малочисленность танских гарнизонов в области Тяньдэ, отмечая, что одной тысячи воинов недостаточно для организации эффективной обороны, в случае открытия военных действий против уйгуров. Свои предложения Ли Дэюй обосновал в нескольких докладах трону [Drompp 2005, с. 44-47].

В октябре 841 г. император У-цзун вновь созвал совещание министров. На нем Ли Дэюй сумел убедить императора в необходимости направить зерно уйгурам, которые с наступлением зимы в поисках провиантов могли атаковать позиции Тяньдэ. В результате, танские власти доставили уйгурам 20 тысяч ху (около 1600 тонн) зерна. Одновременно, по совету Ли Дэюя, были предприняты меры для укрепления танских позиций в Тайюани, учитывая возможность вторжения в эту область тибетцев [ЛВГ, гл. 13, с. 103].

О судьбе танской принцессы стало известно лишь в конце 841 г., когда в столицу прибыл ее посланник с сообщением о том, что она находится в лагере нового кагана Уцзе (Уге), который просит признания Китаем его власти. Из источников известно, что Уге имел дотронное имя *Уси-тегин* и являлся вождем тринадцати уйгурских племен. Группа уйгуров под предводительством Уге-кагана приблизилась к границе Китая в первые дни 842 года. Каган просил через своего посланника дать ему во временное пользование город в области Чжэнью, чтобы он мог поселиться там вместе с принцессой Тайхэ [Малявкин 1974, с. 32]. Эта просьба была беспрецедентной в истории: впервые правитель другой страны являлся в Срединное государство с просьбой предоставить ему для поселения целый город. Такая уверенность иноземного правителя основывалась на том, что при нем находилась танская принцесса, которая использовалась им в качестве заложницы. Однако кагану было отказано в его просьбе.

Ведя переговоры с уйгурами, танская сторона решила укрепить приграничные округа, чтобы быть готовой отразить вторжение. В начале 842 г. на границу был направлен специальный посланник двора

для выяснения ситуации. Особое внимание было уделено старому гарнизонному городу Батоуфэн и трем городам Шоусян. Тем временем, отдельные уйгуры из группы Ормузда стали подчиняться танским властям, которые, получив от них нужную информацию, расправлялись с ними физически. Эти случаи встревожили Ли Дэюя, который, опасаясь реакции остальных уйгуров, предложил переселять подчинившихся уйгуров вглубь китайской территории.

Между тем произошел раскол среди вождей первой группы уйгуров. Очевидно существовавшие противоречия между вождями обострились из-за длительного пребывания на границе без провианта, и уйгуры стали перед дилеммой – либо подчиниться Китаю, либо начать грабить приграничные города и селения. Министры Чисинь и Пугу были сторонниками совершения рейдов на танскую территорию, а Ормузд предпочитал подчиниться Китаю. Когда группировка Чисиня уже намеревалась совершить рейд, Ормузд решил сообщить китайцам о ее планах и вступил для этого в сговор с Тянь Моу [СТШ, гл. 217Б]. Далее он пригласил двух вождей уйгуров в свой лагерь и убил их. Тогда другой вождь уйгуров, Нагид-чор, который, видимо, поддерживал Чисиня, с 7 тысячами соплеменников ушел на восток, где приблизился к границе армии Сюнью в хэбэйском округе Ючжоу. Это передвижение привело к первому крупному уйгуро-танскому столкновению: военный губернатор Ючжоу Чжан Чжунъю направил против уйгуров своего младшего брата Чжан Чжунъчжи с 30 тысячной армией. Точная дата и место сражения неизвестны, известно лишь, что уйгуры потерпели поражение, и Нагид-чор спасся бегством, однако вскоре был схвачен людьми Уге-кагана и предан смерти.

В результате этой военной акции, танским властям подчинилась большая группа уйгуров, включая двух *тегинов*, сестры кагана и нескольких сановников [Малявкин 1974, с. 29]. Источники расходятся в численности подчинившихся: в них имеются указания на 90 тысяч человек. Однако, по справедливому мнению М. Дроммпа, более вероятной является 30 тысяч, поскольку эта цифра отмечена во вводной части мемориальной надписи в честь Чжан Чжунъю [Drompp 2005, с. 62]. Подчинившиеся уйгуры были расселены в разных округах.

Для танской администрации было важно вступить в контакт с

главным предводителем уйгуров – Уге-каганом, месторасположение которого до сих пор было неизвестно. Специальный посланник императора Мяо Чжэнь, направленный вручить официальную грамоту на правление новому кагану, вернулся в столицу, так и не встретившись с ним. Возможно, он не застал кагана на прежнем месте; известно, что каган перекочевал в это время в область гор Цоцзы, расположенных в 300 ли на запад от Шицзибо.

Что касается Ормузда, то он подчинился Танской империи летом 842 года. Вместе с ним на службу танскому императору перешли двенадцать высокопоставленных уйгуров, 37 вождей племен, 2618 предводителей военных подразделений. Ормузд был пожалован высшими титулами старшего генерала левой имперской гвардии и принца воеводства Хуайхуа. Примечательно, что последний титул полностью совпадал с титулом, который когда-то император Тай-цзун пожаловал подчинившемуся тюрку Ашина Сымо, что позволяет поставить в один ряд эти два события из истории танско-«варварских» отношений. Ормузд также получил должность почетного президента министерства работ. По приказу императора, остальные подчинившиеся были щедро одарены продуктами и шелковыми тканями. Эти дары должны были продемонстрировать щедрость и милость танского двора в отношении подчинившихся «варваров» [Drompp 2005, с. 64-65].

По инициативе Ли Дэюя, подчинившиеся уйгуры не были переселены вглубь страны, а размещены в пограничном округе для обороны границ. В условиях, когда были неясны намерения Уге-кагана, для танского дома было важно иметь лояльную группу уйгуров, которую можно было бы противопоставить ему в будущем. Такая мера была обычной в практике танских властей в отношении подчинявшихся иноземцев. Заслуживает внимания следующее обоснование Ли Дэюем необходимости оставить уйгуров в приграничном районе: «Так как Китай рассматривает сельское хозяйство как основу [своей экономики], он очень ценит волов, используемых для вспашки земли. Тех из них, которые разводятся обычными людьми, не так много, и по закону их запрещено резать. Овцы являются продуктом северных земель, они не выращиваются в Китае. Только [различные подчиненные] иноземные народы возле границ заняты животноводством. Двор

никогда не реквизировал их. [Поэтому] они должны оставаться жить там» [Tsai 1967, с. 90-93].

Из соплеменников Ормузда была организована особая армия *гуйи* (кит. *возвращение к справедливости*), которая была инкорпорирована в военную систему приграничных областей. Примечательно, что в одном из докладов отмечается необходимость выдачи Ормузду и его соплеменникам китайской одежды, которая должна была показать остальным, что уйгуры уже «преобразованы» китайской цивилизацией.

В лице Ормузда танские власти получили вождя, который мог быть использован для умиротворения уйгуров. Он первым прибыл к границе Китая и не мог быть назван мятежником; он выступил против нападения на танскую территорию, а позже раскрыл танским властям замыслы министров Чисиня и Пугу, более того сам ликвидировал этих вождей. Его лояльность и верность танскому дому были должным образом оценены императором, наградившим его танской фамилией *Ли* и именем *Сычжун* (кит. *верные мысли*). Ханьские имена и титулы были пожалованы и другим высокородным уйгурам. Сын Ормузда получил имя Ли Цзинэй, а министр Аябир – имя Ли Хуншунь (кит. *верное послушание*) [ЛВГ, с. 60-61]. Ормузду был устроен императорский прием в столице. Одним из благосклонных жестов в отношении подчинившихся уйгуров стало повеление о создании портретов Ормузда и остальных *тегинов* в китайских одеяниях. Ормузд был изображен на портрете без традиционных уйгурских мехов, с китайской прической с булавками, держащим грамоту о назначении его на должность. Написание портрета имело политическое значение: изображение иноземного принца, покинувшего свои земли, отказавшегося от своих «варварских» традиций и обычаев, принявшего китайскую культуру и чувствующего себя счастливым на службе у Сына Неба, должно было произвести впечатление на иноземных вождей, посещавших императорский дворец, и показать им пример для подражания.

В седьмом месяце 842 г. Ормузду было разрешено с семьей поселиться в Тайюане, а остальным уйгурам выбрать для поселения один из укрепленных городов в приграничной области. Отныне Ормузд-Ли Сычжун приобрел статус «внутреннего иноземца», заняв свое место

в военно-административной системе империи. Благосклонность к нему танского двора демонстрировала приемлемость именно такого поведения иноземного вождя, который не требуя особого отношения к своей персоне, должен был беспрекословно подчиниться воле Сына Неба.

Частью мероприятий, проведенных танской администрацией в связи с подчинением Ормузда, стало написание сочинения «Сведения [о вождях] иностранных земель, вернувшихся к верности [Китаю]», которое состояло из двух глав и включало жизнеописания тридцати известных иностранцев, подчинившихся Китаю, начиная со времен Цинь до танской эпохи. От этого сочинения до нас дошло лишь предисловие, написанное Ли Дэюем. В нем он обращался к деяниям мудрых императоров Хань, сумевших распространить цивилизующее влияние китайской культуры на иноземцев. М. Дромпп обратил внимание на упоминание в тексте предисловия уйгуров, общество которых описывается как полукочевое с оседлыми формами хозяйственной жизни: «Судьба уйгуров связана с тем, что их покинуло Небо. Многие годы они не выращивали урожай, их домашние животные сократились [в числе], и города их государства опустели» [Drompp 2005, с. 67]. Это описание соответствует сведениям Тамима ибн Бахра (821 г.) и Терхинской надписи о развитии земледелия и городов в Уйгурском каганате [Minorsky 1948; Кляшторный 1980а, с. 283].

Если действия Ормузда характеризовали его, с точки зрения танских властей, как «хорошего варвара», то Уге-каган вел себя как «плохой варвар». В отличие от первого, каган не имел желания подчиниться Танской империи, видимо, имея планы возродить свое государство. В то же время он не имел достаточно сил, чтобы вернуться в степь и был вынужден кочевать к северу от танских границ. Танские власти требовали от него только подчинения. Все это делало неизбежным конфронтацию кагана с танскими силами.

Весной 842 г. к Уге-кагану был направлен танский сановник Ян Гуань. Каган передал посланнику письмо в котором, просил предоставить ему зерно и домашний скот, выразил озабоченность о положении манихеев в Китае, среди которых было много уйгуров и согдийцев, и просил вернуть его врага Ормузда. Танские власти согласились предоставить кагану зерно, но отказались давать домашних животных,

так как волы использовались в сельском хозяйстве, а овцеводством китайцы не занимались. Ормузд уже был подданным империи, и о его выдаче кагану не могло быть и речи. Что касается положения манихеев в Китае, то танские власти не обещали улучшить их положение, ссылаясь на то, что манихейская религия распространялась в стране исключительно благодаря поддержке уйгуров: «Манихейская религия была запрещена в Китае до периода Тяньбао (742-756 гг.). После этого ее пропаганда была разрешена из-за того, что она была верой уйгуров, и было приказано, чтобы религия преподавалась во всех гарнизонах Цзян[си] и Хуай[наня]. Недавно мы получили доклады из этих кругов [говорящие, что], узнав о падении уйгуров, верившие [в манихейскую религию] в конечном счете, стали небрежными [в отношении своей религии]. Иностранные священники, которые являются членами [вашей секты], скорее всего, остались без внешней поддержки. [Районы центрального и нижнего течения Янцзы] У и Чу – водные районы, люди не живут там постоянно. Вера покинула их, и гармоничная практика [манихейской религии] достаточно трудна» [Дромпр 2005, с. 238-239]. Далее танская администрация заявила: «мы очень заботимся о [манихейских] священниках, прибывших из отдаленных земель, и желаем, чтобы они жили в безопасности. Таким образом, мы приказали им практиковать свою религию в районе двух столиц и в Тайюане, где есть верующие. Все [манихейские] храмы в Цзян[си] и Хуай[нань] были временно закрыты. Мы будем ждать пока в стране уйгуров [снова] наступит мир, и тогда отменим приказ и [вернемся к тому, что было] раньше» [Дромпр 2005, с. 239].

Возможно, благодаря китайскому посланнику Ян Гуаню удалось выяснить место расположения каганского лагеря в середине 842 года. «Цзычжи тунцзянь» сообщает, что каган в это время пребывал в горах Люймэнь к северу от Датун, и количество его людей составляло около 100 тысяч человек [ЦЧТЦ, гл. 246, с. 7962]. Это число было, хотя и примерным, но очень большим и достаточным для того, чтобы составлять опасность для Китая. Танский двор вполне осознавал, что эта опасность могла во много раз возрасти в случае, если уйгуры объединятся с другими кочевниками – татабами, киданями и шивэй. Поэтому использование враждебных уйгурам племен, обитавших в Юньчжоу, Шочжоу и Тяньдэ – туюйхуней, тангутов и шато, остава-

лось актуальным и обсуждалось в докладах императору. Интересно, что Ян Гуань сообщал, что «ассимилированные и неассимилированные туй[юй]хунь, тангуты и другие начали военные действия в Тяньдэ [против уйгуров], и затем они могут послать свою армию, чтобы атаковать и изгнать их» [ЦТВ, гл. 705, с. 9167-9168]. Это сообщение свидетельствует о том, что иноземное население приграничных областей империи частично было китаизировано, и танская администрация делала различие между китаизированными и некитаизированными группами «варваров».

Интересно упоминание в письме к Уге-кагану китайского шелка, полученного уйгурами в прежние годы в обмен на лошадей: танский двор предлагал кагану использовать этот шелк для покупки зерна. Из письма кагану, явствует, что тот направил в Чжэнью своего посланника по имени Яглакар Юаньчжэнь с требованием возместить долг за лошадей, образовавшийся за последние годы. Большой интерес представляет имя этого посланника, из которого явствует, что он принадлежал к каганскому роду *Яглакар*, однако вторая, китайская, часть его имени, допускает возможность его смешанного уйгуро-китайского происхождения. Вполне возможно, что он был потомком уйгурского посланника Яглакар Лина, прибывшего в Чанъань в 792 году. Последний был по происхождению китайцем, настоящая фамилия которого была «Люй». Он воспитывался как приемный сын кагана, поэтому принял имя «Яглакар Лин» [Mackerras 1968, с. 91-92]. Вместе с тем существует вероятность того, что китайское имя «Юаньчжэнь» может быть калькой тюркского «Тоньюкук» [Кляшторный 1964, с. 30-31]. Как бы то ни было, присутствие среди приближенных Уге-кагана представителя рода Яглакар ни в коей мере не говорит о том, что сам каган также происходил из этого рода.

По решению двора, кагану должна была быть выплачена лишь одна часть долга за лошадей, в то время как вторая часть предназначалась для Ормузда. Дело в том, что Ормузд сообщил своему новому сюзерену, что в Китай было отправлено большое количество его собственных лошадей, за которые он не получил возмещения от кагана. Однако, чтобы не усугублять отношений с Уге-каганом, он отказался от своей доли, что было выгодно и танской стороне. В письмах императору каган настойчиво требовал от императора возмещения

долга, заявляя, что он не уйдет, пока он не будет выплачен, поэтому танская администрация надеялась, что каган вернется в степь после получения шелка. Однако, когда, после некоторой задержки, шелк все же дошел до кагана, стало ясно, что он не собирался уходить. Очевидно, как опасался танский двор, уйгуры использовали шелк не только для обмена на продукты питания, но и на приобретение военной амуниции, в связи с чем местным губернаторам было приказано строго следить за контактами местного населения с уйгурами и не допускать торгового обмена между ними.

Эти ограничительные меры обострили ситуацию: Уге-каган был вынужден уйти с этой территории на запад от Дагун, где его войска ограбили тангутов и туюйхуней, кочевавших в области между Тяньдэ и Чжэнью. Через некоторое время он двинулся на юго-восток от Тяньдэ и развернул лагерь севернее города Батоуфэн. Вскоре каган продолжил движение на восток и опять напал на племена туюйхунь и тангутов, захватив несколько десятков тысяч скота и лошадей. Эти действия не могли не насторожить танский двор. Вскоре император созвал очередное совещание министров по уйгурскому вопросу. На этот раз Ли Дэюй занял жесткую позицию, настаивая на переходе к военным действиям. При этом он предложил свою тактику: поскольку уйгуры превосходят китайцев в военном искусстве, избегать вступления с ними в бой, стараться напасть на их лагерь, в которых есть не только воины, но и их семьи и все хозяйственные принадлежности, а также сосредоточить внимание на защите крупных городов. Ли Дэюй опасался, что с наступлением зимы уйгуры могут переправиться через Хуанхэ и объединиться с тибетцами: союз уйгуров с тибетцами был крайне нежелателен для Китая [Drompp 2005, с. 85].

Из последующих мер танской стороны в урегулировании проблемы с уйгурами заслуживает внимания решение танского двора направить посланника, чтобы убедить кагана в сохранении мирных отношений с Китаем. Письмо кагану было поручено доставить уйгуру Ши Цзежи, о котором сообщалось следующее: «Ши Цзежи долгое время живет в столице. Он хорошо знает, что сердца людей возмущены и обижены. Он проявил большое желание самому отправиться [в качестве посла к кагану]» [ЛВГ, с. 31-32,]. Судя по фамилии, это был согдиец, видимо, выходец с территории Уйгурского каганата.

Вскоре, однако, выяснилось, что двое из людей Ши Цзежи бежали к уйгурам. А он сам, испугавшись, что будет наказан по возвращении в столицу, отказался идти к уйгурам в качестве посланника. После выяснения этих обстоятельств, было приказано вместо Ши Цзежи послать других людей, среди которых опять же был некто по имени Ань Луцин, видимо, согдиец, но на этот раз не выходец из каганата, а давнишний житель Китая [ЦТВ, гл. 705, с. 9164]. Заслуживает внимания сообщение в докладе Ли Дэюя о том, что в связи с уйгурским вопросом танская администрация составила список всех манихеев и уйгуров в столице и показала его Ормузду. Возможно, это делалось для привлечения некоторых из них к переговорам с каганом в случае враждебных действий с его стороны.

Осенью 842 г. уйгуры оставались на границе с Юньчжоу, совершая рейды на танскую территорию. Тем временем, при танском дворе уже пришли к решению о начале военных действий против уйгуров, при этом обсуждался также вопрос о возможности использования сил округа Ючжоу, влияние центра на который было ограниченным.

К концу 842 г. танский двор разработал план военных действий против уйгурского Уге-кагана. По этому плану, главную роль должны были сыграть три человека. Главным комиссаром по «умиротворению» уйгуров (кит. *чжаофу хуэйху ши*) был назначен Лю Мянъ, военный губернатор Хэдуна [ЦТШ, гл. 161, с. 106-116]. Он должен был действовать на севере против основных сил кагана, расположившихся на границах провинции. На северо-востоке командование военными действиями было поручено Чжан Чжунъю, губернатору округа Ючжоу (кит. *дунмянь чжаофу хуэйху ши*) [Малявкин 1974, с. 35-36]. Наконец, важная роль была отведена также Ормузду, которому было приказано командовать на юго-восточном направлении в Хэси войсками, состоящими из тангутов (кит. *хуэйху синань чжаофу ши*). Другой важной мерой в подготовке военных действий против уйгуров стало решение о покупке лошадей у кочевых народов северных провинций и содержание их в определенном месте, откуда они могли бы выдаваться войскам по мере необходимости. Эта мера решала сразу две задачи: с одной стороны, она создавала необходимые запасы лошадей, в которых нуждалась танская армия, с другой – покупая лошадей у тангутов, туюйхунь и других народов, танская династия опережала уйгуров, которые могли забрать у них лошадей силой.

Назначение Ормузда командующим некитайскими подразделениями в предстоящих военных действиях против уйгуров вызвало некоторые осложнения. Первое из них было связано с назначением его помощниками двух других генералов некитайского происхождения. Первоначально, некитайские войска под командованием Ормузда предполагалось поделить на две части, каждой из которых должны были командовать генералы Хэ Цинтао и Циби Тун. Хэ Цинтао, согдиец, предки которого происходили из Кушании, был начальником округа Иньчжоу. Циби Тун был потомком известного танского генерала Циби Хэли, о котором мы рассказывали выше; в это время он был начальником округа Вэйчжоу [ЛВГ, с. 35]. Назначение последнего было связано с тем, что в районе Чжэньу среди некитайских племен, подданных Танской империи, были и группы токуз-огузского племени *циби*, которые мигрировали в Китай ранее описываемых событий. О времени переселения их в танское государство сообщает Сыма Гуан: «шатры племени *циби* подчинились в Чжэньу во время эры правления Тайхэ (827-836 гг.)» [ЦЧТЦ, гл. 246, с. 7967]. К сожалению, мы не располагаем жизнеописаниями этих генералов.

Вскоре возникли проблемы как с иноземными подчиненными армии Ормузда, так и с его отношениями с другими генералами. Прежде всего, стало очевидным, что нельзя включать в армию Ормузда племена туюйхуней, издавна враждовавших с уйгурами. С другой стороны, нельзя было включать в его армию и ханьских солдат, поскольку возникала проблема взаимопонимания между командующим уйгуром и его ханьскими подчиненными из-за незнания Ормуздом китайского языка [Drompp 2005, с. 98-102]. Тогда было решено дать ему подразделения из тюрков-*шато*, с которыми не возникала ни одна из этих проблем. *Шато* были в тесных связях с уйгурами и, скорее всего, Ормузд относился к той группе уйгурской аристократии, которая прибегла к их помощи в последний год существования каганата. Следует отметить, что под командование Ормузда была передана только часть племени *шато*, другая часть оставалась под командованием военачальника Лю Мян. Дело в том, что иноземный элемент был значительным во всех северных армейских подразделениях, причем составлял их самые боеспособные части. По мнению М. Дромппа, в каждой китайской армии на севере страны было по

200-300 некитайских всадников, которые составляли авангард армии [Drompp 2005, с. 100].

Другой проблемой стало нежелание генералов Хэ Цинтао и Циби Тун быть в подчинении у Ормузда. Тогда было принято решение о том, что все трое будут командовать отдельными частями армии и занимать равное положение, только в чрезвычайных обстоятельствах выполняя приказы Ормузда. Что касается численности армии Ормузда, то «Цзычжи тунцзянь» сообщает, что Ормузд просил дать ему в подчинение 6 тысяч воинов из числа *циби*, *шато* и *туюйхуней* [ЦЧТЦ, гл. 246, с. 7967]. Это же число указывается в «Цзю Тан шу» с той лишь разницей, что шесть тысяч шато и туюйхуней называются числом воинов под началом двух генералов Хэ Цинчао и Циби Тун [ЦТШ, гл. 18А, с. 593].

Подготовкой наступления на уйгуров было охвачено и командование в Ючжоу. На приграничных к этой провинции землях обитали монголоязычные племена *шивэй*, которые раньше были подданными уйгурских каганов [Материалы 1984, с. 137-139]. Ранее, когда была разбита группа уйгуров под руководством Нагид-чора, среди уйгуров, захваченных Чжан Чжунъю, были жена и сын вождя *шивэй*, которые содержались уйгурами в качестве заложников. Чжан Чжунъю использовал их в действиях против уйгуров. Он согласился вернуть их вождю *шивэй* в том случае, если он убьет находящихся среди них уйгурских наместников. В Уйгурском каганате практиковалась система наместников, которая позже также применялась и монголами, назначавшими *даругачи* среди подчиненных народов и государств. Такие же наместники назначались уйгурами и к другим подчиненным племенам, таким, как татабы и кидани. В их функции входили сбор налогов и одновременно наблюдение над действиями китайцев среди этих племен. Уйгурские наместники продолжали действовать среди народов на юго-восточной периферии каганата некоторое время после его падения по той причине, что в этих районах находился Уге-каган, и возможность восстановления уйгурской власти в степи все еще сохранялась. Чжан Чжунъю сумел ликвидировать, таким образом, уйгурских наместников не только среди *шивэй*, но и среди татабов и киданей. По сообщению Сыма Гуана, число убитых уйгурских наместников вместе с их семьями и охраной было около 800 человек

[ЦЧТЦ, гл. 246, с. 7967]. После этого Чжан Чжунъю заменил печать, выданную уйгурами киданям, на новую танскую [Материалы 1984, с. 171].

Большую роль в разрешении уйгурского «кризиса» сыграл разведчик Лю Мян по имени Цай Си [Drompp 1988]. Цай Си не был военным, более того он был осужден за совершение какого-то преступления и помилован Чжан Чжунъю. Когда над округом Чжэнью нависла угроза уйгурского вторжения, он предложил Лю Мяню свои услуги в пограничной службе. При приближении Уге-кагана к Чжэнью, Цай Си вызвался отправиться в его ставку в качестве разведчика. Он прибыл к уйгурам и сообщил, что намечается крупная военная операция против них, и посоветовал им сменить месторасположение, двинувшись на восток от Хэдуна. В результате действий Цай Си зимой 842-843 гг. большое число уйгуров подчинилось Чжан Чжунъю на границе Ючжоу. Число подчиненных оценивается в 30 тысяч человек во главе с двумя принцами (*тегин*) Панцзюйчжэ и Адуньнин, принцессой Бильге-катун, министром и генералом Цао Мони (судя по фамилии, согдиец) [Drompp 2005, с. 106]. В отличие от предыдущего случая, на этот раз императорским указом подчинившиеся племена были распределены по разным округам. Если учесть, что, по некоторым данным, численность уйгуров под командованием Уге-кагана была около 100 тысяч человек, то переход 30 тысяч из них на сторону Китая, естественно, должен был ослабить каганские силы [Малявкин 1974, с. 28].

По совету Цай Си, Уге-каган также передвинулся далее на восток от Датун, расположившись в 200 ли от армии Лю Мяня. Такое большое расстояние усложняло военные действия танских сил. Первой военной операцией против кагана стало нападение войск под командованием Ормузда из округов Хэчжун, Чжэньчжоу и Сюйчжоу в феврале 843 г. возле местности Баода [ЦТШ, гл. 161]. Танские войска нанесли поражение уйгурам, которое, однако, еще не было окончательным. Уйгуры все еще находились довольно далеко от китайской границы, что усложняло действия танских сил. В этой ситуации опять сыграл свою роль Цай Си, который снова отправился в ставку кагана. Уге-каган отказался принять его, но тот смог встретиться с танской принцессой Тайхэ. Из высокопоставленных уйгуров его принял ми-

нистр Эль-угаси. Цай Си попытался убедить уйгуров в том, что танская сторона до сих пор не знала, насколько бедственным является их положение и теперь готова предоставить им необходимую помощь. Он также убедил, что помощь может быть оказана быстрее, если каган расположится поближе к границе Китая. Уйгуры не сразу поверили и даже хотели убить его, но тот сумел словами и клятвой на крови убедить их в правдивости своих слов. Он предложил отрезать ему руки в знак того, что он говорит правду, но, когда ему дали понять, что в этом нет надобности, он пустил себе кровь, сделав порез выше сердца, набрал кровь в чашу и выпил ее, поклявшись в правдивости своих слов. Уйгуры опять попали в ловушку Цай Си и перенесли свой лагерь к востоку от Юньчжоу в Хэдуне, где они совершили набег на Чжэнью с целью добычи продуктов питания. Пользуясь этим, Цай Си смог покинуть лагерь кагана и сообщить Лю Мянью новое его месторасположение [Drompp 1988, с. 9-11].

В уйгурском лагере, тем временем, продолжали усугубляться отношения между отдельными вождями. Очередная группа уйгуров во главе с вождем *Пугу И* покинула каганскую ставку и ушла в Ючжоу, где подчинилась Чжан Чжунью. Численность этой группы уйгуров, очевидно, была незначительной, так как она не указана в источниках. Подчинившиеся, среди которых был высокопоставленный манихейский священник, предложили свои услуги в доставке принцессы Тайхэ в Китай, однако последующие события разрешили ситуацию без их участия. В это время также свою помощь в войне против уйгуров предложил губернатор провинции Чжаои – Лю Цунцзян, который выразил готовность направить пятитысячную армию на помощь правительственным силам. Однако император отказался от помощи, в связи с тем, что правители этой провинции находились в конфронтации с танским двором по вопросу о назначении губернатора.

Приближение к границе Китая оказалось роковым для Уге-кагана. Сразу после рейдов на Чжэнью каган оставался поблизости от этого города. Тогда Лю Мянь составил простой план нападения на уйгуров. Основной ударной силой должны были стать подразделения из воинов-иноземцев под командованием его помощника Ши Сюна [СТШ, гл. 171]. Они состояли из племени *шато* во главе с их вождем Чжуге Чисинем, а также племени *циби* и тангутов. После внезапного нападе-

ния этой группы на каганскую ставку атаковать уйгуров должна была большая армия под командованием самого Лю Мян. Внезапность операции должна была обеспечить безопасность принцессы Тайхэ [ЦТШ, гл. 161].

Ши Сюн совершил сначала разведочную вылазку и отправил своего человека к принцессе Тайхэ с сообщением о планируемой атаке. На стенах города были проделаны десять больших отверстий, через которые на рассвете были выпущены стада коров, лошадей и других животных, за которыми последовали войска под ударами барабанов. Каган, испуганный внезапным нападением врага, покинул лагерь со своей кавалерией. Принцесса Тайхэ была отправлена в столицу в сопровождении танского отряда. Ши Сюн с войсками преследовал уйгуров и вступил с ними в сражение в местности Шаху (кит. *убитые иноземцы*) 13 февраля 843 г. [СТШ, гл. 171]. По данным танских источников, были убито десять тысяч уйгурских воинов, и взято в плен от пяти до двадцати тысяч человек. Сам Уге-каган бежал в сопровождении нескольких сотен всадников к племенам чернотележных *шивэй* (кит. *хэйчэ шивэй*), но был убит, после чего его соплеменники поставили каганом его брата Эняня. Описание разгрома сил кагана дается в биографиях Ши Сюна и Лю Мян [ЦТШ, гл. 161, 11а].

После успешного разрешения «уйгурского кризиса», который длился почти три года, император издал пространный указ, в котором подвел итоги событиям последних лет, а также охарактеризовал положение уйгуров, проживавших в столице. В нем говорилось о репрессивных мерах в отношении уйгуров и манихеев, проживавших в двух столицах, которые включали переселение их в провинции, конфискацию их имущества, закрытие манихейских храмов: «Те уйгуры, которые установили заслуги и добродетель [как чиновники] в округах за пределами столицы и в восточной столице (Лояне) должны быть ограничены в ношении шапок и халата (обычной китайской одежды – А.К.). Все они [должны] быть высланы в различные округа, [на которые] возлагается управление ими. Что касается уйгурских и манихейских храмов, лавок, жилья, денег, товара, и т.д., мы возлагаем [это дело] на Комиссию по заслугам и добродетели, комиссию цензоров и префектуру столицы, каждая из которых должна назначать своих способных и подготовленных чиновников, чтобы рассмотреть дела,

делая инвентаризацию [всего] собранного. Мы не должны разрешать всем типам [неофициальных] руководителей и богатых людей рынков бесцеремонно и тайно присваивать [эти вещи]. Если будут нарушители, то они будут серьезно наказаны, а их деньги и вещи будут конфискованы чиновниками. Что касается манихейских храмов, мы обязываем Секретариат канцелярии занести их в записи и доложить об этом» [ЛВГ, с. 14].

Император У-цзун был убежденным последователем даосизма, поэтому причины многих проблем он видел в религии. При нем были подвергнуты преследованию другие религии, прежде всего буддизм [Смолин 1982, с. 82-83]. Буддийские монастыри подверглись гонению, их имущества были конфискованы, монахи были возвращены к мирской жизни, а земли храмов были распроданы, их рабы и зависящие освобождены. То же самое было и с манихейством, которое, все же, не было полностью ликвидировано в Китае. Так, уже после падения Танской империи, в эпоху пяти династий (907-960 гг.) манихейство занимало прочные позиции на юго-востоке страны, особенно, в районе Фуцзяня, где манихейские храмы функционировали вплоть до минской эпохи (1368 г.). Как ни странно, но именно после падения Уйгурского каганата манихейство в Китае, бывшее ранее иноземной религией и имевшее в качестве адептов в основном уйгуров и согдийцев, нашло почву среди китайского населения [Asmussen 1965, с. 140]. К другим «варварским религиям», подвергнувшимся преследованию в позднетанский период относились иудаизм, ислам и несторианское христианство, последователи которых в основном жили в приморских районах Китая, прежде всего в Гуанчжоу [Смолин 1982, с. 84-87].

Возвращаясь к ситуации на границе, отметим, что все участники разгрома уйгуров, кроме Цай Си, получили награды и были повышены в должностях. Заслуги Цай Си были оценены только после того, как в 850-851 г. Ли Ци составил описание его деяний [Drompp 1988, с. 1]. Ли Дэюй хотел как можно быстрее покончить с последними уйгурами, которые скрылись у *шивэй*, но каган пребывал там еще несколько лет, до 846 года. Один из главных действующих лиц в разгроме Уге-кагана, принц Ормузд, был также щедро одарен императором.

После разгрома уйгуров Ормузд получил разрешение поселиться в столице вместе с младшим братом и министром Аябиром (Ли Хуншунем). В столице он получил должность в левой гвардии дворцовых ворот и был назначен наставником принца. Что касается его соплеменников, служивших на границе, было приказано расформировать их подразделения и расселить их по разным провинциям Китая. Танская династия опасалась, что поселенные вместе в одном месте уйгуры могут создать проблемы для властей, в то время как, расселив их по разным гарнизонам, можно было избежать этого и одновременно усилить боеспособность танских воинских подразделений. Соплеменники Ормузда не захотели подчиняться этому указу, выразив желание оставаться на границе, подобно другим племенам, размещенным в областях *цзими* [Drompp 2005, с. 68]. Уйгурский контингент армии, который полагалось расформировать, насчитывал 43 офицера и около 3 тысяч воинов. Когда поступил приказ переселить их во внутренние области, они отказались подчиниться и расположились лагерем на берегу реки Хуто. Тогда Лю Мянью, без разрешения императора приказал перебить всех бывших подчиненных Ормузда [Малявкин 1974, с. 37].

Так Ормузд потерял всех своих соплеменников, но получил взамен возможность быть подданным Танской империи. О дальнейшей судьбе его неизвестно, но имеется свидетельство, что он был жив в 845-846 гг. и жил со своей семьей в Тайюане. Также известно, что его внук Ли Яньту, остававшийся верный манихейству, занимал должность помощника начальника округа Тайюань и министра общественных работ (кит. *цзяньцзяо*) в 920-х годах. Согласно «Цэфу юаньгуй», во второй год эры правления Тун-гуань (924-925 гг.) Ли Яньту был послан императором Чжуан-цзуном (923-926 гг.) династии Поздней Тан в 925 г. к уйгурам Ганьчжоу для вручения титула кагану [ЦФЮГ, гл. 965]. В «Цэфу юаньгуй» имеются неясные сообщения о манихейском священнике служившем в храме, расположенном рядом с домом Ли Яньту. Дж. Гамильтон считал, что он прибыл в Тайюань из Ганьчжоу и привел сюда уйгурских и согдийских священников [Hamilton 1955, с. 69]. М. Дромпп считает, что он мог быть сыном Ли Цзимэя, единственного сына Ормузда [Drompp 2005, с. 119].

С возвращением танской принцессы Тайхэ связаны несколько ин-

тересных эпизодов. Первый из них связан со слухом о том, что принцесса убила сопровождавшего ее уйгурского принца. С. Витфилд отмечает, что уйгурский эскорт возвратился, доведя ее до ворот города, а слух об убийстве уйгурского принца не подтвердился [Witfield 1999, с. 112]. Другой интересный момент – это враждебность, проявленная в отношении Тайхэ шестью танскими принцессами, которые отказались участвовать в церемонии ее встречи. Такое отношения к Тайхэ, возможно, объясняется тем, что около двадцати лет она жила среди «варваров» и воспринималась членами танского дома как человек, подвергшийся их влиянию и потерявший ханьскую культуру. С возвращением принцессы Тайхэ в Чанъань были также связаны контакты танского двора с кыргызами. Последние пытались использовать танскую принцессу, чтобы поднять статус своих отношений с Танской империей.

Прибытие кыргызского посланника в Чанъань показало существование языковых проблем в контактах китайцев с тюркоязычными народами. Переводчиками в рассматриваемое время выступали уйгуры или согдийцы, выходцы из тюркской среды. В своем докладе Ли Дэюй писал, что уйгурские переводчики, включая Ши Фоцина, могли неточно переводить беседы с кыргызами, так как «они имеют пристрастие к своей стране» [ЦТВ, гл. 701, с. 9117; Материалы 2003, с. 29]. Второй посланник кыргызов прибыл в Чанъань в марте 843 года. Он привез предложение танской династии совершить совместный поход на уйгуров в Аньси и Бэйтин, которое было отвергнуто после обсуждения с министром Ли Дэюем. Последующие контакты с кыргызами были редкими и носили дипломатический характер, что подтверждает мнение М. Дромппа о том, что кыргызы, разбив уйгуров, вернулись на Енисей и тем самым не преемствовали традиции создания империи с центром в Отюкене [Drompp 1999].

Обобщая сказанное выше, отметим, что крушение Уйгурского каганата стало важным этапом в истории тюркских и ираноязычных народов в Танской империи. Оно привело к масштабной миграции уйгуров и согдийцев в пределы Китая, увеличив удельный вес тюркского и ираноязычного населения страны. Если считать, что при кагане было около 100 тысяч человек, из них погибло и вернулось в степь до 20-25 тысяч человек, то около 75-80 тысяч человек подчинились танской власти и были расселены в северных областях Китая. Из

двух крупных групп подчинившихся уйгуров первая была оставлена в провинции Ючжоу, а вторая была размещена по разным провинциям. Некоторое число уйгуров осело в Тайюани и двух столичных городах. Другим последствием распада Уйгурского каганата было исчезновение могущественного древнетюркского государства к северу от Китая, существование которого влияло на положение выходцев из Центральной Азии в Среднем государстве. Ранее уйгурские каганы не только оказывали поддержку своим этническим сородичам, жившим в Танской империи, когда это было необходимо, но и брали под защиту своих единоверцев манихеев. Благодаря поддержке уйгуров в Китае строились манихейские храмы и распространялась «религия Света». Не случайно, ограничения и преследования манихейской общины в Китае начались сразу после падения Уйгурского каганата. Преследование манихеев усилило ксенофобию в Китае, что не могло не отразиться на положении в стране тюрко- и ираноязычных народов.

Среди подчинившихся Танской империи уйгуров было достаточно много высокопоставленных лиц (принцев/тегинов, принцесс, министров, полководцев), о дальнейшей судьбе которых известно немного. Расселенные по разным провинциям Китая уйгуры были в последующем ассимилированы ханьцами. Очевидно, первая группа уйгуров, поселенная компактно в Ючжоу, достаточно длительное время оставалась некиитаизированной, чему способствовало то, что на эту провинцию так и не распространилась центральная власть. Именно уйгуры Ючжоу были активно вовлечены в политические события, связанные с распадом Танской империи. Одним из известных уйгуров этой группы стал Ли Кэцзюй, повествование о котором имеется в танской династийной истории.

Ли Кэцзюй происходил из токуз-огузского (уйгурского) рода Абуз [Pulleyblank 1955, с. 167-168]. Его отец Ли Маосюнь был среди знатных уйгуров, подчинившихся армии Чжан Чжунъю в 841 г. вместе с Насе-чором. Как обычно, китайские историографы отмечали собственные кочевникам боевые способности Ли Маосюня, который «отлично ездил верхом и стрелял из лука, характер имел решительный» [Малявкин 1974, с. 38]. Этими способностями он привлек внимание губернатора Чжан Чжунъю, который «вооружил его и часто посылал

расширять границы». Очевидно, Ли Маосюнь служил на границе не один, скорее всего, управлял своим племенем, которое было включено в военную систему Ючжоу. За большие заслуги в охране границ он был удостоен титула князя (кит. *ван*) второй степени и пожалован императорской фамилией и именем. В период правления императора И-цзуна (860-874 гг.) Ли Маосюнь был вовлечен в междоусобную борьбу местных военачальников. Так, сообщается о его столкновениях с уполномоченным по капитуляции Чэнь Гунъянем и его братом Чэнь Гунсу. В 875 г. Ли Маосюню удалось захватить власть в Ючжоу, и танский император признал его губернатором [Drompp 2005, с. 78]. Однако ему не суждено было управлять долго: он вскоре заболел и отказался от своей должности. «Когда состарился, ему был пожалован чин правого помощника начальника департамента в министерстве» [ЦТШ, гл. 180].

С 876 г. должность военного губернатора Ючжоу перешла к его сыну Ли Кэцзюю, который к этому времени сделал хорошую военную карьеру. В его послужном списке были должности помощника начальника по военным делам области Ючжоу, первого советника по общим политическим вопросам и временного командующего (кит. *люхоу*) пограничного округа. Позже, в эру правления Чжунхэ (881-885 гг.) он получил титул маршала.

В 876-785 гг. Ли Кэцзюй вступил в борьбу за власть с усиливающимся в северном Китае шатоским вождем Ли Кэюном [Малявкин 1974, с. 38-39]. В ответ на действия Ли Кэюна по созданию коалиции из местных правителей, Ли Кэцзюй создал свой союз, в который привлек других иноземных полководцев, в том числе, вождя туюйхуней Чжуляньбо и своего соплеменника Ван Жуна, правителя округа Чэндэ. Последний также происходил из племени Абуз, но его предки поселились в Китае еще при императоре Тай-цзуне, о чем будет подробнее сказано ниже.

Ли Кэцзюй составил свой план военных действий против Ли Кэюна, однако вскоре потерпел поражение. Оказавшись окруженным превосходящими по численности противниками в городе Ючжоу, Ли Кэцзюй собрал своих близких, поднялся в башню, поджег ее и погиб вместе с остальными [Drompp 2005, с. 78].

Уйгуры племени *эдиз* в Танской империи

В первой половине IX в. в Танской империи на военно-административном поприще получили известность два брата из токуз-огузского (уйгурского) племени *эдиз* – Ли Гуанцзинь и Ли Гуанъянь, жизнеописания которых имеются в династийных историях. Происхождение и история токуз-огузского племени *эдиз* вызывают наибольшие разногласия среди ученых, что связано со скудостью сведений об этом племени. Так, казахстанским востоковедом Ю. Зуевым была выдвинута идея об идентичности эдизов и тюркского рода Ашидэ [Зуев 2002, с. 229-233], однако она не подтверждается данными источников.

Самые ранние сведения об *эдизах* содержатся в китайских исторических сочинениях, в которых они упоминаются в списке телеских (огузских) племен, представляющих восточную ветвь этой племенной конфедерации [Цэнь 1958а, с. 743-744]. Этноним *эдиз* зафиксирован в китайских текстах в нескольких формах: «аде/атэ», «хэде» «седе». Самое раннее упоминание *эдизов* относится к 647 г., когда многие огузские племена подчинились Танской империи, и на их территориях было проведено административное районирование: на кочевьях *эдизов* был создан округ Цзитянь.

Первые группы *эдизов* в Китае появились после поражения токуз-огузского восстания 716-717 гг. в Тюркском каганате, описанного в надписях Бильге-кагана и Кюль-тегина. Надпись Кюль-тегина сообщает о пяти сражениях тюрков с токуз-огузскими племенами, в числе которых особо называются *эди́зы*. В ходе этих сражений тюрки нанесли *эди́зам* сокрушительный удар, и как утверждает автор тюркского памятника, «народ *эдизов* тогда погиб» [Малов 1951, с. 42]. Народ *эдизов* «погиб» в представлении тюркских правителей, но на самом деле он откочевал в пределы Китая. «Цзю Тан шу» рассказывает об этом так: «На следующий год [3-й г. эры правления Кай-юань, 716 г.]... *дуду* племени *седе* Сытай и другие вместе со своими народами один за другим покорились. Общее число тех и других было более 10 000 шатров. Приказано разместить их на жалованье в Хэнани на старых местах» [Малявкин 1980, с. 85]. На новом месте отношения

эдизов с танскими властями также не были гладкими: «В 4-м г. эры правления Кай-юань (717 г.) неожиданно Асылань Седе Сытай (Арслан Эдиз Сытай) и другие вновь взбунтовались ой возвратились на север из района Хэцзюй (район в северо-восточной части Ордоса – А.К.)» [Малявкин 1981, с. 85].

После возвращения в степь Арслан Эдиза часть его племени все же осталась на территории Китая. Так, согласно «Цзю Тан шу», в 719 г. группы *эдизов* кочевали в районе крепости Шоусянчэн, к северу от Хуэнхэ в том месте, где река, огибая Ордос, течет с запада на восток: «В это время племя *седе* и тутук племени *пузу* по имени Шамо жили разбросанно вокруг крепости Шоусянчэн, замыслили привлечь тюрков, и, действуя совместно, захватить крепость [воеводства Шофан] и отложиться. В связи с этим [Ван] Цзюнь направил доклад императору с тайной просьбой казнить их. Осенью 8-го г. [эры правления Кай-юань, 721 г.] [Ван] Цзюнь пригласил *седе* и других, всего 800 человек, в крепость Средний Шоусянчэн», «устроил пир, напоил их допьяна, выставил войска и всех их перебил» [Малявкин 1981, с. 85].

Даже после этой резни какая-то группа *эдизов* продолжала пребывать в пределах Китая. Трудно с уверенностью говорить об их количественном составе и местах обитания. Имеются лишь косвенные сведения, позволяющие предположить, что какая-то часть *эдизов* жила в уезде Шофан округа Сячжоу. На территории этого округа во второй половине VIII в. был временно размещен другой округ Хуань, в котором, в свою очередь, были созданы три малых округа для племен *хэлу*, *нацзи* и *седе* (эдиз). Общая численность населения этих малых округов была незначительной: всего 150 семей или 650 человек [Малявкин 1980, с. 115]. Именно из этой группы *эдизов* были предки братьев Ли Гуанцзинь и Ли Гуанъянь, ставших известными на службе у танской династии в конце VIII – начале IX вв. Эдизы не упоминаются во время установления уйгурского господства в степи в 742-744 гг., но в 795 г. к власти приходит каган из этого племени, который правил под именем сакрального царского рода Яглакар. Принято считать, что в этот момент произошла смена династий в Уйгурском каганате.

Танские военачальники Ли Гуанцзинь и Ли Гуанъянь были потомками упомянутого выше Арслана Эдиза, вернувшегося в степь в

717 г., о чем говорится в сообщении об *эдизах* танских династийных историй: «В начале эры правления Кай-юань (713-742 гг.) *Седе* Сытай пришел от тюркского кагана Мочжо и покорился. Его потомки *Седе* Гуанцзинь и *Седе* Гуанъянь за военные заслуги получили высокие чины, им была пожалована фамилия Ли, и они внесены в родословные» [ЦТШ, гл. 161, с. 1а-1б, с. 2а-4б; СТШ, гл. 171, с. 1а-3а]. Видимо, Арслан Эдиз недолго находился в степи и вынужден был вновь поселиться в Китае.

В танских династийных историях имеются жизнеописания обоих братьев, в которых также указывается на то, что они были потомками губернатора округа Цзитянь, т.е. вождя племени *эдиз*, назначенного на должность губернатора: «Предки Ли Гуанцзиня происходили из фамилии *аде* (*эдиз*), [принадлежащей] к племенам излучины [Ордо-са]. В период правления Чжэньгуань (627-649 гг.) [они] вошли в состав Китая, их земли сделали округом Цзитянь. [Ли Гуанцзинь] был наследственным губернатором, находился в распоряжении армии Шофана» [СТШ, гл. 171, с. 5183]. На то, что Ли Гуанцзинь и его брат происходили из группы *эдизов*, проживавшей в малом округе Хуянь, в Шофане, указывает еще одна очень интересная деталь из их биографии: ничего неизвестно об их родителях, но известно, что братья воспитывались в семье своей старшей сестры, будучи на попечении у ее мужа по имени *Шэли Гэчжань*. *Шэли* было тюркским племенем, поселившемся в Шофане одновременно с *эдизами* – в сообщениях об округе Юньчжун в составе Шофана говорится, что там были созданы пять малых округов для племен *шэли*, *сыби*, *ашина*, *чоби* и *байдан*. Очевидно, с тюркским племенем *шэли* из Шофана узами родства была связана и семья Ли Гуанцзиня.

По всей видимости, Шэли Гэчжань со своими соплеменниками воевал под командованием генерала Пугу Хуайэня. На это косвенно указывает сообщение о том, что Шэли Гэчжань убил его сына Пугу Чана. Из «Биографии Пугу Хуайэня» известно, что Пугу Чан воевал с танскими правительственными силами, когда его отец поднял анти-танский бунт [ЦТШ, гл. 121, с. 6а]. Однако он был убит не на поле сражения, а в своем же лагере, после неудачной атаки в Юйцы. Пугу Чан был обезглавлен своими генералами Цзяо Хуэй и Бай Юй, которые переслали его голову в Чанъянь. Очевидно, Шэли Гэчжань служил

в этом подразделении, и именно ему принадлежало убийство Пугу Чана. Позже он подчинился хэдунскому губернатору Синь Юаньцзину, который являлся главным противником Пугу Хуайэня. После восстания Пугу Хуайэня Шэли Гэчжань вместе с семьей и братьями жены Ли Гуанцзином и Ли Гуаньянем переселился в Тайюань (Хэдун).

Старший из братьев – Ли Гуанцзинь, начал служить в танской армии после восстания Ань Лушаня. Первой успешной военной акцией, в которой он принял участие, стал поход под командованием генерала Ма Суя для подчинения повстанцев в Линьчжоу и Минчжоу (в Хэбэе). В танской армии он дослужился до начальника ставки арьергарда и авангарда армии, начальника цензората (кит. *юйши дафу*) и губернатора округа Дайчжоу.

Особые заслуги Ли Гуанцзинь установил в подавлении восстания Ван Чэнцзуня в 809 году. За военные действия в подавлении выступлений в Ичжоу (Иу) и Динчжоу (Чэндэ) ему была пожалована должность *дуцзян*. В это же время вместе с ним воевал и его младший брат, который, как и он, получил титул сановника (кит. *дафу*). В связи с этим в войсках братьев называли «старшим и младшим *дафу*» [ЦТШ, гл. 161, с. 1а]. Ли Гуанцзинь был награжден также должностями инспектора министерства общественных работ (кит. *цзяньцзю гунбу шаншу*) и губернатора Чжэнью, а также пожалован танской фамилией *Ли*. Вместе с тем, его младший брат Ли Гуаньянь был назначен начальником округа Минчжоу. «Старший и младший братья славой покрыли то время», – заключают историографы повествование о военных успехах братьев [СТШ, гл. 171, с. 5186]. Ли Гуанцзинь на старости лет переселился в Линью, расположенный в Гуаньнэй, на восточном изгибе реки Хуанхэ; умер в возрасте 65 лет. К сожалению, мы точно не знаем, когда он умер, поэтому трудно определить дату его рождения. Император пожаловал ему посмертно должность левого помощника главы Кабинета министров (кит. *цзюпуе*). На этом исчерпываются данные о службе старшего из братьев; завершая небольшое повествование о нем, историографы дают следующую характеристику его личным качествам, подчеркивая соблюдение им принципа сыновней почтительности: «[Он] имел прямой нрав. Соблюдая траур по матери, три года не возвращался в спальню. [Ли] Гуаньянь женился раньше [него], и мать передала [ей] дела по хозяйству. Когда [Ли]

Гуанцзинь женился, [их] мать уже умерла. Невестка младшего брата [хотела] переписать имущество и передать замки хозяйства старшей невестке. [Ли] Гуанцзинь велел не делать этого и сказал: «Младшая невестка служила свекрови, к тому же некогда [мать] велела [ей] вести домашние дела. Не следует менять [это]». Тогда утерли друг другу слезы. Все осталось как прежде» [СТШ, гл. 171, с. 5184].

Младший из братьев-эдизов, Ли Гуанъянь, родился в 760 году. У него было еще одно имя *Гуан-юань* (досл. освещающий издалека). Наставник тюрок Шэли Гэчжань с детства хорошо обучил его езде верхом и стрельбе из лука. Он имел хорошие физические данные, которыми Шэли Гэчжань чрезвычайно восхищался. Став взрослым, он пошел по стопам родственников и поступил на службу в танскую армию Хэдуна, где вскоре дослужился до помощника военачальника (кит. *бицзян*). Губернатор Ма Суй, под командованием которого служили оба брата, говорил, глядя на него: «Если иметь удивительный облик, несомненно слава будет велика». Ма Суй подарил ему свой собственный меч, особо выделив его среди офицеров [СТШ, гл. 171, с. 5184-5185].

Ли Гуанъянь был потомком вождя, подчинившегося власти танского императора – Небесного кагана. Как и далекий предок, он оставался верным танской династии до конца своей жизни. Особо отличился Ли Гуанъянь во время описанного выше мятежа Чжу Цы. В 783 г., когда император Дэ-цзун бежал из столицы, Чжу Цы объявил себя императором и попытался совершить поход против войск императора, расположившегося в местности Фэнтянь на северо-западе от Чаньяня, но был отброшен назад танским военачальником Ли Хуайгуаном (729-785 гг.). В марте 784 г. Ли Хуайгуан сам присоединился к повстанцам. Именно в походе против последнего показал свое мужество Ли Гуанъянь. Еще одним походом, в котором он прославился, был карательный поход танского полководца Гао Чунвэня в юго-западную провинцию Цзяньнань, во время которого Ли Гуанъянь «неоднократно нес знамя перед войском», «двигался туда-сюда подобно духу» [СТШ, гл. 171, с. 5185]. После этого похода он был назначен на должность начальника цензора, а также губернатора двух округов Дайчжоу и Минчжоу.

В период 814-817 гг. подразделения Ли Гуанъяня были задействованы в карательных походах танских сил против мятежника У Юаньц-

зи в области Цай. В «Биографии» Ли Гуанъяня описываются несколько военных эпизодов, в которых он проявил себя храбрым воином и талантливым полководцем. В 815 г. в местности Шицуй подразделения Ли Гуанъяня попали в окружение и смогли выбраться только благодаря его храбрости: «Ранее злодеи на рассвете расположились вплотную к его лагерю. Никто не мог выбраться [из окружения]. [Ли] Гуанъянь разбил их изгороди, с несколькими всадниками ворвался к злодеям, прошел туда и обратно. Все узнали Гуанъяня, который, как ёж, был весь утыкан стрелами. [Его] сын, держа за сбрую коня, уговаривал, что не следует врываться глубоко [в ряды злодеев]. Гуанъянь, потрясая мечом, обругал его. Тогда воины вступили в бой и пустили в бегство злодеев» [СТШ, гл. 171, с. 5184].

В походах в область Цай Ли Гуанъянь воевал под командованием известного танского полководца и первого министра Пэй Ду. В «Биографии» рассказывается, что во время военных действий произошел конфликт между ним и другим военачальником Хань Хаем, который обострился в 817 году. При взятии города Янчэн Хань Хай тщетно пытался очернить Ли Гуанъяня, представив его неверным офицером. В конечном счете, бунт был подавлен, а Ли Гуанъянь получил очередные награды и должность инспектора (кит. *сыку*). В последующем его направляли в другие районы для «умиротворения» бунтов, а когда тибетцы вторглись в приграничные районы в округе Биньчжоу, его перевели в армию Биньнин. Ли Гуанъянь успешно противостоял тибетским вторжениям в Биньчжоу и сумел организовать оборону города Янчжоу.

В 821 г. Ли Гуанъянь был особо отмечен новым императором Му-цзуном, который, взойдя на трон, вызвал его ко двору и пожаловал дом в городском районе Кайхуали и добавил ему должность советника, упорядочивающего и проверяющего дела (кит. *тунчжуншу мынься пинчжанши*) [Попова 1999, с. 90]. Сообщается, что по возвращении в армию, все подношения, полученные от императора, он распределил между подчиненными.

Как верный танской династии офицер Ли Гуанъянь был направлен на подавление выступлений хэбэйских губернаторов, в том числе абуза Ван Тинцзоу в 821 г., а также Ли Цзе в Бяньчжоу. В правление императора Цзин-цзуна (825-827 гг.) Ли Гуанъянь стал губернатором

Хэдуна. Он скончался в 826 г. в возрасте 66 лет. Как и многим другим верным полководцам, Ли Гуанъяню было пожаловано посмертное имя *Чжун* (кит. *верный*). Следующий император, Вэнь-цзун (827-841 гг.), также посмертно отметил его заслуги перед династией, подарив его семье 2 тысячи кусков шелка. Ли Гуанъянь заслужил хвалебную характеристику со стороны историографов, писавших, что «[Ли] Гуанъянь по характеру был верным и преданным долгу, хорошо обращался с воинами. Его подчиненные охотно служили ему. [Он] одобрял, как правило, ставил их в авангард» [СТШ, гл. 171, с. 5185].

Эдизы Ли Гуанцзинь и Ли Гуанъянь были верными Танской империи военачальниками, способствовавшими укреплению центральной власти в период обострения антитанских выступлений на периферии империи. Они достигли достаточно высокого положения в армии, один из них был военным губернатором двух областей. В основном они служили под предводительством других военачальников и проявили себя талантливыми полевыми командирами. За заслуги перед династией они получили много почетных титулов и высоких должностей. Любопытно, что Ли Гуанъянь в 821 г. отказался от одной из таких почетных должностей – должности министра. Этот отказ, был неслучайным, так как в период после восстания Ань Лушаня в условиях усиления дворцовых евнухов деятельность военачальников иноземного происхождения была ограничена, и они могли сохранять свое положение только в северо-восточных провинциях, тем самым эта должность не сулила ничего, кроме неприятностей.

Изучая биографии братьев-*эдизов*, исследователь стоит перед искушением проведения связи между возвышением этих танских военачальников и царственным положением династии *Эдизов* в Уйгурском каганате. Действительно, время жизни и деятельности этих военачальников (конец VIII – начало IX вв.) приходится на правление уйгурских каганов из рода *эдиз*, пришедших к власти в Ордубальке в 795 году. Это совпадение можно было считать неслучайным и рассматривать карьерный рост братьев Ли Гуанцзиня и Ли Гуанъяня в Танской империи как отражение усилившейся роли *эдизов* в степи. Возможно, происхождение братьев учитывалось танским двором, в чьих интересах было иметь верных военачальников из *эдизов*, которых при необходимости можно было бы использовать в отношениях

с уйгурами. Однако у нас нет ни прямых, ни косвенных указаний на существование каких-либо связей между братьями-эдидами в Китае и их этническими сородичами в Уйгурском каганате. Скорее всего, их историю нужно рассматривать в контексте описанной выше политики императора Тай-цзуна в отношении «северных варваров».

Уйгурская династия *абуз* в Хэбэе

В позднетанское время, особенно с приходом к власти императора Дэ-цзуна (780 гг.), предпринимались серьезные меры по ограничению влияния иноземцев, которых уже не допускали к высоким военно-административным должностям. Однако такая политика могла проводиться в жизнь только в районах, находящихся под контролем танского правительства. В приграничных областях, особенно на северо-востоке страны – в Хэбэе, где когда-то началось восстание Ань Лушаня, власть танского императора распространялась номинально. Здесь иноземцы продолжали играть достаточно большую роль: среди местных высокопоставленных лиц было много некитайцев, в том числе представителей *киданей* и *мохэ*. Вместе с тем влиятельными были и тюркские племена, численность которых увеличилась за счет миграции племен из Уйгурского каганата. В период после восстания Ань Лушаня и его преемников в приграничных областях Китая большое влияние имели тюрки-*шато* и уйгуры.

Уйгурское население Хэбэя увеличилось после появления здесь в 842 г. беженцев с территории Уйгурского каганата, хотя, нужно отметить, что численность уйгуров в приграничных районах Северного и Северо-Западного Китая была достаточно значительной задолго до этого события. Из среды уйгуров, поселившихся на этих землях в еще более ранние периоды истории, вышли выдающиеся военачальники.

Мы уже говорили о военных губернаторах округа Ючжоу Ли Маосюне и его сыне Ли Кюэцзюе из рода *абуз*, чья генеалогическая линия трагически прервалась в борьбе с тюрками-*шато* [Малявкин 1974, с. 38-39]. Более ста лет в соседнем округе Чэндэ правила другая уйгурская династия *абуз*, основателем которой был Ван Тинцзоу. Источники не указывают на существование родственных связей между этой

династией и другими представителями рода *абуз*, ставшими известными в истории Китая, однако наличие ее связей с губернаторами Ючжоу нами уже отмечалось. Из предков Ван Тинцзоу в источниках упоминается его прадед Угэчжи, который жил в Аньдунском наместничестве (на границе Китая с Кореей) и служил Ли Сяньчэню, вождю татабов, который, в свою очередь, служил в Фаньяне под началом Ань Лушаня. Сообщается, что его предки из поколения в поколение занимали должность помощника полководца (кит. *бицзян*). В воспитании Ван Тинцзоу и его росте по служебной лестнице большую роль сыграл военный губернатор Ван Уцзюнь (735-801 гг.), происходивший из *киданей*: он «растил его как сына, поэтому [тот] принял имя Ван» [СТШ, гл. 211, с. 5953]. Ван Уцзюнь был одним тех губернаторов, которые вначале поддержали восстание в Хэбэе (881-886 гг.), но в последующем перешли на сторону танской династии.

Усыновление *абуза* Ван Тинцзоу киданем Ван Уцзюнем можно поставить в контекст уйгуро-киданьских отношений. В период уйгурского господства в степи кидани находились в зависимости от уйгуров, и, как в предыдущий период господства тюрков, правитель киданей получал от уйгурского сюзерена титул *иркин* (кит. *сыцзинь*), который обычно носили главы небольших племенных подразделений [Материалы 1984, с. 170]. В уйгурскую эпоху кочевья киданей, расположенные в современной Южной и Центральной Маньчжурии, не были включены в состав Уйгурской империи, но их правитель признавал вассальную зависимость от уйгурского кагана, выдававшего ему печать на правление. Уйгурские наместники постоянно пребывали в среде подчиненных племен [Drompp 2005, с. 202-204].

Касаясь танско-киданьских отношений, «Синь Тан шу» сообщает, что кидани регулярно присылали к императорскому двору посольства с подношениями, «однако Сын Неба, недовольный тем, что кидани подчинились уйгурам, не жаловал их вождям должностей и титулов» [СТШ, гл. 219]. После падения Уйгурского каганата, в 842-м г., источники фиксируют столкновение уйгуров, бежавших в Северный Китай, с киданями. В последующем вождь последних Цюйшу изъявил желание подчиниться Тан. В связи с этим военный губернатор танского приграничного округа Ючжоу обменял «старую печать, выданную уйгурами, и пожаловал киданям новую, выданную танской

династией, на которой было написано «печать киданей, служащих государству» [СТШ, гл. 219; Материалы 1984, с. 171]. В конце IX в. произошло усиление киданей: к 907 г. их вождь Абаоцзи сумел объединить киданьские племена и, приняв титул императора, провозгласил образование империи, позже, в 947 г., получившей название «Ляо» [Wittfogel-Feng 1949].

Тесные контакты между уйгурами и киданями обусловили отмеченное историками большое влияние уйгуров на культуру киданей и других монголоязычных племен. Так, к числу заимствований относится перенятая киданями у уйгуров культура выращивания арбуза, которая достаточно развитой была в Уйгурском каганате: «Рассказывают, что кидани, разбив уйгуров, взяли у них арбузные семена. Арбузы сажают под навесами, покрытыми коровьим пометом; величиной арбузы с китайскую восковую тыкву и сладки на вкус» [Малявкин 1974, с. 212]. Киданьскому роду *хэйчэцзы* (черные телеги) китайские источники приписывают заимствование у уйгуров конструкции телеги, расположенной на ней юртой: «предки киданей всегда служили *хуэйхэ* (уйгурам – *А.К.*), но затем подняли восстание и бежали, после чего *хэйчэцзы* научились делать телеги с юртами» [Малявкин 1974, с. 213].

Уйгурское влияние прослеживается и в происхождении некоторых киданьских племен. Достаточно сказать, что *Иши*, второе племя в иерархии после правящего рода киданей Елюй, а также род *Сяо* (катунская фратрия), имели уйгурское происхождение. В истории известен интересный факт, отражающий прежние вассальные отношения между киданями и уйгурами: в 924 г. киданьский император Абаоцзи, прибыв в Каракорум, бывшую столицу Уйгурского каганата, приказал стереть надпись в честь уйгурского Бильге-кагана и поместить вместо нее трехязычную (киданьско-тюрко-китайскую) надпись, восхваляющую его деяния [Малявкин 1974, с. 73]. К сожалению, надпись какого уйгурского кагана была стерта; вместе с тем, заменившая ее новая надпись также не дошла до нас. Еще более интересным фактом является предложение Абаоцзи уйгурам Турфанского княжества Кочо переселиться на свои старые кочевья в междуречье Селенги и Толы, которое уйгуры не приняли. Д. Сайнор сравнил это предложение с ностальгическим отношением бывших подданных Британской

империи или империи Габсбургов к тем временам, когда они находились в зависимости от этих империй [Sinor 1998, с. 229].

Возвращаясь к истории уйгуро-киданьских контактов на территории Танской империи, отметим, что уйгурская кавалерия, прибывшая на помощь к хэбэйским губернаторам в 781-783 гг., находилась в тесном взаимодействии с киданьским военачальником Ван Уцзюнем, названным отцом *абуза* Ван Тинцзоу.

Сам Ван Тинцзоу принадлежал к поколению, выросшему в Китае, и, очевидно, был китаизирован. Об этом свидетельствует отмеченная историографами его любовь к китайским книгам: «он любил читать Гуйгу и все книги по военному делу». Тем не менее, китайские историки особо выделяют его «варварские» черты, сообщая, что он «с рождения имел могучий торс, был похож на хищника, говорил очень мало» [СТШ, гл. 211, с. 5953]. Сравнение с хищниками характерно для китайского представления об иноземцах, согласно которым «варвары» только внешне похожи на людей, но внутренне сродни диким зверям.

Северо-западные провинции Китая после неудачной попытки выйти из-под контроля династии Тан во время правления Дэ-цзуна номинально продолжали подчиняться власти императора, но фактически сохраняли независимость в управлении местными делами. Особый статус этих провинций выразился в том, что, в отличие от других районов Китая, должность губернатора здесь стала наследственной, и со временем появились династии местных правителей. Одна из таких династий была создана *абузом* Ван Тинцзоу.

В биографиях тех или иных деятелей, включенных в династийные истории, получали отражение факты, с точки зрения их составителей представлявшие интерес для истории Китая. Из биографии Ван Тинцзоу известно следующее. Одним из событий, в котором он принял участие, было восстание Ван Чэнцзуна (806 г.), губернатора округа Чэндэ, расположенного на западе провинции Хэбэй. После его смерти (821 г.) танский двор смог добиться уступок от этой провинции. Во время восстания Ван Тинцзоу оказывал содействие войскам мятежного Ван Чэнцзуна. В биографии рассказывается о его действиях против посланника танского двора, направленного в приграничные армии, чтобы привлечь их на свою сторону путем щедрых вознаграждений.

Ван Тинцзоу, который служил в это время в должности *бинмаши*, удалось настроить армию против танского посланника и поднять бунт [СТШ, гл. 211, с. 5954].

В 7 месяце 806 г. он захватил власть в Чэндэ и провозгласил себя губернатором, без позволения на то танского двора. Император Муцзун (821-825 гг.) издал указ, приказывающий армиям всех прилегающих к Чэндэ областей организовать совместное выступление против Ван Тинцзоу. Когда действия, направленные против него, не возымели успеха, был организован новый карательный поход во главе с генералом Пэй Ду для подавления восстания на западе провинции Хэбэй [Mackerras 1972, с. 179-180]. Пэй Ду (765-839 гг.) должен был объединиться с силами соседней провинции Хэдун и нанести удар по мятежникам. Биография Ван Тинцзоу рассказывает о некоторых сражениях полководцев Пэй Ду с восставшими. Один из них, Ду Шулян, преследовал войска Ван Тинцзоу до Хуэйсина, но сам попал в окружение в крепости Шэньчжоу. Ему удалось бежать с места боя с семьей, укрыться у губернатора северного округа Линью. Его бегство воодушевило Ван Тинцзоу, который перейдя в атаку, разгромил верные центральному правительству силы [ЦТШ, гл. 170, 1а-3б].

Восстание в северо-восточных провинциях подрывало хозяйство страны, «император жаловал подарки без меры, казна была пуста». В 821 г. взбунтовался Ши Сяньчэн, губернатор округа Вэйбо, и императору пришлось прекратить военные действия против Ван Тинцзоу. 12 апреля 822 г. он был вынужден «помиловать» его, пожаловав ему должность военного губернатора округа Чэндэ [Mackerras 1972, с. 180].

В дальнейшем, во время правления императора Вэнь-цзуна (827-841 гг.), Ван Тинцзоу поддержал Тун Цзе, который самовольно «наследовал» должность умершего отца в округе Цанчжоу. Когда Вэнь-цзун отказал в утверждении в должности Тун Цзе, последний поднял мятеж. Был организован карательный поход против Тун Цзе, но Ван Тинцзоу «ослабил северные окраины, чтобы сковывать [действия правительственных войск]». Он также задержал танских посланников, чем вызвал гнев Вэнь-цзуна, который издал указ «прекратить получение подношений от него». В указе далее говорилось: «Тун Цзе взбунтовался. [Ван] Тинцзоу является соучастником злодея. Следует

лишить [его] титулов; всем по разным путям отправиться в карательный поход [против него]. Того, кто сможет обезглавить [Ван] Тинцзоу, наградить 200 тысячами связок монет. Все чиновники, которые [помогут] подчинить округа и веси, будут щедро награждены в соответствии с рангами» [СТШ, гл. 211]. Однако императору не удалось подавить бунт, ему пришлось амнистировать восставших и простить Ван Тинцзоу. Через некоторое время Ван Тинцзоу был удостоен титулов «главный наставник наследного принца» (кит. *тайцзы тайфу*) и князь (кит. *цзюнь гун*) области Тайюань.

Участвуя в многочисленных бунтах, Ван Тинцзоу, как и многие другие хэбэйские губернаторы, попал в число непокорных подданных Тан, которые номинально признавали власть династии, но не подчинялись императорским приказам. Историографы дают ему такую характеристику: «Что до [Ван] Тинцзоу, у него был такой характер, что он шел против справедливости, участвовал по своему произволу в двадцати смутах, не выполнял долг подчиненного, не был человеком любимым. [Как и все] варвары *и* и *ди*, [он] не изъявлял покорности» [СТШ, гл. 211, с. 5961].

Ван Тинцзоу умер в 834 г. и был посмертно пожалован титулом *тайвэй*. Когда он умер, на должность губернатора Чэндэ претендовал его сын Юань Да. «В армии просили [императорского] приказа о [назначении] Юань Да. Император послушался, передал ему наследование [должности] *цзеду*» [СТШ, гл. 211, с. 5962].

Ван Юаньда (812-854 гг.) был вторым сыном Ван Тинцзоу. В его правление провинция Чэндэ наладила хорошие отношения с танским двором. Он «знал церемонии и правила, ежегодно представлял дань [ко двору], как полагается слуге». Это послушание было следствием мер, предпринятых для этого танским домом, который заключил с ним брачный союз: ему была выдана в жены танская принцесса Шоуань, дочь члена танского дома князя У (кит. *цзянван У*). Тогда «[Ван] Юаньда послал людей представить подарки в честь сговора ко двору, преподнес тысячу подносов с едой, отличных лошадей, туалетные принадлежности, рабынь». Император У-цзун использовал лояльность Ван Юаньда для борьбы с другими антитанскими бунтами в Хэбэе. Так, Ван Юаньда был назначен комиссаром по умиротворению бунта Цзянь Цзи в соседней провинции Иу. Получив приказ,

Ван Юаньда немедленно отправился на подавление бунта и разгромил армию военачальника Яо Шаня, подчинил округ Бинчжоу. За эти заслуги он был назначен на должность *цзянь-цзяо сыту* и одновременно с этим получил пост советника-контролера по делам Императорской канцелярии (кит. *чжун шу мынься пинчжанши*). Кроме того, император пожаловал ему почетный титул *тайцзы тайши* (наставник наследного принца), почетный титул князя Тайюаня, а также *тайфу* (наставник принца); получил 200 дворов в реальное жалованье. Ван Юаньда скончался в 854 г. в возрасте 43 лет. В знак признания верности танской династии ему было пожаловано посмертное имя *Чжун* (кит. *верный*).

После смерти Ван Юаньда должность губернатора Чэндэ занял его сын Ван Шаодин, который был рожден от брака с танской принцессой и был уже наполовину китайцем. По китайской традиции, ему было дано детское имя: он был наименован *Сысян* («наследник предков»). Он не обладал особыми административными или военными способностями и проводил время в развлечениях: «...злоупотреблял [напитками], пил запоем, был распущенным, жестоким по характеру, незаконно взымал налоги [с населения], поднимался на здания и ради забавы стрелял по прохожим. Люди были возмущены его жестокостью» [СТШ, гл. 211, с. 5961]. Он управлял провинцией недолго; вскоре скончался после болезни. Точное время его смерти неизвестно, но произошло это в правление императора Сюань-цзуна (847-860 гг.). Поскольку в тот момент сын Ван Шаодина был еще маленьким и не мог заменить отца, то губернатором был назначен его младший брат Ван Шаои (второй сын Ван Юанда), о котором практически ничего неизвестно. Он также, как и Ван Шаодин, был рожден от брака с танской принцессой. Сообщается лишь, что он «управлял просто и легко». Он получил титул *сяньбо* (маркиза) Тайюаня и должность главного советника (кит. *цзян-цзяо сыкун*). Скончался Ван Шаои в 866 г., в правление императора И-цзуна [СТШ, гл. 211, с. 5962].

Ван Шаои наследовал Ван Цзинчун (847-883 гг.), уже подросток сын Ван Шаодина, внук танской принцессы. Когда Ван Шаои серьезно заболел, он вызвал к себе Ван Цзинчуна и сказал ему: «Прежний правитель (кит. *цзюнь*) передал управление мне. Нужно было, чтобы ты вырос, и тогда [я] передал бы [должность] тебе. Теперь я серьезно

болен. Хотя ты мал, приложи усилия [к исполнению] обязанностей по управлению армией, соблюдай этикет (кит. *ли*) в отношении соседей-иноземцев (кит. *фань*), и делай подношения двору, тогда дела семьи не придут в упадок» [СТШ, гл. 211, с. 5961-5962]. Когда до императора дошли наставления Ван Шаои, он был очень доволен и назначил Ван Цзинчуна сначала помощником губернатора (кит. *люхоу*), а затем губернатором. Известно, что он находился на должности губернатора 14 лет. Поскольку Ван Цзинчун умер в 883 г., можно сделать вывод, что губернатором он был назначен в 869 г. и занимал эту должность 14 лет, а до этого, в 866-868 гг., являлся помощником губернатора.

Во время бунта Пан Сюня (868-869 гг.) Ван Цзинчун, наряду с кавалерией тюрков-*шато*, послал войска на помощь правительственным силам для подавления восстания. Мятеж начался в Южном Китае, но восставшие совершили поход на север и при поддержке местного населения достигли Суйчжоу на северо-востоке. Мятежники были умиротворены только через год во многом благодаря привлечению иноземных воинов. Из области Тайюань были созваны войска, состоявшие из туйхуней, дада (татар), циби и трех племен шато. Особую роль в подавлении повстанцев сыграла трехтысячная кавалерия во главе с вождем шатоского племени чжуюэ Чисинем, который возглавил «варварско»-ханьскую армию. За заслуги этот тюрк был пожалован императорской фамилией Ли и ханьским именем Кэчан. Его сын, Ли Кэюн, впоследствии основал династию Поздняя Тан.

Среди сил, брошенных на подавление повстанцев, были и войска под командованием Ван Цзинчуна, который за участие в войне на стороне Тан получил очередное повышение – должность правого *пуе* кабинета министров (кит. *цзяньцзяо шаншу пуе*). Ван Цзинчун также имел детское имя – Мэньань. Он был любимцем и бабушки, танской принцессы, и матери. Мать его, очевидно, также была китайкой, о чем говорит ее фамилия *Чжан*. Когда скончалась бабушка, император дал ей посмертное имя *Чжань хуэй*, «[Ван] Цзинчун соблюдал траур согласно этикету» [СТШ, гл. 211, с. 5962]. Он очень скорбел, когда вскоре скончалась его мать: забросил служебные дела и управлял через помощников.

В конце 870-х г. Ван Цзинчун получил ряд повышений: его про-

извели в почетные правители столичной области, пожаловали титул *чжао гун*. В 878 г. он получил княжеский титул *ван Чаншаня*. Ван Цзинчун принимал активное участие в подавлении восстания Хуан Чао (883 г.). Он оказал военную помощь губернатору Ючжоу в действиях против тюрков-*шато*, которые атаковали этот округ. В том же году он скончался в возрасте 37 лет.

Преемником Ван Цзинчуна стал его сын Ван Жун, который управлял округом в период возвышения в Северном Китае шатоского вождя Ли Кэюна [Franke 1936, с. 513-517]. Ли Кэюн сыграл важную роль в подавлении восстания Хуан Чао. Усиление Ли Кэюна сопровождалось войной, охватившей северо-восточные провинции Китая. Во время восстания Хуан Чао Ван Жун был на стороне Ли Кэюна и его сторонников. Однако позже, когда Ли Кэюн предпринял попытку взять под контроль эти провинции, Ван Жун выступил против него. Генералы Ли Кэюна стали грабить земли, подконтрольные Ван Жуну. В военных действиях против сторонников Ли Кэюна танская сторона пыталась оказать помощь армии Ван Жуна. Тот объединился с другим амбициозным военачальником, Ли Куанвэем, и вместе с ним нанес удар по войскам Ли Кэюна в районе гор Чаншань. Ван Жун возглавил стотысячную армию, обезглавил 20 тысяч воинов, захватил в плен 300 латников, тем самым вынудив Ли Кэюна скрыться в крепости Луаньчэн [Franke 1936, с. 526-528]. За этим последовало нападение Ли Кэюна на армию Ван Жуна. Союз Ван Жуна с Ли Куанвэем помог некоторое время одерживать верх над сторонниками шатоского лидера.

В период правления Гуан-хуа (898-901 гг.) танская династия предприняла попытку взять под контроль ситуацию в Хэбэе. Для этого в Хэбэй была направлена армия Цюань Чжуна, которой удалось подчинить себе несколько округов. Ван Жун, однако, не торопился присоединиться к танскому военачальнику, тем более что его пытались привлечь на свою сторону генералы Ли Кэюна, атаковав один из округов, захваченных танскими силами. Однако Цюань Чжун сумел добиться того, чтобы Ван Жун отправил к нему в качестве заложника своего сына Ван Чжаоцзо, которого он сам женил и держал при себе чиновником. На рассказе о союзе Ван Жуна с танским генералом прерывается повествование о его жизни в династийных историях. Говоря о личных качествах Ван Жуна, историографы отмечают, что на

него сильное влияние оказывала мать, которая, судя по фамилии Хэ, имела согдийское происхождение. После ее смерти Ван Жун начал обогащаться, завел тысячу наложниц и не следовал этикету в выборе одежды. Он построил Храм матери западного князя (кит. *сиван мусы*), которую часто посещал с жертвоприношениями. Он также стал очень нетерпимым к служащим [СТШ, гл. 211, с. 5963].

Очевидно, Ван Жун правил до конца танской династии, поскольку историографы особо отмечают, что от правления Ван Тинцзоу, узурпировавшего власть в Чэндэ в начале IX в., до последнего представителя уйгурской династии абузов Ван Жуна, прошло сто лет. За такой долгий период правления уйгурской династии в округе Чэндэ сложились семейные легенды, которые зафиксированы в жизнеописаниях представителей этой местной династии: «Когда [Ван] Тинцзоу занимал низкое положение, в Е (Аньян – *А.К.*) был некий даосский монах, который сделал предсказание и, взяв [книгу] Цяньчжикунь, сказал: «Господин будет иметь землю». Когда получил [в управление] Чжэнь[чжоу], очень почтительно встретил службу.

[Он] вновь спросил: «[Что можете сказать] о долголетию? [Что можете сказать] о детях и внуках?» Ответ был: «У господина (*гун*) спустя тридцать лет будет два князя (*ван*)». [И действительно] [Ван] Тинцзоу скончался, пробыв на должности 13 лет, в этом было скрытое значение, [поскольку] [Ван] Цзинчун и [Ван] Жун оба были *ванами* (т.е. имели княжеский титул – *А.К.*).

Когда-то [Ван] Тинцзоу дошел до Хэяна, оказался пьяным и заснул в дороге. Кто-то из прохожих увидел его и сказал: «Необычный человек!» Сопровождавший сообщил об этом [Ван] Тинцзоу, он быстро догнал его и спросил, почему [он так сказал], тот ответил: «Я вижу как Вы, господин, отдыхаете – слева от Вас как будто стоит дракон, а справа как будто стоит тигр. [Ваши] сыновья и внуки будут *ванами* сто лет. [Ваша] семья имеет большое дерево, посещайте часто храм [предков], и господин будет преуспевать»... От [Ван] Тинцзоу до [Ван] Жуна прошло всего сто лет» [СТШ, гл. 211, с. 5965-5966].

Брачный союз династии *абузов* в Чэндэ с танским домом, конечно, способствовал китаизации этой семьи. Следует сказать, что основатель династии Ван Тинцзоу представлял не первое поколение *абузов*,

переселившихся в Танскую империю из степи и уже был китаизирован, хотя сохранял «варварские» корни. Историографы, обращавшие внимание на «варварское» происхождение при характеристике Ван Тинцзоу, перестают упоминать что-либо подобное в отношении его потомков. Уже с третьего поколения губернаторов все правители дома *абузов* имели смешанное тюрко-ханьское происхождение, что выразилось и в их китайских детских именах, и в соблюдении ими китайского этикета и традиций. Потомки Ван Тинцзоу сами могли жениться на китаянках. Мать последнего представителя династии, Ван Жуна, носила фамилию Хэ, которую обычно имели согдийцы, происходившие из Кушана. Очевидно, Ван Цзинчун, его отец, был женат на согдийке. Это не вызывает удивления, так как в приграничных провинциях до конца империи Тан существовало достаточно большое согдийское население, которое уже было китаизированным. Согдийское происхождение того или иного человека можно установить только по его фамильному знаку.

Материалы о династии *абузов* в Чэндэ содержат ценные сведения о том, как Танам удалось превратить династию мятежных губернаторов одной из областей Хэбэя в послушных союзников. Если основатель этой династии Ван Тинцзоу самовольно занял должность губернатора и активно участвовал в антитанских мятежах, то его потомки были верны танскому двору, который уже не вмешивался в процесс наследования, утверждая в должности всех преемников Ван Тинцзоу в течение почти ста лет. Этот союз губернатора Чэндэ с танским двором был достигнут благодаря династийному браку. Выдав принцессу, представительницу танского дома за Ван Юаньда, сына Ван Тинцзоу, династии Тан удалось установить родственный союз с правящим домом в Чэндэ и заручиться его лояльностью. Этот союз усилился, когда губернаторами стали Ван Шаодин и Ван Шаои, сыновья Ван Юаньда и танской принцессы. Таким образом, история династии *абузов* показательна в плане применения брачных союзов для утверждения лояльности мятежных провинций центральному правительству. Как и предполагалось, брачные союзы должны были привести к власти правителей смешанного варварско-ханьского происхождения, которые, будучи наполовину ханьцами и родственниками китайских правителей, должны были хранить верность Поднебесной империи.

Губернаторы Чэндэ из уйгурского племени *абуз* были не единственной династией иноземного происхождения в позднетанском Китае. После восстания Хуан Чао (873-884 гг.), когда прямое имперское управление было ограничено только столицей Чанъань и двумя соседними провинциями, в семи северо-восточных провинциях правили губернаторы тюркского и монгольского происхождения. Эти иноземные правители участвовали в междоусобной борьбе в Танской империи в последний период ее существования, контролируя большую часть Северо-Восточного Китая.

Закат Танской империи: восстание Хуан Чао (873-884 гг.) и тюрки-шато

Императору У-цзуну (841-847 гг.) при помощи главного министра Ли Дэюя удалось ослабить влияние евнухов при дворе, разрешить кризисные ситуации внутри страны и в отношениях с соседями. Преемствовавший ему император Сюань-цзун (847-860 гг.) также показал себя сильным правителем, способным сохранить единство империи, невзирая на сопротивление со стороны провинциальных правителей. Несмотря на успешное правление этих двух императоров, в начале X в. серьезные экономические и социальные проблемы привели к падению танской династии.

Борьба за установление танского контроля над Хэбэем, также как военные действия на границе против уйгуров в начале 840-х г., не только подорвали экономическую основу страны, но и привели к нарушению стабильности в других областях, например, в бассейне нижнего течения реки Янцзы. В конечном счете, финансовые трудности и растущее недовольство населения, в особенности крестьянства, привели к еще одному крупному восстанию во главе с Хуан Чао, которое нанесло окончательный удар по Танской империи [Franke 1936, с. 513-517].

При Сюань-цзуне были предприняты некоторые реформы в области финансовой системы, на которую сильно повлияли беспорядки на юге страны, являвшемся главным источником поступлений в государственную казну. Восстание в Чжэцзяне в 859-860 гг., принесшее

опустошение в южные районы, частично было вызвано набором в армию моряков и солдат для обороны южных районов от вторжения государства Наньчжао. Война с Наньчжао вскоре охватила и приграничный район Сычуани и длилась с 858 до 866 года. За ней последовал бунт генерал-губернатор Пан Сюня (868-869 гг.), который отсек водную систему страны от центра, чем нанес большой урон экономике страны. Все эти внутренние и внешние войны обострились также из-за стихийных бедствий – наводнений и засухи [Cambridge 1979, с. 695-700]. Тяготы всех этих бедствий ложились тяжелым бременем на крестьян, которые часто поднимали бунты. В Хэнани крестьянское восстание возглавил Ван Сяньжи (873 г.), после смерти которого руководство перешло к Хуан Чао [СТШ, гл. 225Б, с. 6451-6464].

Если многочисленные бунты и восстания в разных частях страны подтачивали жизнестойкость танской династии, то восстание Хуан Чао, начавшееся в 878 г., привело к ее гибели в 907 году. В 874 г. на танский престол взошел молодой Ли Янь – император Си-цзун (784-789 гг.), который был очень капризным и легкомысленным человеком. Ему был всего 21 год, когда он стал императором, и в силу его молодости и отрешенности от государственных дел управление попало в руки евнуха Тянь Линцзы. Тянь Линцзы и его преемники-евнухи пользовались такой полнотой власти, что император превратился в марионетку. Фактически власть в империи сосредоточилась в руках не одного, а трех евнухов – Тянь Линцзы, его соперника Ян Фугуна и двоюродного брата последнего. Все они опирались на своих верных людей в провинциях, которых называли «названными сыновьями» [Cambridge 1979, с. 716-717].

Экономическая ситуация в Китае, чрезвычайно ухудшившаяся в 870-х г., усложнилась распространением бандитизма. Вскоре бандитское «движение» приобрело такой размах, что оно вступило в открытую конфронтацию с правительственными силами. Этот конфликт был результатом не только ослабления центральной власти, хотя деморализация чиновников препятствовала организованным действиям правительственных сил, но и социальных проблем и милитаризации страны, начавшейся многие десятилетия назад. Длительные войны во время и сразу после восстания Ань Лушаня создали благоприятную ситуацию для выражения массами недовольства по любому поводу

[Pulleyblank 1976, с. 59-60]. Действия и непопулярные меры местных чиновников легко вызвали бунт и насилие со стороны простых людей. Такие беспорядки «разбирались» императорским двором, но не могли подавляться из-за слабости центральной власти. Действия бандитских групп переросли в восстания, которые раньше было принято характеризовать как «крестьянские» [Смолин 1989, с. 21; Pulleyblank 1976, с. 59]. На самом деле, массового участия крестьянства в этих восстаниях не было, а большую часть повстанцев составляло люмпенизированное безземельное население, которое появилось в Китае из-за опустошительных войн. Лидеры восстаний составляли особую группу людей, появление которой в конце правления танской династии возможно было из-за слабости императорской власти, а также экономических трудностей, вызванных высокими налогами и незаконной торговлей солью, от которой наживались предводители бандитских групп. Последние часто были выходцами из крестьян, потерявшими связь с ними, иногда были необразованными людьми, но все они отличались воинским искусством и навыками управления небольшими группами. Некоторые повстанческие силы фактически представляли собой совокупность самостоятельно действовавших групп бандитов, объединивших свои действия против правительства [Cambridge 1979, с. 720-722].

Ко времени прихода к власти императора Си-цзуна опасность действий многочисленных бандитских групп стала очевидной, и правительственными силами были предприняты меры для пресечения их активности. В 874 г. группировки в Хэбэе стали угрожать правительственной армии, размещенной в этом районе. Вскоре выступления бандитских групп стали расширяться и охватили Шаньдун. Отряды Ван Сяньжи и Шан Цзюньчана атаковали округа Пучжоу и Цаочжоу, а вскоре к ним присоединился и отряд Хуан Чао, который был одним из доверенных лиц Ван Сяньжи. Хуан Чао поднял восстание в Гуанчэне в 874 г. [Levy 1961, с. 2].

Выступления отныне из сельских районов перекинулись на местные административные центры и охватили десять округов. Конфедерация повстанцев расширялась. Все попытки правительства направлять войска для подавления восстания и мобилизовать местные силы для противостояния бандитам не имели успеха. Впрочем, попытка

привлечь на свои стороны Ван Сяньчжи, назначив его на чиновничью должность, внесла раскол на некоторое время в ряды мятежников, дав передышку правительственным силам.

Когда в 877 г. Хуан Чао грабил Гуанчэн, двор направил против него большую армию [Levy 1961, с. 5]. В это время отдельно от Хуан Чао действовавшая группа Ван Сяньчжи атаковала Цзинлин, столицу провинции Цзиннань и стратегический пункт на среднем течении реки Янцзы. Тогда на помощь танским силам пришел глава соседней провинции Шаньнань – Ли Фу, который привел свою армию вместе с пятисотенной кавалерией тюрков-*шато* и заставил Ван Сяньчжи отступить. В 878 г. повстанцы Ван Сяньчжи были разбиты, а сам он убит.

После смерти Ван Сяньчжи Хуан Чао стал единственным вождем восстания. В результате успешных военных действий правительственных сил Хуан Чао был вынужден направиться на Юг после тщетной попытки захватить Лоян. Он провозгласил себя «великим генералом, потрясающим небеса» (кит. *чунтянь да цзянцзюнь*) [Cambridge 1979, с. 736]. Маршрут «необузданного войска» Хуан Чао лежал через области Янцзы, по которым он прошелся, грабя все на своем пути, и в 879 г. дошел до южного порта Гуанчжоу. Известны грабеж и бесчинства Хуан Чао в этом городе, в результате которых было убито множество живших здесь иноземцев – выходцев из Юго-Восточной Азии, Индии, Ирана и Аравийского полуострова. По некоторым данным, число погибших в Гуанчжоу составило 120 тысяч человек, большая часть которых были иноземцами. Бесчинства бандитов описал арабский купец Абу Зайд [Levy 1961, с. 109-121]. Действия «необузданного войска» повстанцев на Юге рассмотрел в своей работе Г.Я. Смолин, который отмечал контакты бунтарей с южными инородцами *мань*, предками современного народа *яо* [Смолин 1989, с. 20].

На обратном пути при переходе через реку Янцзы Хуан Чао ожидали войска губернатора Лю Цзюйжуна, в составе которых были пятьсот тюрков-*шато*. Несмотря на то, что в этом сражении можно было окончательно разбить Хуан Чао, танский губернатор дал им шанс отступить и скрыться. Это было связано с недоверием и усилившейся конфронтацией губернаторов с танским двором.

В 12-м месяце 880 г. Хуан Чао атаковал и захватил Чаньань, а император Си-цзун с приближенными бежал из столицы в Чэнду (пров.

Сычуань). Дав город на разграбление своим людям, Хуан Чао провозгласил себя императором новой династии Ци [СТШ, гл. 225Б, с. 6458]. В то время как повстанцы установили жестокий режим в столице, преследуя чиновников и образованных людей, танский двор провел несколько лет в Чэнду, собирая вокруг себя верные правительству силы. Последнее было очень сложно сделать, поскольку император находился под контролем евнуха Тянь Линцзы, и усиление власти евнухов не позволяло императору заручиться поддержкой провинциальных губернаторов, настроенных против евнухов [Cambridge 1979, с. 745-747].

В 881 г. произошло сражение в Фэнсяне, в котором повстанцы понесли большие потери. Это стало началом конца восстания Хуан Чао, который удерживал в руках опустошенную, восточную столицу, в то время как от союза с ним отказались правители Хэбэя, а правительственные силы, напротив, укрепились. В течение какого-то времени создалась ситуация, когда никто не хотел нападать на Хуан Чао по разным причинам. Южные губернаторы области Янцзы, выражая верность императору, тем не менее, не торопились присылать вспомогательные войска. В Хэбэе и Хэдуэ стали формироваться местные союзы между разными губернаторами, и никто не хотел вступать в сражение с повстанцами и нести потери: все ждали, что Хуан Чао будет вынужден оставить столицу и вернуться в свою область. В создавшейся ситуации правительству пришлось обратиться за помощью к вождю *шато* Ли Кэюну [Franke 1936, с. 513-517].

Относительно тюрков-*шато* известно не так много. «Шато» по-китайски означает «пустыня», что отождествляется с тюркским «чөл» (кит. *чююэ*). Они происходили из западных тюрков, первоначально обитали в районе оз. Баркуль в Восточном Туркестане, откуда в 712 г. переселились в область Турфана [Grosset 1994, с. 126-127]. Следует отметить, что в научной литературе получило распространение мнение академика В. Бартольда, отождествившего *шато* с токуз-огузами мусульманских источников [Бартольд 1968а, с. 54-55]. Он считал, что арабские авторы первоначально называли тюрков-*шато* «токуз-огузами», а после того, как *шато* ушли из Восточного Туркестана, не зная этого факта, продолжали называть этим именем переселившееся туда уйгурское население [Бартольд 1968в, с. 569]. Такая трактовка

была опровергнута В. Минорским [Minorsky 1955], Э. Пуллиблэнком [Pulleyblank 1990], Х. Тору [Ханеда 1957б] и другими учеными, которые, изучив новые источники и проанализировав все известные сведения о родоплеменном составе восточных огузов, показали ошибочность идентификации токуз-огузов с тюрками-*шато* [Minorsky 1948, с. 276-277].

Попав сначала в Ганьчжоу (Хэсийский коридор, Ганьсу), *шато* были вынуждены в 808 г. переселиться дальше в Северный Китай, где часто вовлекались в военные конфликты задолго до описываемых событий, как можно видеть это из предыдущего материала. Ли Кэюн был вождем *шато* из племен *чжуе* [Drompp 2005, с. 41]. Его отец Ли Гочан сыграл большую роль в подавлении восстания Пан Сюня (868-869 гг.), за что ему и была пожалована фамилия танского дома *Ли*. Однако после установления заслуг перед танским домом, *шато* продолжали держать себя независимо и часто вступали в конфликт с другими племенами. Все это заставляло танский двор настороженно относиться к ним и предпринимать меры предосторожности в Тайюане, чтобы не допустить вторжения *шато* в Хэдун, а затем и в столицу. *Шато* были вовлечены и в события в Уйгурском каганате, о чем мы уже упоминали. Выше также говорилось о том, что в состав *шато*, скорее всего, были адаптированы согдийцы, составлявшие значительную силу в прежние времена. Когда создалась сложная ситуация со столицей, единственным выходом для танской династии было призвать на помощь этих кочевников. В 883 г. император назначил Ли Кэюна командующим над всеми военными силами провинций в действиях, направленных на умиротворение Хуан Чао [Levy 1961, с. 5].

В начале 883 г. Ли Кэюн направился в Чанъань с 35-тысячным войском, состоявшим из *шато* и других племен. Сначала армия Ли Кэюна нанесла поражение брату Хуан Чао – Хуан Гую, в области Шаюань. Решающее сражение армий Хуан Чао и Ли Кэюна произошло во втором месяце 883 г. в Линтяне. Хуан Чао возглавлял 150-тысячную армию, в то время как к Ли Кэюну присоединились армии нескольких провинций. Вождь повстанцев потерпел поражение, был вынужден бросить столицу и отступить на восток [Franke 1936, с. 526-528]. Тем не менее, армия Хуан Чао оставалась боеспособной, что он вскоре

продемонстрировал, осаждая город Чэньчжоу в течение целого года. Осада города мобилизовала усилия всех соседних губернаторов, которые объединились против Хуан Чао не столько из верности танской династии, сколько из ненависти к нему. Опять не обошлось без тюрок-*шато*, за помощью к которым они были вынуждены обратиться. Ли Кэюн направил на помощь пятидесятитысячную армию, которая разбила повстанцев в 4 месяце 884 года. Хуан Чао бежал в родной Шаньдун, преследуемый войсками Ли Кэюна. Спустя два месяца он покончил с собой, чтобы не быть схваченным и казненным врагами. Один из его сторонников несколько лет продолжал совершать бандитские рейды в Хэнани, пока его не уничтожили в 901 г. [Смолин 1989, с. 21].

Восстание Хуан Чао усугубило ситуацию в Танской империи. В ходе восстания, с одной стороны, чрезвычайно усилилась милитаризация на местах и произошло дальнейшее обособление областей и провинций, с другой стороны, экономика страны потерпела окончательный крах. В результате, в 907 г. власть некогда могущественной танской династии была свергнута одним из местных губернаторов – Чжу Вэнем, который в свое время был союзником Хуан Чао, а с 883 г. являлся губернатором Бяньчжоу (Сюань). Чжу Вэнь провозгласил создание династии Поздняя Лян, первой из династий, существовавших в период после распада Танской империи, «эпоху пяти династий» (кит. *Удай*) [Cambridge 1979, с. 789]. Она просуществовала до 923 г., когда ее сверг сын тюрка-*шато* Ли Кэюна, установивший власть Поздней Тан (923-936 гг.).

Основными территориями, на которых жили кочевые племена и на которые опирались императоры Поздней Тан, были современные провинции Шаньси и Хэбэй. Здесь обитали не только тюрки-*шато*, но и уйгуры, сяньбийцы, тангуты, туюйхуни и др. кочевники, а также инкорпорированные в состав *шато* и уйгуров согдийцы. Часть этой территории, заселенной «северными варварами», в последующем вошла в состав Сунской империи, но большая часть оставалась за пределами китайского влияния в течение почти четырех столетий после падения Танской империи. Кроме династии Поздняя Тан, тюрки-*шато* основали еще два других государства – Позднюю Цзинь (936-946

гг.) и Позднюю Хань (947-950 гг.). С созданием объединенной империи Сун тюрки-*шато* исчезли с исторической сцены.

В то время как до объединения страны под властью Сун на севере Китая были созданы одно за другим пять династий, на юге Китая существовали десять мелких княжеств. Границы и северных, и южных государств проходили, как правило, по границам прежних провинций и областей. Согласно данным составителей «Кембриджской истории Китая», посвященной Суйской и Танской империям, в 885 г. большая часть Китая была поделена между независимыми губернаторами, из которых некитайское происхождение имели правители областей Ся-суй (*сяньби* Тоба Сыгун, 881-890 гг.), Лулун (*шато* Ли Кэцзюй, 876-887 гг.), Чэндэ (*уйгур-абуз* Ван Жун, 883-907 гг.), Датун (Хэлянь До, 880-891 гг.), Дайбэй (*шато* Ли Гочан, 883-887 гг.), Хэдуна (*шато* Ли Кэюн, 883-907 гг.) и Чжаои (*шато* Ли Госю, 883-890 гг.) [Cambridge 1979, с. 764].

* * * * * * * * *

Если в периоды подъема и расцвета Танская империя была открытой для внешних связей, а ее отличительной особенностью был космополитизм, то в позднетанский период Китай все больше становится закрытой страной, внешние отношения которой строятся на принципе изоляционизма. После подавления восстания Ань Лушаня в середине VIII в. Танская империя теряет все завоеванные ранее земли в Западном крае. Однако даже в пределах собственно Китая ей становится трудно остановить процесс децентрализации власти. Внутренние войны имеют настолько глубокие последствия для страны, что танские императоры занимаются в основном борьбой с губернаторами на местах. Попытки императора Дэ-цзуна усилить центральную власть и ограничить растущее влияние евнухов на государственное управление закончились безуспешно, а восстание хэбэйских губернаторов в 781-783 гг. заставило его отказаться от государственных реформ. Децентрализация власти проявилась в том, что губернаторы областей создавали свои династии, превращая должность губернатора в наследственную. Они захватывали власть в областях насильственным путем, не считались с императорскими указами. Этот процесс усиления губернаторов и ослабления центральной власти привел к

восстанию Хуан Чао, от которого танская династия так и не смогла оправиться.

В позднетанский период роль тюрков и ираноязычных народов в Танской империи оставалась значительной, несмотря на изменившуюся ситуацию. Одним из последствий восстания Ань Лушаня было изменение политики танской администрации в отношении некитайского населения страны. В отличие от прежнего времени, иноземцам был ограничен доступ во властные структуры. Однако политика танского центра, направленная на ограничение влияния иноземцев в стране, натолкнулась на реальную ситуацию, в которой танский двор не мог влиять на ситуацию в губерниях. В связи с тем, что в приграничных областях страны некитайское население было значительным, губернаторами здесь часто становились иноземцы. Танская династия оказывалась бессильной перед растущей властью военных губернаторов приграничных областей, многие из которых имели тюркское происхождение.

Одной из них была династия токуз-огузского (уйгурского) племени *абуз*, которая правила в области Чэндэ более ста лет. Ее лояльность императорскому двору была достигнута установлением брачного союза между танским домом и губернаторской семьей. Союз через родство был использован для того, чтобы превратить эту династию из мятежных местных правителей в послушных союзников. Однако, такой пример взаимоотношений танского двора с местным правителем был скорее исключением для Хэбэя, чем правилом.

Восстание Ань Лушаня отразилось на положении восточных тюрков (*туцзюэ*) и согдийцев в Китае. В позднетанский период из страниц танских хроник полностью исчезают сведения о восточных тюрках, которые играли большую роль в ранние периоды Танской империи.

Роль согдийцев ограничивается и локализуется: известно, что в командовании танской армии согдийцы сохраняли позиции на средних уровнях. Вместе с тем согдийцы продолжали играть большую роль в отношениях с Уйгурским каганатом, который стал защитником манихейских единоверцев в Китае. До падения каганата (840 г.) согдийцы были вовлечены в торговые отношения с уйгурами по обе стороны границы, выступая в роли посредников между Китаем и каганатом. После распада Уйгурского каганата танские власти приняли меры,

ограничивающие торговую и религиозную активность согдийского населения империи.

В позднеганский период определилась роль другой тюркской группы в Китае, западных тюрков-*шато*, переселившихся из Восточного Туркестана в Ордос. Здесь они оказались вовлеченными в политические события в Среднем государстве и Уйгурском каганате: тюрки-*шато* приняли активное участие в междоусобных войнах в степи, а затем и в борьбе за власть в приграничных областях Танской империи. К их помощи танская династия была вынуждена прибегнуть для подавления восстания Хуан Чао, что, впрочем, не спасло империю от распада в 907 году. Тюрки-*шато* продолжали быть активными на исторической арене некоторое время после падения Танской империи, создав три государства в Северном Китае, последовательно сменявшие друг друга. Согдийцы Танской империи, скорее всего, были инкорпорированы в их среду.

Участие тюрков-*шато* в междоусобных войнах, приведших к падению танской династии, стало последним эпизодом в истории тюрков и ираноязычных народов, живших на территории танского Китая и принимавших активное участие в экономической и политической жизни страны в течение всех трех столетий его существования.

ГЛАВА V

ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И КУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ТАНСКОЙ ИМПЕРИИ

Самоидентификация тюрков, уйгуров и согдийцев Танской империи

Этническое разнообразие Танской империи получило одностороннее отражение в китайской историографии, в которой все иноземцы рассматривались как однородная группа (кит. *фань*), противоположная ханьцам. Тем не менее анализ исторических сведений показывает, что этническая идентичность в танском Китае не сводилась к простой дихотомии «мы – другие». Каждый из компонентов этой дихотомии, в свою очередь, представлял собой совокупность разных элементов: иноземцы всегда подчеркивали свою несхожесть с другими группами неханьских народов, а различия в социальном положении китайцев также могли отразиться на их восприятии иноземцев. Этническая идентичность в танском Китае достаточно хорошо изучена Марком Абрамзоном через анализ четырех сфер, в которых она проявилась, а именно, генеалогию, культуру, тело и политику [Abramson 2008, с. xiii].

Положение тюрко- и ираноязычных народов в танском Китае и их этническая самоидентификация в нашем исследовании рассматриваются сквозь призму их взаимодействия с ханьцами, занимавшими господствующее положение в стране, а также взаимоотношений между самими некитайскими этническими группами. В основе истории тюрков и иранцев Танской империи лежит взаимодействие между разными формами хозяйственной и социальной жизни – кочевой и оседлой, представленными соответственно кочевыми тюрками и оседлыми согдийцами и китайцами.

Большое значение для исследования процесса взаимодействия народов в Китае имеет то, как те или иные некитайские народы идентифицировали себя. Выше нами уже отмечалось, что в представлениях китайцев, все некитайские жители страны были дикими «варварами»,

которые, в отличие от их собратьев за пределами Среднего государства, находились под благотворным преобразующим влиянием ханьской цивилизации.

Отношение китайцев к «внутренним» иноземцам четко просматривается в жизнеописаниях известных танских деятелей тюркского и иранского происхождения, о которых мы уже говорили выше. Здесь, прежде всего, обращает на себя внимание терминология, в которой описываются жизнь и деятельность этих людей. Примечательно в этом смысле название одной из глав танских династических историй, целиком посвященной жизнеописаниям деятелей иноземного происхождения: «иноземные генералы [из числа] всех варваров» (кит. *чжу и фаньцзянь*) [СТШ, гл. 110, с. 4111].

В названии главы китайские историографы отразили свое представление об этих деятелях как об иноземцах (кит. *фань*) и варварах (кит. *и*), в то же время, показали, что все они объединяются в общую категорию, независимо от их этнического происхождения (*чжу и*, т.е. «все варвары»). О последнем можно судить по тому, что в главу помещены жизнеописания иноземцев разного этнического происхождения: тюрков, ираноязычных народов, тунгусо-маньчжуров, тибетцев: здесь даются биографии тюрков-*туцзюэ* Ши Даная, Ашина Шэр, Ашина Чжун, Чжиши Сыли, *огуза* Циби Хэли, *корейца* Цюань Наньшэн, *мохэ* (тунгусо-маньчжурский народ) Ли Цзяньсин и Ли Дочжа, *тибетца* Лунь Гуншэня, *хотанского* правителя Вэй Цишэна, *кашгарского* правителя Пэйфэня.

Противопоставление генералов иноземного происхождения ханьцам ярко выражено в их обобщающей характеристике, представленной в завершающей части главы – хвалебной речи (кит. *цзаныюэ*), которая гласит: «Варвары *и* и *ди* по натуре искренние и упрямые. Они могут знать, [что такое] долг, и являются прямолинейными. Их воинственность и прямота не давали продвигаться [им по службе]. Говорили, что умения [у них] недостаточны, а верности часто была более чем достаточно. Если посмотреть на [Ши] Даная и др. служивших [Тан людям], все они были едины в намерении, не было таких, кто бы колебался. Используя возможность, [они] устанавливали яркие заслуги, верили Сыну Неба» [СТШ, гл. 110, с. 4130]. В этой характеристике дано место указанных генералов среди варваров четырех

сторон света – «и и ди», то есть западные и северные. Отличие этих представителей варваров от остальных заключается в том, что они «могут знать, [что такое] долг». Чувство долга является характеристикой цивилизованных китайцев, поэтому танские генералы иноземного происхождения «могли» иметь представление о нем, естественно, под влиянием китайской цивилизации. Свойственные им варварские черты, как прямолинейность и воинственность, не были препятствием в установлении ими заслуг перед империей, но препятствовали их продвижению по служебной лестнице. Тем самым, танские деятели иноземного происхождения предстают перед нами как люди, которые еще сохраняют свои «варварские» черты, но находятся под преобразующим влиянием ханьской культуры. Эта оценка выражала позицию китайских историографов и отражала принципы танской идеологии в отношении «внутренних варваров».

Отношение к танским военачальникам некитайского происхождения как к инородцам и противопоставление их ханьцам отчетливо демонстрируются в текстах. В описаниях иноземцев неизменно присутствуют характеристики, которые были призваны рисовать их «варварами», для чего оттенялись черты, подчеркивавшие их неханьскую сущность. Иноземцы должны были олицетворять диких людей, схожих с животными, поэтому эти свойства неизменно подчеркивались в их характеристиках. Этот доминирующий мотив танского этнического дискурса М. Абрамзон называет «животным началом» (animality) [Abramson 2008, с.xvii].

В жизнеописаниях иноземцев также подчеркивается их воинственность: особо отмечаются качества, характеризующие их как умелых воинов – смелость, решительность, храбрость и самоотверженность. На самом деле, тюрки и согдийцы были хорошими наездниками, отлично стреляли из лука и искусно пользовались другими видами оружия. О согдийце Ли Хуайсяне говорится, например, что он – «хороший наездник и стрелок, имел прозорливый ум и проворность» [СТШ, гл. 212, с. 5967]. Другого согдийца отличали решительность и смелость [СТШ, гл. 156, с. 4901]. В то же время, иноземцам были свойственны черты, характерные для нецивилизованных людей, а именно дерзость, несдержанность, упрямство, прямолинейность. Так, о генерале Пугу Хуайэне говорится: «по иноземной (*фань*) натуре [он] был сви-

репым, быстрым и несдержанным» [ЦТШ, гл. 121, с. 46]. Историографы также приводят необычайные физические особенности, которыми иноземцы отличались от ханьцев – «красивая борода» у согдийца Ли Юаньляна, тучное тело у Ань Лушаня, необычайные физические способности у большинства выдающихся генералов.

Отношение к тюркам и ираноязычным народам как к инородцам не только декларировалось официальной идеологией и нашло отражение в исторических сочинениях, но демонстрировалось часто в повседневной жизни. Мы уже ссылались на случай, когда один из ханьских генералов отказался подчиняться согдийцу Ли Юаньляну, заявив, что сдастся «только генералу-ханьцу» [СТШ, гл. 156, с. 4901].

Если у нас не возникает вопросов относительно того, как ханьцы воспринимали тюрков и иранцев, живших в Китае, то вопрос о самоидентификации этих этнических групп является достаточно сложным в силу отсутствия письменных свидетельств, созданных самими представителями этих групп населения. Тем не менее, можно попытаться проанализировать то немногое, что нам известно из письменных источников. Прежде всего, нужно отметить, что восприятие Китая и китайцев тюрками, жившими в Танской империи, не слишком отличалось от представлений, выраженных в тюркских рунических текстах. Образ Китая в них негативный и является реакцией на китайскую политику, направленную на разъединение и ослабление тюрков. Тюрки понимали опасность, исходившую от Среднего государства. В памятнике в честь Кюль-тегина китайская имперская политика «разделяй и властвуй», примененная в отношении восточных тюрков, описана так: «Вследствие «непрямоты» (т.е. неверности кагану) правителей и народа, вследствие подстрекателей и обмана обманывающих со стороны народа табгач и вследствие его прельщающих, [а также] вследствие того, что они [табгач] ссорили младших братьев со старшими и вооружали друг против друга народ и правителей, – тюркский народ привел в расстройство свой [до того времени] существовавший племенной союз и навлек гибель на царствовавшего над ним [до того времени] кагана; народу табгач стали они [тюрки] рабами своим крепким потомством. Тюркские правители сложили [с себя] свои тюркские имена (т.е. звания и титулы) и, приняв титулы правителей народа табгач, подчинились кагану народа табгач» [Малов 1951,

с. 36-37]. Далее рассказывается, что тюркский народ, подчинившись Китаю в 630 г., стал «врагом кагана народа табгач», т.е. Китая.

В представлении тюрков, Срединное государство коварством и хитростью, а также роскошными дарами привлекает к себе живущие далеко народы. Эти народы, прельщенные сладкими речами и драгоценностями китайцев, прибывали к границам Китая и попадали под его тлетворное влияние. Однако лишь отдельные группы тюрков могли попасть под влияние Китая, но народ не отклонялся от своего пути. Китайское влияние, под которое могли попасть тюрки, представлялось пагубным для них. В памятнике в честь Кюль-тегина говорится: «У народа табгач, дающего [нам теперь] без ограничения столько золота, серебра, спирта (или: зерна) и шелка, [всегда] была речь сладкая, а драгоценности «мягкие» (т.е. роскошные, изнеживающие); прельщая сладкой речью и роскошными драгоценностями, они столь (т.е. весьма) сильно привлекали к себе далеко [жившие] народы. [Те же] поселяясь вплотную, затем усваивали себе там дурное мудрование. Хороших и мудрых людей, благородных героев народ табгач и их сторонники не [могли] сдвинуть [с истинного пути]. Но если [отдельные лица] из тюрков [и соблазнялись], то целые рода [даже] до свойственников (до брачного родства) не отклонялись. Дав себя прельстить их сладкой речью и роскошными драгоценностями, ты, о тюркский народ, погиб в большом количестве. Тюркский народ, когда часть твоя говорила: я желаю селиться не только справа (т.е. на юге) в Чугайской черни, но и в Тюнской (?) равнине, то тогда там злобные люди так научали часть тюркского народа, говоря: «Кто живет далеко, [тому табгач] дают плохие дары, кто живет близко, [тому] дают хорошие дары» [Малов 1951, с. 34-35]. Отсюда, для тюрков является губительной любовью контакт с китайцами. Только, поддержание отношений с Китаем на расстоянии посредством отправки караванов избавляет их от горя: «...о тюркский народ, когда ты идешь в ту страну, ты становишься на краю гибели; когда же ты, находясь в Отюкенской стране, [лишь] посылаешь караваны (за подарками, т.е. за данью), у тебя совсем нет горя, когда ты остаешься в Отюкенской черни, ты можешь жить, создавая свой вечный племенной союз, и ты, тюркский народ, сыт, когда же ты тощ и голоден [но тем не менее] ты не понимаешь [состояния] сытости (т.е. истинных причин сытости) и, раз насытившись, ты не понимаешь [состояния] голода...» [Малов 1951, с. 35].

Эти негативные представления о китайцах сохранялись у тюрков, поселявшихся в пределах Китая под влиянием «злых» табгачей, зазывавших их роскошью и драгоценностями. По крайней мере, они могли сохраняться у первых поколений поселявшихся в Среднем государстве тюрков, в то время, как последующие поколения, могли подвергаться китаизации. Последнее верно, по крайней мере, для аристократических кругов, тесно связанных с танским домом.

Что касается восприятия тюрками других народов, образы последних зависели от характера взаимоотношений с ними. Имеется интересное свидетельство танского посла о том, что в 725 г. в разговоре предводитель тюрков назвал тибетцев «расой собак», а монголоязычных татабов и киданей – «рабами тюрков» [Abramson 2008, с. ix].

В источниках имеются указания о том, что этническая самоидентификация у тюркских племен, живших в Китае, была устойчиво сильной. Показателен в этом отношении пример с уйгурами, которые были осведомлены о том, какими китайскими иероглифами записывалось их этническое наименование. Слово «уйгур» по-китайски транскрибировалось двумя иероглифами *хуэйхэ*, первый из которых означал «возвращаться», а второй – «шелк низкого качества». Применение именно этих иероглифов для передачи названия «уйгур» не понравилось одному из уйгурских правителей, который направил посла к танскому императору с просьбой использовать иероглифы с хорошим смыслом для обозначения названия «уйгур». Согласно «Цзю Тан шу», посланник уйгурского Баои-кагана в 809 г. просил «изменить их название на *хуэйху*, которое означало, что они вращаются по кругу (*хуэй*) и являются легкими и быстрыми как соколы (*ху*)» [ЦТШ, гл. 195, 10б]. В «Синь Тан шу» эта информация помещена в рассказе об уйгурском посольстве, прибывшем в 788 г. для встречи танской принцессы Сяньань, которая должна была выйти замуж за кагана: «В это время каган направил сообщение императору, в котором говорилось: «В прежние времена мы были старшим и младшим братьями, но теперь я – Ваш зять, ваш сын наполовину...» [Maskettas 1968, с. 76, 141-142]. Он также просил разрешения изменить имя *хуэйхэ* на *хуэйху*, говоря, что «они являются быстрыми хищниками подобно соколу (*ху*)» [СТШ, 217А, 8а]. Просьба уйгуров была выполнена, и в последующем в китайских текстах стала применяться другая транс-

крипция названия «уйгур», в котором использовался иероглиф, означающий «сокол». Этот факт свидетельствует о том, что уйгуры не только имели представление об иероглифических знаках, которыми транскрибировались в китайском языке названия племен и народов, но и повлияли на принятие нового написания их этнического названия. Из существующих двух датировок посольства с просьбой об изменении написания названия «уйгур» (788 г. и 806-821 гг.) И. Эчеди обосновывает правомерность первой, что нам также кажется правдивой [Ecsedy 1964, с. 93-94].

Говоря о тюркских этнонимах, зафиксированных в китайских источниках, следует обратить внимание на существование следующей закономерности. В текстах о тюрках VI-VIII вв., включая племена, селившиеся в Китае, встречается большое число родоплеменных наименований, многие из которых не поддаются реконструкции на основе древнетюркского языка. Такое же многообразие относится в это время и к огузским племенам во главе с уйгурами. Со сменой власти восточных тюрков на уйгурскую в 744 г. происходит резкое сокращение тюркских и огузских этнонимов в танских текстах. Единственным событием, в связи с которым наблюдается увеличение огузских этнонимов в китайских текстах, является миграция уйгурских племен в Северный Китай после 840 года. Эта тенденция объяснялась А.Г. Малявкиным как результат неосведомленности китайских историографов о событиях, происходивших за пределами Китая [Малявкин 1983, с. 120]. В отличие от А.Г. Малявкина, мы рассматриваем эту тенденцию как результат естественных процессов, связанных с появлением и пребыванием тюрков и огузов в Китае. В пределах Китая тюрки-*туцзюэ* играли значительную роль до восстания Ань Лушаня (755 г.), когда внешнеполитическая активность Танской империи приводила к подчинению и заселению многих племен в приграничных районах страны. В то же время, тюрки привлекались к завоевательным походам танской армии и защите границ империи от внешних вторжений. После восстания Ань Лушаня происходит изменение в статусе выходцев из Центральной Азии в Китае, проистекавшее из того факта, что ведущей и направляющей силой восстания были согдийцы и тюрки. В изменившемся положении иноземцев в Китае после восстания восточные тюрки исчезают со страниц китайских

анналов, уступив место огузским (уйгурским) племенам и западным тюркам-*шато*. Тем самым, тюркская этнонимика в танских текстах отражает происходившие перемены в положении тюрков и согдийцев в Китае, связанные с прекращением миграции из степи. Отсутствие вливаний в тюркское и огузское, равно как и согдийское, население Китая, в свою очередь, способствовало ускорению процесса их китаизации.

Мы уже говорили о различных позициях восточных тюрков и огузов во внутренних конфликтах в Танской империи на примере восстания Ань Лушаня. Это различие касалось в основном вопроса верности и лояльности тех или иных племен императорскому дому. Вместе с тем отношения между разными тюркскими группами не были простыми: источники показывают существование между ними противоречий и даже противоборства, однако они не носили характера родовой оппозиции, за исключением тюрко-уйгурского противостояния во время восстания Ань Лушаня. Как бы то ни было, среди тюркских народов, живших в Китае, не было противостояния, основанного на родоплеменных различиях. Они все осознавали себя тюрками, которых четко отличали и китайцы.

Значительно сложнее обстоит дело с вопросом идентичности ираноязычных народов Танской империи. Китайские источники использовали обобщающие понятия для обозначения их родовой принадлежности, главным из которых было *ху*. Первоначально это слово имело значение «варвары», иногда применялось к северным народам. Позже оно стало использоваться преимущественно в отношении к ираноязычным народам Центральной Азии [Pulleyblank 1952, с. 318]. Обычно ираноязычные народы из разных областей называли себя по названию местности, откуда они были родом. Это отразилось и в их китайских именах, в которых первое слово было сокращением названия местности, откуда происходил тот или иной человек. Из всех ираноязычных народов, которые оказывались на территории танского Китая, самую большую группу составляли согдийцы. Другая группа состояла из выходцев из оазисов Восточного Туркестана – хотанцев, кашгарцев и др. Выходцы из собственно Ирана составляли незначительную часть ираноязычных народов и были заметны среди торговцев, поселившихся в южных китайских портовых городах, прежде всего в Гуанчжоу.

Что касается согдийцев и жителей восточно-туркестанских оазисов, они отличали друг друга и даже противопоставляли себя друг другу. Об этом свидетельствует эпизод, связанный с попыткой двора помирить двух враждующих генералов смешанного тюрко-иранского происхождения Ань Лушаня и Гэшу Ханя. Рассказывают, что Ань Лушань призвал к примирению, ссылаясь на то, что оба они имеют *хуское* происхождение. Однако Гэ Шухань дерзко ответил, что между ними не может быть ничего общего, поскольку его мать была родом из Хотана, в то время, как отец Ань Лушаня был *ху* (согдийцем). Хотя различие между жителями Хотана и согдийцами в этой истории было преувеличено, тем не менее оно было достаточно значительным и могло подчеркиваться при необходимости.

Приведенный эпизод интересен тем, что он касается самоидентификации людей, говоривших на индоиранских языках. Однако, из него трудно вывести какой-то конкретный вывод. Существует несколько возможных вариантов его интерпретации: а) представители индоиранских народов, в данном случае согдийцы и хотанцы (хотано-саки), осознавали общность своего происхождения, что вложено в уста Ань Лушаня; б) несмотря на общность происхождения, согдийцы и хотано-саки отличали себя друг от друга, что, возможно, и имелось в виду Гэшу Ханем; в) существовали общность и различие этих народов, а самоидентификация приобретала значение только в определенном контексте, поэтому каждая из сторон выразила ту идентификацию, которая для нее была важна в данный момент. Для Ань Лушаня, хотевшего примириться с Гэшу Ханем, было важно показать общность тюрко-иранского происхождения, а для Гэшу Ханя, не желавшего мириться, это не имело значения (кстати, он не отрицал общности происхождения, а ссылаясь на хитрость Ань Лушаня, сравнивая его с лисой).

Заслуживает внимания наличие в согдийской среде большой группы выходцев из Тюркского и Уйгурского каганатов, тесно связанных с тюрками, самоидентификация которых была нечетко выраженной. Эта часть согдийцев была тесно инкорпорирована в тюркскую среду и тюркизирована [Harmatta 1972, с. 271-273]. О посреднической роли согдийцев в отношениях тюрков с внешним миром уже говорилось выше. Эти согдийцы хорошо владели тюркским языком, селились в Китае рядом с тюрками. В эпоху Уйгурского каганата они также нахо-

дились в тесных контактах с уйгурами, жившими в Танской империи или прибывавшими сюда из степи с разными миссиями. Несколько интересных фактов тюрко-согдийского сосуществования описаны китайскими историографами в период миграции уйгуров в Северный Китай в 840-848 годах.

В Танской империи иноземцы, в том числе тюрки и согдийцы, привлекались на службу в ведомство по дипломатическим отношениям Хунлусы, которое занималось вопросами приема иноземных посланников. В Ведомстве срединных документов (кит. *Чжуншуньшэн*) служили переводчики из числа этих народов. Так, в 840-е г. в штате этого ведомства на службе состояли десять переводчиков [Rotours 1947-1948, с. 186]. В 843 г., когда возникла проблема уйгурских беженцев в северном Китае, и танский двор находился в переписке с подчинившимися уйгурами, одним из таких переводчиков был упомянутый выше уйгур Ши Фочин, фамилия которого указывает на его согдийские корни [Drompp 1992, с. 107-108]. По совету министра Ли Дэюя, он не стал привлекаться в качестве переводчика на переговорах с кыргызским посланником, учитывая вражду между уйгурами и кыргызами. В письме к императору Ли Дэюй писал: «После прибытия специального кыргызского посла в столицу, я боюсь, что они будут переводить [для нас] то, что он скажет, если оно не в пользу уйгуров, но сразу тайно передадут то, что было сказано, другим уйгурам в столице. Я надеюсь, что Лю Мянъ и [Ли] Чжуншунь смогут подобрать людей, которые способны понимать и переводить с иностранных языков, и которые не относятся к роду уйгуров, и послать их в столицу вместе [со следующим курьером]. Я надеюсь, что они смогут посоветоваться и убедиться, чтобы мы могли избежать фальсификации и сокрытия [в переводе]» [Drompp 2005, с. 292]. Это сообщение свидетельствует о том, что даже уйгурская община Чанъани, тесно связанная с танскими правящими кругами, не просто сохраняла этническое сознание, отличное от ханьского, но и была чувствительной к событиям, происходившим на родине. Если переводчик Ши Фочин был «уйгурским» согдийцем, то ясно, что уйгуро-согдийское сосуществование было настолько сильным, что события в степи и поражение уйгуров волновали не только уйгуров, живших в Чанъане, но и согдийцев, выходцев из Уйгурского каганата.

Язык оставался важным компонентом этнического сознания тюрков и согдийцев, живших в приграничных областях Срединного го-

сударства. Когда танский двор принимал на службу тюркских военачальников, обычно под их командование приписывались тюркские отряды, поскольку возникал вопрос общения между командиром и воинами. В 842 г., когда подчинившийся Танской империи уйгурский принц Ормузд был назначен командующим по умиротворению уйгуров, он просил, чтобы под его командование дали кавалерию из числа неханьцев, язык которых не понимал. Тогда под его командование были предоставлены воины из тюрков-*шато* [Drompp 1992, с. 106].

Иноземцы, живя из поколения в поколение в приграничных областях Китая и вступая в контакт с ханьским населением, не могли не подвергаться влиянию китайской культуры. Особенно этому способствовали условия позднетанского Китая, враждебного ко всему иноземному. Рассмотренная выше история династии хэбэйских губернаторов из рода *абуз* показывает, как со временем происходила китаизация инородцев, особенно тех, которые занимали высокое положение в обществе и были вовлечены в управление областями. Все же, несмотря на сильное влияние окружающей ханьской среды, тюрки в Танской империи сохраняли этническую идентичность. То же самое можно сказать и о согдийцах, которые, однако, со временем были ассимилированы китайцами и тюрками. В позднетанский период они были инкорпорированы в состав *шато* и уйгуров.

Говоря о переселении тюрков-кочевников в пределы Китая, мы можем задаться вопросом о том, как происходила адаптация кочевников к оседло-земледельческой жизни в Среднем государстве. Кочевое общество является самодостаточным в обеспечении себя необходимыми жизненными продуктами и при необходимости вступает в обменные отношения с земледельческими обществами [Хазанов 2000, с. 323-361]. Адаптации кочевников в приграничных районах Китая способствовали благоприятные условия для кочевой жизни и ведения животноводческого хозяйства. Перед кочевниками не стоял вопрос о переходе на оседлые формы хозяйственной жизни; они сохраняли прежний образ жизни, но уже в условиях более тесного соприкосновения с оседло-земледельческими сообществами. Как показали исследования Э. Пуллиблэнка, кочевая жизнь не была чужда и для согдийцев, выходцев из каганата, которые, живя длительное время среди тюрков и уйгуров, принимали их образ жизни [Pulleyblank 1976, с. 34-36].

Китайско-тюркское культурное взаимодействие

Культура древних тюрков развивалась в тесном взаимодействии с соседними цивилизациями. В восточной и северо-восточной зонах обитания тюркских племен большое влияние на их культуру оказывали контакты с китайцами. При этом культурное влияние носило взаимный характер: элементы оседлой цивилизации заимствовались кочевниками, в то время как китайцы обогащали свою культуру за счет заимствований от кочевников.

Истоки тюрко-китайского культурного взаимодействия уходят корнями вглубь истории, к эпохе существования могущественной империи азиатских гуннов (кит. *сюнну*). Обитая по соседству с Китаем, гунны поддерживали политические, экономические контакты с оседлым земледельческим китайским населением, вступая с ним в отношения войны и союза. Разгром гуннского государства завершился миграцией части гуннских племен на территорию Северного Китая и созданием здесь позднегуннских государств [Кляшторный-Савинов 2005, с. 48-49]. С этого времени в культуре северных китайцев прослеживается значительный гуннский элемент, выразившийся как в кочевом типе хозяйствования, получившем здесь большее распространение в сравнении с другими районами Китая, так и в связанных с ним традициях и обычаях. Гуннский элемент в генеалогии знатных китайцев в последующем нашел отражение в их сложных «варварских» фамилиях.

При изучении взаимодействия древнетюркской и китайской культур исследователи обычно ограничиваются рассмотрением фактов, относящихся к истории древнетюркской эпохи, начинающейся в середине VI века. Обращение к более ранним этапам культурных связей древних тюрков с Китаем связано с изучением истории гуннов и гунно-китайских контактов. Между тем, исследователи до сих пор не пришли к единому мнению относительно языка древних гуннов и их этнических связей с тюрками, приводя свои доводы, как в пользу, так и против их тюркоязычности [Иностранцев 1926; Пуллиблэнк 1986]. Если вопрос о происхождении гуннов, как впрочем и некоторых других древних этносов Центральной Азии, в том числе аваров, остается открытым, то тюркоязычность племен *гаоцзюй* (или *гаочэ*), предше-

ственников древних тюрков, не вызывает сомнений. В этом отношении изучение истории и культуры гаоцзюйских племен представляет несомненный интерес.

Мы уже касались основных этапов истории племен *гаочэ* (*гаоцзюй*) и их взаимоотношений с Китаем. Изучение истории гаоцзюй, к сожалению, затрудняется скудостью информации о них в письменных источниках. Единственным источником сведений о *гаоцзюй* являются записи китайских династийных историй, которые в основном описывают их военно-политические отношения с северокитайскими государствами и не уделяют внимания внутренней жизни этих племен, не говоря уже о фактах культурного взаимодействия. Одним из немногих таких фактов взаимовлияния *гаоцзюй* и северокитайских государств является «Песня Чилэ», то есть «Песня Тегрег». Выше уже отмечалось, что *чилэ* или *теле* (тюрк. *тегрег*) – это название, под которым гаоцзюйские племена были известны в древнетюркскую эпоху.

«Песня Чилэ» связана с именем гаоцзюйца Хулюй Цзиня (488–567 гг.), жившего в государстве Северная Ци (550–577 гг.). Китайские источники не содержат текста этой песни, а лишь сообщают, что ее пел Хулюй Цзинь. Самая ранняя запись о песне содержится в сочинении «Юэфу шицзи» (Собрание стихотворений *юэфу*) сунского автора Го Маоцяня (ум. около 1126 г.). Полный текст сообщения гласит:

«Песня Чилэ. В «Юэфу гуанти» говорится: «Когда Шэнь-у (Гао Хуань) из династии Северная Ци напал на [местность] Юйби в Чжоу (Северной Чжоу), он потерял почти половину своих людей. Шэнь-у был в таком расстройстве, что заболел. Чжоуский правитель [Юй Вэньтай], обращаясь к своим людям, сказал: «Гао Хуань со своими крысами сам произвел насилие в Юйби. Сразу пустили в полет мечи и луки, и сам вождь пал». Шэньу, услышав это, с усилием сдержал себя, и приподнялся, тем самым прибадрывая своих людей. Он созвал своих людей, велел Хулюй Цзиню спеть «Песню Чилэ», и Шэнь-у сам присоединился к нему. Песня изначально была на языке сяньби, но она была положена на слова Ци. По этой причине строки имели неравную длину» [Ogawa 1960, с. 43–44]. Далее приводятся несколько строк из текста этой песни:

Чилэ чуань
Иньшань ся
Тянь сы цюнлу

Вдоль реки Чуань,
У подножья гор Иньшань,
Небо, подобно шатру,

Лун гай сы е
Тянь цан цан е ман ман
Фэн чуй цао ди цзян ню ян

Покрывает четыре равнины.
Небо – голубое-голубое,
Равнины широкие-широкие,
Ветры дуют, сгибая траву,
И там – коровы и овцы.

«Песня Чилэ» упоминается также в сочинении «Жунчай суйби», принадлежащем перу Хун Мая, ученого из Южной Сун (1180 г.). Текст песни в версии Хун Мая приводит известный сунский историк Ху Саньсин в комментарии к хронике «Цзычжи тунцзянь» Сыма Гуана.

Цитированный текст из «Юэфу гуанти» не содержит точного указания о том, когда была исполнена «Песня Чилэ». Японский ученый Т. Огава, изучавший сведения о песне, установил, что в «Юэфу гуанти» имеются некоторые ошибки. Согласно основным анналам династии Ци в сочинении «Бэй ши» (История северных династий), неудачное нападение императора Шэнь-у на западно-вэйский город Юйби (современный уезд Цишаньсянь в провинции Шаньси) произошло в четвертый год правления Удин династии Восточной Вэй, в 546 г. [Ogawa 1960, с. 43-46]. Поскольку Гао Хуань велел спеть «Песню Чилэ» после того как он увел своих людей из города Юйби, это событие, возможно, произошло в столичном городе Е.

Т. Огава обращает внимание на то, что Гао Хуань сам присоединился к исполнению песни, когда ее стал петь его генерал Хулюй Цзинь, из чего видно, что песня была достаточно известна воинам и, значит, была составлена и получила распространение ранее этого времени [Ogawa 1960, с. 46].

Некоторые противоречия содержит сообщение северо-сунского поэта Хуан Тинцзяня (1045-1105 гг.), который в комментарии, цитированном Хун Маем, утверждал, что эту песню пел Хулюй Миньюэ, сын Хулюй Цзиня, происходивший из племен «северных варваров»; не имея литературного опыта, тем не менее он составил экспромтом эту песню по повелению Гао Хуаня. Хуан Тинцзянь также полагал, что песня была составлена на китайском языке. Очевидно, что все эти сообщения, в отличие от сведений Хун Мая, страдают неточностью: как уже отмечалось выше, в «Юэфу гуанти» отчетливо говорится, что «песня изначально была на языке сяньби, но она была положена на

слова Ци», то есть на китайские слова. Из последнего замечания видно, что первоначальным языком песни не был китайский.

Согласно «Биографии», Хулюй Цзинь был родом из племени Чилэ, обитавшем в Шочжоу [Малявкин 1981, с. 106-108]. Его первое имя (*цзы*) было Алюдунь, которое реконструируется со среднекитайского на тюркский как *Алтун* (монгольский вариант: *Алтан*), означающее «золото». Тем самым, его тюркское имя транскрибировалось на китайском «Хулюй Алюдунь». Вторая часть его имени Алюдунь (тюрк. *Алтун*) была заменена китайцами на слово «Цзинь» с тем же значением «золото». Первая часть имени представляла собой название племени, которое было одним из шести ведущих гаоцзюйских (гаочэских) племен [Материалы 1984, с. 403]. Отдаленным предком Хулюй Цзиня был Бэйхоули, предводитель гаоцзюйского племени Хулюй, сведения о котором сохранились в «Вэй шу»: «После того как жуаньжуаньский Шэлунь потерпел поражение, он собрал кочевья, переселился на север от обширной пустыни и вторгся в земли гаоцзюйцев. Бэйхоули, вождь кочевья Хулюй, страдал от его набегов. Он сказал: «Шэлунь только что собрал народ, его воины бедны, лошадей у него мало, с ним легко справиться», после этого он возглавил войска, внезапно напал на Шэлуня и вошел в его юрточное государство. Гаоцзюйцы, не понимавшие своей выгоды, не беспокоились о возможных в дальнейшем бедствиях, а поэтому разбросали свои юрты, выдавая замуж женщин, спокойно спали. Шэлунь, поднявшись на возвышение, увидел это, собрал разбежавшихся воинов и, набрав 1000 человек, утром неожиданно напал на гаогюйцев. Только двум или трем гаоцзюйцам из каждого десятка удалось спастись бегством. Бэйхоули бежал ко двору [династии Вэй], и ему был пожалован титул Мэнду-гуна.

Бэйхоули отличался прямым характером, превосходил смелостью окружающих, и никто не мог сравниться с ним, когда он врвался в ряды противника с копьем в руках. Жители севера, пугая плачущих детей, говорили: «Придет Бэйхоули», и те умолкали. Девушки пели: «Ищу хорошего мужа, он должен быть как Бэйхоули». Вот так народ возвеличивал его.

Бэйхоули искусно владел 50 способами гадания на тысячелетнике, его предсказания счастливых и несчастливых событий всегда сбывались, поэтому император полюбил его и щедро одаривал, а его

младшему сыну Хэтану приказал служить при дворце. Когда Бэйхоули умер, император Тай-цзу, скорбевший о его смерти, похоронил его с соблюдением государственных почестей и дал посмертный титул Чжунчжуан-вана» [ВШ, гл. 103, 26а-346].

В «Вэй шу» не указывается точная дата подчинения Бэйхоули династии Северной Вэй, однако, согласно «Бэй ши», это произошло в 4-й день эры правления Тяньсин т.е. в 401 году. В последующем он служил в северо-вэйской армии генералом [Ogawa 1960, с. 47]. Дата смерти Бэйхоули неизвестна, но, из текста явствует, что он умер раньше императора Тай-цзу (Дао-у) (ум. в 409 г.). Потомки Бэйхоули также служили императорам сменявших друг друга северокитайских государств.

Что касается личности Хулюй Цзиня, потомка Бэйхоули, служившего династии Северная Ци, известно, что «характер Цзинь был прямой, и он не знал письма». Возможно, он говорил немного по-китайски, но он не знал иероглифов. Он даже не мог правильно написать свое имя *Цзинь*, представлявшее собой довольно простой иероглиф. Очевидно, что неграмотный Хулюй Цзинь не мог составить стихотворение и петь песню в китайской импровизации.

В то время, как тюркское происхождение Хулюй Цзиня, певшего «Песню Чилэ», не вызывает сомнений, сведения относительно языка песни являются противоречивыми. Нами уже приводилось указание о том, что первоначальным языком песни был язык сяньби. Тоба, основавшие династию Северная Вэй (386-534 гг.), были по происхождению из сяньби [Ивлиев 1981, с. 65]. Сяньбийскими племенами также были образованы и другие государства на территории Китая. В отношении языка сяньби существовали разные мнения, но большинство ученых относили их к монголоязычным народам. Если К. Ширатори считал, что сяньбийцы являлись народом смешанного монголо-тунгусского происхождения, то по П. Будбергу, язык сяньби был тюркским с небольшим смешением монгольских элементов [Boodberg 1936]. Л. Базен, вслед за В. Эберхардом, изучавшим социальную историю Тоба Вэй, рассматривает *сяньби* как федерацию монголоязычных племен под управлением тюрков [Bazin 1950, с. 229-233]. Независимо от того, был ли язык сяньби тюркским или монгольским, совершенно ясно, что *гаоцзуйское* племя Хулюй, впрочем как и некоторые другие, поч-

ти сто пятьдесят лет обитавшее в северной части нынешней провинции Шаньси в составе сяньбийского государства Тоба Вэй (Северная Вэй), не могло не испытать влияния языка *сяньби*. Если же последний был монгольским, то сообщение о том, что песня первоначально была на языке сяньби, может лишь указывать на большое влияние этого языка на тюркский язык гаоцзюйцев.

Что касается самой «Песни Чилэ», то даже в китайском переводе она обнаруживает сходство с образцами тюркской народной песни, записанными в сочинении Махмуда Кашгари «Диван лугат ат-турк» (XI в.). К. Брокельман, реконструировавший стихотворения и песни в «Диване», попытался, опираясь на рифмы и содержание стихотворений, собрать тексты песен из разрозненных четверостиший. Ученый выявил такие жанры как элегии, героические эпосы, любовные песни и некоторые другие [Brockelmann 1924]. Он установил, что по форме каждый стихотворный фрагмент представляет собой двустишие, но на самом деле они являются четверостишиями, при этом строки имеют в основном одинаковое количество слогов, в определенном месте каждой строки помещается цезура, а концы строк рифмуются. Первая, вторая и третья строки имеют одну и ту же рифму, в то время как четвертая строка имеет другое окончание. Во многих случаях четвертая строка рифмуется с другим фрагментом, что позволяет найти продолжение стиха [Brockelmann 1924, с. 31].

Хотя словарь М. Кашгари был составлен в XI в. в Караханидском государстве, включенные в него народные песни имеют более раннее происхождение, так как они не обнаруживают влияния мусульманской культуры. Как по форме, так и по содержанию песни являются образцами доисламской тюркской культуры, которая еще не попала под влияние арабской и персидской литературных традиций.

При анализе сохранившегося фрагмента «Песни Чилэ», несомненно, нужно учитывать, что песня подверглась изменениям при переводе с тюркского на китайский язык. Особенности китайского текста рассмотрены Т. Огава и сводятся к следующему. Китайский перевод состоит из семи строк, хотя оригинал, возможно, состоял из четырех. При переводе, скорее всего, подбирались такие слоги, чтобы они были созвучны слогам оригинала, так, чтобы песню можно было петь

в аналогичном ритме. Чередование количества слогов в песне вполне характерно для песенных фрагментов из словаря М. Кашгари [Ogawa 1960, с. 52-52]. По мнению японского ученого, образцы народных песен, которые приводятся М. Кашгари, напоминают китайские семислоговые стихотворения (кит. *цзюэцзюй*). Общим для этих стихотворений является наличие четырех строк по семь слогов в каждой. Это сходство можно было бы объяснить влиянием культуры Танской империи, расцвет которой относится к VII-IX векам. Однако Т. Огава считает более вероятным влияние тюркской культуры на китайскую, поскольку «Песня Чилэ» была записана по-китайски в начале VI в., в то время, когда китайская форма стихотворения только появилась [Ogawa 1960, с. 48]. Следует также иметь в виду и такой факт китайской музыкальной и литературной истории, как большое иноземное влияние, которое испытывали китайская музыка и поэзия. Известно, что песни народов Севера и Запада оставили большой след в китайской поэтической литературе, проникая в Поднебесную империю в течение многих веков. К таким заимствованиям относятся, например, лирические стихотворения, бытовавшие в Северной Вэй (386-534 гг.), Северной Чжоу (557-581 гг.) и суйском Китае (581-618 гг.) под названием *северные песни* (кит. *бэйгэ*). Эти песни исполнялись под аккомпанемент музыки Силяна (область Ганьчжоу) [Малявкин 1981, с. 35-36, к. 185]. В танскую эпоху зафиксированы 53 песни, имевшие сяньбийское происхождение [Ogawa 1960, с. 52].

В танское время вообще была популярна музыка Силяна, которая, несомненно, состояла не только из тюркских мелодий, но создавалась под влиянием музыки народов Центральной Азии. К сожалению, тексты северных песен, не дошли до нас, и единственной такой песней является «Песня Чилэ», которая попала в антологии раннекитайской поэзии, составленные в эпохи Мин и Цин.

«Песня Чилэ» представляет собой уникальный образец древнетюркской песни, сохранившейся в китайском переводе. Она имеет значение не только для истории древнетюркской литературы, но и, в более широком контексте, для изучения культурного взаимодействия тюркских народов с Китаем и влияния тюркской культуры на китайскую. «Песня Чилэ» представляет не единичный факт заимствования

китайцами песни «северных варваров», а является примером культурного феномена, заключавшегося в распространении иноземной мелодии в адаптированной китайской версии.

В древнетюркскую эпоху контакты тюркских племен с Китаем интенсифицировались. Тесные военные, политические и экономические отношения тюрков с Китаем служили благоприятной основой для взаимовлияния кочевой тюркской и оседло-земледельческой китайской культур. К самым ранним примерам китайского влияния на тюрков относится проникновение буддийского учения из Китая в Тюркский каганат в правление Таспар-кагана, который принял буддизм под влиянием китайского монаха Хуэй-линя. Он повелел построить буддийский храм и отправил послов за святыми сутрами в Китай. Буддизм был принят Таспар-каганом после того, как эта религия подверглась гонениям в Северной Чжоу в 574 году. В тот год один из буддийских монахов возвращался из Индии в Китай, и, узнав о преследованиях буддистов в Северной Чжоу, остался среди тюрков. Здесь вместе с 11 другими монахами из Северной Ци он занялся переводом сутр на древнетюркский язык [Liu Mau-tsai 1958, с. 461]. О связях тюрков с Китаем упоминается в согдоязычной Бугутской стеле [Кляшторный-Лившиц 1971а, с. 139]. В более позднее время тюркский буддизм получил распространение в Турфане [Mogiyasu 1990].

Китайские источники сообщают о том, что тюркский Бильге-каган хотел построить буддийские и даоистские храмы, но мудрый советник Тоньюкук отговорил его. Лю Маоцай в своей книге приводит другие примеры китайского влияния на тюрков, к которым относит обычай трупозахоронения, заменивший бытовавший ранее обычай трупосожжения [Liu Mau-tsai 1958, с. 463-464]. Кроме того, известно, что в Тюркском каганате было много китайцев, которые попадали сюда по-разному причинам; некоторые из них выполняли дипломатические поручения, как, например, Чжао Дзянь, которого Сели-каган отправил в Китай для переговоров. Из других примеров влияния китайской культуры на тюрков можно назвать интерес тюркского Капаган-кагана (Мочжо) к трудам китайского писателя Чжан Вэньчэн, что свидетельствовало о его познаниях в области китайской литературы [Liu Mau-tsai 1958, с. 463-464].

Китайское влияние на древнетюркское общество проявилось и со-

ставлении параллельных китайских текстов на эпитафических камнеписных памятниках тюрков и уйгуров. Когда в 731 г. умер Кюльтегин, Бильге-каган обратился к императору Сюань-цзуну с просьбой прислать мастеров и художников для строительства храма и изготовления изображения Кюльтегина. Сюань-цзун согласился и исполнил его просьбу: «Император отправил полководца Чжан Цюйи и сановника Лю Сяна с эдиктом за государственной печатью для выражения соболезнования и принесения жертвы. Император повелел иссесть слова [эпитафии] на каменной плите и предписал также воздвигнуть храм и статую, а на четырех стенах храма изобразить виды сражений [Кюльтегина]. [Кроме того], было указано шести известнейшим художникам отправиться [к тюркам]; они написали картины столь живо и естественно, что [тюрки] единодушно решили, что подобного еще не бывало в их царстве» [Бичурин 1950-1953, т. I, с. 276-277]. Китайские тексты составлялись мастерами из Китая и в других случаях: известны китайские эпитафии в честь тюркских принцесс, переведенные в свое время французским ученым Э. Шаванном [Chavannes 1912]. Китайский текст имеется и на памятнике в честь Бильге-кагана [Цэнь 1958а, с. 840-850]. Самый крупный письменный памятник уйгурской эпохи – Карабалгасунская стела, созданная в 822 г., также содержит китайский вариант, дошедший до нас в достаточно хорошей сохранности. Создание китайского текста на этом памятнике было связано с заключением союза между Уйгурским каганатом и Китаем [Камалов 2001, с. 194-197; Schlegel 1896].

Что касается тюркского влияния в Китае, прежде всего, нужно сказать о распространении тюркского языка. Из источников известно, что среди китайцев были лица, знавшие тюркский язык. Так, китаец Лю Шицин из Северной Ци перевел на тюркский язык Нирвану-сутру. Другой китаец У Яньсю овладел тюркским языком во время пребывания среди тюрков в 698-705 гг., мог петь тюркские песни и танцевать «по-варварски», скорее всего по-согдийски (кит. ху). Знание тюркского языка было очень важным не только в приграничных областях Китая, но и в дипломатической практике и торговых отношениях Китая с каганатами. Значение тюркского языка осознавали в китайском обществе, о чем можно судить из факта составления тюрко-китайского словаря, который, к сожалению, не дошел до нас и известен только

по японскому каталогу [Liu Mau-tsai 1958, с. 465]. В 754 г. источники упоминают тюркскую артистку из племени *абуз* при императорском дворе. В перечне музыкальных мелодий, составленном в танском Китае, есть и образцы тюркской музыки. Правда, большей популярностью у китайцев пользовалась музыка ираноязычных народов Центральной Азии [Шефер 1981, с. 78-85].

Большую роль в китайско-тюркском культурном взаимодействии играла тюркская община западной столицы, которая насчитывала в период Северной Чжоу около тысячи семей, а в танское время, после подчинения тюрков в 630 г., достигла десяти тысяч семей. При императорском дворе всегда в большом количестве находились так называемые «служащие сыновья», которые были на самом деле заложниками. Институт заложничества подробно охарактеризовала К.Ш. Хафизова, которая пишет: «Это был способ регулирования отношений, оставшийся со времен первобытнообщинного строя. Правители... в знак примирения обменивались своими детьми на время или навсегда. Сын недавнего врага содержался при дворе и воспитывался вместе с детьми правителя. Человек, оставивший сына на «воспитание» стремился предотвратить новые конфликты и гарантировать тем самым жизнь родному сыну» [Хафизова 1995, с.161]. Ян Ляньшэн, изучавший институт заложничества в Китае, выделил два его вида: взаимное и одностороннее заложничества, подразделяя последнее на внешнее и внутреннее [Yang Lien-sheng 1952, с. 507]. Заложничество приобретало особую актуальность в период активной внешней политики и экспансии, когда иноземные правители признавали власть Срединного государства и для гарантии подданнических или союзнических отношений присылали ко двору своих сыновей. Большинство из них служили в дворцовой охране в столице. Один из таких заложников, принц государства Силла имел привилегию сопровождать все китайские посольства в свою страну [ЦФЮГ, гл. 996]. В 714 г. император Сюань-цзун издал указ об отправке назад в свои страны всех заложников, многие годы живших при дворе, надобности в которых, как он считал, уже не было [Цэнь 1958а, с. 510].

Для характеристики положения и роли тюрков, живших в танской столице, показательна история тюркского вождя Ашидэ Юаньчжэня, которого ученые идентифицируют с сановником Тоньюкуком

[Кляшторный 1964, с. 27-28]. Юаньчжэнь получил образование в столице, завоевал доверие при дворе, получил высокую должность в наместничестве Шаньюй, а в 681 г. присоединился к восстанию Кутлуга, возродившего Тюркский каганат. Примечательны комментарии китайских историографов в отношении служивших при дворе иноземцев, появившиеся в связи с историей Ашидэ Юаньчжэня: “Во время пребывания при дворе они все изучили китайские законы и установления, а когда они вернулись назад, то нанесли ущерб нашей пограничной области”, “они изучают наши победы и поражения по картам и историческим трудам и узнают о трудно или легко проходимых местах в горах и на реках. Хотя наше государство славится тем, что цивилизует варваров, но сыновья волков неблагодарны, впоследствии они стараются причинить нам вред” [Кляшторный 2006, с. 27-28].

Пребывание при императорском дворе способствовало, с одной стороны, близкому знакомству заложников с китайской культурой, с другой стороны, заложники демонстрировали свои обычаи и традиции представителям столичной китайской аристократии. В источниках имеется множество примеров того, как китайские вельможи увлекались языком и культурой тюрков. Так, один из танских принцев крови Ли Чэнцян еще в юном возрасте любил говорить по-тюркски и одеваться в тюркскую одежду. Он старался быть похожим на тюрков и приказал поставить шатер с волчьим знаменем и другими атрибутами. Среди знатных китайцев также было модно носить одежду, сшитую по тюркскому образцу. Известный танский поэт Бо Цзюйи (772-846 гг.) также увлекался тюркской культурой и в холодную зимнюю погоду мог жить в войлочном шатре, установленном во дворе. Тюркский шатер он воспел в своем стихотворении «Голубой войлочный шатер» [Liu Mau-tsai 1958, с. 471-472]. Перевод стихотворения на русский дал Л.Н. Гумилев, который отмечал в связи с этим: «Китайские вельможи ставили юрту у себя во дворе и переселялись в нее на зимнее время» [Гумилев 1967, с. 176].

Особенно тесными стали тюрко-китайские отношения в период существования Уйгурского каганата благодаря вовлеченности уйгуров во внутренние события в Китае. Как уже отмечалось, в Китае было значительное тюркское и огузское население, из числа которого вышли известные военные деятели. Э. Пуллиблэнк отметил, что китай-

цы, служившие в приграничных районах, находились под влиянием тюрков: они «были более или менее варваризованы» и «глубоко пропитались военными обычаями своих командиров-варваров» [Pulleyblank 1976, с. 41-44]. Вместе с тем уйгурские племена, служившие в танской пограничной армии, полностью находясь на государственном обеспечении, отчуждались от традиционного кочевого образа жизни.

Другую, не столь многочисленную, группу уйгуров в Китае составляли дети высокородных лиц, которые оставались при императорском дворе в качестве заложников. Сообщение об одном из них сохранилось в энциклопедии «Цэфу юаньгуй»: «[Император] Дайцзун, полагая, что заслуги внешних инородцев высоки, относился к ним с особым великодушием. Малолетнему сыну уйгурского Дачжо, наследнику отца, Кутлуг иркина (кит. *Гулу сыцзинь*) особо пожаловал [титул] «князя чуньи» и оставил в дворцовой гвардии. Сунь кюль-таркана (кит. *Сунь цюэ дагань*) назначил внештатным генералом [армии] Юйлинь и отправил обратно к инородцам» [ЦФЮГ, гл. 943, с. 11434]. Это сообщение относится к 763 г., когда большую группу знатных уйгуров во главе с Бёгю-каганом танский император наградил титулами и реальными пожалованиями. Упомянутый в цитированной записи Кутлуг-иркин мог быть сыном представителя уйгурского правящего рода Яглакар. Имя этого человека, указанное здесь – Дачжо, может реконструироваться как «тар[кан]-чор». Титул «чор», который носили принцы крови, встречается в имени одного из сыновей Элетмиш Бильге-кагана – Кутлуг-чор-тегина (кит. *Лу-чжо теле*; младший брат Бёгю-кагана), который в 758 г. возглавил трехтысячную уйгурскую конницу, прибывшую в Китай на помощь танской армии [ЦТШ, гл. 195, 46]. Скорее всего, речь здесь идет о сыне именно этого принца, еще одним из титулов которого мог быть титул «таркан-чор». Следует также обратить внимание на то, что сочетание «чор-тегин» присутствует в имени уйгурского принца, находившегося при танском дворе многие годы и умершего в 795 г. в западной столице: ему посвящена двуязычная уйгуро-китайская надпись на надгробной плите в погребении, обнаруженном недавно в Сиане [Ölmez 2015].

В тексте «Цэфу юаньгуй» обращает на себя внимание имя другого уйгура Сунь-цюэ-дагань, в котором два последних слова являются транскрипцией тюркского «кюль-таркан». Последнее сочетание

встречается часто в титулах тюрков, уйгуров и согдийцев. Возможно, существует связь носителя этого титула с «кюль-тарканом», упоминающимся в двуязычном Сэврэйском камне [Кляшторный-Лившиц 1971б, с. 107]. В той же энциклопедии содержится сообщение еще об одном уйгурском заложнике при дворе танского императора, относящееся ко времени Бёгю-кагана: «В 7-й год [правления Юнтай, 771 г.], в 4 месяц, в день цзя-янь, скончался уйгурский принц великий генерал (кит. *тай сенгун*), внештатный член охраны левой Воинственной гвардии Шэ-бин-и. Посмертно он пожалован похоронами и чиновничьи расходами князя области Тянь-шуй. Наместнику столичного округа приказано исполнять обязанности посла, ответственного за сопровождение тела [Шэ]-бин-и в его государство. [Шэ-бин-и] состоял в дворцовой гвардии и был пожалован фамилией. Когда он скончался, император скорбел по нему и добавил [приказ о проведении] ритуала для особо любимого человека» [ЦФЮГ, гл. 976, 11461]. Источники сообщают, что уйгурские каганы до 779 г., когда отношения с Китаем прекратились на время, посылали своих детей в качестве заложников к танскому двору.

Развитию культурных взаимосвязей уйгуров, как и их предшественников – тюрков, также способствовали китайцы, по той или иной причине оказывавшиеся на территории каганата. Одну из групп китайцев в каганате составляли военнопленные. Из истории Тюркского каганата известно, что часть военнопленных китайцев создавали на территории каганата «ремесленно-земледельческие слободы, население которых работало на своих хозяев» [Кляшторный 1986а, с. 334]. Союзнический характер отношений с Танской империей исключал возможность пополнения китайской общины Уйгурского каганата за счет военнопленных, как это было во время тюрков. Однако число китайцев-рабов в уйгурском обществе пополнялось за счет другой категории китайцев, составлявших военную добычу уйгурских войск во время походов в Китай. Китайские историографы неоднократно сообщают о том, что по договоренности с танской династией уйгуры, оказывавшие ей военную помощь в войне с повстанцами, увозили из Китая не только драгоценности, но и «юношей и девушек». Вместе с тем, известен случай, когда в 763 г. танский император наряду с шелком и деньгами пожаловал Бёгю-кагану в «кормление», т.е. получение

налогов, две тысячи крестьянских дворов [СТШ, гл. 195, 66], при этом неизвестно, как на деле происходило пожалование кагана крестьянскими дворами. Существовала также категория китайцев, попадавших в степь по своей воле. После введения Дэ-цзуном системы двойного налогообложения (кит. *лянишуйфа*) многие китайские крестьяне из северных районов страны предпочли бежать к кочевникам от непосильных налогов. Недаром при восстановлении дружественных отношений между уйгурами и Танской империей в 787 г. одним из требований, выдвинутых китайской стороной и закрепленных в двустороннем договоре, было «не уводить китайцев к себе» [Maskerras 1968, с. 74]. Этот пункт договора подразумевал не столько насильственный угон китайского населения в степь, сколько прием уйгуров и китайских беженцев.

Китайские работники и мастера привлекались уйгурами при строительстве городов. В 758 г. уйгурский Элетмиш Бильге-каган приказал согдийцам и китайцам (табгачам) построить город Байбалык (Богатый город) на берегу реки Селенги, о чем сообщается в уйгурской надписи Могойн Шине Усу [Малов 1959, с. 43]. Танская керамика и другие предметы найдены и на руинах уйгурской крепости Пор-Бажын на оз. Тере-холь в Туве [Вайнштейн 1964, с. 108-110]. Уйгурское градостроительство в Монголии формировалось под влиянием среднеазиатской иранской градостроительной культуры и получило довольно большое развитие. Достаточно сказать, что только в периферийной части каганата, каковой являлась территория нынешней Тувы, археологами обнаружены развалины 15 городищ и одного наблюдательного пункта, сооруженных при уйгурах [Кызласов 1959, с. 67]. В городищах сохранились следы земледельческой культуры [Кызласов 1969, с. 59-63]. При этом среди прочих предметов обнаружены обломки танского фарфора и остатки танского плуга.

Некоторые из китайцев, живших в каганате, со временем дослуживались до высоких постов. Один из таких китайцев, Яглакар Лин, был направлен в Чанъань с торговой миссией в 792 г., о чем танская история рассказывает: «В седьмую луну восьмого года (792 г.) уйгур Яглакар Лин, стал Почетным правым заместителем президента [Департамента государственных дел]. Лин был китайцем, а фамилия его была Люй, но он попал к уйгурам и стал приемным сыном кага-

на, поэтому он принял фамилию кагана и стал Яглакар Лином. Он пользовался уважением в государстве, и, когда он прибыл ко двору, император оказал ему внимание и щедро одарил его. В связи с этим император дал ему 70 тысяч кусков шелка за привезенных лошадей» [ЦТШ, гл. 195, 10а].

Большую роль во взаимоотношениях двух стран играли династийные браки (кит. *хэцинь*). В практике заключения династийных браков в Китае обычным было выдавать за правителей других стран дочерей не императора, а его родственников, произведя их в ранг принцесс. Уйгурским правителям трижды выдавались настоящие принцессы, дочери танских императоров, что свидетельствовало об уровне двухсторонних отношений и отражало могущество уйгуров и слабость Срединного государства.

Китайские принцессы, выдававшиеся замуж за иноземных правителей, обычно увозила с собой многочисленную свиту, и жили в китайском окружении. Они становились не только проводниками китайской политики в отношении «варваров», но и источником распространения китайской культуры.

В период Уйгурского каганата между уйгурами и императорским домом династийный брак заключался трижды. В 758 г. для закрепления дружественных отношений с уйгурами за Элетмиш Бильге-кагана была выдана танская принцесса Нинго. Вместе с ней танский император выдал уйгурам еще одну представительницу танского дома, названную уйгурами «Младшей Нинго». Принцесса Нинго прожила в уйгурской столице недолго: в 759 г. после смерти кагана она вернулась домой. В исторических анналах рассказывается, что при погребении Элетмиш Бильге-кагана, по традиции, уйгуры хотели похоронить вместе с каганом его катун принцессу Нинго. Последней с трудом удалось уговорить уйгуров отпустить ее домой, обосновывая это тем, что покойный каган женился на ней из уважения к законам ее страны, которые требуют соблюдения вдовой траура в течение трех лет. Все же ей пришлось, соблюдая уйгурские обычаи, громко оплакивать покойного, хлеща себя по лицу [Maskerras 1968, с. 23-25].

Младшая Нинго была женой последовательно двух уйгурских каганов – Элетмиш Бильге-кагана и Бёгю-кагана. После смерти последнего она оставалась в уйгурской ставке до конца своих дней, прожив в общей сложности среди уйгуров 33 г. (758-791 гг.).

Другой династийный брак, заключенный в 788 г., закрепил восстановление дружественных отношений между уйгурами и Китаем после периода противостояния при императоре Дэ-цзуне. В этот год было заключено соглашение, регулировавшее политические, торговые отношения между двумя странами. Дэ-цзун восстановил отношения «союза через родство», выдав за кагана свою дочь принцессу Сяньань. Эта танская принцесса прожила в уйгурской ставке 21 год, последовательно была женой четырех уйгурских правителей: Тон Бага-таркана (788-789 гг.), Чжун-чэн кагана (789-790 гг.), А-чжо (790-795 гг.) и Кутлуг-кагана (795-808 гг.). Все указанные каганы, «следуя варварским законам, последовательно женились на принцессе» [Maskerras 1972, с. 43].

Последний династийный брак между двумя правящими домами был заключен в 822 г. За Чундэ-кагана (уйгурский титул: *Kül tengride uluу bolmiš küchlüg bilge qaγan*) была выдана танская принцесса Тайхэ, которая также последовательно становилась главной женой (*катун*) всех последующих уйгурских правителей до 840 г., а после распада каганата стала объектом уйгуро-кыргызского соперничества. Сохранение статуса главной жены кагана *катун* за танской принцессой, несомненно, было важно в политическом аспекте, являясь символом сохранения родственных отношений между правящими домами и гарантией мира между ними. Как пишет С. Витфилд, «Тайхэ была не просто символом союза между уйгурами и китайцами: как катун, она имела власть при уйгурском дворе. Ей разрешалось учредить свои собственные кварталы и в течение почти года её сопровождали китайские министры» [Witfield 1999, с. 108-109].

В приведенных сведениях о трех династийных браках обращает на себя внимание характеристика двух обычаев уйгуров как «варварских». Первый из них связан с захоронением жены кагана вместе с умершим мужем (759 г.), другой – с танской принцессой Сяньань, которая была последовательно женой четырех каганов «по закону варваров (*ху*)». По мнению Т. Мориясу, в последнем случае речь идет не об уйгурском законе, а согдийском. В отличие от К. Макерраса, он полагает, что термином *ху* (варвары) нужно переводить «согдийский» [Moriyasu 1972]. Действительно, этот термин употреблялся в основном применительно к ираноязычным народам и часто к согдийцам. В этой

связи любопытно описание коронации принцессы Тайхэ в Ордубалыке в 822 г., в котором говорится: «послали группу принцесс ху обучить принцессу [Тайхэ] законам ху. Принцесса сначала сняла танскую одежду и надела одежду ху». Судя по всему, выражения «принцессы ху» и «одежда ху» также нужно переводить «согдийские принцессы» и «согдийская одежда» [ЦТШ, гл. 195, 116]. Сюда же относится «шапка ху», в которой Элетмиш Бильге каган встречал танских посланцев. К. Макеррас перевел это выражение как «согдийская шапка» [Mackerras 1968, с. 17]. Увеличение ссылок на обычаи ху в танских текстах об уйгурах является косвенным свидетельством усиления согдийского влияния в уйгурском обществе в связи с активизацией западной политики уйгурских правителей в конце VIII – начале IX вв., в результате которой уйгурское господство распространилось на территории, населенные ираноязычными народами.

В связи с династийными браками следует упомянуть о нескольких других фактах заключения брака между Яглакарами и танским домом. При заключении военного союза с танской династией в 756 г. Элетмиш Бильге-каган выдал свою дочь за танского принца Ли Чэнцая, посланного императором в Ордубалык за военной помощью. Две дочери танского генерала Пугу Хуайэня были последовательно главными женами Бёгю-кагана. Первая была выдана за него в 758 г., когда он еще был наследным принцем. Когда она умерла в 768 г., по просьбе Бёгю-кагана за него была выдана замуж младшая дочь Пугу Хуайэня, которая с 765 г. находилась при императорском дворе. Император направил ее к уйгурам в 769 г., произведя ее в ранг принцессы и пожаловав титул «принцесса Чунхуэй». С именем этой принцессы связана любопытная запись, обнаруженная нами в энциклопедии «Цэфу юаньгуй»: «В день цзя-у второй луны 9-го г. [периода правления Юнтай, 773 г.] [император] позволил монахине храма Ляньхуасы – Сысянь, [буддийское имя которой было] Укун, вернуться в мирскую жизнь, пожаловав ей титул владельницы области *Иго*, а также 100 дворов в реальное пожалование. Госпожа Сысянь была особо любима Уху, женой уйгурского кагана» [ЦФЮГ, гл. 976, с. 11461]. Упомянутая здесь жена уйгурского кагана, скорее всего, и есть принцесса Чунхуэй. Именно она могла иметь связь с буддийской монахиней в

Китае: ведь она получила воспитание в танской столице, около пяти лет (765-769 гг.) прожила при императорском дворе. Скорее всего, принцесса Чунхуэй была буддисткой, по крайней мере, до своего отправления в Уйгурский каганат, где в это время получила распространение манихейская религия.

Китайские принцессы, находившиеся в каганате, не только служили символом дружественных отношений между двумя странами, но и нередко вовлекались в решение конкретных проблем, возникавших во взаимоотношениях. Примером тому может служить привлечение танской принцессы Сяньань к разрешению разногласий, возникших в уйгуро-танских торговых отношениях. Об этом рассказывает поэт Бо Цзюйи в стихотворении «Дорога в горах Иньшань» [БШЧЦЦ, с. 49б-50а]. В нем не без юмора воспроизводится торговый обмен уйгурских лошадей на китайский шелк в начале IX века. Уйгуры пригоняли огромное количество лошадей, большей частью слабых и непригодных для нужд, и получали взамен шелк. Китайцы решили прибегнуть к хитрости и стали изготавливать тонкий шелк небольшой ширины. Тогда их действия были обжалованы уйгурами через принцессу Сяньань, главную жену кагана. Ее вмешательство разрешило проблему. Император издал указ, «чтобы золотом и серебром из внутренних дворцов оплачивали лошадей, также по указу, в шелковых [тканях] из [областей] Цзя и Хуай, выплачивали за лошадей, отныне не позволялось сокращать и укорачивать пряжу» [БШЧЦЦ, с. 49б].

Тесные военно-политические и экономические отношения между уйгурами и Китаем создавали благоприятные условия для взаимодействия уйгурской и китайской культур. В каганате было немало уйгуров, хорошо владевших китайским языком. Одним из таких людей был уйгур Ли Чан, прибывший в Чаньань с торговой миссией в 833 году. Обращает внимание фамилия этого человека «Ли», которая была идентична фамилии танского правящего дома. По всей видимости, это был уйгур, ранее находившийся на службе у Тан и вернувшийся потом в свою страну. Фамилия «Ли» обычно жаловалась иноземцам за особые заслуги перед танской династией. Китайские источники упоминают еще одного человека с такой фамилией – Ли Ицзе, который во главе уйгурской конницы прибыл в провинцию Хэбэй с предложени-

ем военной помощи танской династии в подавлении восстания в 822 году. Предложение в помощи тогда было отклонено. Этот же человек прибыл в Чанъань в 833 г. с сообщением о смерти уйгурского кагана.

Возвращаясь к вопросу о китайском языке, следует заметить, что им владели большинство уйгурских купцов, занимавшихся торговыми операциями с Китаем. Владевших китайским языком людей было немало при каганском дворе. Кроме упоминавшихся дочерей Пугу Хуайэня – уйгурских *катун*, которые получили воспитание в танской столице, при дворе Бёгю-кагана служили их братья, которые вернулись в степь из Китая в 765 г., после смерти отца. Один из них впоследствии получил высокий титул *ябгу*, а его дочь стала второй женой кагана Таласа (Долосы) и принимала участие в перевороте в Ордубалыке в 790 г. [Kamalov 2005, с. 389]. Среди приближенных каганов могли быть и китайцы, о чем свидетельствует прибытие в Чанъань в 792 г. уйгурского посланника ханьского происхождения по имени Яглакар Лин [Mackerras 1968, с. 91-92].

Следует заметить, что культурное влияние китайцев на кочевников Центральной Азии, в том числе уйгуров, в научной литературе зачастую преувеличивается. Так, например, существует мнение о китайском происхождении календаря, основанного на 12-летнем животном цикле, сторонником которого является Л. Базен [Базен 1986, с. 374-375]. Это мнение, однако, оспаривается другими исследователями, которые полагают, что эта система летоисчисления была заимствована, наоборот, китайцами у кочевников Центральной Азии.

Несомненным является, однако, наличие китайского влияния на титулатуру тюрков и уйгуров (огузов). Из древнетюркских титулов китайского происхождения, прежде всего, следует сказать о титуле *тутук*, часто упоминаемом в древнетюркских рунических текстах. История этого титула подробно рассмотрена венгерским востоковедом И. Эчеди [Ecsedy 1965]. В Китае должность *дуду*, от которого происходит тюркский титул *тутук*, была впервые установлена императором вэйской династии Вэнь-ди в 222 году. Первоначально в обязанность *дуду* входило осуществление надзора над военными делами в одной или нескольких провинциях. Функции *дуду* менялись неоднократно в последующие эпохи. Во второй половине существования Танской

империи должность *дуду* была упразднена, однако она продолжала употребляться в письменной традиции (например, в эпитафиях). Восстановление этой должности произошло лишь после падения танской династии. По мнению И. Эчеди, титул *дуду* был заимствован древними тюрками ранее 558 г., возможно даже их предшественниками жуаньжуанями [Ecsedy 1965, с. 84-85]. Среди токуз-огузских племен эта должность впервые была введена в 647 г., когда они подчинились танским властям, и на их территории было проведено административное районирование. Как показали исследования М. Мори, *тутукства* (кит. *дудуфу*) были созданы на землях тех токуз-огузских племен, которые возглавлялись *эльтеберами* (кит. *сылифа*), в то время как для более мелких племен во главе с *иркинами* (кит. *сыцзинь*) были учреждены округа (кит. *чжоу*) [Мори 1967, с. 424-425].

Китайское влияние на аппарат управления уйгуров выразилось также в заимствовании таких титулов, как *чигши*, *сыма*, *тай сенгун*. Первый из этих титулов (*чигши*) восходит к древнему китайскому титулу *цзиши*, существовавшему еще во II в., в эпоху правления ханьской династии. В VII – начале VIII вв., как считает И. Эчеди, он был заимствован древними тюрками. В тюркский язык он попал в своем первоначальном значении «губернатор провинции/округа (чжоу)» [Ecsedy 1965, с. 86]. В китайской версии Карабалгасунской трилингвы *чигши* называется в перечне высокопоставленных лиц («тутуки, чигши, внутренние и внешние министры»). Титул *чигши* зафиксирован также в Терхинской надписи в именах подчиненных уйгурами вождей племен (Кутлуг-чигши, Канчу Алп-бильге-чигши) [Кляшторный 1980а, с. 93]. Титул *сыма* восходит к китайской должности «старшего управляющего», ведавшего военными делами. Введение должности *сыма* у уйгуров относится ко времени правления Тумиду, основателя Первого Уйгурского каганата (647 г.). Китайское происхождение имеют также тюркские титулы *сенгун* (кит. *цзянцзюнь* / генерал) и *тай сенгун* (кит. *да цзянцзюнь* / великий генерал).

Приведенными выше примерами не исчерпывается анализ тюрко-китайского культурного взаимодействия в танскую эпоху, однако их вполне достаточно для создания общего представления о взаимовлиянии кочевой тюркской и оседло-земледельческой китайской культур. Акцентируя внимание на взаимный характер влияния культур в

танском Китае, мы не должны эссенциализировать понятие «взаимного влияния», поскольку общей тенденцией была все же постепенная ассимиляция и аккультурация иноземного населения доминирующим ханьским этносом, о чем свидетельствует рассмотренная нами выше история уйгурской династии губернаторов в Хэбэе.

Тюрко-согдийское взаимодействие в танскую эпоху

Самые ранние тюрко-согдийские контакты, которые можно отнести к III-IV вв., отразилось в легендарных известиях о происхождении правящего рода тюрков Ашина. В них рассказывается, что предки тюрков, жившие на краю большого болота, подверглись нападению врагов и были истреблены. В живых остался лишь один изуродованный десятилетний мальчик, которого выкормила волчица. Спасаясь от врагов, волчица бежала в горные районы к северу от Гаочана (Восточный Туркестан) и там родила десятерых детей, отцом которых был тот мальчик. Сыновья волчицы и мальчика женились на женщинах из Гаочана. Один из сыновей по имени *Ашина* стал вождем тюрков и его именем стал называться их правящий род [Кляшторный-Султанов 1992, с. 77]. Тем самым, согласно легенде, род Ашина по материнской линии восходил к ираноязычными жителями Гаочана в Восточном Туркестане. Казахстанские исследователи Ю.А. Зувев и К.У. Торланбаева видят ранние тюрко-иранские связи и в происхождении второго по значимости тюркского рода – Ашидэ, идентифицируя его с иранским *шир* (лев) [Торланбаева 2003]. Д.Е. Еремеев обосновывает иранское происхождение самого этнонима «тюрк» [Еремеев 1990].

С установлением политического господства тюрков в Центральной Азии, с распространением тюркской власти на земледельческие районы Центральной Азии, в особенности на Согд, роль ираноязычных согдийцев в Тюркской империи чрезвычайно усилилась. Пользуясь покровительством тюрков, согдийцы проникали в отдаленные уголки Евразии и доходили с торговыми караванами до Китая [История 1999, с. 389-392]. Согдийцы были посредниками в отношениях тюрков с соседними государствами: в 545 г. китайский двор направил в ставку Бумын-кагана согдийца из Ганьсу по имени Ань Но-пань-то

(по Дж. Харматта: *Нагбанд* [Harmatta 1972, с. 273]), первым посланником тюрков в Византию был согдиец Маниах.

О роли согдийцев в тюркском обществе красноречиво свидетельствует тот факт, что единственным дошедшим до нас памятником Первого Тюркского каганата является согдийская надпись из Бугута. Бугутская стела была сооружена на территории современного Архангайского аймака Монголии, в 10 км к северу от Бугута [Klyash-tonyi-Livšic 1972б]. Надпись повествует о деяниях первых тюркских правителей: Бумын-кагана, Мухан-кагана, Таспар-кагана и Нивар-кагана. В ней содержится интересный материал и для изучения социальной структуры каганата и религиозной жизни тюрков. Оценивая значение Бугутской надписи, С.Г. Кляшторный и В.А. Лившиц обратили внимание еще на один момент: «тюркская литературная и историческая традиция, зафиксированная в рунических памятниках начала VIII в., предстает перед нами уже весьма совершенной по стилю. В формировании и развитии этой традиции, наряду со школой племенных рапсодов, несомненно существовавшей в тюркской среде, сыграла, очевидно, роль и созданная уже в Первом каганате согдоязычная литература, в том числе и ‘каменписные’ эпитафии» [Кляшторный 2006, с. 54]. Тюркская руническая письменность, тексты на которой появились сто с лишним лет спустя после составления Бугутской надписи, по мнению большинства специалистов, также имеет согдийское происхождение. Следует также отметить, что и другая разновидность тюркской письменности – уйгурская, получившая распространение в эпоху Уйгурского Турфанского княжества (850-1250 гг.), была создана на основе согдийского алфавита. Ареал уйгурского письма расширился в эпоху монгольских завоеваний, когда оно стало основой для создания монгольской и маньчжурской письменностей.

На всем протяжении существования Тюркских каганатов согдийцы играли важную роль в военно-политической, экономической и культурной жизни тюрков. Китайцы, вступая в противоборство с тюрками, неизменно сталкивались с согдийцами, являвшимися советниками у тюркских правителей. Пэй Цзюй, наместник танских гарнизонов в Западном крае, обратил внимание на положение согдийцев среди тюрков: «Тюрки сами по себе простодушны и недалновидны, и можно внести между ними раздор. К сожалению, среди них живет много

согдийцев (ху), которые хитры и коварны; они научают и направляют тюрков» [Liu Mau-tsai 1958, с. 87-88].

После распада единой Тюркской империи на восточную и западную части, роль согдийцев была сильнее в Западно-тюркском каганате. Это было связано с тем, что в его состав входили земледельческие районы, заселенные ираноязычными народами, в том числе согдийцами. В Восточно-тюркском каганате в скором времени сформировалась своя крупная согдийская колония. Число согдийцев здесь было настолько значительным, что китайские историографы рассматривали их как одно из племен тюрков. В период падения Первого Восточно-тюркского каганата в 630 г. на территорию Китая бежало большое число тюркских племен во главе с представителями правящих родов Ашина и Ашидэ. Вместе с ними в Северном Китае нашли убежище и согдийцы. Среди них были самаркандец Кан Суйцзя и бухарец Ань Тухань [Pulleyblank 1952, с. 324]. Вместе с Ань Туханем в Китай переселились пять тысяч согдийцев. Известно, что его собственная семья попала в степь из Кучи задолго до распада каганата.

Согдийская община была влиятельной и в возрожденном Восточно-тюркском каганате. Согдийские вожди, тесно связанные с правящим кланом тюрков, бежали вместе со знатными тюрками в Китай под ударами уйгуров, басмылов и карлуков в период распада Второго Восточно-тюркского каганата в 742-744 годах.

В Уйгурском каганате согдийцы занимали еще более высокое положение, а их влияние наблюдается во всех сферах жизни уйгурского общества. Под влиянием согдийцев значительное развитие в Уйгурском каганате получили земледелие и градостроительство, о чем свидетельствуют археологические памятники уйгурской эпохи [Кызласов 1969, с. 85]. Согдийцы и китайцы участвовали в строительстве уйгурского города Бешбалык на берегу реки Селенги (около 758 г.) [Малов 1959, с. 43]. Усиление согдийского влияния в уйгурском обществе было обусловлено принятием Бёгю-каганом манихейства во время похода в Китай в 762 году. Об этом важном событии сообщает Карабалгасунская надпись: «Тогда каган расположил войска в восточной столице (Лояне – А.К.). Тогда [он] увидел, что нравы и обычаи разрушены, народ отвергает наставников. Жуй-си и других – всего четырех монахов, [он] привез в [свое] государство. [Они] распространи-

ли две кумирни, проникали в три предела. Наставники закона [Ма]ни сокровенно достигли светлых ворот, овладели семью разделами. [Их] красноречие было подобно падающей [с небес] реке. Поэтому [они] смогли открыть уйгурам праведное учение. [Они] отвергли мясную пищу, молочные продукты ввели в правило. [Этим они] установили большие заслуги» [Камалов 2001, с. 195]. При Бёгю-кагане согдийцы заняли видное положение в каганской ставке, были его главными советниками. Свидетельством усиления согдийского влияния в уйгурском обществе было создание согдийской надписи на Сэврэйском камне, установленном в начале 763 г. в Южной Гоби, на пути уйгурской армии из Китая в Ордубалык. Появление согдийского текста на камне наряду с уйгурской надписью отражало новое направление в политике уйгурских каганов, ориентированное на согдийский Запад.

Западная политика приобретает особое значение при Бёгю-кагане, который поставил перед собой задачу подчинить оазисы Восточного Туркестана, часть которых была вовлечена в сферу политики уйгуров уже с первых лет их господства в степи. Самым ранним упоминанием о походах уйгуров в Восточный Туркестан может считаться сообщение китайских источников о нападении уйгуров на басмылов в 744 г., в результате которого был свергнут басмыльский каган, а верховным правителем провозглашен вождь уйгуров. После бегства басмыльского кагана из Бешбалыка (Бейтина) в Китай «земля и народ [басмылов] отошли к уйгурам» [СТШ, гл. 217б, с. 1660]. Более подробные сведения о походах уйгуров в Восточное Притяньшанье содержится в надписях Элетмиш Бильге-кагана. Так, надпись из Могойн Шине Усу довольно подробно описывает войны уйгуров с басмылами и карлуками, а также с их союзниками тюргешами, происходившие примерно в 752-754 годах. Театром военных действий тогда были районы Кашгарии, Джунгарии и Семиречья [Малов 1959, с. 41-42]. Судя по надписи, басмылы и карлуки, обитавшие в районе Бешбалыка, окончательно попали в зависимость от уйгуров в 754 году. Примерно к тому же времени относится уйгурский поход, описанный в Терхинской надписи. В 14-15 строках этой надписи сообщается о подчинении уйгурским наследным принцем Бильге Кутлуг таркан-сенгуном (будущим Бёгю-каганом) племен *ягма*, *байарку*, а также китайцев и согдийцев: «Тот, кто соорудил этот [памятник], Бильге Кутлуг таркан-сенгун,

столь многие народы со славой победил: [против] ягма и лум чиши двоих послал. Кутлуг Бильге-сенгуну и Урушу Кутлуг-сенгуну, тем двоим «Идите!» он повелел. Тардушский Бильге-таркан и Кутлуг [оба из народа] *байарку*, начальники ягма, китайцев и согдийцев Бильге-сенгун, Озыл Онг-эркин...» [Кляшторный 1980а, с. 93]. Направление описанного здесь похода было определено С.Г. Кляшторным, исходя из двух названий, упоминаемых в тексте: *ягма* и *лум чиши*. Район обитания племени ягма в интересующий нас период указан в персидских географических сочинениях «Зайн аль-ахбар» Гардизи и «Худуд аль-алам», которые помещают его в северной и северо-западной части Восточного Туркестана [Кляшторный 2006, с. 45-46]. Выражение *лум чиши* было расшифровано С.Г. Кляшторным на основе китайских источников: *лум* передает фамилию тохарского правителя Карашара, звучавшую по-китайски *лун* (дракон), а *чиши* является титулом *чыши* (правитель округа) [Восточный Туркестан 1992, с. 147-148]. Тем самым, оба названия свидетельствуют о том, что поход уйгуров был направлен в Карашар и прилегающие районы. В результате этого похода уйгуры поставили под контроль как местные кочевые племена, так и оседлое население оазисов Восточного Туркестана.

Обращение уйгуров в манихейство ознаменовало собой окончательную культурно-идеологическую ориентацию уйгуров на Восточный Туркестан. Оно явилось своего рода идеологическим обоснованием довольно четко обозначившегося в правление Бёгю-кагана процесса перехода уйгуров от кочевых форм хозяйственной и культурной жизни к оседло-земледельческим, носителями которых в каганате выступали согдийцы. Перемены, происходившие в это время в уйгурском обществе, были замечены и китайскими историографами, которые объясняли их обогащением уйгуров за счет торговли с Китаем: «Ранее обычаи уйгуров были простыми и искренними, между господином и подчиненным не было большого различия, поэтому стремления народа были едиными, и [уйгуры] были сильны и непобедимы. Когда [уйгуры] оказывали услугу Тан, Тан очень щедро награждали их. Тенгри-каган (Бёгю-каган – *А.К.*) впервые загордился, стал строить дворцы для своих жен, [у которых] имелись пудра, краска для бровей и украшенная вышивкой [одежда]. Срединное государство впустую тратилось на них, обычаи иноземцев также разлагались» [ЦТТЦ, гл. 226, с. 7282].

Просогдийская направленность политики Бёгю-кагана отразилась и на характере уйгуро-танских отношений, перенесшихся в это время полностью в торговую сферу. В период восстания Ань Лушаня уйгуры навязали Танской империи торговый обмен лошадой на шелк. По сообщению «Синь Тан шу», «после годов правления Цянь-юань (758-760 гг.) [уйгуры] все больше стали опираться на [свои] заслуги [перед династией] и каждый раз за одну преподнесенную лошадь получали сорок кусков шелка. Ежегодно просили обменять несколько десятков тысяч [лошадей]. Лошади были слабые и непригодные, [все же] император щедро награждал [уйгуров]» [СТШ, гл. 217А, 66].

Активное участие в уйгуро-танском торговом обмене принимали согдийские купцы, деятельность которых была взята уйгурами под защиту, о чем Сыма Гуан сообщает следующее: «Во время правления Дай-цзуна (762-778 гг.) согдийцы (*ху*) девяти фамилий постоянно прикрывались именем «уйгур», смешанно [с ханьцами] жили в столице, преумножали свои товары, вели себя своевольно и жестоко, вместе с уйгурами создавали беспокойство для общества и частных лиц» [ЦЧТЦ, гл. 226, с. 7278]. В другом месте сочинения Сыма Гуана говорится: «Ранее уйгуров, оставшихся в столице, постоянно было до тысячи человек, а торговцев-согдийцев (кит. *шанху*), которые носили чужую одежду и жили смешанно [с ханьцами], было в два раза больше. Уездные чиновники поставляли им готовую еду и сырые продукты. [Согдийцы] накапливали средства, открывали дома для певиц и торговые ряды, от которых получали большие доходы. Чиновники не осмеливались допрашивать их. Еще [они] носили ханьскую одежду, завлекали и брали жен и наложниц» [ЦЧТЦ, гл. 225, с. 7265].

Уйгуро-танская торговля, описанная в цитированном тексте «Синь Тан шу», осуществлялась примерно в течение десяти лет после восстания Ань Лушаня – Ши Чаои. Однако по мере укрепления центральной власти в Китае и стабилизации внутреннего положения в империи танский двор стал принимать меры для свертывания этой тягостной для него торговли. Впервые император ограничил прием уйгурских лошадей в 773 году. Очевидно, с этого времени обмен был прекращен вовсе: после указанного года в источниках отсутствуют записи об уйгурских торговых миссиях в Китай. Примерно к этому же времени относится появление в китайских сочинениях сведений о многочисленных фактах насилия уйгуров в танской столице.

Усиление согдийцев в центральном аппарате власти вызвали недовольство уйгурской кочевой аристократии, которую возглавил двоюродный брат кагана Тон бага-таркан. Противостояние между этими группировками привело к дворцовому перевороту в 779 г., во время которого были убиты Бёгю-каган, двое его сыновей, около двух тысяч его родственников и сторонников, среди которых было немало согдийцев. Основанием для переворота послужило несогласие с решением Бёгю-кагана о совершении набега в Китай, принятым по совету согдийцев. Убийство кагана привело к военным столкновениям разных противоборствующих группировок. Ситуация в каганате в это время была хорошо охарактеризована в докладе танского военачальника, наместника приграничной провинции: «Собственно род уйгуров немногочислен. Они сильны только благодаря поддержке согдийцев (кит. ху). Ныне они (т.е. уйгуры и согдийцы – А.К.) между собой как рыба и мясо (т.е. находятся в противоборстве). Только что на трон взошел Дунь Мохэ (Тон бага – А.К.). Сын Идицзяня от наложницы, а также министры-буюруки (кит. *госян-мэйлу*), каждый с несколькими тысячами воинов, напали на него (т.е. Тон бага таркана – А.К.). В их государстве еще не утвердился порядок» [ЦЧТЦ, гл. 226, с. 7288].

Переворот Тон бага-таркана был охарактеризован японским ученым Тадзака Кодо как антисогдийский и антиманихейский. Достаточные основания считать его антисогдийским представляют китайские источники. Антиманихейскую направленность переворота Тадзака Кодо обосновывал сведениями древнеуйгурских турфанских текстов: он идентифицировал Тон бага-таркана с «тарканом» одного из уйгурских текстов, который возглавил группу, выступившую против провозглашения манихейства государственной религией [Тадзака 1940, с. 226].

Переворот в Ордубалыке произошел не без участия танского двора, о чем говорит то, что в момент переворота в уйгурской столице находился китайский посланник, который и описал события в своем докладе трону. Китай, в отношении которого Бёгю-каган в последние годы своей жизни предпринимал агрессивные действия, был заинтересован в смене власти в каганате.

Антисогдийская политика нового уйгурского правителя не имела

перспективы. Уже в скором времени союз с согдийцами возобновился в связи с усилением западной политики каганата: в конце VIII в. уйгуры вытеснили тибетцев из района Бешбалыка и в начале IX в. продвинулись на запад, дойдя с походами до Сыр-дарьи и Семиречья, о чем рассказывается в Карабалгасунской надписи.

С согдийцами связан расцвет манихейства в Уйгурском каганате в начале IX века. О возросшем влиянии манихеев на политику уйгурских правителей говорят случаи сопровождения манихеями уйгурских посольств в Китай. Об одном из таких посольств 807 г. в «Синь Тан шу» сообщается следующее: «Впервые их (уйгуров – А.К.) сопровождали манихеи. Законы последних предписывают кушать только вечером, пить воду, употреблять сырые овощи и воздерживаться от кумыса. Каган постоянно допускал их к государственным делам. Каждый день манихеи прибывали в столицу и уезжали. Торговцы западного рынка вели с ними незаконные дела» [СТШ, гл. 217а, 9б]. По просьбе манихеев, в 807 г. танская администрация построила манихейские храмы в Хэнани и Тайюане [ЦЧТЦ, гл. 999, с. 11724]. В 813 г. император Сюань-цзун принял восьмерых уйгурских манихеев, прибывших с предложением заключить династийный брак между уйгурами и танским домом [ТХЯ, гл. 49, с. 864]. Позже, в 822 г., при заключении этого брака прибыло уйгурское посольство, в составе которого были манихеи. Э. Шефер рассказывает о китайском манихее Цзя Дане, жившем в конце VIII в. и принявшем манихейскую религию от уйгуров [Шефер 1981, с. 46].

Уйгуры не только активно исповедовали манихейство за пределами своей страны, но и защищали своих единоверцев в других государствах. Арабский автор ан-Надим в сочинении «Фихрист аль-улум» («Оглавление науки», X в.) зафиксировал случай, когда уйгурский каган выступил в защиту пятиста манихеев, подвергшихся гонениям в Самарканде [Minorsky 1948, с. 303]. Под защитой уйгуров находились также манихейские общины в Китае, которые стали подвергаться гонениям только после падения Уйгурского каганата. Активное участие согдийцев отмечено в междоусобной борьбе среди уйгуров в последние годы каганата. В 839 г. в заговоре против кагана был уличен принц и министр Ань Юньхэ, судя по фамилии, согдиец из Самарканда [Maskettas 1972, с. 122, 124]. Согдийцы были и среди уйгуров, бежавших в Северный Китай в 840-843 годах.

Как показано в нашем исследовании, формирование согдийской колонии в танском Китае было связано с военно-политическими коллизиями в Тюркском и Уйгурском каганатах, и вызванными ими миграциями населения в Срединное государство. Несомненно, не все согдийцы в Китае были выходцами из каганатов, многие прибывали сюда напрямую из Согдианы. Об этом говорит открытое в 2003 г. в городе Сиане (бывший Чанъань) погребение знатного согдийца, жившего в период правления династии Северная Чжоу. Надгробные тексты на китайском и согдийском языках в могильнике позволяют датировать погребение 579 г. [Сунь 2005]; в могиле были захоронены члены согдийской семьи, происходившей из Ташкента и прибывшей в Китай из Восточного Туркестана.

Источники фиксируют факт существования зороастрийской общины в Китае в III-IV веках. Религия огнепоклонников пришла сюда из империи Сасанидов, где она имела статус государственной. Зороастрийских жрецов в Китае называли *сабао* или *сафу*, что означало на персидском «глава/начальник каравана». Они одновременно являлись и главами согдийских общин в Срединном государстве [Лин 2000, с. 150; Жун 2005, с. 49].

В Китае тюрки и согдийцы селились обычно в приграничных районах, создавая смешанные поселения. Здесь согдийцы служили вместе с тюрками и другими кочевниками, охраняя границы Танской империи от внешних вторжений. В завоевательных походах танской армии активнее участвовали тюрки-кочевники, которые за это освобождались от налогов. О тюрко-согдийском сосуществовании в приграничных областях Китая можно составить представление из ситуации в приграничных армиях, в которых служили китайские и некитайские народы. Ее хорошо обрисовал Э. Пуллиблэнк, писавший: «Есть достаточное основание думать, что китайцы в этих армиях, которые теперь стали регулярными пограничными воинами и потеряли первоначальную привязанность к своим деревням во внутренних районах страны, были более или менее «варваризованы», поэтому они глубоко пропитались военными обычаями своих командиров-варваров. Конечно, сами варвары уже не находились в условиях племенных отношений. Только то, что они перестали зарабатывать средства на существование уходом за скотом и стали зависимыми от провизий, предоставляемых китайским правительством, должно было привести к большим

изменениям» [Pulleyblank 1976, с. 40]. То же самое можно сказать о согдийцах и тюрках, живших в приграничных областях Китая. За длительное пребывание среди тюрков-кочевников согдийцы переняли многое из их образа жизни и обычаев, смешиваясь с ними через брачные связи. Однако на первых порах такое сосуществование не влияло на различия между двумя этими этническими группами, что неоднократно отмечалось китайскими историографами.

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы говорят как в пользу тесного взаимодействия тюрков и согдийцев, которое можно характеризовать как симбиоз, так и наличия между ними определенных противоречий. О тесных контактах и ассимиляционных процессах говорит большое число смешанных браков между тюрками и согдийцами. Так, все предводители восстания в 755-763 гг. были «смешанными варварами» согдийско-тюркского происхождения. Приведем несколько примеров смешанных тюрко-иранских семей: генерал Гэшу Хань был сыном тюрка и хотанки; сын согдийца Кан А-и Кюль-таркана был женат на представительнице рода Ашидэ; Ашина Сымо, назначенный каганом танской династией накануне возрождения Второго Восточно-тюркского каганата, также имел согдийскую кровь.

Этническая принадлежность не определяла общности политических позиций иноземцев в Танской империи. Показательной в этом отношении является упомянутая выше вражда между генералами Ань Лушанем и Гэшу Ханем. Эта вражда началась с недоброжелательных отношений, сложившихся между Гэшу Ханем и Ань Сышунем, двоюродным братом Ань Лушаня, когда они оба служили в области Луньюй. Императору Сюань-цзуну не нравилось противостояние губернаторов приграничных областей, и по его велению были предприняты попытки их примирения. В 752 г., когда Ань Лушань и Гэшу Хань находились в столице, дворцовый евнух Гао Лиши пригласил их обоих на банкет, чтобы помирить их. Гэшу Хань был сыном вождя тюркешского племени *гэшу* и дочери правителя Хотана. Во время банкета Ань Лушань «сказал, обращаясь к Гэшу Ханю: «Мой отец был [западным] варваром (*ху*), моя мать была из тюрков. Твой отец – тюрк, а мать твоя из [западных] варваров. Я принадлежу к тому же роду, что и ты. Почему мы не можем быть друзьями?». [Гэшу] Хань ответил: «Древние говорили «плохое предзнаменование, если дикая лиса (игра слов: *ху* «лиса»~*ху* «западный варвар» – А.К.) лает в своей

норе, так как она забыла свое происхождение». Должен ли я прикладывать усилия, чтобы делать это (т.е. становиться друзьями)?». [Ань] Лушань посчитал, что Хань унижил его хуское [происхождение]. Он очень рассердился и выругал Гэшу Ханя, говоря: «Тюркок осмеливается поступать так?». [Гэшу] Хань хотел ответить, но Гао Лиши сделал ему знак и остановил его» [Levy 1960, с. 11]. Вражда между военными губернаторами закончилась тем, что в последующем во время восстания генерал Гэшу Хань был пленен и казнен по повелению Ань Лушаня.

Несмотря на то, что не могло существовать полнейшего совпадения интересов иноземцев в Танской империи, все же можно говорить об общности судеб выходцев из Центральной Азии, тюркоков и согдийцев, в Китае. Тюркские и согдийские общины Северного Китая поддерживали восстание Ань Лушаня и его преемников, после подавления которого и те, и другие перестают играть какую-либо роль в стране. В первые десятилетия после восстания отмечается укрепление позиций согдийцев в Китае при поддержке уйгуров. Как мы уже отметили, манихеи в Среднем государстве находились под покровительством уйгуров. Согдийцы продолжали играть посредническую роль между степью и Китаем и в уйгурскую эпоху. Однако после падения Уйгурского каганата они практически исчезают из страниц китайских сочинений, хотя численность согдийцев в Танской империи увеличилась за счет беженцев с территории каганата. В позднетанский период значительная часть согдийцев влилась в состав тюркоков-*шато* и уйгуров.

Приведенные выше примеры свидетельствуют о том, что по крайней мере часть согдийцев, выходцев из Тюркского и Уйгурского каганатов, идентифицировали себя как тюрки, и по текстам часто бывает очень трудно определить их этническое происхождение. Анализ сведений о согдийцах в танском Китае позволил японским ученым выдвинуть концепцию о «тюркских согдийцах» [Kiyohiro 2008, с. 57-59].

Таким образом, изучение сведений танских источников показывает, что выходцы из степи – тюркские племена и ираноязычные народы, попав на территорию танского Китая, продолжали поддерживать друг с другом тесные отношения, которые приобретали форму симбиоза. Согдийское население Северного и Северо-Восточного Китая в позднетанский период было полностью инкорпорировано в состав тюркского населения приграничных областей страны.

Торговые отношения Китая с Уйгурским каганатом

Торговые отношения Танской империи с восточными тюрками хорошо освещены в научной литературе. Достаточно сослаться на работу И. Эчеди, которая рассмотрела их в контексте военно-политических отношений тюрков с Китаем [Ecsedy 1968]. Здесь мы остановимся только на торговых отношениях Китая с Уйгурским каганатом (744-840 гг.).

Начнем с того, что, изучив сведения об уйгуро-танских дипломатических и торговых отношениях, К. Макеррас выделил четыре категории уйгурских посольств в Китай в период существования Уйгурского каганата. *Первую* категорию составляли уйгурские даннические посольства, которые прибывали в Чанъань с подношениями императору. Уйгуры следовали дипломатическому протоколу, принятому при императорском дворе, и любые посольства с дарами китайские историографы рассматривали как «даннические». Ко *второй* категории относились уйгурские посольства, прибывавшие в разное время для оказания военной помощи танской династии. *Третья* категория состояла из посольств, прибывавших для уведомления танского двора о смерти *кагана* или *катун* и получавших указ о «назначении» нового кагана. Наконец, в *четвертую* группу ученый отнес уйгурские посольства, прибывавшие в Китай с какой-то просьбой, например, о строительстве манихейского храма. В эту категорию входили и посольства, прибывавшие в связи с заключением династийных браков [Mackerras 1969, с. 216-217].

Первая из перечисленных категорий посольств включала как дипломатические миссии в Чанъань, так и торговые посольства, которые описаны китайскими историографами в терминах даннических отношений. Как правило, уйгурские посланники привозили «в дань» императору лошадей, за которых получали ответное «вознаграждение» в виде шелка. При этом вознаграждение осуществлялось по фиксированным расценкам: вначале за одну лошадь танский двор выдавал уйгурам сорок кусков шелка.

Длительное время торговый обмен уйгурских лошадей на китайский шелк носил принудительный характер: торговля была навязана

уйгурами танской династии за военную помощь в подавлении восстания Ань Лушаня. Торговые отношения были прекращены в начале правления императора Дэ-цзуна, но, в конечном счете, восстановлены и закреплены договором и династийным браком. Согласно договору от 788 г., торговый обмен должен был ограничиться одной тысячей голов лошадей за один раз [Ма 1984, с. 70-71]. По сообщению источников, в год заключения договора уйгурский посланник Алп Кюлюг-сенгун получил 50 тысяч кусков шелка за пригнанных лошадей. Судя по тому, что уже в 790-м г. посланнику уйгуров Ички-таркану было выплачено 300 тысяч кусков шелка, соответствовавших стоимости значительно большего числа лошадей, чем было установлено договором, условия договора вряд ли соблюдались. Впрочем, нарушение «торговой квоты» именно в 790 г. может быть объяснено совместными уйгуро-танскими боевыми действиями против Тибета в Восточном Туркестане.

Во время уйгуро-тибетской войны в Восточном Туркестане в 792 г. в Чаньянь прибыло посольство уйгуров во главе с Яглакар Лином. Привезенные им лошади были обменены на 70 тысяч кусков шелка. О посольстве уйгуров, прибывшем в 793 г., сообщается, что оно прибыло для представления дани, но, скорее всего, это тоже была торговая миссия.

В период правления уйгурского Кутлуг-кагана (795-805 гг.) уйгуро-танские отношения, в том числе торговые, вновь прервались в связи с активизацией военных действий уйгуров в Восточном Туркестане. Прибытие единственного за все это время «даннического» (торгового) посольства в 797 г. отмечено лишь в энциклопедии «Цэфу юаньгуй» [Mackerras 1969, с. 232].

После восстановления двусторонних отношений в 805 г. уйгурские «даннические» посольства прибывали в Китай в 806, 807 и 808 годах. О том, что эти посольства на самом деле были торговыми, свидетельствует танский поэт Бо Цзюйи. В письменном наследии поэта сохранились два сочинения, в которых он затрагивает проблемы уйгуро-танской торговли: «Письмо уйгурскому кагану» (808 г.) и стихотворение «Дорога в горах Иньшань» (809 г.) [БШЧЦЦ, с. 496-50а]. Поскольку описанные в стихотворении события, относятся ко времени более раннему, чем 807 г., то есть предшествуют хронологически ситуации, изложенной в письме к кагану, обратимся сначала к его содержанию.

Дорога в горах Иньшань

Дорога в горах Иньшань, дорога в горах Иньшань,
Густою травой покрыты подножья, прекрасны источники,
Всякий раз, когда прибывали варвары, пригоняя с собой лошадей,
На тысячу *ли* вокруг пути не оставалось ни травинки.

Трава уничтожалась, источники осушались,
Лошади их были больными и истощенными,
Но Взлетающий дракон (т.е. император – *А.К.*)
[велел] ставить клеймо на клячах,
Пятьдесят кусков шелка давали за одну лошадь,
Не было дня, чтобы шелка не становилось меньше, а лошадей не прибывало,

Кормить [лошадей] было нечем, земля непригодна [для них].

Каждый год пали шесть-семь из десяти [лошадей],

Работницы мучились от нехватки шелковых нитей,

Укорачивали пряжу, сокращали [ее] в сечении,

делали несколько кусков [из одного].

[Получалась] паутина, подобная жилам лотоса,

длиною около трех *чжан*.

Уйгуры, жалуясь, говорили, что [шелк] непригоден.

[Танская] принцесса Сяньань носила титул *катун*,

[Она] издалека от имени кагана не раз докладывала [об этом].

Во второй год Юаньхэ (807 г.) император издал новый указ,

Чтобы золотом и серебром из внутренних дворцов
оплачивали лошадей.

Также по указу, в шелковых [тканях] из

[областей] Цзя и Хуай, выплачиваемых за лошадей,

Отныне не позволялось сокращать и укорачивать пряжу.

Кара-сенгун (кит. *Хэло цзянцизюн*) провозгласил

десять тысяч лет [императору].

На следующий год (808 г.) лошадей привезли в два раза больше.

Шелк улучшился, а лошадей стало больше.

Как быть с вами, иноземцы Иньшаня?

(перевод *А. Камалова*) [БШЧЦЦ, с. 496-50а]

Бо Цзюйи не без юмора воспроизводит в стихотворении ситуацию, возникшую в обмене уйгурских лошадей на китайский шелк в начале

IX века. Уйгуры пригоняли огромное количество лошадей, большей частью слабых и непригодных для нужд китайцев и получали взамен шелк. Китайцы решили прибегнуть к хитрости: они стали изготавливать очень тонкий шелк небольшой ширины. Тогда уйгуры обжаловали их действия через танскую принцессу Сяньань, главную жену кагана. В результате, император приказал заплатить за лошадей золотом и серебром из дворцовых хранилищ и улучшить качество шелка. Бо Цзюйи упоминает два торговых посольства уйгуров – 807 г. во главе с Кара-сенгуном и посольство 808 года. Согласно танским источникам, в 807 г. уйгуры направляли послов в Китай дважды – в начале 2-го месяца с представлением «дани» и в конце того же месяца с просьбой о строительстве манихейского храма в Лояне, восточной столице империи, и Тайюане [Mackerras 1969, с. 233]. Упоминаемое Бо Цзюйи посольство должно было быть первым из них, поскольку «даннические» посольства чаще всего выполняли торговые миссии. «Данническое» посольство 808 г. не зафиксировано официальными китайскими источниками, которые, однако, сообщают о прибытии уйгурских посланников с известием о смерти принцессы Сяньань. Возможно, именно это посольство пригнало лошадей «в два раза больше», чем в предыдущий год, как об этом говорится в стихотворении. Впрочем, о посольстве 808-го г. более подробно сообщается в «Письме уйгурскому кагану» Бо Цзюйи. Приведем ту часть письма, которая описывает торговлю с уйгурами:

Письмо уйгурскому кагану

«Прибыли Далань-цзянцзюнь и другие. Было доложено, что общее число их лошадей [будет] 6500 голов. Согласно [числу] пригнанных и клейменных лошадей, общее их количество составляет 20 тысяч, по общему расчету [их] стоимость [оценивается] в 500 тысяч кусков шелка. Из-за того, что в течение последних лет [в нашей стране] были наводнения и засуха, потребности армии и государства [в лошадях] были недостаточными. Ныне, от общего количества шелка, [составляющего] стоимость [пригнанных] лошадей, сообразно обстоятельствам, выплатили 250 тысяч кусков шелка из [хранилищ] внутренних дворцов. Передав [их] Далань-цзянцзюню, велели [ему] возвратиться в свое государство. Также послали дворцового посланника проводить [его] до границы. Хотя еще полностью не оплачено все количество

[лошадей], однако Вам не следует [из-за этого] задерживать [наших] послов. Когда [наши] богатства пополнятся необходимым числом, обязательно будут удовлетворены [Ваши] желания. Число лошадей, о котором было договорено недавно, по всей вероятности, будет расти. Как же быть? Если выплачиваемого [нами] шелка будет мало, ваше желание не будет удовлетворено. Если поставляемых [вами] лошадей будет много, наши силы достигнут истощения. Чем больше будет лошадей, тем больше будет недостача в оплате. Обсудив это, следует прийти к определенному соглашению, [чтобы] и вам, и нам было выгодно, и был достигнут необходимый порядок» (перевод *А. Камалова*) [БШЧЦЦ, с. 73а-б].

В письме определенную трудность для понимания представляет та часть, которая содержит цифровые данные. По мнению К. Макерраса, первая цифра – 6500, представляет число лошадей, привезенных Далань-цзянцзюнем, за которые он получил 250 тысяч кусков шелка [Maskerras 1969, с. 219]. Тогда остается неясным значение двух других цифр – 20 тысяч лошадей и 500 тысяч кусков шелка. Цэнь Чжунмянь предполагал, что 250 тысяч кусков шелка – это оплата лошадей, пригнанных уйгурами ранее, объясняя это неверным написанием отдельных иероглифов [Цэнь 1957, с. 301-302]. Наиболее обоснованным представляется трактовка китайского ученого Ма Цзюньмина, отраженная в предложенном нами выше переводе письма: 6500 лошадей – это количество лошадей, которое уйгуры должны были пригнать согласно договоренности, однако на самом деле они пригнали 20 тысяч лошадей (Ма Цзюньминь исправляет эту цифру на 10 тысяч, считая ее опиской), оценивавшихся в 500 тысяч кусков шелка. Китайцы, не имея возможности оплатить столь большое количество шелка, оплатили лишь половину стоимости в 250 тысяч кусков. При этом они обещали выплатить оставшийся за ними долг [Ma 1984, с. 72].

Сопоставив сведения, содержащиеся в стихотворении и письме кагану, можно определить количество лошадей, пригнанных уйгурами в Китай в 807 году. В стихотворении указывается, что на следующий год после издания императорского указа, т.е. в 808 г., уйгуры пригнали лошадей в два раза больше, а в письме кагану указывается, что в 808 г. уйгурские посланники пригнали 10 тысяч лошадей. Значит, в 807 г. количество привезенных лошадей составляло 5 тысяч голов.

Неизвестно, как была урегулирована проблема, возникшая в уйгуро-танской торговле в 807-808 годах. Что касается последующего периода, то в танских источниках отсутствуют записи о прибытии уйгурских послов с «данью» в последующие несколько лет, а именно в 809-814 гг., хотя дипломатические отношения между двумя государствами не прерывались. Известно, что дважды, в 810 и 813 гг., в Чаньянь прибывал уйгурский посланник Инанчу с предложением заключить династийный союз, но получал отказ. Появление трехтысячной конницы уйгуров во главе с самим Баои-каганом в 813 г. на границе Китая, в районе родника Питицюань, было, видимо, связано с этим отказом. В 814 г. состояние уйгуро-танских отношений охарактеризовал в докладе трону губернатор пограничной провинции Ли Цзян. Обеспокоенный возможностью вторжения уйгуров в пределы Китая, он настойчиво призывал императора заключить союз через родство с уйгурами [Hayashi 2002, с. 96-97]. В докладе наряду с военными и политическими отношениями Танской империи с Уйгурским каганатом он затронул и проблему торговых отношений: «Второй год не прибывает их [уйгуров] обычная ежегодная партия лошадей. Может ли быть, что они насытились выгодой от [полученного ранее] шелка? Я подозреваю, что они хотят [дождаться осени, когда] ветры усилятся, а лошади будут откормленными. И тогда они смогут совершить внезапное нападение на Китай» [Mackerras 1968, с. 98]. В другом месте доклада Ли Цзян отмечал: «сейчас уйгуры даже не торгуют с нами». Доклад Ли Цзяна свидетельствует, что уйгурские торговые посольства не прибывали в Китай лишь два года – в 813 г. и 814 г., значит после 808 г., когда прибыло последнее из известных нам торговых миссий, торговый обмен между уйгурами и Китаем продолжался, хотя и не получил отражения в китайских источниках.

Опасения Ли Цзяна относительно возможного конфликта с Уйгурским каганатом не оправдались. Торговля с уйгурами возобновилась с 815 г. и в последующем до 830 г. носила устойчивый характер. В 825 г. уйгуры получили за своих лошадей 100 тысяч кусков шелка, в следующем, 816 г., три последовательно прибывавших посланника получили соответственно 97 тысяч, 60 тысяч и 25 тысяч кусков шелка [ЦФЮГ, гл. 999, с. 11727]. Кроме того, по повелению императора Сянь-цзуна в Хэцюй (Ордос) был направлен специальный посланник,

чтобы обменять 10 тысяч кусков шелка на лошадей [ТХЯ, гл. 72, с. 1304].

Апогеем уйгуро-танских отношений в начале IX в. стало заключение династийного брака в 821 году. В этот год уйгурский каган направил в Чанъань самое многочисленное в истории двухсторонних отношений посольство, состоявшее из 2 тысяч человек. Это посольство привезло в Китай 20 тысяч лошадей, 1 тысячу верблюдов, соболиные меха, пояса с яшмой и др. Однако императором было дозволено из этой «дани» ввезти в Чанъань только 1 тысячу лошадей и 500 верблюдов [ЦТШ, гл. 195, с. 11а]. В следующем году (822 г.) уйгурам было выплачено сначала 50 тыс., а позже дважды по 70 тыс. кусков шелка [Maskerras 1969, с. 239; ЦФЮГ, гл. 999, с. 11727]. Вероятно, это было награждением, с помощью которого китайцам удалось вернуть назад уйгурскую конницу во главе с Ли Ицзе, прибывшую с предложением помощи в подавлении очередного антитанского мятежа в Хэбэе.

В 823 г. уйгурам было выплачено 80 тысяч кусков шелка. Достаточно большое число шелка было выдано им в 827 г. – 260 тысяч кусков и 200 тысяч кусков, и в 829 г. – 230 тысяч кусков. Сообщение «Синь Тан шу» о том, что в начале правления императора Вэнь-цзуна (827-841 гг.) уйгурам выплатили за лошадей 500 тысяч кусков шелка, скорее всего, имеет в виду суммарное количество шелка, вывезенного уйгурами в 827-м г. (260 тыс., 200 тыс. и др.).

Интенсивность уйгуро-танской торговли в начале IX в. отразилась в сообщении арабского путешественника Тамима ибн Бахра, посетившего ставку уйгурского кагана в 821 году. Он отмечал, что «каган, царь токузгузов, имеет родственные брачные отношения с царем Китая, и последний присылает ему ежегодно 500 тысяч (кусков) шелка» [Minorsky 1948, с. 282].

В последние годы существования Уйгурского каганата зафиксировано прибытие в Китай «даннических» посольств в 831, 832, 833, 835, 837 (дважды) и 839 годах. Все эти посольства, скорее всего, были торговыми, о чем говорит большой долг Китая уйгурам, образовавшийся к моменту распада каганата в 840 году.

Торговля уйгуров с танским Китаем не ограничивалась, конечно, только обменом лошадей на шелк. Среди других товаров, вывозившихся уйгурами из Китая, были предметы роскоши, утварь, другие продукты земледельческого производства, образцы которых обнаружены архео-

логами в уйгурских городищах в Монголии и Туве. Кроме того, довольно популярным китайским товаром был чай, о чем Э. Шефер писал: «С середины VIII в. получила распространение торговля чаем: есть сведения в источниках, что уйгуры, прибывавшие в столицу, прежде всего, направляли своих коней к лавкам торговцев чаем. Среди иностранных торговцев на Западном рынке главенствовали соотечественники этих любителей чая – уйгуры-ростовщики, которым бесчисленные китайские дельцы, искатели кредита, или молодые моты в обеспечение взятых денег закладывали землю, домашнюю утварь, рабов и даже священные реликвии» [Шефер 1981, с. 37]. Однако остальные предметы торгового обмена не ввозились в каганат в таких масштабах, как шелк. Огромное количество шелка, ввезенного в каганат, предназначалось не только для внутренних нужд. Значительная его часть использовалась уйгурами и жившими в их стране согдийцами для транзитной торговли со странами Запада. Дело в том, что с началом восстания Ань Лушаня, Хэсийский коридор, соединявший Китай с оазисами Восточного Туркестана, был захвачен Тибетом, и естественная магистраль караванных путей оказалась закрытой для Китая, враждовавшего с тибетцами. Вместе с тем, тибетцами были захвачены лучшие пастбища Танской империи, находившиеся в западных провинциях и обеспечивавшие страну лошадьми [Фань 1987]. Эти два обстоятельства были использованы уйгурами в своих интересах: они стали поставлять в Китай в большом количестве лошадей и вывозить шелк, превратив «уйгурский путь» через территорию каганата в основную торговую артерию, связывавшую Китай с западными странами [Камалов 2014].

Могущество Уйгурского каганата и его особая роль во время внутренних войн в Китае, а также инициированные ими торговые отношения оказывали большое влияние на положение тюрков и согдийцев в Танской империи: поддержка, оказываемая уйгурами своим сородичам, не могла не учитываться танской администрацией [Mackerras 2000, с. 228-229].

Взаимоотношения Танской империи с Хотаном

Из ираноязычных народов, живших в Танской империи, кроме согдийцев можно выделить выходцев из Восточного Туркестана, среди

которых значительное место занимали жители Хотана, южного оазисного государства, располагавшегося вдоль северных склонов горного хребта Куньлунь. Население Хотана говорило на одном из индоиранских языков, получившем в науке название *хотано-сакского*. На этом языке написано большое число документов, датированных VIII-X в. [Восточный Туркестан 1992, с. 32-76]. Начало контактов Хотана с Танской империей относится к 632 г., когда хотанский правитель Виджая Самграма (кит. *Вэйчи Уми*) отправил в танскую столицу послов, а затем и своего сына для службы при императорском дворе, то есть в качестве заложника [Малявкин 1992, с. 37]. Это было время, когда Танская империя еще не имела влияния в Восточном Туркестане; её экспансия на запад началась лишь с покорения в 640 г. княжества *тогон* (кит. *туюйхунь*) в районе оз. Кукунор.

В танских походах на оазисы Восточного Туркестана активное участие принимали войска, состоявшие из подчинившихся Китаю тюркских племен. В 646 г. танские войска под предводительством тюрка Ашина Шэр разгромили княжество Куча [ЦЧТЦ, гл. 198, с. 6251]. В тот же год правитель Хотана попытался выразить свои дружеские отношения к Китаю, направив к танскому двору своего сына в качестве заложника и 300 верблюдов в подарок. Несмотря на эти действия, один из генералов Ашина Шэра, китаец Сюэ Ваньбэй, нанес удар по Хотану и взял в плен самого правителя Виджая Сенка (кит. *Фушэ Синя*) и препроводил его в Чанъань [СТШ, гл. 221А, с. 6231]. Предводитель Хотана и его сын пробыли при дворе в течение нескольких месяцев и возвратились к себе, получив пожалования и титулы, закреплявшие их зависимое от Китая положение. Территория княжества была поделена на пять округов. Хотанцам, как и другим оазисным государствам Восточного Туркестана в это время пришлось маневрировать между Танской империей и Тибетом, противоборство которых сопровождалось военными действиями и против Хотана.

Благоприятные условия для дальнейшей экспансии Китая создало подчинение Западно-тюркского каганата. В 662 г. танский генерал Су Хайчжэн после расправы с западно-тюркским каганом Ашина Мишэ, вплотную подошел с войском к Кашгару, но получил отпор от объединенной армии Кашгара, тюркского племени *гуньюэ* и тибетцев. В 665 г. тибетцы с кашгарцами и *гуньюэ* напали на Хотан, связанный с Китаем вассальными отношениями [Bekwith 1987, с. 28].

Тем не менее, в последующем хотанский князь Виджая Сенка, неоднократно посещал танскую столицу. Он погиб во время одной из этих поездок от рук туйухуней. Правящие круги Хотана не были единодушны в выборе союзника в постоянно меняющейся политической ситуации в крае. Преемник Виджая Сенка – Виджая Кирти (кит. *Фушэ Сюн*), также как и он, был сторонником союза с танским Китаем. Однако при дворе хотанского правителя сформировалась другая группировка, которая выступала за союз с Тибетом против Китая. В противоборстве двух группировок последняя взяла верх, в результате чего Виджая Кирти был вынужден покинуть страну. Вместе с большой группой родственников и приближенных он направился в танскую столицу, о чем содержится упоминание в танских источниках: «В начале правления Шань-юань (674-676 гг.) хотанский государь (Виджая Кирти) лично вместе со своими сыновьями, младшими братьями, вождями и сановниками, всего семьдесят человек, прибыл ко двору. Имел заслуги в военных действиях против Тибета. Император реорганизовал территорию его государства в управление *дуду* Пиша и разделил на десять округов (*чжоу*). Пожаловал Виджая должность тутука» [СТШ, гл. 221А, с. 6231]. А.Г. Малявкин считает, что это сообщение относится ко времени бегства хотанского правителя в Китай, когда он уступил власть в стране протибетской группировке [Малявкин 1992, с. 37-38].

Скорее всего, Виджая Кирти смог вернуться на родину, поскольку есть сообщение о его прибытии в 687 г. ко двору, где он прожил до своей смерти (691 г.). Действительно, в китайских источниках существуют указания о том, что в 670 г. в результате вторжения Тибета в Восточный Туркестан Танская империя уступила позиции Тибету, и лишь гарнизоны в Куче и Карашаре некоторое время сохраняли верность Китаю. При императрице У Цзэ-тянь (690-705 гг.) один из танских историографов составил развернутый доклад трону, в котором обосновывал необходимость завоевания Западного края. В последующем, в 692-696 гг., источники фиксируют столкновения танских войск с тибетцами и их союзниками тюрками во главе с Ашина Туйцзы (Воцзы) в разных приграничных округах империи [Малявкин 1984а, с. 151].

Танско-тибетская война в Восточном Туркестане, протекавшая с переменным успехом, подробно описана в книге А.Г. Малявкина

«Борьба Тибета с Танским государством за Кашгарию» [Малявкин 1992]. В ней автор выделяет следующие основные этапы танско-тибетского противостояния: а) вторжение тибетцев в нынешнюю провинцию Ганьсу в 700 г., сразу после смены правящей династии Гар в Тибете (тюрки одновременно с Тибетом активизировали действия против Тан в 698-702 гг.), б) затишье в отношениях, сопровождавшееся переговорами о союзе через родство с 703 г., который был заключен только в 710 г., и мирные отношения до 714 г., в) возобновление затяжных военных действий в 714-729 гг., д) заключение мира в 730 г. и мирные отношения до 737 г., е) возобновление военных действий, вывод танских сил из Восточного Туркестана в 755 г. в связи с восстанием Ань Лушаня, вторжение тибетцев в Хэси, танско-тибетская война в 789-792 гг. [Малявкин 1992, с. 97-149; Ecsedy 1964, с. 87-88].

Вовлеченность Хотана и других оазисных государств Восточного Туркестана в сферу влияния Срединного государства зависела от танско-тибетских отношений. Так, во время танско-тибетской борьбы за княжество Малый Болуй (долина р. Гилгит) хотанский правитель «Вэйчи Тяо скрытно договорился с тюрками-*туцзюэ* и другими варварскими государствами замыслить измену. [Ду] Сянь тайно узнал об их замыслах, поднял войска, схватил [заговорщиков] и обезглавил их. Одновременно казнил более 50 человек их приспешников. Поставил нового князя. После этого Хотан стал мирным» [СТШ, гл. 221А, с. 6230-6231]. Эта попытка Хотана выступить против Китая была принята в союзе с западными тюрками, которые являлись союзниками Тибета.

Когда в 755 г. разразилось восстание Ань Лушаня, для оказания помощи императору свои военные контингенты также прислали Хотан, Фергана и Арабский халифат. В «Повествовании о Хотане» «Синь Тан шу» сообщается: «В начале правления Чжи-дэ (756-758 гг.) [князь Хотана Виджая Самбхава] отправился с войсками для оказания помощи [танскому государству], вслед за тем просил оставить его при дворе в личной охране императора. В 3-м году эры правления Цянь-юань (760 г.) его младший брат, [имеющий чин] левого военачальника отряда, охраняющего ворота императорского дворца, стоящий во главе ябгу [Вэйчи] Яо (Виджая Бохан) назначен сверхштатным главным конюшим «четырёх гарнизонов» и исполняющим обязанности главы своего государства (Хотана)» [СТШ, гл. 221А, с. 6231].

В «Жизнеописании Виджая Симбхава» рассказывается об этих же событиях следующим образом: «В начале эры правления Чжидэ (756-758 гг.), узнав о мятеже Ань Лушаня, [Вэйчи] Шэн (Виджая Самбхава) приказал младшему брату [Вэйчи] Яо (Виджая Бохан) осуществлять руководство государством, а сам во главе отряда, насчитывающего пять тысяч солдат, выступил на помощь [танскому государству]. Население государства не пускало [Вэйчи] Шэна. Он выступил в поход, оставив маленькую дочь в качестве заложницы... Император приказал ему вернуться домой. [Вэйчи] Шэн настойчиво просил оставить его во дворце в личной охране... [Вэйчи] Шэн просил назначить князем его страны [Вэйчи] Яо (Виджая Бохан). В соответствии с этой просьбой издан императорский указ» [СТШ, гл. 110, с. 4127-4128]. После этого новый князь Хотана Виджая Бохан прислал императору доклад, в котором сообщал о том, что он сменил своего старшего брата, отрекшегося от престола, но просил позволения передать власть сыну Самбхава – Вэйчи Жую, который находился в это время при танском дворе. Сам Виджая Самбхава уговаривал императора не отправлять его сына в Хотан, ссылаясь на то, что тот родился в столице Срединного государства и не знал обычаев своей страны. Император назначил Вэйчи Жуя помощником правителя округа Пиша (название Хотана после 675 г.) и приравнял его в звании к главному сановнику, ведающему питанием при дворе. Неизвестно, пересмотрел ли император свое решение относительно отправки Вэйчи Жуя в Хотан. Скорее всего, последний так и не был отправлен на родину, поскольку в это время связь с Восточным Туркестаном полностью прервалась в связи с внутренними войнами в Китае.

Тесные контакты и статус зависимого государства не привели к появлению большого количества хотанского населения в Китае: Хотан был маленьким государством с небольшим населением и имел лишь местное значение для Танской империи. Небольшую хотанскую общину в столице составляли в основном посланники, их семьи и родственники, которые по политическим соображениям оставались в танской столице, жили при дворе и служили в императорской охране. Даже появление пяти-тысячного хотанского войска во время внутренних войн не повлияло на численность и роль хотанцев в Танской империи. Тем не менее, приведенные выше сведения о хотанских правителях, остававшихся при дворе императора, представляют интерес для изучения института заложничества, китаизации знатных иноземцев, живших или родившихся в столице Китая.

Хотанцы не сыграли сколько либо значимой роли в экономической и политической жизни Танской империи, но оставили след в ее культуре и искусстве. Хотанские мотивы были заметными в китайской музыке [Восточный Туркестан 2000, с. 385-414]. Исследователи отмечают три региональных пласта в западном влиянии на китайскую музыку, а именно 1) древнеиранский, представленный Хотаном, 2) тохарский с центром в Кучаре, и 3) согдийский с центром в Самарканде [Liu Mau-t'ai 1958, с. 463-466]. Хотанцы прославились в Танской империи и в области живописи: прославленными мастерами живописи были уроженец Хотана Вэй-ши и согдиец Чжун-да [Дьяконова 1995, с. 29].

Хотан был также известен как центр буддийской культуры, тесные связи с которым поддерживала буддийская община Китая. Именно таким описывает его в своих путевых записках буддийский монах Сюань-цзан [Тугушева 1991, с. 208-213]. Буддийские монахи отправлялись в Хотан для постижения религии и за религиозными писаниями. В Китай, тем самым, из Хотана попадали буддийская литература и культовые предметы. Так, в обители Святого Цветка в Чанъане хранилась привезенная из Хотана бронзовая статуя Будды [Шефер 1981, с. 352]. Из Хотана в Китай в танскую эпоху поставлялись диковинные вещи, самой ценной из которых была яшма. Этот драгоценный камень использовался для производства украшений и предметов роскоши, а в алхимии – для продления жизни человека. По словам Э. Шефера, в Китае «хотанские торговцы, видимо, обогащаясь не только за счет продажи местных яшм, но перепродавая драгоценные камни» [Шефер 1981, с. 305]. В Китай также поставлялись из Хотана минерал ляпис лазурь, вещество *лангань*, камень *бигань* и другие диковинные вещи, имевшие целебные свойства.

Как уже отмечалось выше, хотанцы особо не проявили себя в политической жизни танского Китая. Единственным известным деятелем, в жилах которого текла тюркская и хотанская кровь, был упомянутый не раз генерал Гэшу Хань. Его биография свидетельствует о существовании тесных связей между тюрками и местными правящими династиями городов-оазисов Восточного Туркестана [ЦТШ, гл. 104]. Отец Гэшу Ханя происходил из тюркского племени *гэшу*, которое кочевало в области Турфана и Кучи в Восточном Туркестане [Малявкин 1981, с. 190]. К. Беквит вслед за Цэнь Чжунмянем реконструирует название этого племени как *кошу* [Bekwith 1987, с. 210]. Какое-то отношение к

гэшу/кошу, возможно, имеет название округа Гушу в Западном крае, упоминаемое в географических трактатах танского времени.

Заслуживает внимания рассказ о Гэшу Хане в «Синь Тан шу»: «Говорят, Гэшу Хань был потомком тюргешского вождя племени *гэшу*. Его отец – Дао Юань, был генералом наместничества Аньси (Кучар), комиссаром армии Чишуй (Красной реки), его род из поколения в поколения жил в Аньси. [Гэшу] Хань с детства поддерживал связь с Сяо Гуфу; семья жила в изобилии средств. [Он] справлялся с обязанностями и соглашался на трудные [дела]. Своевольно играл в азартные игры и пил в городе Чанъане. В возрасте 40 с лишним лет встретил смерть отца, [но] не сломился. Не утешившись церемониями в Чанъани, вдруг из-за обуявшего гнева уехал в Хэси на службу к *цзедуши* Ван Чую. [Когда] Ван атаковал Синьчэн, [он] послал Ханя [в качестве] *цзинлюэ* (командующего). [Так], постепенно он становился известным. Опять же служил у Ван Чжунсы, занимая должность генерала ставки. [Гэшу] Хань мог читать [такие книги, как] «Цзо ши чэньцю», «Хань шу» и понимать их смысл. Много благодеяний и хороших дел делал другим людям. Был заместителем уполномоченного армии Дадоу-цзюнь, служил в подчинении Ань Сышуня, [но] не [хотел] подчиняться ему.

[Когда Ван] Чжунсы ещё послал покарать тибетцев (кит. *туфань*), заместитель генерала надменно встретил его. [Гэшу] Хань разгневался, выступил [против него] и убил его. Все подчиненные рукоплескали [ему]. Перевели на должность левой гвардии охраны (кит. *вэйлан-цзян*)» [СТШ, гл. 135, с. 4569]. Как видно из этого рассказа, Гэшу Хань рос в западной столице, был образованным человеком, читал китайские философские и исторические сочинения. Серьезную служебную карьеру он начал только после сорока лет. Именно во время службы под командованием Ань Сышуня, двоюродного брата Ань Лушаня, он вступил в конфликт с представителями этого согдийско-тюркского клана, стал их соперником. Гэшу Хань приобрел авторитет как искусный военачальник, показывавший пример воинской силы и храбрости. Историографы отмечают, что «[Гэшу] Хань был искусен во владении копьем, настигая злодеев, целился чтобы, попасть в [его] тело; кричал на него, когда злодей поворачивался; Хань вонзал ему в горло [копье], прокручивая и подбрасывая его. Поднимал на высоту

почти 5 чи (0.32 м. – *А.К.*)» [СТШ, гл. 135, с. 4570]. У Гэшу Ханя был раб 16 лет, который отрубал голову врагу, после того, как его хозяин вонзал в него копье.

Гэшу Хань как военачальник стал известен, находясь на военной службе в приграничных с округах, где нужно было постоянно отражать набеги тибетцев. Длительное время танские силы в провинции Лунью, куда он был направлен на службу, терпели неудачи в войне с тибетцами. Танский двор трижды менял чиновников на посту генерал-губернатора этой провинции в связи с военными неудачами. В 745 г. танская армия не смогла вернуть захваченный тибетцами город Шибао, за что генерал-губернатор Ван Чжунсы чуть не поплатился жизнью. Только вмешательство Гэшу Ханя, его подчиненного, который уже вошел в число фаворитов императора Сюань-цзуна, спасло его от казни. В декабре 748 г. Гэшу Хань сам был назначен военным губернатором провинции Лунью [Малявкин 1992, с. 160]. Другая должность опального Ван Чжунсы, должность губернатора Хэси, была передана Ань Сышуню. Получив власть в Лунью, Гэшу Хань немедленно приступил к действиям по укреплению позиций танских сил в провинции. Примерно в это же время другой иноземец был назначен на должность наместника четырех гарнизонов в Западном крае – кореец Гао Сяньчжи, который начал военные действия в горных районах Памира, а в 751 г. возглавил танскую армию в сражении с арабами в Таласской битве [Большаков 1980].

В январе 749 г. Гэшу Хань докладывал трону о создании фортификаций на берегу озера Кукунор. В тот же год он потерпел поражение от тибетцев, которые, однако, перестали нападать на танские позиции после построения островной крепости Инлун. Летом 749 г. по приказу императора, Гэшу Хань собрал 63 тысячную армию и атаковал тибетскую крепость Шибаочэн. Она была взята большой ценой: погибли несколько десятков тысяч танских воинов. Тем не менее, были взяты в плен около четырехсот тибетцев во главе с генералом, была начата колонизация завоеванных земель, а крепость переименована в армию Шэнью [Векwith 1987, с. 133-134]. За эти успехи Гэшу Хань и его семья были щедро награждены императором.

В 753 г. тибетцы терпели поражения и в Лунью, и в Восточном Туркестане. Летом Гэшу Хань напал на тибетские города Хунци и

Дамомэнь и «собрал все племена девяти излучин Хуанхэ». В 754 г., будучи генерал-губернатором двух провинций (Лунью и Хэси), Гэшу Хань нанес поражение тибетцам, вернул крепость Хэюань и занял местность Цзююй к востоку от озера Кукунор [ЦТШ, гл. 196Б, с 116].

Военные действия Танской империи на тибетском фронте вскоре пришлось свернуть из-за восстания Ань Лушаня. В самом начале восстания император Сюань-цзун казнил двух выдающихся военачальников Фэн Чанцина и корейца Гао Сяньжи, обвинив их в поражениях танской армии, а Гэшу Ханя он вызвал для обороны заставы Тунгуань на подступах к столице. По совету Гэшу Ханя, согдийцы Ань Сышунь, находившийся в столице на государственной службе, и его брат Ань Юаньчжэнь были казнены сразу в начале восстания, а их семьи высланы на юг. При обороне столицы от повстанцев Гэшу Хань сам попал в плен и был казнен. Так закончилась жизнь блистательного танского военачальника тюрко-хотанского происхождения.

После подавления восстания Ань Лушаня и его преемников полностью прекращаются отношения Танской империи с Хотаном, который вплоть до подчинения его Караханидами остается независимым государством, известным как центр буддийской культуры. В позднетанский период хотанцы не упоминаются в китайских источниках.

Из представителей других ираноязычных народов Восточного Туркестана, оставивших след в истории Танской империи, заслуживает внимания князь Кашгара (кит. *Шулэ*) Пэй Фэнь, жизнеописание которого имеется в танской династийной истории. *Пэй* была фамилией правящего дома Кашгара. Первое посольство в Танскую империю из этого оазисного государства прибыло в 634 году. В последующем посольства прибывали очень редко – в 639 г., 728 г., а в 753 г. посольство в Чаньань возглавил представитель правящего дома Кашгара Пэй Голянь [Восточный Туркестан 1988, с. 350-351].

О Пэй Фэне говорится, что он был потомком в пятом поколении Цзюй, князя Кашгара. Его предок прибыл в Чаньань «с представлением дани» в эру правления У-дэ (618-626 гг.). Тогда ему были пожалованы титул *цзюнь-вана* Тянь-шаня и почетная должность старшего генерала. Неизвестно почему, но ему разрешили остаться в Поднебесной и поселиться в столице. Скорее всего, он остался в Китае в качестве заложника, что было распространенной практикой в правление Тай-цзуна.

Пэй Фэнь, как и его предки, служил при императорском дворе, начав с исполнения обязанности сопровождающего генерала гвардии Птицы счастья (кит. *цзиньувэй*). Продвижение Пэй Фэня по служебной лестнице приходится на правление императора Дэ-цзуна (780-805 гг.).

Верной службой Пэй Фэнь достиг должности губернатора округа Тунчжоу. В 807 г. был переведен на более низкую административную должность из-за болезни. «[Пэй] Фэнь в обращении был суровый и строгий, наводил страх своим могуществом, не стремился подносить дары ко двору. [Предпочитал] грубую пищу, грубую одежду, местом жилья выбирал такое, чтобы только не было ветра и дождя. [Главное для него было, чтобы] склады были наполнены, простой народ спокоен. Когда [нужно] вести [за собой] поколения, не было равных ему. Из-за болезни отказался от должности. Прибыв ко двору, не хотел, чтобы его обслуживал конюх и охрана» [СТШ, гл. 110, с. 4129]. Пэй Фэнь умер в 812 г., посмертно был пожалован должностью левого помощника министерства (кит. *шаншу цзо пуе*) и посмертным именем «Цзе».

Говоря о собственно иранцах в танском Китае, нельзя не упомянуть самого знатного перса, который длительное время жил при императорском дворе – царевича Пероза. Он был сыном последнего правителя Сасанидской династии в Иране царя Ездигерда III. Во время правления императора Сюань-цзуна (712-756 гг.) он появился в Чанъане, спасаясь от арабских завоевателей, и находился «на положении жалкого просителя при дворе китайского властелина» [Шефер 1981, с. 24, 76]. К сожалению, историографы не донесли до нас подробностей его пребывания в Китае.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Танская империя ознаменовала собой период военно-политического могущества, чрезвычайного экономического и культурного подъема в истории Китая. В этническом плане, как и любая другая империя, танский Китай представлял собой конгломерат разных этнических групп, доминирующей из которых были ханьцы. Поэтому успехи танского государства, в какой бы области они ни были, зависели не только от ханьского населения, но и неханьцев или иноземцев (кит. *фань*), которые жили в его пределах и принимали активное участие в экономической, политической и культурной жизни империи. Численность иноземцев, селившихся в стране и становившихся частью танского общества, была значительной на территории собственно Китая с центром в междуречье рек Хуанхэ и Янцзы, не говоря уже о том, что население завоеванных и включенных в состав империи отдаленных земель, например, Западного края (кит. *Сиюй*), было полностью неханьским.

Ход исторических событий в стране часто определялся отношениями между ханьцами и «внутренними варварами», как называлось неханьское население империи, вовлеченностью последних в управление пограничными областями и концентрацией в их руках военной и политической власти на местах. Значительным было влияние иноземцев и на танскую культуру: экзотические некитайские элементы в искусстве и материальной культуре были в основном заимствованиями из культуры соседних народов.

Некитайское население Танской империи было представлено различными этническими группами. В основном оно было сосредоточено в приграничных областях страны и включало как оседлые народы, так и кочевые племена. Среди иноземцев, жителей Поднебесной империи, были тибетцы, корейцы, тангуты, монголоязычные племена, вьетнамцы, мань и другие народы. Особое место среди них занимали выходцы из Центральной Азии, тюрко- и ираноязычные этнические группы.

Роль тюрков и ираноязычных групп в Китае определилась еще задолго до установления власти императорской семьи Ли, провозгласившей в 618 г. создание династии Тан. Тюрки и их предки, населяя соседние с Китаем территории, неизбежно вступали в контакты с государствами, которые существовали на севере страны. Тюркские племена часто оказывались на территории Срединного государства в результате либо миграций, либо китайских завоеваний. Проникновение в Китай ираноязычных народов происходило первоначально из оазисов Восточного Туркестана, а затем и из степи.

Особенно важным для формирования тюркских и ираноязычных общин танского Китая стало появление на исторической арене Тюркского каганата (551 г.), который в скором времени вступил в противоборство с могущественными государствами того времени, Китаем и Тибетом. Отношения с воинственными тюрками приобрело первостепенное значение для разобщенных государств на территории Северного Китая, которые в 581 г. были объединены династией Суй. Тесные военно-политические и экономические отношения с Тюркским каганатом делали неизбежным появление тюркского населения в приграничных областях Срединного государства.

Формирование тюркского и ираноязычного населения танского Китая было напрямую связано с военно-политическими событиями, происходившими в Центральной и Внутренней Азии. Некитайское население приграничных областей постоянно пополнялось за счет притока людей из соседних земель, вызванного как политическими катаклизмами в степи (борьба за власть, междоусобные столкновения, войны), а также природными бедствиями (падеж скота/джут). Кроме того жившие в степи кочевые племена свободно пересекали границы в поисках лучших пастбищ и оказывались под властью Китая.

Вместе с тем, появлению иноземцев часто способствовала политика китайского государства в отношении соседних стран и народов. Китай никогда не был заинтересован в существовании сильных государственных образований вблизи его границ. Китайские правители применяли разные тактические приемы, чтобы держать соседей в состоянии раздробленности и разобщенности. Набор приемов был широким: от агрессивных войн до мирных способов, основанных на принципе «руками варваров управлять варварами» (кит. *и и чжи и*).

С помощью оружия и дипломатического обращения китайские власти подчиняли «варваров» и расселяли их в приграничных районах.

Основные этапы формирования тюркских и согдийских общин в танском Китае были связаны с миграцией тюрков и инкорпорированных в их состав согдийцев, вызванной следующими событиями в степи:

а) крушением Восточно-тюркского и Западно-тюркского каганатов в 630-658 гг., приведшим к миграции большого числа восточных тюрков (*туцзюэ*) в Китай, часть которых позже вернулась в степь;

б) разгромом Сирского каганата (каганат Сеяньто) в 646-м г., приведшим к подчинению Танской империей огузских племен, многие из которых поселились в Северном и Северо-Западном Китае;

в) падением Второго Восточно-тюркского каганата, вызвавшим бегство части восточных тюрков в Ордос в 742-744 гг.;

д) уйгуро-тибетской войной в Восточном Туркестане в 789-792 гг. (война привела к миграции в Ганьсу из района Бешбалыка тюрков-*шато*, которые сначала поселились в Хэси, а позже переселились в Ордос);

е) разгромом Уйгурского каганата под ударами енисейских кыргызов, в результате которого в 840-848 гг. большое число уйгурских племен, а вместе с ними и согдийцев, бежали к Великой Китайской стене и были расселены в разных приграничных областях империи.

Состав тюркоязычных племен, селившихся в пределах Танской империи, был неоднородным. В ранний период танской истории выделяется большое число племен восточных тюрков, кочевья которых находились в непосредственной близости к Китаю и потому больше всего вовлекались в орбиту его политики. Западно-тюркские племена больше расселялись в области Хэсийского коридора – в Хэси и Лунью; только часть из них переселялась дальше на Восток. Огузские (телеские) племена составляли другую большую группу тюрков в Китае. Часть их жила на своих кочевьях в области Ганьчжоу (Ганьсу), а часть селилась в Северном Китае (Ордос). Огузский элемент населения северных провинций значительно возрос за счет беженцев с территории Уйгурского каганата после его распада в 840-848 годах.

Ираноязычные народы Танской империи также не были однородными. Собственно выходцы из Ирана – персы, не играли какой-либо

существенной роли в истории Китая. Достаточно большая колония персов существовала в портовых городах южного Китая, сведения о которых довольно ограничены. Они попадали по морским путям в Гуанчжоу и другие порты, в которых вместе с арабами составляли иноземное торговое сословие. Очень редки случаи прибытия персов в Китай в качестве посланников.

Намного более заметным было место в танском обществе ираноязычных выходцев из Центральной Азии – согдийцев. В Китай они попадали из согдийских колоний Восточного Туркестана и территории Восточно-тюркского и Уйгурского каганатов. Последние археологические открытия свидетельствуют, что согдийские поселения существовали в Китае уже в начале V в., но их количественный рост был связан с тюркскими миграциями из степи. Значение согдийцев в экономике, военно-политической жизни танского Китая не превзойдено другими родственными им этническими группами. Если даже считать преувеличенными предположения о том, что вся торговля в танском Китае находилась в руках согдийских торговцев (кит. *шанху*), такие предположения отражают большую роль и место согдийцев в экономике Танской империи, по крайней мере, в первой половине ее существования.

Другими группами ираноязычных народов, живших в Китае, были жители оазисов Восточного Туркестана – хотанцы, кашгарцы и кучарцы. Они не имели крупных общин, но сыграли большую роль в культурной жизни Танской империи, в развитии китайского музыкального и изобразительного искусства.

Изучение исторической роли тюрков и иранцев в Танской империи показало, что в их истории выделяются два существенно отличающихся друг от друга периода. Первый период приходится на время становления, подъема и расцвета Танской империи, с момента утверждения власти дома Ли (618 г.) до начала внутренних войн в 755 году. Восстание «четырёх согдийцев» во главе с генералом Ань Лушанем (755-763 гг.), которое являлось результатом политической активности иноземцев в Китае, положило конец первому (раннетанскому) и начало второму (позднетанскому) периодам в истории тюрков и иранцев танского Китая.

В течение первых полутораста лет танское общество было откры-

тым для внешнего мира, и Китай привлекал к себе иноземцев со всех концов света. Терпимость к иноземцам, интерес ко всему экзотическому являлись отличительными особенностями танского общества того времени. Это объясняется тем, что Китай тогда расширял свои границы в ходе завоевательных походов и включения в свой состав новых территорий, населенных некитайскими народами, которым был открыт доступ во все уголки страны. Космополитизм танского общества способствовал расцвету танской культуры, которая впитала в себя все лучшее из культуры неханьских народов.

В раннетанский период тюрки и согдийцы использовались танскими властями для охраны границ империи от внешних вторжений и привлекались к завоевательным кампаниям. Тюркские конницы участвовали в военных походах танской армии в Восточный Туркестан, а также в войнах на северо-востоке против Кореи и монголызычных киданей и в военных действиях танской армии против Тибета в Ганьсу и Хэси.

Участие кочевых племен в военных кампаниях танской армии стимулировалось налоговой системой, предоставлявшей льготы в отношении подчинившихся иноземцев. Эта система учитывала различия в хозяйственной жизни кочевых и оседлых народов, селившихся в приграничных областях. Согдийцы и другие оседлые группы облагались ограниченным налогом в виде шелка уже с первого года пребывания на территории Китая, в то время как обложение налогом кочевых тюрков учитывало особенности их хозяйственной деятельности, животноводства. Кочевники должны были платить налог овцами, в связи с чем в течение первых трех лет жизни на территории Китая они освобождались от налога. Эта льгота предоставляла возможность вырастить скот на новом месте обитания. Кочевники также освобождались от налога в течение нескольких лет, если участвовали в военных кампаниях. Налоговые льготы не распространялись на новые поколения кочевников, родившихся на территории Китая, что не могло не вызывать у них недовольства.

Относительно расселения подчинившихся тюрков и согдийцев в Китае, следует сказать, что первоначально знатные семьи, особенно царского происхождения, отправлялись в Чанъань для несения службы в дворцовой охране или свите императора, в то время как простые

их соплеменники поселялись в приграничных областях для несения воинской службы. Часть тюркской и согдийской знати селилась в двух столицах империи, другая часть отправлялась в приграничные области, чтобы управлять своими соплеменниками. В числе живших в столицах иноземцев были знатные тюрки, согдийцы и хотанцы, находившиеся при императорском дворе в качестве заложников или оказывавшиеся здесь по другим причинам.

В 630 г. произошло поворотное в политике танской администрации событие, связанное с администрированием земель подчинившихся некитайских народов: была введена территориально-административная система «губернаторств и областей для удержания в узде и направления браздами» (кит. *цзими фучжоу*). Эти административные единицы создавались вдоль границ танского государства или в местах обитания подчинившихся иноземцев. Несмотря на то, что создание таких единиц в приграничных областях носило номинальный характер, подчинившиеся кочевники воспринимали его как мера по их обустройству в империи под управлением их нового сюзерена императора Тай-цзуна (627-649 гг.), принявшего титул «Небесного кагана» (кит. *тянь кэ-хань*). Об этом свидетельствуют биографии тюрков и огузов, признавших власть Тай-цзуна, и его потомков, которые спустя столетие сохраняли верность танскому дому. Большинство известных танских военачальников огузского происхождения, совершившие выдающиеся подвиги и имевшие заслуги перед танской династией, были потомками вождей племен, для которых были учреждены в середине VII в. области *цзими*. К ним относились танские генералы тюркского и огузского (уйгурского) происхождения Пугу Хуайэнь, Хунь Цзянь, Циби Хэли, Ли Гуаньцзинь, Ли Гуанъянь и др., верно служившие танским императорам даже после подавления восстания Ань Лушаня и его преемников.

По мере расширения территории Танской империи и увеличения численности неханьского населения возникала необходимость привлечения иноземцев к управлению приграничными областями. Использование вождей племен и армейских командиров некитайского происхождения в военно-административной системе стало возможным с введением при императоре Сюань-цзуне (712-756 гг.) военной системы *фубин*. Эта система предполагала создание армий, постоянно

дислоцированных на местах и состоящих из воинов, которые должны были сочетать воинскую службу с хозяйственной деятельностью. В приграничных областях такая армия могла состоять из ханьцев и иноземцев, в том числе тюрков, огузов и согдийцев. Иноземцы отныне не просто привлекались к военным кампаниям, но были инкорпорированы в танскую армию на постоянной основе. Для руководства этими смешанными в этническом плане воинскими подразделениями были необходимы военачальники некитайского происхождения, которые могли бы находить общий язык с воинами. В первой половине VIII в. знатные иноземцы стали допускаться к управлению пограничными областями и назначаться на высшие должности генерал-губернаторов областей (кит. *цзедуши*), в руках которых сосредоточилась большая власть.

Привлечение знатных иноземцев к управлению приграничными областями было вынужденной мерой, направленной на повышение эффективности управления периферией империи. В результате введения системы *фубин* генерал-губернаторами почти всех крупных приграничных областей были назначены военачальники некитайского происхождения – тюрки, согдийцы, корейцы, кидани и др.

Сосредоточение огромной власти в руках этих губернаторов привело к поляризации отношений ханьского центра и неханьской периферии на севере, северо-западе и северо-востоке империи, кульминацией которой стало восстание во главе с генерал-губернатором Фаньяна Ань Лушанем, имевшим смешанное согдийско-тюркское происхождение. Восстание продолжалось с 755 г. до 763 г. и нанесло огромный ущерб стране. Оно поставило на грань гибели танскую династию и положило начало политическому кризису, вызванному децентрализацией власти и конфликтом между центром и периферией.

Восстание, последовательно возглавляемое Ань Лушанем, его сыном Ань Цинсюем и военачальниками-согдийцами Ши Сымином и Ши Чаои, стало крупнейшим событием в истории Танской империи. Само восстание не привело к размежеванию ханьского и иноземного населения страны: в обоих противоборствующих лагерях были как ханьские, так и неханьские воины и офицеры. Однако такое размежевание наблюдалось на уровне командования: правительственные силы возглавлялись ставленниками танской администрации (ханьцами), а повстанцы – иноземцами (согдийцами и тюрками).

Внутренние войны в Китае в середине VIII в. можно рассматривать как результат усиления власти выходцев из Центральной Азии в приграничных областях страны. Примечательно, что восстание, поднятое военачальниками иноземного происхождения, было подавлено при помощи «внешних» иноземцев, а именно Уйгурского каганата. Военная помощь уйгуров решила исход восстания, которое было подавлено к началу 763 года. Власть танской династии была восстановлена по всей стране, что, впрочем, не могло остановить начавшийся процесс децентрализации власти.

Во время восстания Ань Лушаня – Ши Чао (755-763 гг.) тюркские племена и ираноязычные общины заняли разные позиции в отношении этого события. Основная часть согдийского населения поддержала повстанцев (на стороне правительственных сил воевал небольшой контингент из княжества Хотан, о действиях которого в Китае не сохранилось сведений). Восточные тюрки также присоединились к восстанию, а их вожди из рода Ашина верно служили вождям повстанцев. Противоположной была позиция огузов, которые оставались верными танскому императору и даже служили посредниками в установлении союза между танской династией и их этническими сородичами в степи. Есть основания рассматривать конфронтацию тюрков и огузов в Китае во время восстания как продолжение соперничества за господство в степи между тюрками и уйгурами.

Изучение сведений о первом уйгурском походе в Китай в 756 г. показало, что помимо материальной заинтересованности, уйгуры руководствовались еще и другими мотивами, участвуя во внутренних войнах в Китае. Помогая танской армии в подавлении восстания, они воевали и против своих политических противников – восточных тюрков, бежавших в Китай в 742-744 гг. и воевавших на стороне повстанцев. Разгром повстанцев для уйгуров означал и ликвидацию претендентов на господство в степи – тюрков из рода Ашина, которые в большом количестве сосредоточились в Китае. О совпадении интересов двух правящих династий – танского дома и уйгурского рода Яглакар, в совместной борьбе против повстанцев говорит первый уйгурский поход во главе с Элетмиш Бильге-каганом (Баян-чором) в Ордос в 756 г., в результате которого были уничтожены подразделения тюркского военачальника Ашина Цунли. Ашина Цунли первоначально поддер-

жал повстанцев, но позже пытался вернуться в степь и возобновить борьбу за власть. Совместными усилиями танская династия и уйгуры сумели ликвидировать угрозу со стороны метавшегося между Китаем и степью тюркского вождя из царского рода Ашина.

Несомненно, различия в позициях указанных выше этнических групп во время восстания Ань Лушаня – Ши Чаои нельзя абсолютизировать: речь идет лишь об общих тенденциях. Среди согдийцев было много знатных лиц, сохранявших верность танскому императору, к числу которых относилась семья согдийца Кан А-и Кюль-таркана, связанного узами родства с правящим родом тюрков.

Восстание Ань Лушаня имело серьезные последствия для положения иноземцев в позднетанском Китае. Из открытой для внешнего мира страны, какой была Танская империя до восстания, она превратилась в государство, в котором распространилась нетерпимость ко всему иноземному. После восстания танская администрация направила свои усилия на ограничение власти иноземцев в стране, закрыв им доступ к высоким военно-административным должностям. Эти усилия, однако, не всегда были успешными в силу слабости центральной власти, оказавшейся не в состоянии контролировать положение на местах.

В позднетанский период в Китае происходит процесс децентрализации власти: провинциальные генерал-губернаторы перестают подчиняться императору и превращаются в самостоятельных местных правителей. Эти тенденции особенно проявились в северо-восточных областях, в которых правили бывшие повстанческие генералы. Здесь должность генерал-губернатора постепенно превратилась в наследственную: приказы императора о назначении новых лиц игнорировались, а должность губернатора переходила от отца к сыну. Танский двор был вынужден признавать новых губернаторов после того, как они своевольно занимали эти должности. Так, в северо-восточных провинциях в Хэбэе создавались династии губернаторов, сосредотачивавших всю власть в своих руках.

Единственным императором, пытавшимся изменить эту тенденцию, был Дэ-цзун (780-805 гг.). Однако его попытки реформировать систему управления, ограничить власть местных губернаторов и влияние дворцовых евнухов на государственные дела оказались тщетны-

ми. Ответом на его реформы стало восстание хэбэйских губернаторов в 781-783 гг., после которого Дэ-цзун был вынужден вернуться к прежней практике взаимоотношений с провинциями. Им также были приняты решительные меры, направленные на ограничение деятельности иноземцев в Китае и торговли с уйгурами, результатом которых стало противостояние с Уйгурским каганатом. Нововведения Дэ-цзуна во внешней политике также оказались безуспешными: ему пришлось отказаться от союза с Тибетом и восстановить дружеские отношения с северными соседями.

После восстания Ань Лушаня китайские источники фиксируют другой этнический состав иноземного населения в приграничных областях. Тюрки-*туцзюэ* исчезают со страниц танских хроник, в то время как наблюдается увеличение уйгурского населения приграничной зоны, пополнившегося за счет беженцев из Уйгурского каганата (после 840 г.).

Еще одной тюркской группой, активно участвовавшей во внутренней жизни позднетанского Китая, стали западные тюрки-*шато*, поселившиеся в Ордосе в начале IX века. Они оказались вовлеченными во все крупные события в северо-восточном Китае и даже в степи: участвовали в междоусобной борьбе в Уйгурском каганате в последние годы его существования, в танской кампании против уйгурских беженцев, а также в борьбе за власть между хэбэйскими губернаторами. *Шато* были призваны на помощь танской династией для подавления восстания Хуан Чао (873-884 гг.). Их помощь в разгроме повстанцев не спасла династию, которая пала в 907 году. Роль тюрков-*шато* проявилась также при распаде Танской империи: они создали три государства, просуществовавшие одно за другим в эпоху Пяти династий: Поздняя Тан (923-936 гг.), Поздняя Цзинь (936-946 гг.) и Поздняя Хань (947-950 гг.).

В позднетанском Китае наблюдается спад активности ираноязычных народов, вызванный ужесточением танской политики в отношении иноземцев. Вместе с тем согдийцы продолжали играть большую роль в отношениях Танской империи с уйгурами и пользоваться привилегиями благодаря покровительству уйгурских каганов. Они по-прежнему были посредниками в уйгуро-танской торговле, свободно исповедовали манихейскую религию, строили манихейские храмы

в северных районах Китая. После падения Уйгурского каганата в 840 г. манихеи в Китае подверглись гонениям, их храмы были закрыты. К концу танской эпохи согдийское население северного Китая частично было ассимилировано в китайской среде, но значительная часть вошла в состав тюрков-*шато* и уйгуров. В последние десятилетия Танской империи согдийцы практически исчезают со страниц исторических хроник.

Несмотря на распространение ксенофобии в позднетанском Китае и дискриминационные меры против иноземцев, тюрки и инкорпорированные в их среде согдийцы продолжали играть большую роль в приграничных областях во многом благодаря слабости центральной власти. В некоторых областях северо-восточного Китая к власти пришли военачальники некитайского происхождения. Несколько таких областей управлялись губернаторами тюркского и монгольского происхождения. Одна из губернаторских династий, созданная уйгурами из племени *абуз*, управляла областью Чэндэ более ста лет в VIII-IX веках. Другая тюркская династия была создана вождями племени *шато*, ставшего ведущей силой в войне с повстанцами в Хэбэе в последние десятилетия существования Танской империи.

Танская политика в отношении кочевых тюркских племен и оседлых ираноязычных народов внутри страны строилась всецело на принципах доктрины «мироустроительного монарха», которая отрицала равенство между ханьцами и иноземцами, независимо от того, жили ли последние в Среднем государстве или за его пределами. Иноземцы, селившиеся в империи, оставались в глазах китайцев «варварами» и занимали более низкую ступень в социальной иерархии. Вместе с тем, несмотря на то, что отношения танской администрации к «внутренним подданным» иноземного происхождения строились в соответствии с традиционной имперской идеологией, рассматривавшей иноземцев как «варваров», реальная политика в отношении них не всегда соответствовала ее принципам.

История тюрков и согдийцев танского Китая обнаруживает большое сходство, обусловленное, с одной стороны, общим их статусом «иноземцев» и отношением китайцев к ним как к «варварам», а с другой стороны, тесными контактами, в которые тюрки и ираноязычные народы впервые вступили друг с другом задолго до поселения в

приграничных областях Танской империи. Несмотря на доминирование ханьской культуры в стране, тюрки и согдийцы сохраняли свою этническую идентичность, которая была особенно сильной в первые два столетия правления танского дома. Тесное взаимодействие тюрков и согдийцев на территории Китая со временем приобрело форму симбиоза, что являлось отражением аналогичных этнокультурных процессов, происходивших в Центральной и Внутренней Азии. Этот симбиоз в позднетанское время завершился полной ассимиляцией согдийцев тюркским населением приграничных областей Китая.

Вклад тюрков и ираноязычных народов в развитие танского общества и китайской культуры был значительным. Без учета их роли невозможно составить полноценную картину истории и культуры Танской империи.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

БШЧЦЦ – *Бо ши чан цин цзи* (Собрание сочинений Бо Цзюйи). Пекин, 1955. гл. 4, ч. 1.

ВШ – *Вэй шу* (История династии Вэй) / сост. Вэй Шоу. Пекин: Сер. «Бо-на», 1958.

ЛВГ – *Ли вэйгун хуэйчан ипин* (Великолепное описание событий эры правления Хуэй-чан, написанное Ли – князем Вэй). Шанхай: Шанъу иньшугуань, 1936.

СТШ – *Синь Тан шу* (Новая история династии Тан) / сост. Оу Янсю. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1986.

ТХЯ – *Тан хуэйяо* (Свод важнейших событий династии Тан) / сост. Ван Пу. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1955.

ЦТВ – *Цюань Тан вэнь* (Сборник сочинений Тан). Тайбэй, 1979.

ЦТШ – *Цзю Тан шу* (Старая история династии Тан) / сост. Лю Сюй. Сер. «Сыбу цункань». Шанхай, 1936.

ЦЧТЦ – *Цзычжи тунцзянь* (Всеобщее зеркало, помогающее управлению) / сост. Сыма Гуан. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1956.

ЦФЮГ – *Цэфу юаньгуй* (Сокровищница древней мудрости) / сост. Ван Циньжо. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1936.

ЯЛГВЦ – *Янь Лугун вэньцзи* (Собрание сочинений Янь Чжэньци-на) / сост. Янь Чжэньцин. Пекин, 1956. 7а-10а.

Литература

на русском и восточных языках

Абэ 1955 – *Абэ Т.* Ниси уйгуру кокусино кэнкю (Исследование по истории западных уйгуров). Киото, 1955.

Аманжолов 1974 – *Аманжолов А.С.* Две енисейские рунические надписи // XIX научные записки. Сер. историческая. Абакан, 1974. С. 137-141.

Андерсон 2001 – *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. М.: Кучково поле, 2001.

Базен 1986 – *Базен Л.* Концепция возраста у древних тюркских народов // Зарубежная тюркология. Вып. 1. М.: Наука, 1986. С. 361-378.

Бартольд 1963 – *Бартольд В.В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Сочинения. Т. 1. М.: Наука, 1963. С. 45-594.

Бартольд 1968а – *Бартольд В.В.* Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии // Сочинения. Т. V. М.: Наука, 1968. С. 17-192.

Бартольд 1968б – *Бартольд В.В.* История турецко-монгольских народов // Сочинения. Т. V. М.: Наука, 1968. С. 193-229.

Бартольд 1968в – *Бартольд В.В.* Тугузгузы // Сочинения. Т. V. М.: Наука, 1968. С. 568-569.

Бартольд 1978 – *Бартольд В.В.* Извлечение из сочинения Гардизи «Зайн ал-ахбар». Сочинения. Т. VIII. М.: Наука, 1978. С. 23-62.

Батболд 2017 – *Батболд Г.* Мартагдсан Пугу аймак (Дундар эртний Төв Азийн нүүдэлгийн түүх археологийн судалгааны асуудалд. Улан-батор, 2017.

Бернштам 1950 – *Бернштам А.Н.* Н.Я. Бичурин (Иакинф) и его труд «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена» // Н.Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. V-LV.

Большаков 1980 – *Большаков О.Г.* К истории Таласской битвы (751 г.) // Страны и народы Востока. Вып. XXII. Москва: Наука, 1980. С. 132-135.

Бичурин 1950-1953 – *Бичурин Н.Я.* (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1-3. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950-1953.

Бураев 2016 – *Бураев А.И.* Древние тюрки Монголии (реконструкция антропологического состава по данным скульптурных изображений). Улан-Удэ: Издательство БНЦ СО РАН, 2016.

Вайнштейн 1964 – *Вайнштейн С.И.* Древний Пор-Бажин // Советская этнография. № 6. 1964. С. 103-114.

Ван 1935 – *Ван Живэй.* Цунлин си хуэйху као (Уйгуры к западу от Памира) // Юйгун. Т. 4. № 5. 1935. С. 1-9.

Ван 1936 – *Ван Живэй.* Тан хоу хуэйху као (Уйгуры после династии Тан) // Шисюэ цзикань. № 1. 1936. С. 19-69.

Ван Яоцзянь 1988 – *Ван Яоцзянь*. Тандай вэйвэрцзу минцзян Циби Хэли (Известный танкский генерал уйгурского происхождения Циби Хэли) // Миньцзу туаньцзе. № 6. 1988. С. 47-48.

Васильев 1897 – *Васильев В.П.* Китайские надписи на орхонских памятниках в Кошоцайдаме и Карабалгасуне // Сборник трудов Орхонской экспедиции. Вып. III. СПб, 1897.

Восточный Туркестан 1988 – Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Очерки истории. Под ред. академиков С.Л. Тихвинского, Б.А. Литвинского. М.: Наука, 1988.

Восточный Туркестан 1992 – Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Этнос. Языки. Религии. Под ред. акад. Б.А. Литвинского. М.: Наука, 1992.

Восточный Туркестан 2000 – Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Архитектура. Искусство. Костюм. Под ред. акад. Б.А. Литвинского. М.: «Восточная литература» РАН, 2000.

Вельгус 1987 – *Вельгус В.А.* Средневековый Китай. Исследования и материалы по истории, внешним связям, литературе. М.: Наука, 1987.

Войтов 1989 – *Войтов В.Е.* Онгинский памятник. Проблемы культуроведческой интерпретации // Советская тюркология. № 3. 1989. С. 43-50.

Гончаров 1986 – *Гончаров С.Н.* Китайская средневековая дипломатия: отношения между империями Цзинь и Сун 1127-1142. М.: Наука, 1986.

Грумм-Гржимайло 1926 – *Грумм-Гржимайло Г.Е.* Западная Монголия и Урянхайский край. Т. 2. Л., 1926.

Гумилев 1967 – *Гумилев Л.Н.* Древние тюрки. М.: Наука, 1967.

Гэ 2006 – *Гэ Чэньюн*. Танцзюнь хуинь юй вайлай вэньмин (Танская рифма и мелодия ху в контексте иноземной цивилизации). Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 2006.

Думан 1977 – *Думан Л.И.* О труде Н.Я. Бичурина «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена» // Н.Я. Бичурин и его вклад в русское китаеведение. Ч. II. М.: Наука, 1977. С. 3-23

Деом 1999 – *Деом Ж.-М.* Роль народов северных степей в распространении буддизма и театрального искусства из Центральной Азии в Китай во времена раннего средневековья (I в. до н.э. – X в. н.э.) // Известия МН и ВО РК. Серия общественных наук. № 1. 1999. С. 133-156.

ДТС 1969 – Древнетюркский словарь. Под ред. В.М. Наделяева, Д.М. Насилова, Э.Р. Тенишева, А.М. Щербака. Л.: Наука, 1969.

Дьяконова 1995 – *Дьяконова Н.В.* Шикшин. Материалы Первой Русской Туркестанской экспедиции академика С.Ф. Ольденбурга. 1909-1910. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995.

Жун 2005 – *Жун Синьцзян.* Сабао юй сабо: фозцяо шицьюй бихуа чжундэ сутэ шанжэнь шоулин (Сабао и сабо: вождь торговцев-согдийцев в камнеписных буддийских надписях) // Сутэжэнь цзай Чжунго. Лиши, каогу, юйяньдэ синь таньсо. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 2005. С. 49-71.

Еремеев 1990 – *Еремеев Д.Е.* «Тюрк» – этноним иранского происхождения (К проблеме этногенеза ранних тюрков) // Советская этнография. № 3. 1990. С. 129-135.

Зотов 1991 – *Зотов О.В.* Китай и Восточный Туркестан в XV-XVIII вв. Межгосударственные отношения. М.: Наука, 1991.

Зуев 1960 – *Зуев Ю.А.* Тамги лошадей из вассальных княжеств (перевод сочинения VIII-X вв. Тан хуэйяо. Т. III, гл. 72. С. 1305-1308) // Труды Института истории и этнографии АН КазССР. Т. VIII. Алма-Ата: Наука, 1960. С. 93-140.

Зуев 2002 – *Зуев Ю.А.* Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. Алматы: Дайк-пресс, 2002.

Ивлиев 1981 – *Ивлиев А.Л.* О возникновении государства у киданей // Общество и государство в Китае. Материалы XII научной конференции. Ч. II. М.: Наука, 1981. С. 65-70.

Иностранцев 1926 – *Иностранцев К.* Хунну и гунны. Разбор теории о происхождении народа хунну китайских летописей, о происхождении европейских гуннов и о взаимных отношениях этих двух народов. Л., 1926.

История 1999 – История таджикского народа. Под ред. Н.Н. Негматова. Т. II. Душанбе, 1999.

Йошида 2005 – *Йошида Ю.* Сиань синь чу шицзюнь мучжи ды сутэвэнь буфэнь као (Исследование согдийской части эпитафии господина Ши, вновь открытой в Сиане) // Сутэжэнь цзай Чжунго. Лиши, каогу, юйянь ды синь таньсо. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 2005. С. 26-42.

Камалов 1989 – *Камалов А.К.* «Биография Пугу Хуайэня» как

источник для изучения танской политики в отношении «северных варваров» // Письменные памятники и проблемы культуры народов Востока. XXII годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР. Ч. II. М.: Наука, 1989. С. 31-36.

Камалов 2000 – *Камалов А.К.* О торговле Уйгурского каганата с Танским Китаем // Известия МОиН РК, НАН РК. №5 (229). Алматы, 2000. С. 16-25.

Камалов 2001 – *Камалов А.* Древние уйгуры. VIII-IX вв. Алматы: Наш мир, 2001.

Камалов 2003 – *Камалов А.* Кедимки уйгурларниң «Шине Усу» мэнгү теши // Шинжаң тэзкиричилиги. Үрүмчи. №4. 2003. С. 24-30.

Камалов 2004 – *Камалов А.К.* Эпитафия согдийца Кан А-и Кюль-гаркана // Историко-культурные взаимосвязи Ирана и Дашт-и Кипчака в XIII-XVIII вв. Алматы: Дайк-пресс, 2004. С. 158-169.

Камалов 2012 – *Камалов А.К.* О чем ведает титул басмылского кагана? // Культурно-исторические процессы в Центральной Азии (древность и средневековье). Алматы: Дайк-пресс, 2012. С. 175-183.

Камалов 2014 – *Камалов А.К.* Дорога ветров или «уйгурский путь»: о значении торговых путей через территорию кочевников в древнетюркскую эпоху // Известия Национального центра архивоведения и источниковедения. №3. 2014. С. 46-51.

Камалов 2015 – *Камалов А.* Эн Лушэн-Ши Симин топлинидики түрк вә уйгурлар // Шинжаң тэзкиричилиги. Үрүмчи. №1. 2015. С. 9-15.

Кадырбаев 1990 – *Кадырбаев А.Ш.* Тюрки и иранцы в Китае и Центральной Азии. XIII-XIV вв. Алма-Ата: Гылым, 1990.

Кадырбаев 1993 – *Кадырбаев А.Ш.* Очерки истории средневековых уйгуров, джалаириров, найманов и киреитов. Алматы: Рауан, 1993.

Кадырбаев 2007 – *Кадырбаев А.Ш.* Иранские народы в Китае: история и современность // Иран-наме. № 1-2. Алматы, 2007. С. 149-164.

Каржаубай 2002 – *Каржаубай С.* Объединенный каганат тюрков в 745-760 годах. Астана: Фолиант, 2002.

Кляшторный 1964 – *Кляшторный С.Г.* Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М.: Наука, 1964.

Кляшторный 1980а – *Кляшторный С.Г.* Терхинская надпись. Предварительная публикация // Советская тюркология. № 3. 1980. С. 82-95.

Кляшторный 1980б – *Кляшторный С.Г.* Древнетюркская надпись на каменном изваянии из Чойрэна // Страны и народы Востока. Вып. XXII, кн. 2. М.: Наука, 1980. С. 90-102.

Кляшторный 1986а – *Кляшторный С.Г.* Формы социальной зависимости в государствах кочевников Центральной Азии (конец I тысячелетия до н.э. – I тысячелетие н.э.) // Рабство в странах Востока в средние века. М.: Наука, 1986. С. 312-339.

Кляшторный 1986б – *Кляшторный С.Г.* Кипчаки в рунических памятниках // *Turcologica* 1986. Ленинград: Наука, 1986. С. 153-164.

Кляшторный 1987 – *Кляшторный С.Г.* Надпись уйгурского Бёгю-кагана в Северо-Западной Монголии // Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства. М.: Наука, 1987. С. 19-37.

Кляшторный 1991 – *Кляшторный С.Г.* Суджинская надпись – уникальный памятник эпохи «кыргызского великодержавия» // Источники по средневековой истории Кыргызстана и сопредельных областей Средней и Центральной Азии. Бишкек, 1991. С. 57-60.

Кляшторный 2006 – *Кляшторный С.Г.* Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. Санкт-Петербург: Наука, 2006.

Кляшторный 2010 – *Кляшторный С.Г.* Рунические памятники Уйгурского каганата и история евразийских степей. Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение, 2010.

Кляшторный-Лившиц 1971а – *Кляшторный С.Г., Лившиц В.А.* Согдийская надпись из Бугута // Страны и народы Востока. Вып. X. 1971. С. 121-146.

Кляшторный-Лившиц 1971б – *Кляшторный С.Г., Лившиц В.А.* Сэврэйский камень // Советская тюркология. № 3. 1971. С. 106-112.

Кляшторный-Лившиц 1979 – *Кляшторный С.Г., Лившиц В.А.* Открытие и изучение древнетюркских и согдийских эпиграфических памятников Центральной Азии // Археология и этнография Монголии. Новосибирск: Наука, 1979. С. 37-60.

Кляшторный-Савинов 2005 – *Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г.* Степные империи древней Евразии. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет, 2005.

Кляшторный-Султанов 1992 – *Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.* Казахстан. Летопись трех тысячелетий. Алма-Аты: Рауан, 1992.

Крюков 1980 – *Крюков М.В.* Китай и соседи: две традиционные модели взаимоотношений // Общество и государство в Китае. Материалы XI научной конференции. Ч. II. М.: Наука, 1980. С. 6-13.

Кроль 1978 – *Кроль Ю.Л.* Китайцы и «варвары» в системе конфуцианских представлений о Вселенной (II в. до н.э. – II в. н.э.) // Народы Азии и Африки. №6. 1978. С. 45-57.

Кроль 1987 – *Кроль Ю.Л.* Ханьская концепция «слабого руководства» варварами (цзи ми) // Общество и государство в Китае. Материалы XVIII научной конференции. Ч. I. М.: Наука, 1987. С. 77-84.

Кроль 1989 – *Кроль Ю.Л.* Ханьский термин «хэ цинь» и связанные с ним представления // Общество и государство в Китае. Материалы XX научной конференции. Ч. I. М.: Наука, 1989. С. 66-71.

Крюков 1987 – *Крюков М.Ю., Малявин В.В., Софронов М.В.* Этническая история китайцев на рубеже средневековья и нового времени. М.: Наука, 1987.

Кумеков 1987 – *Кумеков Б.Е.* Арабские и персидские источники по истории кыпчаков VIII-XVI вв. Алма-Ата: Наука, 1987.

Кызласов 1959 – *Кызласов Л.П.* Средневековые города Тувы // Советская археология. №3. 1959. С. 66-80.

Кызласов 1969 – *Кызласов Л.П.* История Тувы в средние века. М.: Изд-во МГУ, 1969.

Кычанов 1962 – *Кычанов Е.И.* Из истории тангутско-уйгурских войн в первой половине XI в. // Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. Алма-Ата: Наука Казахской ССР. Т. 15. 1962. С. 146-153.

Кюннер 1961 – *Кюннер Н.В.* Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М.: Наука, 1961.

Лин 2000 – *Лин Гань, Гао Цзыху.* Қәдимки уйғурлар тарихи (История древних уйгуров). Урумчи: Шинжаң хәлиқ нәшрияти, 2000.

Ло Синь 2013 – *Ло Синь.* Гэчжо ды цзяши (Генеалогия Гэчжо) // Тан яньцзю. №19. 2013. С. 447-454.

Ма 1984 – *Ма Цзюньминь.* Тай юй хуэйхэ ды цзюаньма маои. Тан-дай мацзюань синьтань (Торговый обмен шелка на лошадей между Тан и уйгурами. Новое исследование стоимости лошадей в переводе на шелк в эпоху Тан) // Чжунго ши яньцзю. № 1. 1984. С. 67-76.

Малов 1951 – *Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1951.

Қазақстан 2006 – Қазақстан тарихы туралы Қытай деректемелері. Алматы: Дайк-пресс, 2006.

Малов 1959 – *Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1959.

Малявкин 1962 – *Малявкин А.Г.* Уйгурское Турфанское княжество в XIII в. // Труды Института истории, археологии и этнографии им. Ч. Валиханова АН КазССР. Алма-Ата: Наука Казахской ССР. Т. 15. 1962. С. 61-67.

Малявкин 1972а – *Малявкин А.Г.* К вопросу о расселении уйгуров после гибели Уйгурского каганата // Известия Сибирского Отделения АН СССР. Серия общественных наук. Вып. I. Новосибирск: Наука, 1972. С. 29-35.

Малявкин 1972б – *Малявкин А.Г.* Уйгуры и тибетцы в Ганьсу во второй половине IX в. // Центральная Азия и Тибет: материалы конференции. Новосибирск: Наука, 1972. С. 78-83.

Малявкин 1974 – *Малявкин А.Г.* Материалы по истории уйгуров в IX-XII вв. Новосибирск: Наука, 1974.

Малявкин 1975а – *Малявкин А.Г.* Реальное значение термина «гун» в сообщениях китайских источников, касающихся сношений уйгуров с Китаем в X в. // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. Новосибирск: Наука, 1975. С. 53-58.

Малявкин 1975б – *Малявкин А.Г.* Уйгуры и Китай в 840-848 гг. // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. Новосибирск: Наука, 1975. С. 65-83.

Малявкин 1980 – *Малявкин А.Г.* Тактика Танского государства в борьбе за гегемонию в восточной части Центральной Азии // Дальний Восток и соседние территории в средние века. Новосибирск: Наука, 1980. С. 103-126.

Малявкин 1981 – *Малявкин А.Г.* Историческая география Центральной Азии. Материалы и исследования. Новосибирск: Наука, 1981.

Малявкин 1983 – *Малявкин А.Г.* Уйгурские государства в IX-XII вв. Новосибирск: Наука, 1983.

Малявкин 1984а – *Малявкин А.Г.* Марионетки из рода Ашина // Восточный Туркестан и Средняя Азия. История. Культура. Связи. М.: Наука, 1984. С. 138-155.

Малявкин 1984б – *Малявкин А.Г.* Вожди древних уйгуров // Проблемы реконструкции в этнографии. Новосибирск, 1984. С. 25-38.

Малявкин 1988 – *Малявкин А.Г.* Согдийский торговый союз // Информационный бюллетень Международной Ассоциации по изучению культур Центральной Азии. Вып. XV. М.: Наука, 1988. С. 53-59.

Малявкин 1989 – *Малявкин А.Г.* Танские хроники о государствах Центральной Азии. Тексты и исследования. Новосибирск: Наука, 1989.

Малявкин 1992 – *Малявкин А.Г.* Борьба Тибета с Танским государством за Кашгарию. Новосибирск: Наука, 1992.

Мартынов 1978 – *Мартынов А.С.* Статус Тибета в XVII-XVIII вв. в традиционной китайской системе политических представлений. М.: Наука, 1978.

Мартынов 1979 – *Мартынов А.С.* Значение приезда послов в императорском Китае // Народы Азии и Африки. № 1. 1979. С. 27-39.

Мартынов 1981 – *Мартынов А.С.* О различных подходах к проблеме взаимоотношений императорского Китая с внешним миром // Общество и государство в Китае. Материалы XII научной конференции. М.: Наука, 1981. С. 3-12.

Материалы 1984 – Материалы по истории кочевых народов группы дунху. Введение, перевод и комментарии В.С. Таскина. М.: Наука, 1984.

Материалы 2003 – Материалы по истории кыргызов и Кыргызстана. Том 2. отв. ред. К. Джусаев. Бишкек, 2003.

Мартынов 1972 – *Мартынов А.С.* Представления о природе и мироустроительных функциях власти китайских императоров в официальной традиции // Народы Азии и Африки. № 5. 1972. С. 73-82.

Мелиоранский 1899 – *Мелиоранский П.М.* Памятник в честь Кюль-тегина // Записки Восточного Отделения Русского археологического общества. Вып. II-III. СПб, 1899. С. 1-144.

Меньшиков 1988 – *Меньшиков Л.Н.* Рукописная книга в Китае I тысячелетия н.э. // Рукописная книга в культуре народов Востока. Книга вторая. М.: Наука, 1988. С. 103-222.

Мори 1967 – *Мори М.* Кодай торуко миндзоку си кэнкю (Исследование по истории древних тюрков). Т. 1. Токио, 1967.

Мориясу 1973 – *Мориясу Т.* Уйгуру до Тибето но хокутай содансэн оеби соно ата но Сэйики дзе сэй ни цуитэ (Война уйгуров с Тибетом за Бэйтин и последующее положение в Западном крае) // Тоё гакухо. Т. 55. № 4. Токио, 1973. С. 60-87.

Мориясу 1977 – *Мориясу Т.* Уйгуру но сэйсэн ни цуитэ (К вопросу о переселении уйгуров на запад) // Тоё гакухо. Т. 59. № 1-2. Токио, 1977. С. 105-130.

Оногава 1942 – *Оногава Х.* Какёку рокукоши но энкаку (История шести варварских округов в Ордосе) // Тоа Цзиньбун гакухо. № 1-4. Токио, 1942. С. 957-990.

Очир 2013 – *Очир А., Данилов С.В., Эрдэнболд Л., Цэрэндорж Ц.* Эртний нүүдэлчдийн бунхант булшны. Матлага, судалгаа. Улаанбаатар, 2013.

Позднеев 1899 – *Позднеев Д.М.* Исторический очерк уйгуров (по китайским источникам). СПб, 1899.

Попова 1994 – *Попова И.Ф.* Военная политика ранней Тан // Петербургское востоковедение. Вып. V. СПб, 1994. С. 245-266.

Попова 1999 – *Попова И.Ф.* Политическая практика и идеология раннетанского Китая. М.: Восточная литература РАН, 1999.

Пуллблэнк 1986 – *Пуллблэнк Э.Дж.* Язык сюнну // Зарубежная тюркология. М.: Наука, 1986. С. 29-70.

Радлов 1893 – *Радлов В.В.* К вопросу об уйгурах. Их предисловия к изданию Кутадгу-Билика В.В. Радлова. Приложение к 72 т. Записок АН. № 2. СПб, 1893.

Рамстедт 1914 – *Рамстедт Г.И.* Как был найден «Селенгинский камень». Перевод надписи «Селенгинского камня» // Труды Троицко-Кяхтинского Отделения Приамурского Отдела Императорского Русского географического общества. Т. 15. Вып. I. СПб, 1914.

Решетов 1981 – *Решетов А.М.* Некоторые соображения о переводе термина «нация» в китайском языке // Общество и государство в Китае. Материалы XII научной конференции. Ч. I. М.: Наука, 1981. С. 163-170.

Решетов 1991 – *Решетов А.М.* О содержании понятия «чжунхуа миньцзу» // Общество и государство в Китае. Материалы XXII научной конференции. М.: Наука, 1991. С. 217-221.

Рыбаков 1994 – *Рыбаков В.М.* Танское чиновничество: рутинные процедуры // Петербургское востоковедение. Вып. V. СПб, 1994. С. 221-244.

Рыбаков 2009 – *Рыбаков В.* Танская бюрократия. Ч. 1. Генезис и структура. Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение, 2009.

Смолин 1982 – *Смолин Г.Я.* Иноземные религии в Гуанчжоу IX в. //

Страны и народы Востока. Вып. XIII. Москва: Наука, 1982. С. 76-90.

Смолин 1989 – *Смолин Г.Я.* О заключительном периоде крестьянской войны 874-901 гг. // Общество и государство в Китае. Материалы XX научной конференции. Ч. II. М.: Наука, 1989. С. 17-22.

Сунь 2005 – *Сунь Фуси.* Сиань шицзюнь му сутэвэнь ханьвэнь шуанюй тимин ханьвэнь каоши (Предварительное исследование китайского текста из двуязычной надгробной согдийско-китайской надписи господина Ши из Сианя) // Сутэжэнь цзай чжунго. Лиши, каогу, юйяньдэ синь таньсо. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 2005. С. 18-25.

Супруненко 1963 – *Супруненко Г.П.* Документы об отношениях Китая с енисейскими кыргызами в источнике IX века «Ли Вэй-гун хойчан ипинь цзи» // Известия АН КиргССР. Серия общественных наук. Т. 5. Вып. I. Фрунзе, 1963. С. 67-81.

Супруненко 1975 – *Супруненко Г.П.* Из истории взаимоотношений Танской империи с енисейскими кыргызами // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. Новосибирск: Наука, 1975. С. 59-64.

Сутэжэнь 2005 – *Сутэжэнь цзай Чжунго.* Лиши, каогу, юйянь ды синь таньсо (Согдийцы в Китае. Исследования по истории, археологии, языку). Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 2005.

Сюань-цзан 2012 – *Сюань-цзан.* Записки о Западных странах (эпохи) Великой Тан (Да Тан сиюй цзи). Введение, перевод с китайского и комментарии Н.В. Александровой. Москва: Восточная литература, 2012.

Сян 1957 – *Сян Да.* Тандай Чанъань юй Сиюй вэньмин (Чанъань и культуры Западного края в танскую эпоху) // Сян Да. Тандай Чанъань юй Сиюй вэньмин. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1957. С. 1-166.

Тадзака 1940 – *Тадзака К.* Кайкоцу ни окэру Манике хакугай ундо (Антиманихейский переворот у уйгуров) // Тохо гакухо. № 11. Токио, 1940. С. 223-232.

Таң 1984 – *Таң дэври шеирлири* (Стихи танской эпохи). Тәржимэ килгэчи Ясин Һавази. Бейжиң: Милләтләр нәшрияти, 1984.

Таскин 1968 – *Таскин В.С.* Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). Вып. I. М.: Наука, 1968.

Тихонов 1966 – *Тихонов Д.И.* Хозяйство и общественный строй Уйгурского государства X-XIV вв. М.-Л.: Наука, 1966.

Тойнби 1991 – *Тойнби А.* Постижение истории. М., 1991.

Торланбаева 2003 – *Торланбаева К.У.* К ранним тюрко-иранским связям. Политический союз Ашина и Ашидэ // Центральная Азия: диалог цивилизаций в XXI веке. Алматы: Дайк-пресс, 2003. С. 168-182.

Тугушева 1991 – *Тугушева Л.Ю.* Уйгурская версия биографии Сюань-цзана. М.: Наука, 1991.

Тюнь 1987 – *Тюнь Е.Т.* Танско-уйгурский договор 783 г. // Письменные памятники и проблемы культуры народов Востока. Материалы XXI годичной научной сессии ЛО ИВ АН СССР. М.: Наука, 1987. С. 154-158.

Фань 1987 – *Фань Баолян.* Хуэйху юй Туфань цзи Сися цзай цылу шан ды гуаньси (Отношения уйгуров с Тибетом и Сися на Шелковом пути) // Миньцзу яньцзю. №4. 1987. С. 63-69.

Флуг 1959 – *Флуг К.К.* История китайской печатной книги сунской эпохи X-XIII вв. М.-Л.: Наука, 1959.

Фэн и др. 1956 – *Фэн Цзяншэн, Чэн Суло, Му Гуанвэнь.* Вэйуэрцзу лиши вэньци вэньти (К вопросу о периодизации истории уйгуров) // Чжунго миньцзу вэньти яньцзю цзикань. Пекин, 1956. С. 29-59.

Фэн и др. 1981 – *Фэн Цзяншэн, Чэн Суло, Му Гуанвэнь.* Вэйуэрцзу лиши шияо цзяньбянь (Краткий свод материалов по истории уйгуров). Т. 1-2. Пекин, 1981.

Хазанов 2000 – *Хазанов А.М.* Кочевники и внешний мир. Алматы: Дайк-пресс, 2000.

Ханеда 1957а – *Ханеда Т.* Тодай кайкоцу син но кэнкю (Исследование уйгуров в танскую эпоху) // Ханеда Тору хакасэ сигаку ромбун сю. 1. Рэкиси хан (Собрание трудов проф. Ханеда Тору. Т. 1. Исторические работы). Киото, 1957. С. 157-324.

Ханеда 1957б – *Ханеда Т.* Кюсай кайкоцу то токуз-огуз но кансэй рондзу (К вопросу о связи между уйгурами и токуз-огузами) // Ханеда хакасэ сигаку ромбун сю. 1. Рэкиси хан (Собрание трудов проф. Ханеда Тору. Т. 1. Исторические работы). Киото, 1957. С. 325-394.

Хафизова 1995 – *Хафизова К.Ш.* Китайская дипломатия в Центральной Азии (XVI-XIX вв.). Алматы: Гылым, 1995.

Хафизова 2015 – *Хафизова К.Ш.* Диалог цивилизаций на Шелковом пути. Астана: Гылым, 2015.

Ху Хун 2013 – *Ху Хун.* Хуэйху гэ чжо ванцзы цзанди чжан ду юань као // Тан яньцзю. № 69. 2013. С. 487-497.

Худяков 1987 – *Худяков Ю.С.* Уйгуры в Монголии // V международный конгресс монголоведов (Улан-Батор, сентябрь 1987). Доклады советской делегации. М., 1987. С. 147-156.

Цинь 1987 – *Цинь Вэйсин.* Гуаньюй Моницзю цзай мобэй хуэйху

чжунды чуаньбо (О распространении манихейства среди уйгуров на севере пустыни) // Наньцзин дасюэ яньцзюшэн сюэбао. Чжисюэ ши-хуй кэсюэ. № 2. Нанкин, 1987. С. 47-51.

Цзин 1998 – *Цзин Хуншэн*. Тандай цзюсинху юй туцзюэ вэньхуа (Ху девяти фамилий танской эпохи и тюркская культура). Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1998.

Цэнь 1957 – *Цэнь Чжунмянь*. Суй Тан ши (История династий Суй и Тан). Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1957.

Цэнь 1958а – *Цэнь Чжунмянь*. Туцзюэ шицзи (Собрание материалов по истории тюрков). Т. 1-2. Бэйцзин: Чжунхуа шуцзюй, 1958.

Цэнь 1958б – *Цэнь Чжунмянь*. Си туцзюэ шилаю. Буцзюэ цзи ка-ожэн (Материалы по истории западных тюрков. Дополнения и исправления). Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1958.

Чугуевский 1971 – *Чугуевский Л.И.* Новые материалы к истории согдийской колонии в районе Дуньхуана // Страны и народы Востока. Вып. X. М.: Наука, 1971. С. 147-156.

Шефер 1981 – *Шефер Э.* Золотые персики Самарканда. Книга о чужеземных диковинках в империи Тан. М.: Наука, 1981.

на европейских языках

Abramson 2008 – *Abramson M. S.* Ethnic Identity in Tang China. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2008.

Acta 2008 – *Acta Asiatica*. Bulletin of the Institute of Eastern Culture. Japanese Studies in the History of Pre-Islamic Central Asia. № 94. Tokyo, 2008.

Asmussen 1965 – *Asmussen J.* Xuastanift Studies in Manicheism. Copenhagen: Prostrant apud munksgaard, 1965.

Bang-Gabain 1929 – *Bang W., Gabain A.* Türkische Turfan-Texte. II. Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften zu Berlin XXII. 1929. S. 411-430.

Barfield 1996 – *Barfield T. J.* The Perilous Frontier. Nomadic Empires and China. 221 BC to AD 1757. Cambridge MA-Oxford: Blackwell, 1996.

Bazin 1950 – *Bazin L.* Recherches sur les parles T'о-pa // T'oung Pao. Vol. 39. Livr. 4-5. 1950. P. 228-329.

Beckwith 1987 – *Beckwith C.* The Tibetan Empire in Central Asia: A

History of the Struggle for Great Power among Tibetans, Turks, Arabs and Chinese during the Early Middle Ages. Princeton, New Jersey, 1987.

Bekwith 1991 – *Bekwith C.* The Impact of the Horse and Silk Trade on the Economics of T'ang China and the Uighur Empire: on the Importance of International Commerce in the Early Middle Ages // Journal of the Economic and Social History of the Orient. Vol. XXXIV. 1991. P. 183-198.

Bretschneider 1876 – *Bretschneider E.* Notices of the Medieval Geography and History of the Central and Western Asia. Drawn from Chinese and Mongol Writings, and Compared With the Observations of Western Authors in the Middle Ages. London, 1876.

Bretschneider 1920 – *Bretschneider E.* Medieval Researches from Eastern Asiatic Sources: Fragments towards the Knowledge of the Geography and History of Central and Western Asia from the 13th to 17th century. Vol. I. London, 1920.

Brose 2007 – *Brose M.C.* Subjects and Masters: Uyghurs in the Mongol Empire. Bellingham: Western Washington University, 2007.

Bovington 2004 – *Bovington G.* Contested Histories // Xinjang. China's Muslim Borderland. Ed by. S. F. Starr. Armork-London: M.E. Sharpe, 2004. P. 353-374.

Boodberg 1936 – *Boodberg P.A.* The Language of the T'o-pa Wei // Harvard Journal of Asiatic Studies. № 1. 1936. P. 167-185.

Brockelmann 1924 – *Brockelmann K.* Alturkestanische Volkspoesie // Asia Major. Vol. I. 1924. P. 24-44.

Gabain 1973 – *Gabain A. von.* Das Leben im uigurischen Königreich von Qočo (850-1250). Textband. Wiesbaden, 1973.

Cambridge 1979 – Cambridge History of China / ed. by D. Twitchett and J.K. Fairbank. Vol. III (Sui and T'ang China). Cambridge-London-New-York-Melbourne, 1979.

Cambridge 1990 – Cambridge History of Inner Asia / ed. by D. Sinor. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.

Chavannes 1903 – *Chavannes E.* Documents sur Les Tou-kiue (Turks) occidentaux // Сборник трудов орхонской экспедиции. Вып. VI. СПб, 1903.

Chavannes 1904 – *Chavannes E.* Notes additionales sur les tou-kiue (turcs) occidentaux // T'oung Pao. Vol. 5. 1904. P. 1-100.

Chavannes 1912 – *Chavannes E.* Épitaphes de deux princesses Turques

de l'époque des T'ang // Festschrift Vilhelm Thomsen zur Vollendung des sibzigsten Lebensjahres. Leipzig, 1912. P. 78-85.

Chavannes-Pelliot 1911 – *Chavannes E., Pelliot P.* Un traite manicheen retrouve en Chine // *Journal Asiatique*. 10-e ser. 18. 1911. P. 499-617; 11-e ser. 1. 1913. P. 99-199, 261-394.

Ching 1981 – *Ching Lung-chen*. Trading Activities of the Turks in China // *Central Asiatic Journal*. Vol. XXV. № 1-2. 1981. P. 38-53.

Czeplédy 1962 – *Czeplédy K.* Coşay-quzi, Qara-qum, Kok-ong // *Acta Orientalia Hungaricae*. Vol. XV. Fasc. 1-3. 1962. P. 55-69.

Czeplédy 1972 – *Czeplédy K.* On the Numerical Composition of the Ancient Turkish Tribal Confederation // *Acta Orientalia Hungaricae*. T. XXV. 1972. P. 275-281.

Czeplédy 1973 – *Czeplédy K.* Gardizi on the History of Central Asia (746-780 AD) // *Acta Orientalia Hungaricae*. T. XXVII. Fasc. 3. 1973. P. 257-267.

Czeplédy 1982 – *Czeplédy K.* Zür Stammesorganisationen der türkischen Völker // *Acta Orientalia Hungaricae*. T. XXXVI. Budapest, 1982. S. 89-93.

Deguines 1756 – *Deguines J.* Histoire general des Huns, des Turks, de Mongols et des autres Tartares occidentaux. Vol. 2. Paris, 1756.

Drompp 1988 – *Drompp M.R.* A T'ang Adventurer in Inner Asia // *T'ang Studies*. 1988. № 6. P. 1-23.

Drompp 1992 – *Drompp M. R.* A note on Interpreters of Turkic Languages in Late T'ang China // *Altaic Religious Beliefs and Practices*. Proceedings of the 33rd Meeting of the PIAC. Budapest, 1992. P. 103-109.

Drompp 1999 – *Drompp M.R.* Breaking the Orkhon Tradition: Kirghiz Adherence to the Yenisei Region after AD 840 // *Journal of the American Oriental Society*. № 3. 1999. P. 390-403.

Drompp 2002 – *Drompp M.R.* The Uighur-Chinese conflict of 840-848 // *Warfare in Inner Asian History (500-1800)*. Ed. by Nicolo di Cosmo. Leiden-Boston-Koln, 2002. P. 73-103.

Drompp 2005 – *Drompp M.R.* Tang China and the Collapse of the Uighur Empire. A Documentary History. Leiden-Boston: Brill, 2005.

Eberhard 1948 – *Eberhard W.* Remarks on Širalıya // *Oriens*. № 1. 1948. P. 220-221.

Eberhard 1949 – *Eberhard W.* Das Toba-Reich Nordchinas. Eine soziologische Untersuchung. Leiden, 1949.

Ecsedy 1964 – *Ecsedy H.* Uighurs and Tibetans in Pei-t'ing (790-791 A.D.) // *Acta Orientalia Hungaricae*. T. XVII. 1964. P. 83-104.

Ecsedy 1965 – *Ecsedy H.* Old Turkic Titles of Chinese Origin // *Acta Orientalia Hungaricae*. T. XVIII. 1965. P. 83-91.

Ecsedy 1968 – *Ecsedy H.* Trade-and-war Relations between the Turcs and China the Record of the 6th Century // *Acta Orientalia Hungaricae*. T. XXI. 1968. P. 131-180.

Ecsedy 1980 – *Ecsedy H.* A Contribution to the History of Karluks in the T'ang period // *Acta Orientalia Hungaricae*. T. XXXIV. 1980. P. 23-37.

Ecsedy 1984 – *Ecsedy I.* Nanchao: an Archaic State Between China and Tibet // *Tibetan and Buddhist Studies*. Ed. by Louis Ligeti. Budapest: Akademia Kiado, 1984. P. 165-189.

Franke 1936 – *Franke O.* Geschichte des chinesischen Reiches. Bd. II. Berlin-Leipzig, 1936.

Gabain 1952 – *Gabain A.* von. Die Fruhgeschichte der Uiguren 607-745 // *Nachrichten des Gesellschaft fur Natur-und-Volkerkunde Ostasiens*. № 72. Hamburg, 1952. S. 18-32.

Gardiner 1973 – *Gardiner K.H.J.* Standard Histories, Han to Sui // *Essays on the Sources for Chinese History*. Canberra: Australian National University Press, 1973. P. 42-52.

Geng 1983 – *Geng Shimin.* On the Fusion of Nationalities in the Tarim Basin and the Formation of the Modern Uighur Nationality // *Materialia Turcica*. Band 7/8. 1983. P. 168-190.

Grosset 1994 – *Grosset R.* The Empire of the Steppes. A History of Central Asia. Translated by N. Walford. New Brunswick, New Jersey: Rutgers University Press, 1994.

Hamilton 1955 – *Hamilton J.R.* Les Ouigours a l'epoque des cinq dynasties d'apres les documents chinoise. Paris: Presses Universitaires de France, 1955.

Hamilton 1962 – *Hamilton J.R.* Toquz-o'yuz et On-uyur // *Journal Asiatique*. T. 250. 1962. P. 23-64.

Hansen 1930 – *Hansen O.* Zur sogdischen Inschrift auf dem dreisprachigen Denkmal von Karabalgasun. Helsinki, 1930. S. 3-39.

Harmatta 1972 – *Harmatta J.* Irano-Turcica // *Acta Oreintalia Hungaricae*. T. XXV. 1972. P. 263-273.

Hayashi 2002 – *Hayashi T.* Uighur Policies toward Tang China // *The Memoirs of the Toyo Bunko*. №60. 2002. P. 87-116.

Hirth 1899 – *Hirth F.* Nachworte sur Inschrift des Tonjukuk. Beiträge zur Geschichte der Ost-Türken im 7. und 8. Jahrhundert nach chinesischen Quellen. 1. Zeit des Ku-tu-lu (Ilteres khan). Alttürkeschen Inschriften der Mongolei. 1899. S. 1-140.

Jagchid 1977 – *Jagchid S.* Patterns of Trade and Conflict Between China and the Nomads of Mongolia // Zentralasiatische Studien. № 1. 1977. P. 177-204

Julien 1864 – *Julien S.* Documents historiques sur Les Tou-kioüe (Turcs). Extraits du Pien-i-tien, traduits du chinoise // Journal Asiatique. 6 ser. Vol. III. 1864. P. 325-367; Vol. IV. P. 200-242, P. 391-430, P. 453-477.

Julien 1847 – *Julien S.* Les Ouigours. 1. Kaotchang-hingki on relation d'un voyage (officionalle) dans le pays des Ouigour (de la 981 a 983) par Wang-Yen-te // Journal Asiatique. 1847, janv. P. 50-66.

Kamalov 2005 – *Kamalov A.* Sino-Uighurica: Revisiting the Uighur Runic inscriptions and the T'ang sources // Bolor-un gerel. Ristaalyfeny. Cristal-Splendour. Ed. by A. Birtalan, A. Rakos. Budapest, 2005. P. 385-391.

Katayama 1999 – *Katayama A.* Tariat Inscription // Provisional Report of Researches on Historical Sites and Inscriptions in Mongolia from 1996 to 1998. Ed. by T. Moriyasu and A. Ochir. Osaka: Osaka University, 1999. P. 168-176.

Kiyohiro 2008 – *Kiyohiro I.* Turks and Sogdiana in China During the T'ang period // Acta Asiatica. Bulletin of the Institute of Eastern culture. Japanese studies in the History of Pre-Islamic Central Asia. № 94. Tokyo, 2008. P. 41-65.

Klyashtornyi 1983 – *Klyashtornyi S.G.* The Terkhin Inscription // Acta Orientalia Hungaricae. T. XXXVI. Fasc. 1-3. 1983. P. 335-366.

Klyashtornyi 1985 – *Klyashtornyi S.G.* The Tes Inscription of the Uighur Bögü Qagan // Acta Orientalia Hungaricae. T. XXXIX. Fasc. 1. 1985. P. 137-156.

Klyashtornyi-Livšic 1972a – *Klyashtornyi S.G.*, Livšic V.A. Une inscription inédite turque et sogdienne: la stèle de Sevrey (Gobi Méridionale) // Journal Asiatique. T. 259. 1972. P. 11-20.

Klyashtornyi-Livšic 1972b – *Klyashtornyi S.G.*, Livšic V.A. The Sogdian Inscription of Bugut revised // Acta Orientalia Hungaricae. T. XXI. Fasc.1. 1972. P. 69-102.

Levi-Chavannes 1895 – *Levi S., Chavannes E.* L'iténéraire d'Ou-k'ong (751-790) // *Journal Asiatique*. Septembre-Octobre. 1895. P. 341-384.

Levy 1957 – *Levy H. S.* The Career of Yang Kuei-fei // *T'oung pao*. Vol. XLV. Livr. 4-5. 1957. P. 451-489.

Levy 1960 – *Levy H.S.* Biography of An Lushan. Translated and annotated by H.S. Levy. Berkley-Los Angeles: University of California Press, 1960.

Levy 1961 – *Levy H.S.* Biography of Huang Ch'ao. Chinese Dynastic Histories Translations. № 5. Berkeley: University of California Press, 1961.

Liu Mau-tsai 1958 – *Liu Mau-tsai*. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-turken (T'u-kue). Gottingen Asiatische Forschungen. Buch I-II. Wiesbaden, 1958.

Mackerras 1968 – *Mackerras C.* The Uighur Empire (744-840). According to the T'ang Dynastic Histories. Canberra: Australian National University, 1968.

Mackerras 1969 – *Mackerras C.* Sino-Uighur Diplomatic and Trade Contacts (744 to 840) // *Central Asian Journal*. Vol. VIII. № 1. 1969. P. 215-240.

Mackerras 1972 – *Mackerras C.* The Uighur Empire According to the T'ang dynastic histories. A study in Sino-Uighur relations 744-840. Canberra: Australian National University Press, 1972.

Mackerras 1990 – *Mackerras C.* The Uighurs // *Cambridge History of Inner Asia*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. P. 317-342.

Mackerras 2000 – *Mackerras C.* Uygur-T'ang relations, 744-840 // *Central Asian Survey*. №19 (2). 2000. P. 223-234.

Masaharu 2008 – *Masaharu A.* Sogdians and the Royal House of Ch'u in the Kao-ch'ang Kingdom // *Acta Asiatica*. Bulletin of the Institute of Eastern culture. Japanese studies in the History of Pre-Islamic Central Asia. № 94. Tokyo, 2008. P. 67-93.

Minorsky 1937 – *Minorsky V.F.* Hudud al-alam. «The Regions of the Word». A Persian Geography 372 A.H. - 982 A.D. London, 1937.

Minorsky 1948 – *Minorsky V.F.* Tamim ibn Bahr's Journey to the Uighurs // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. XII. №2. 1948. P. 275-305.

Minorsky 1955 – *Minorsky V.F.* Addenda to the Hudud al 'Alem // *Bulletin of the School of Oriental Studies*. XVII. № 2. 1955. P. 250-270.

Moriyasu 1972 – *Moriyasu T. C. Mackerras. Rotosio eri mita uiguru teikoku* (review of the book of C. Mackerras) // *Toyo gakuho*. T. 55. №3. Tokyo, 1972. P. 123-134.

Moriyasu 1980 – *Moriyasu T. La nouvelle interpretation des mote Hor et Ho-yo-hor dans le Manuscrit Pelliot tibetain 1283* // *Acta Orientalia Hungaricae*. T. XXXIV. 1980. P. 171-184.

Moriyasu 1981 – *Moriyasu T. Qui des Ouigours ou des Tibetains ont gagne en 789-792 a Bes-Baliq?* // *Journal Asiatique*. T. 269. 1981. P. 193-205.

Moriyasu 1990 – *Moriyasu T. L'origine du buddhisme chez les turcs et l'apparition des textes buddhiques en Turc ancien* // *Documents et archives provenant de l'Asie Centrale*. Kyoto, 1990. P. 147-165.

Moriyasu 1999 – *Moriyasu T. Site and Inscription of Šine-Usu* // *Provisional Report of Researches on Historical Sites and Inscriptions in Mongolia from 1996 to 1998*. ed. by T. Moriyasu and A. Ochir. Osaka: Osaka University, 1999. P. 177-195.

Moriyasu 2003 – *Moriyasu T. Manichaeism under the East Uighur Khanate with Special References to the Fragment Mainz 345 and the Kara-Balgasun Inscription* // *Osaka University the 21st Century COE Program Interface Humanities Research Activities 2002-2003. World History Reconsidered Through Silk Road. Group 3*. Osaka, 2003. P. 49-52.

Moriyasu 2008 – *Moriyasu T. Japanese Research on the History of the Sogdians along the Silk Road, Mainly from Sogdiana to China* // *Acta Asiatica. Bulletin of the Institute of Eastern culture. Japanese studies in the History of Pre-Islamic Central Asia*. № 94. Tokyo, 2008. P. 1-39.

Moses 1976 – *Moses L.W. T'ang Tribute Relations With the Inner Asian Barbarians* // *Essays on T'ang society*. Ed. by J.C. Perry and B.L. Smith. Leiden: Brill, 1976. P. 61-89.

Ogawa 1960 – *Ogawa T. The Song of Ch'ih-le. Chinese Translations of Turkic Folk Songs and Their Influence on Chinese Poetry* // *Acta Asiatica. Bulletin of the Institute of Eastern culture Toho gakkai*. № 1. Tokyo, 1960. P. 43-55.

Orkun 1986 – *Orkun H. Eski turk yazitlari*. Ankara: Turk Tarih Basi-mevi, 1986.

Osava 2011 – *Osava T., Syzyki K., Lkhyndev G. Zaaaryn shoroon dovoos oldson mengon sav deerkh runi bichees* // *Studia Archaeologica*. Tom XXX. Fasc. 1-14. Ulaanbaatar, 2011. P. 139-145

Osawa 1999 – *Osawa T.* Tes Inscription // Provisional Report of Researches on Historical Sites and Inscriptions in Mongolia from 1996 to 1998. Ed. by T. Moriyasu and A. Ochir. Osaka: Osaka University, 1999. P. 158-167.

Ölmez 2015 – *Ölmez M.* Orhon-Uygur Hanlığı Dönemi Moğolistan'daki Eski Türk Yazıtları. Metin-Çeviri-Sözlük, Bilgesu yay. Ankara, 2015.

Pelliot 1916 – *Pelliot P.* Le “Cha tcheou tou tou fou t’ou ing” et la colonie sogdienne de la région du Lob Nor // *Journal Asiatique*. Vol. VII. 1916. P. 111-123.

Perdue 2005 – *Perdue P.* China Marches West. The Qing Conquest of Central Eurasia. Cambridge-London: Harvard University Press, 2005.

Perspectives 1973 – *Perspectives on the T’ang* / ed. by A. Wright and D. Twitchett. New Haven-London: Yale University Press, 1973.

Pinks 1968 – *Pinks E.* Die Uiguren von Kanchou in den fruhen Sungzeit (960-1028) // *Asiatische Forschungen*. Bd. XXIV. Wiesbaden, 1968.

Pritsak 1988 – *Pritsak O.* The Distinctive Features of the Pax Nomadics // *Popoli delle steppe: Unni, Avari, Ungari*. Spoleto, 1988. P. 749-780.

Pulleyblank 1950 – *Pulleyblank E.G.* The Tzyjih Tongjian Kaoyi and the Sources for the History of the Period 730-763 // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. T. XIII. London, 1950. P. 448-473.

Pulleyblank 1952 – *Pulleyblank E.G.* A Sogdian Colony in Inner Mongolia // *T’oung Pao*. № 41. Paris-Leydes, 1952. P. 317-356.

Pulleyblank 1955 – *Pulleyblank E.G.* The Background of the An Lu-shan Rebellion. London-New-York-Toronto, 1955.

Pulleyblank 1956 – *Pulleyblank E.G.* Some Remarks on the Toquz-oğuz problem // *Ural-Altische Jahrbucher*. Bb. XXVIII. № 1-2. 1956. P. 35-42.

Pulleyblank 1961 – *Pulleyblank E.G.* Chinese Historical criticism: Liu Chih-chi und Ssu-ma Kuang. *Historians of China and Japan*. Ed. By W.Q. Beasley and E.Q. Pulleyblank. London-New-York-Toronto: Oxford University Press, 1961. P. 135-166.

Pulleyblank 1976 – *Pulleyblank E.G.* The An Lu-shan Rebellion and the Origins of Chronic Militarism in Late T’ang China // *Essays on T’ang Society: The Interplay of Social, Political and Economic Forces*. Ed. by J.C. Perry and B.L. Smith. Leiden: Brill, 1976. P. 33-60.

Pulleyblank 1990 – *Pulleyblank E.G.* The «High Carts»: a Turkish-speaking People Before the Turks // *Asia Major*. Vol. II. Part I. 1990. P. 21-26

Radloff 1895 – *Radloff W.* Die altturkischen Inschriften der Mongolei. L. 3. St. Ptb., 1895. S. 175-460.

Ramstedt 1930 – *Ramstedt G.I.* Zwei uigurische runeninschriften in der Nord Mongolei. Journal de la Societe Finno-ougrienne. № 30. Helsinki, 1930.

Rotours 1947 – *Rotours R.* des. Traite des fonctionnaires et traite de l'armee, traduits de nouvelle Histoire des T'ang. Vol. 1. Leide, 1947-1948.

Rotours 1962 – *Rotours R.* des. Histoire de Ngan-Lou-chan. Paris, 1962.

Schlegel 1896 – *Schlegel G.* Die chinesische Inschriften auf dem uigurischen Denkmal in Karabalgasun. Memories de la Societe Finno-Ougrienne. Vol. IX. Helsingfors, 1896.

Sinor 1998 – *Sinor D.* The Kitan and Kara-Khitay // History of Civilizations of Central Asia. Vol. V. The Age of Achievements: A.D. 750 to the End of the Fifteenth Century. Part One. The Historical, Social and Economic Settings: UNESCO Publishing. Paris, 1998. P. 227-242.

Sinor 2000 – *Sinor D.* The Uighur Empire of Mongolia // History of the Turkic Peoples in the Pre-Islamic Period. Ed. by H.R. Roemer. Berlin: Klaus Schwarz Verlag, 2000. P. 187-204.

Smith 1997 – *Smith A.* The «Golden Age» and National Renewal // Myths and Nationhood. Ed. by G. Hoskins and G. Schopflin. London: Hurst and Co, 1997. P. 36-59.

Sogudogo 1989 – *Sogudogo Zatsuroku II (Sogdian Miscellany)* // Ori-ento. № 32-2. 1989. P. 165-176.

Sung 1978 – A Sung Bibliography. Ed. By E. Balazs, Ives Hervoet. Hong Kong: The Chinese University Press, 1978.

Ščerbak 1983 – *Ščerbak A.* De l'alphabet ouïgour // Acta Orientalia Hungarica. T. XXXVI. Fasc. 1-3. 1983. P. 469-474.

Tsai 1967 – Tsai Wenshen. Li Te-yunun mektuplarina gore Uygurlar (840-900). Doctora Çalişması. Taipei, 1967.

Visdelou 1799 – *Visdelou C.* Histoire abregee de la Tartarie. Bibliotheque Orientale. Vol. 4. Paris, 1799.

Vaissière 2004 – *Vaissière de la, È.* Histoire des Marchands Sogdiens. Paris: College de France, 2004.

Yang 1994 – *Yang Fu-hsueh.* On the Sha-chou Uighur Kingdom // Central Asiatic Journal. № 8/1. 1994. P. 79-107.

Yang Lien-sheng 1952 – *Yang Lien-sheng*. Hostages in Chinese History // Harvard Journal of Asiatic Studies. Vol. 15. № 3/4. 1952. P. 507-521.

Yang Lien-sheng 1961 – *Yang Lien-sheng*. The Organization of Chinese Official Historiography: Principles and Methods of the Standard Histories From the T'ang Through the Ming Dynasty // Histories of China and Japan. Ed. by W. Beasley and E. Pulleyblank. London-New-York-Toronto: Oxford University Press, 1961. P. 44-59.

Yang Lien-sheng 1990 – *Yang Lien-sheng*. Topics in Chinese History. Cambridge MA, 1950. № IV. P. 32-28.

Yoshida 1988 – *Yoshida Y.* Some New Readings of the Sogdian Version of the Karabalgasun inscription // Documents et archives de L'Asie Central. Paris, 1988. P. 117-123.

Yoshida 2008 – *Yoshida Y.* On the Taxation System of the Pre-Islamic Khotan // Acta Asiatica. Bulletin of the Institute of Eastern Culture. Japanese Studies in the History of Pre-Islamic Central Asia. Tokyo, 2008. P. 95-126.

Wang 1973 – *Wang Gungwu*. Some Comments on the Later Standard Histories // Essays on the Sources for Chinese History. Canberra: Australian National University Press, 1973. P. 53-63.

Witfield 1999 – *Witfield S.* Life Along the Silk Road. Berkeley-Los Angeles: University of California Press, 1999.

Wittfogel-Feng 1949 – *Wittfogel K.A., Feng Chia-sheng*. History of Chinese Society Liao (907-1125). The American philosophical Society. Philadelphia, 1949.

Zieme 1973 – *Zieme P.* Die Uiguren und ihre Beziehungen zu China // Central Asiatic Journal. Vol. 17. № 2-4. 1973. S. 282-293.

Zieme 2000 – *Zieme P.* Das uigurische Königreich von Qočo // History of the Turkic peoples in the pre-Islamic period. Ed. by H.R. Roemer. Berlin: Klaus Schwarz Verlag, 2000. S. 205-212.

Приложение А

Императоры династий Суй, Тан и эпохи Пяти династий

Династия Суй (581-618 гг.)

Вэнь-ди	581-605
Ян-ди	605-617
Гун-ди	617-618

Династия Тан (618-907 гг.)

Гао-цзу	618-627
Тай-цзун	627-650
Гао-цзун	650-684
Чжун-цзун	684
Жуй-цзун	684-690
У Цзэ-тянь	690-705
Чжун-цзун	705-710
Шао-ди	710
Жуй-цзун	710-712
Сюань-цзун	712-756
Су-цзун	756-762
Дай-цзун	762-780
Дэ-цзун	780-805
Шунь-цзун	805-806
Сянь-цзун	806-821
Му-цзун	821-825
Цзин-цзун	825-827
Вэнь-цзун	827-841
У-цзун	841-847
Сюань-цзун	847-860
И-цзун	860-874
Си-цзун	874-889
Чжао-цзун	889-905
Ай-ди	905-907

Эпоха Пяти династий (Удай, 907-960 гг.)

Династия Поздняя Лян (907-923 гг.)

Тай-цзу 907-913

Мо-ди 913-923

Династия Поздняя Тан (923-936 гг.)

Чжуан-цзун 923-926

Мин-цзун 926-934

Минь-ди 934-936

Мо-ди 936

Династия Поздняя Цзинь (936-946 гг.)

Гао-цзу 936-943

Чу-ди 943-946

Династия Поздняя Хань (947-950 гг.)

Гао-цзу 947-949

Инь-ди 949-950

Династия Поздняя Чжоу (951-960 гг.)

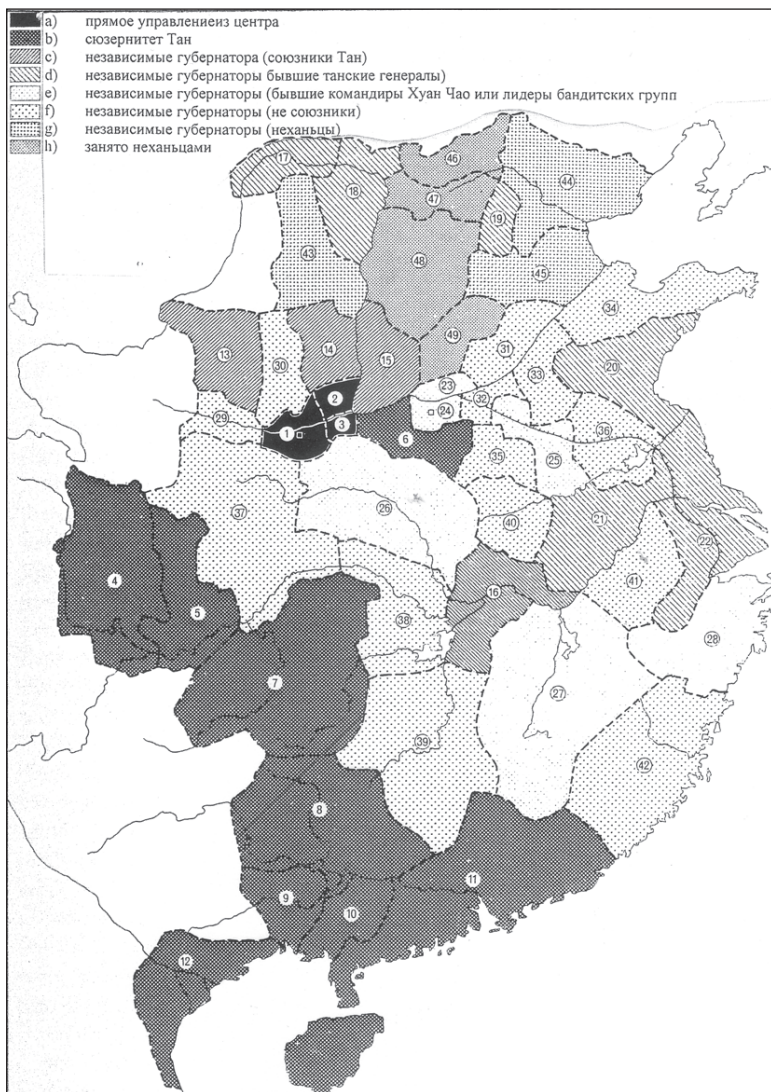
Тай-цзу 951-955

Ши-цзун 955-960

Гун-ди 960

Приложение Б

Китай после восстания Хуан Чао (873-884 гг.)

SUMMARY

The book examines a role of the Turkic and Iranian speaking peoples in the three centuries history of the Tang Empire (618-907 AD). Based on analysis of written sources, the core of which are Chinese historical works, it outlines involvement of those Turkic tribes and people of Iranian origin who settled on the territory of ‘proper’ China only. History of oases cities of Eastern Turkistan (present Xinjiang Uyghur Autonomous Region of PRC) in the Tang epoch is not discussed here, since they have been under Chinese controlled for a limited span and quite nominally and besides the Turkic and Iranian peoples of Eastern Turkistan did not comprise a category of ‘aliens’ on their own lands. The word ‘Iranians’ is used in this book conditionally to designate Iranian-speaking peoples of Central Asia, such as the Sogdians and population of oases-cities of Eastern Turkistan.

The first chapter of the book discusses a historiography and particular treats of various sources narrating about the Turks and Iranians in Tang China, as well as theoretical and methodological issues including imperial concepts and principles that shaped China’s policy towards neighboring peoples and countries. Vision of China as a ‘Middle Kingdom’ located in the center of the Universe peripheral parts of which were inhabited by barbarians and civilizing mission of Son of Heaven comprise core elements of the imperial ideas of world order. These principles were used not only towards ‘barbarians’ living outside China, but also groups of aliens dwelling inside the Great Chinese wall.

The history of the Turkic tribes and Iranian speaking peoples is discussed the book based on assumption that the ‘watershed’ in the Tang policy towards ‘internal aliens’ was the rebellion of An Lushan with which most severe civil war in China’s history began in 755 AD. This ‘watershed’ separated two different epochs in the life of aliens in Tang China – that of early and later Tang periods.

Accordingly, the second chapter of the book looks at the history of the Turkic tribes and Iranians during the period starting from the rise of the Tang dynasty in 618 AD till the break-up of the An Lushan Rebellion. This chapter elucidates a role of the Turks in the rise of Tang dynasty, relations with the Steppe peoples that led to collapse of the Eastern Turkic Khanate,

the Khanate of Sirs (Chin. Xie-yan-tuo) and final subjugation of the Oghuz tribes by the Tang forces. Those political events resulted in migration of Eastern Turks (Tujue) to China, establishing of territorial and administration units for the Oghuz in the frontier regions, as well as formation of the Sogidan colonies in the Middle Kingdom. During this period of expansion of the Tang power, the Tang administration used the Turkic tribes to protect frontiers of the Empire from invasions of nomads as well as to conquer new territories and pacify neighboring peoples and countries.

The third chapter of the book examines involvement of the Turkic tribes and Iranian speaking peoples in the An Lushan-Shi Chaoyi rebellion (755-763 AD), which marked ‘beginning of the end’ of the Tang Dynasty (des Routour). It looks at how different groups of aliens have been involved in the civil war supporting fighting fractions - the Tang imperial forces and rebels. Loyalty of the Oghuz tribes to the Tang Emperors can be put in the context of the policy of the Emperor Tai-zong who earned ‘northern barbarian’s’ support by accepting the title ‘Heavenly kaghan’. Links through times of Tai-zong and Dai-zong allows understanding causes of the anti-Tang uprising led by Pugu Huairen, Tang general of Oghuz origin, in 764-765. Loyalty of the ‘internal’ Oghuz tribes to the Tang Dynasty in contrast to Eastern Turks’ support of the rebels doubled effectiveness of a military assistance rendered to the Tang Dynasty by the Uyghur kaghans from the Steppe.

The fourth chapter of the book examines how status of the Turkic tribes and Iranian speaking peoples changed after oppression of the An Lushan rebellion. Two main trends in the history of the Tang Empire in the post civil war period were decentralization of power and rigid policy towards aliens. Despite xenophobia which became common throughout the entire late Tang period and the fact that access to high military and civil positions was denied for leaders of alien (non-Han) origin, Turkic tribes and Iranian speaking peoples continued to play an important part in economic and political life of the Tang Empire. That period saw a fall of the Eastern Turks who disappeared from historical chronicles and annals, and at the same time growth of the Uyghur component in the population structure of Northern and North-Eastern China due to mass migration of the Uyghur tribes to this region following by collapse of the Uyghur Kaghanate. The Shatuo Turks, who originally lived in Eastern Turkistan and migrated to

Ordos played a crucial role in the internecine wars in China in the IX c. and suppression of the Huang Chao uprising (873-884 AD). The Shatuo Turks finally destroyed the Tang Dynasty and established several short-lived Dynasties in the epoch of Five Dynasties (Wudai).

The last chapter of the book raises such important issues relating to social and cultural history of the Turks and Sogdians in the Tang Empire such as ethnic identity, Sino-Turkic and Turkic-Sogdian cultural interactions. At the same time the chapter addresses two important aspects of relations of China with Central and Inner Asian peoples, namely trade with the Uyghur Kaghanate and contacts with Khotan Kingdom of Eastern Turkistan.

The book thus studies a contribution of the Turkic and Iranian speaking groups of population to economic, political and cultural life of the Tang Empire, which is considered as apogee in the development of China in medieval times (latter term is used conditionally). Materials examined in this book demonstrate entangle nature of the history of Chinese, Turkic and Iranian peoples as well as hybridity of the Tang culture.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ВВЕДЕНИЕ	6
Глава I. ТЮРКИ И ИРАНЦЫ В ТАНСКОЙ ИМПЕРИИ: ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ, ИСТОЧНИКИ И КОНЦЕПЦИИ	
Тюрки и иранцы в Танской империи: историография вопроса.....	10
Китайские источники по истории тюрков и иранцев Танской империи	28
Тюркские, согдийские, арабские и персидские источники по истории тюрков и иранцев Танской империи	44
Иноземцы сквозь призму имперской идеологии	49
Китай и «варвары»: теория и методология	66
Глава II. ТЮРКИ И СОГДИЙЦЫ В РАННЕТАНСКОМ КИТАЕ	
Тюрки и возвышение танской династии	72
Танская политика в отношении «внутренних» тюрков и огузов	79
Степь под контролем Танской империи	91
Миграция тюрков в Китай в период крушения Второго Востоочно-тюркского каганата	96
Знатные тюрки на службе у танской династии	101
Огузы (теле) в Танской империи	118
Согдийские колонии в Среднем государстве	125
Глава III. ВОССТАНИЕ АНЬ ЛУШАНЯ-ШИ ЧАОИ (755-763 гг.): НАЧАЛО ПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА В ТАНСКОЙ ИМПЕРИИ	
Восстание Ань Лушаня: причины и ход событий	141
Тюрки и огузы во время восстания Ань Лушаня-Ши Чаои	167
Походы уйгуров в Китай	177
Согдийцы на защите интересов танской династии	185
Политика императора Дай-цзуна в отношении иноземцев	198
Мятеж генерала Пугу Хуайэня (764-765 гг.)	204

Глава IV. ВЫХОДЦЫ ИЗ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ПОЗДНЕТАНСКОМ КИТАЕ	
Иноземцы в Китае в правление императора Дэ-цзуна	210
Миграция уйгуров в Северный Китай в 840-848 гг.	224
Уйгуры племени <i>эдиз</i> в Танской империи	253
Уйгурская династия <i>абузов</i> в Хэбэе	260
Закат Танской империи: восстание Хуан Чао (873-884 гг.) и тюрки-шато	271
Глава V. ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И КУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ТАНСКОЙ ИМПЕРИИ	
Самоидентификация тюрков, уйгуров и согдийцев Танской империи	281
Китайско-тюркское культурное взаимодействие	292
Тюрко-согдийское взаимодействие в танскую эпоху	312
Торговые отношения Китая с Уйгурским каганатом	323
Взаимоотношения Танской империи с Хотаном	330
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	340
БИБЛИОГРАФИЯ	352
ПРИЛОЖЕНИЕ А. Императоры династий Суй, Тан и эпохи Пяти династий	374
ПРИЛОЖЕНИЕ Б. Китай после восстания Хуан Чао (873-884 гг.)	376
SUMMARY	377

CONTENTS

ACKNOWLEDGEMENTS	3
INTRODUCTION	6
Chapter I. TURKS AND IRANIANS IN THE TANG EMPIRE: HISTORY OF STUDY, SOURCES AND CONCEPTS	
Turks and Iranians in the Tang Empire: Discussion of Historiograph....	10
Chinese Sources on History of Turks and Iranians in the Tang Empire....	28
Turkic, Sogdian, Arabic and Persian Sources on History of Turks and Iranians in the Tang Empire.....	44
Aliens Through the Lens of Imperial Ideology.....	49
China and “Barbarians”: Theory and Methodology.....	66
Chapter II. TURKS AND SOGDIANS IN EARLY TANG CHINA	
Turks and Rise of the Tang Dynasty.....	72
Tang Policy Towards ‘Internal’ Turks and Oghuzs.....	79
Steppe Under the Control of the Tang Empire.....	91
Migration of Turks to China During the Fall of the Second Eastern Turkic Kaghanate.....	96
Noble Turks at Service of the Tang Dynasty.....	101
Oghuz (tele) Tribes in the Tang Empire.....	118
Sogdian Colonies in the Middle Kingdom.....	125
Chapter III. REBELLION OF AN LUSHAN-SHI CHAO-YI (755-763 AD): BEGINNING OF POLITICAL CRISIS IN THE TANG EMPIRE	
Rebellion of An Lushan-Shi Chaoyi: Causes and Course of Events..	141
Turks and Oghuzs During the Rebellion of An Lushan-Shi Chaoyi..	167
Uyghur Marches to China.....	177
Sogdians Protecting Interests of the Tang Dynasty.....	185
Emperor Dai-zong’s Policy Towards Foreigners.....	198
Revolt of the General Pughu Huai-en (764-765 AD).....	204

Chapter IV. CENTRAL ASIANS IN LATE TANG CHINA	
Foreigners in China During the Rule of the Emperor De-zong.....	210
Migration of Uyghurs to North China in 840-848 AD.....	224
Uyghurs of the Tribe <i>Ediz</i> in the Tang Empire.....	253
Uyghur Dynasty of <i>Abuz</i> in Hebei.....	260
Fall of the Tang Empire: Huang Chao's Rebellion (873-884 AD) and Shato Turks.....	271
 Chapter V. ETHNIC IDENTITY AND CULTURAL INTERACTIONS IN THE TANG EMPIRE	
Identity of the Turks, Uyghurs and Sogdians in the Tang Empire.....	281
Sino-Turkic Cultural Interactions.....	292
Turkic-Sogdian Interactions in the Tang Epoch.....	312
Trade Relations Between China and Uyghur Kaghanate.....	323
Interrelations Between the Tang Empire and Khotan.....	330
 CONCLUSIONS.....	 340
 BIBLIOGRAPHY.....	 352
 APPENDIX A. Emperors of Sui, Tang and the Epoch of Five Dynasties.....	 374
 APPENDIX B. China After the Rebellion of Huang Chao (873-884 AD)	 376
 SUMMARY	 377

Аблет Каюмович Камалов

Тюрки и иранцы в Танской империи

Компьютерная верстка и дизайн: Шахниза ЮЛДАШЕВА

В оформлении книги использована настенная роспись VIII века из Дуньхуана (Западные данники. II Туркестанская экспедиция акад. С.Ф. Ольденбурга)

**Подписано в печать 21.12.2017 г.
Бумага офсетная. Усл.печ.л. 23,5
Тираж 500 экз.**

**Издательский дом “МИР”.
г. Алматы, ул. Жибек Жолы, 64, оф. 803
(уг. ул. Ч. Валиханова)
Тел./факс: +7 (727) 273-39-89
+7 (727) 328-12-66.**

КАМАЛОВ АБЛЕТ КАЮМОВИЧ, доктор исторических наук, профессор. Окончил китайское отделение Восточного факультета Ташкентского государственного университета, аспирантуру Ленинградского Отделения Института востоковедения Академии наук СССР (ныне: Институт восточных рукописей Российской Академии наук) и докторантуру Института востоковедения Министерства образования и науки Республики Казахстан. Прошел научные стажировки в США (Вашингтонский университет, Сиэтл; Индианский университет, Блумингтон; Библиотека Конгресса, г. Вашингтон), Великобритании (Оксфордский университет) и Франции (Дом наук о человеке). Выступал международным академическим экспертом программ Европейской Комиссии (ТЕМПУС), Фонда Фольксваген (Германия), Фонда Открытого Общества (Нью-Йорк /Будапешт). Член Правлений международных ассоциаций исследователей Центральной Азии (CESS, ESCAS, IUCIAS).

Сфера научных интересов включает древнетюркскую историю, историю и культуру танского Китая, уйгурскую и китайскую историографии, источниковедение, диаспорологию. Автор шести монографий, включая книгу "Древние уйгуры. VIII-IX вв." (Алматы, 2001), и большого числа научных статей.